ГОРЯЧИЙ
СТАРТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Погони в киберспейсе и виртуальные засады, борьба не на жизнь (компьютерную), а на смерть – возможно, вполне реальную...

Это – хакерская романтика, как она есть!

Как поется в ОЧЕНЬ ИЗВЕСТНОЙ песенке, он сказал – «Поехали» – и кликнул мышом...

Старт взят.

Горячий старт!

И КАКИМ будет финиш ТАКОГО старта?..

- Владимир Васильев
  - Необходимое предисловие
  - 1st Master Boot Record: Сердца и моторы
  - 2nd Master Boot Record: Горячий старт
  - ГЛОССАРИЙ

Владимир Васильев
ГОРЯЧИЙ СТАРТ

Необходимое предисловие

Все совпадения имен, фамилий, адресов, телефонов и прочих реалий намеренны и, таким образом, совпадениями не являются. Впрочем, описанные люди могут быть совершенно непохожими на прототипы. Техническая терминология также не претендует на соответствие исторической правде. Автор выражает признательность: Фирме «Дикий сад» (Николаев, http://mksat.net) – за предоставленный доступ в Интернет в г. Николаеве. Фирме «Excimer» (Москва, http://www.excimer.ru) и лично Евгению Майданникову и Евгении Ушаковой – за помощь с hardware. Вадиму Чикову (Москва) – за безотказный транспорт. Ольге Стерник (Маме Эри) и Анатолию Хлыстову (Отмору) (Москва) – за гостеприимство и долготерпение. Андрею Артамонову (Москва) – за предоставленный доступ в Интернет в Москве. Ольге Орловой (Москва-Шатура) – за документацию. Энди Трушину (Москва, http://www.ahome.ru) – за многое. Андрею Синицыну Москва) – за все.

1st Master Boot Record: Сердца и моторы

***

1st Master Boot Record:
Сердца и моторы
(погружение в киберспейс) ˆ
~# root
~# open console 1
@comment: user [Dmitry Baikalov@ТП]
@comment: status [point]
@net locate: G_Crystal.185/13
~# testing base memory...

Мутные стекла сервис-центра неохотно отражали морщинистое, как модный плащ, небо. Постоянная облачность, оттененная световой рекламой, давно стала верным спутником городу, словно родилась с ним одновременно. Но это было не так: город был старше рекламы, и старше непрерывной пасмурной осени.

Бай щелчком отшвырнул сигарету и направился к хрустально-прозрачной вертящейся двери. Линзы на глазах ответили на прикосновение инфракрасного луча слабой вспышкой. Бай мигнул; взгляд заволокло сероватой дымкой полимерного светофильтра. В тот же момент дверь повернулась, приглашая внутрь.

В холле сразу ударил в легкие пронизанный ненастоящей кондиционерной свежестью воздух и Бай недовольно поморщился. Не любил он агрессивную феромонную атаку, ставшую для многих незаметной. Но Бай замечал ее сразу.

Зато пальма в центре холла оказалась вполне живой и Бай задумчиво потрогал колючие вееpоподобные листья, взглянул на часы посреди панно на входной стене и направился к терминалам.

Серый пластик клавиатуры удобно лег под ладони. Плоское изображение, похожее на рекламную голограмму, тотчас выползло из риски видеотрека над верхним рядом клавиш и заискрилось. Собственно, это и была голограмма, только не рекламная.

[Welcome to net!] – сказала сеть.

Отрегулировав наклон изображения под линию взгляда, Бай пробежался пальцами по податливым клавишам.

[Login Bay_13]

[Enter your password:]

Он ввел.

[Здравствуй, Димочка!] – поздоровалась сеть.

Бай оттопырил губу и подумал, что давно не менял конфиги – приветствие успело достать.

[Call Сокольники_3609739]

[Connect w Chan Creaper Station..... cps 657943] [chat mode] – потребовал Бай. Сеть растерялась.

[Эй, а где твой каменный топор?]

Такой архаикой, как чат, нормальные люди давно уже не пользовались.

– Я те дам топор! – проворчал Бай, утапливая Enter. Сеть послушно выдала на иллюзорный экран окно чат-режима.

[Я на месте] – сказал Бай и огляделся. – [Клиента пока нет] [Пасли?] – осведомился Чен.

[Не заметил МВ и да]

[Запятые ставь] – посоветовал Чен.

[Сам то!] – огрызнулся Бай. – [Директор тля! :-Е~~~] Бластер заурчал, озвучивая картинку-смайлик, пережиток времен сайленс-режимов. Но Бай смайлики почему-то любил и ставил везде, где только мог. Даже в батниках.

В следующий миг Бай увидел клиента – бесцветного парня в черном плаще, ниже которого виднелись жеваные джинсы и белые кроссовки. Стильный плащ вкупе с кроссовками смотрелся особенно убойно.

Бай встал и приветственно поднял руку.

– Добрый день, сударь! Я представитель ТП.

Парень нервно кивнул, быстро обшарил холл взглядом, пододвинул ногой вертящееся кресло и, не вынимая рук из карманов, сел.

– Здравствуйте...

– Меня зовут... – начал было Бай, но парень перебил:

– Не нужно. Имен – не нужно.

– Хорошо, – согласился Бай. – Тогда зовите меня просто Бай.

Парень еще раз подозрительно оглядел холл.

– Черт побери! – выругался он. – Почему вы не назначили встречу в офисе?

– У нас нет офиса, – ответил Бай по возможности спокойно. – Точнее, пока нет. Или, с некоторых пор нет.

Клиент вопросительно уставился Баю в глаза.

– То есть... как нет?

– Уже неделю. Новый снять не успели… Рождество, сами понимаете… А вы говорили – дело срочное.

Парень кивнул.

– Срочное… А старый офис где был?

– На Соколе.

– Аренда кончилась?

– Не совсем, – Бай замялся.

Клиент с неожиданным интересом склонил набок стриженную ежиком голову.

– Нельзя ли поподробнее?

Бай пожал плечами.

– Можно… Только вас это вряд ли удовлетворит.

– И все же?

– Это сродни суеверию. Есть у нас один приятель – общий. Друг фирмы, так сказать. Так вот, давно подмечено: кто имеет с ним дело быстро сталкивается с… э-э-э… неприятностями. Не из-за него, нет, совершенно по другим причинам. Он словно несчастливый талисман, хотя сам по себе человек совершенно безобидный.

Бай замолчал. Парень в плаще едва заметно улыбнулся. Чувствовалось, что он не верит.

– Что же произошло с другими смельчаками?

Бай пожал плечами.

– Двое умерли. От болезней, вообще-то… Но болезни у них и так были. До того. Один ногу сломал, год лечился. Другого бандиты в Сибирь загнали. Несколько фирм развалилось… По причинам, независящим от.

Собеседник скептически хмыкнул. Бай понимал, что он по-прежнему не верит сказанному.

– И вы не побоялись иметь дело с этим чудом природы?

Бай пожал плечами:

– Да мы не суеверные, в общем-то…

– Но из офиса вас вышибли, – констатировал парень. – Так?

– Так, – согласился Бай.

– И это все ваши катастрофы?

– Не все, – честно ответил Бай. – На складе трубу прорвало. Плаваем теперь. Типа, Венеция.

– М-да. А у меня неприятностей не будет? – поинтересовался собеседник, прищурившись.

Бай автоматически отметил, что нервозность и настороженность клиента пропали, он стал вести себя спокойно и даже развязно.

– Не знаю. Это ведь все суеверия. Но, может быть, лучше о деле?

Бай ничем не рисковал откровенничая с клиентом. Потому что знал: больше тому обратиться некуда. За подобные задачи бралась в Москве только фирма ТП.

***

~# return to previous status... restored

Они существовали уже четвертый год. То, чем они занимались, большинство москвичей назвали бы чистым шарлатанством, но каждый из пятерых компаньонов ТП слишком хорошо знал насколько иллюзорны границы реальностей. Физика двадцать первого века утверждала: прорыв этих границ невозможен по чисто энергетическим причинам.

Бай, шаря в международных сетях, пару лет назад натолкнулся на огрызок странного гипертекстного файла, похоже, зараженного каким-то безобидным вирусом. Сначала Бай удивился, но быстро понял, что текстовая база представляет собой несложную exe-шную программу. Вирус каждые двадцать семь минут советовал выпить пива и подключиться к несуществующему адресу в сети. Адрес действительно не существовал – Бай проверил. Однажды Бай, основательно нагрузившись «Тверским темным» (не по совету грызенной программы, а по собственной инициативе), ответил на предложение выпить пива словом [Уже].

[Сорт?] – немедленно поинтересовалась программа. Бай растерялся и ввел:

[Тверское темное]

[Количество?]

Бай, совершенно сбитый с толку, посчитал бутылки.

[3,5 литра]

После этого Баю вновь сказали, что на фантомном адресе его ждут. Раздосадованный Бай набрал чертов адрес и несколько минут тупо глядел голографическую муть над клавиатурой.

[Connect w LTS Jump-server..... cps 54879]

Коннект был удручающе медленный, Бай едва дождался, пока оживет аниматор.

– Привет! – сказал человек из-за экрана. – Не верится? Не бойся, ты не сошел с ума. Только учти, я тебя не вижу.

– А я тебя – вижу, – сообщил Бай.

– Не отходи далеко от терминала, – предупредил собеседник. – Отвалишься.

– Почему? – не понял Бай.

– Аппаратура слабая. Мощности не хватит. И так еле сцепились. Запомни: это все не бред и не ерунда. Я – с другой Земли. Мы давно пытаемся наладить связь с вами. Пиво, странный адрес – это все кусочки мозаики, благодаря которой можно шагнуть за барьер. Насколько мне известно, другого способа просто нет. Я не буду долго говорить: просто как-нибудь попробуй проделать все это снова. Кстати, у вас прекрасное пиво!

– Да? – Бай пребывал в растерянности. – Спасибо.

– До встречи! Привыкай к мысли, что ты – гейт в соседний мир. И, пожалуйста! доберись до нас снова. Например, завтра.

Коннект оборвался, спустя секунду сеть уныло сообщила:

[Incorrect path or address]

Сначала Бай списал все на слишком крепкое пиво. Потом решил, что набрел на какую-то полудохлую психотропную баланду, которой болталось по сетям предостаточно. Потом догадался глянуть шутлист.

Там был зафиксирован коннект с несуществующим адресом. А особенно понравилось Баю окончание рапорта:

[Missing transit point]

Бай разозлился, не стал даже почту читать, и завалился спать.

Наутро все произошедшее потускнело в памяти и казалось фокусами галлюциногенов. Поди разберись, чего лоточники мешают в пиво, пусть даже и бутылочное… Поклявшись больше не пить «Тверского», Бай на две недели забыл о коннекте с пустотой.

Но вскоре случился день рождения Сина, на котором пива было выпито вполне достаточно для того, чтобы впасть в благодушное настроение, в котором многие клянутся в любви даже к старым недоброжелателям… Словом, Бай дома упал перед терминалом и дождался совета выпить пива.

Дальше все пошло по знакомому сценарию.

[Уже – Сорт? – Heineken – Количество? – литров пять] И [call Бодрово_9012427] – Привет! – сказали из пустоты. – Что столько тянул-то?

Бай, глупо хлопая глазами, смотрел на собеседника, подтянутого чисто выбритого парня лет двадцати пяти. Из одежды можно было рассмотреть клетчатую рубашку с воротником, покрой которого показался Баю странным.

– Меня зовут Камилл. Ты готов серьезно поговорить?

Бай пожал плечами:

– Готов… Только я, это… слегка нетрезв.

– Не страшно. Иначе ты бы не дозвонился.

В общем, спустя какое-то время фирма ТП втихую начала

торговать несложными программками из-за барьера. А также перебрасывать Камиллу заказы на подобные программки. Почему народ не обращался к местным программистам – Бай так и не понял, но все, кто хоть раз получали продукт из-за барьера, обращались в ТП снова. Кое-какую прибыль это приносило, на жизнь хватало. Иногда приходилось по просьбе Камилла или его партнеров шарить по сетям и тасовать содержимое FAQ-серверов. ТП справлялось. Основной принцип – не высовываться – вполне соблюдался.

***

~# return to testing:

Клиент закинул ногу за ногу, словно приглашал Бая полюбоваться кроссовками. Бай такого желания не испытывал, и упорно глядел в выцветшие, как июльское небо, глаза. Скорее всего, это не нюхач, а действительно обычный клиент. Но почему он так нервничал в начале встречи? Бай решил, что ему просто захотелось посмотреть на живого ТП-шника.

– Мне нужен файл из вашего закрытого каталога. База по краснодарским винам. С ценами, с путями поставок... Словом – полный, а не те обрезки, что вы обычно кидаете в качестве рекламы.

«Мутит, – решил Бай. Не вязалось настороженное поведение клиента с такой мелочью, как упомянутая база. – Настоящий разговор еще впереди...»

– Нет проблем, – сказал Бай вслух и равнодушно пожал плечами. У него получалось равнодушно пожимать плечами. – Давайте диск.

Парень незамедлительно вытащил из необъятного кармана плаща блестящий лазер-кругляш. Тихо жужжа сервомотором драйв выдвинул жадный язычок приемника и радостно проглотил диск. Слить требуемую базу было делом нескольких секунд.

– Еще что-нибудь? – спросил Бай с надеждой. Но клиент отрицательно покачал головой.

– Нет, спасибо. Я найду вас, если что.

Он протянул кредитную карту Баю и проследил, чтоб со счета было снято не больше денег, чем договорено. Возвращая белый пластиковый прямоугольничек, Бай готовился забыть клиента навсегда, потому что хотел верить: в будущем им встретиться уже не придется.

Но Бай понимал, что тешит себя пустыми надеждами.

Перед встречей с клиентами он всегда следил, нет ли хвоста. То, чем они занимались, было не то чтобы противозаконным... Просто, завладей их бизнесом люди с крышей – они бы качали из этого хорошие деньги. У ТП крыши не было, работали на свой страх и риск, предпочитая оный сводить к минимуму. Пока все шло гладко. Но осторожность никому еще не вредила и это помнили все ТП-шники.

Спрятав лазер в похожий на спичечный коробок ковер, парень встал, одернул плащ, кивнул Баю и безучастно побрел к выходу. Он больше не озирался, словно перестал бояться. Или прекратил изображать из себя значительного клиента.

На выходе его перехватил Син, терпеливо пережидавший встречу на рождественской прохладе. Парень свернул налево, к Проспекту Газизова. Наверное, к метро.

Бай увидел, как напарник неторопливо двинулся за клиентом и тотчас отвернулся к терминалу.

[Вторая фаза] – сказал он Чену.

[Ok] – отозвался тот.

Это значило, что Чен будет передавать клиента из рук в руки – Син, повисев на хвосте, уступит его Тигру, а Тигр чуть позже – Семе. Два часа, не меньше.

Отвалившись, Бай последовательно затер все пути и транзитные логи, причем не стандартным del'ом, а собственной безотказной лапшерезкой, после которой в пользованных кластерах остаются сплошные нули. Теперь проследить с кем коннектился Бай с этого терминала не смог бы даже господь бог.

***

~# sleeping mode
~# user status: located
~# checkin' hardware

Клиент объявился снова спустя месяц. Стоял ветреный февраль, гоняя по улицам шуршащий пластик газет и пивные жестянки. Народ скрипел кожаными куртками и плащами, многие вспомнили, что если надеть кепку, не так мерзнут уши.

ТП нашло новый офис, там же, на Соколе, только не на Песчанке, а за Питерским шоссе, на Варяжской. В конце января гладко провернули несколько сделок; трубу на складе, наконец, починили и благодушное настроение овладело всеми, включая нытика-Сему.

Бай дулся с Ченом в «Близзард» по сетке, Син читал «Спорт-

Экспресс», Сема с утра укатил в АСТ, а Тигр, как обычно, ошивался на «Чашке», приторговывал новинками забарьерного софта. Парень во все том же черном плаще и дурацких белых кроссовках возник в дверном проеме совершенно бесшумно, как привидение. Бай автоматически запустил скриншут, даже не задумавшись, что на экране безобидная игрушка, а не приватная информация. Чен, сидящий в двадцатке и, естественно, ничего не видящий, тут же покилял всех лучников Бая и двинул в атаку суровый клин из шести катапульт и стаи демонов.

– Добрый день! – деревянно поздоровался посетитель и тут же оживился, узнав Бая.

– Проходите, садитесь! – Син отложил газету и указал гостю на кресло, окутанное мерцающим облаком тонограммы.

– Спасибо! – отозвался парень. – Я уже имел дело с вашей фирмой однажды...

Бай отстучал Чену [wait], засейвился и встал из-за терминала.

– ...и теперь готов снова предложить вам работенку.

Он выглядел очень уверенным в себе, и это весьма не понравилось Баю. Так нагловато держатся мелкие бандиты, когда приходят в случайное место сорвать немного денег. Син тоже насторожился, внутренне приготовившись к неприятной разборке.

– Я – из-за барьера, – сказал парень. Вся настороженность Бая куда-то исчезла, осталось пустое и гулкое недоверие. Откуда этот странный человек мог знать о мире за незримой гранью реальности? Хотя, Бай же узнал. Тоже, небось, пива выпил да позвонил по указанному адресу... Что произошло однажды легко может повториться.

– Откуда? – вежливо осведомился Син, как всегда разыгрывая неосведомленность.

– Из-за барьера. С другой Земли. Вы ведь знаете. Только... я не из мира Камилла. Моя Земля по отношению к нему тоже другая. Но мы сотрудничаем.

– Да? – нейтрально спросил Бай выигрывая время. – И что?

Парень вдруг умолк, в упор взглянул на Бая и тихо произнес нынешний пароль Камилловского сервера на вход по адресу в Бодрово. Бай тупо хлопал ресницами, смахивая с линз кажущуюся пелену.

Пароль, в принципе, можно было и сломать. Но он менялся раз в неделю, а на лом путем перебора вариантов ушло бы не меньше месяца. Да и число символов все время менялось...

– Чтобы у вас сложилась полная картина, я выскажусь. А потом будете задавать вопросы. Идет?

Син развел руками. Собственно, больше ничего и не

оставалось.

– Итак. Прежде всего: как я преодолел барьер, если он непреодолим в принципе? Очень просто. Я его не преодолевал. Точнее, мое тело не преодолевало. Все это, – парень подергал за лацкан матово поблескивающего плаща, – земное. И одежда, и тело. Сюда переместили только мою психоматрицу. Это не так сложно как кажется на первый взгляд, но в механике я не разбирался, это не моя область. Моя область – деятельность в мирах за барьером. В одном из них мы попали… как бы выразиться помягче… в щекотливую ситуацию. Ее нужно… Э-э-э… уладить. Но… Вот в этом «но» все и дело.

Каждый из миров живет по своим физическим законам. Они кое в чем совпадают, кое в чем различаются. Например, в абсолютном значении некоторых констант. Это все непринципиально – если миры расположены по соседству; чем дальше они находятся друг от друга, тем больше различий. На психику людей это все влияет достаточно тривиальным образом: в мире, где нарушен какой-нибудь из привычных законов, просто нельзя жить. Не будешь адекватно воспринимать окружающее и не сумеешь адекватно реагировать на изменения. Психика вообще воспринимает окружающее совсем не так, как обстоит на самом деле. Масса аллюзий, аналогий, видений даже… Короче, это тема для многолетних споров и развивать ее я долго не буду. Проблема состоит в том, что жители моего родного мира не приспособлены для восприятия реальности, где у нас возникла проблема. Камилл, с которым я работаю довольно долгое время, вывел меня на вас, потому что выходцы из мира, где мы сейчас находимся, наиболее подходят для выполнения нашего задания. Камилл рекомендовал вас, а словам Камилла я имею все основания доверять. И я намерен вас нанять для выполнения своего задания.

Парень потер переносицу и неопределенно повел ладонью.

– Похоже, все.

Син, улыбаясь, глядел незнакомцу в лицо. Тот тоже чуть заметно шевельнул губами, отвечая Сину, но на самом деле было очень заметно, что улыбаются только его губы. Сину казалось, что он глядит в заиндевевшее зеркало, такая от гостя исходила стужа. Было в пришельце действительно что-то чужое.

– Я не спрашиваю, почему мы должны вам верить, – негромко и рассудительно сказал Син, вырвавшись из ледяного оцепенения выцветших глаз. – Но почему мы должны соглашаться?

– Потому что у вас нет выбора, – вежливо растянул губы гость. – Вы ничем не рискуете в случае согласия… В случае же отказа теряете очень многое.

– То есть, – не понял Син. – Что значит – ничем не рискуем?

– Строго говоря, никуда вам не придется отправляться. Я же говорил, что протолкнуть в иной мир можно только голую психоматрицу. Задание выполнят ваши копии. В момент снятия психоматрицы сознание каждого из вас раздвоится. Оригинал останется здесь и будет жить, как и прежде, копия – провалится в сеть и наложится на респондента в конечном пункте. Когда задание будет выполнено, мы сольем копию с оригиналом.

– А воспоминания?

– Двойная память после слияния. Это не так тяжко, как расписывают психотропщики. Я ведь жив, а у меня в черепе петель больше десятка. Уверяю вас, ничего страшного.

– А если кто нибудь из нас там погибнет?

Парень пожал плечами.

– Что ж... Смерть будет настоящей. Но на оригинале это никак не отразится. Разве что, уцелевшим придется рассказывать ему много баек.

– Ладно, – протянул Син. – Оплата?

Когда гость назвал сумму, брови ТП-шников дружно поползли вверх.

– Ого! – сказал Бай. – Кажется, я уже согласен, – и добавил, обращаясь к Сину: – Но Камилл-то каков фраер! Сдал нас с потрохами, даже не верится...

Но Сина так просто было не убедить.

– А где гарантия, что нас не надуют?

Гость был сама предупредительность. В руке его незаметно, по-шулерски, возникла кредитная карта. Та самая, с которой он расплачивался с Баем под рождество.

– Половина – вперед. Да, я забыл сказать, – небрежно добавил гость. – Вас ведь пятеро. Ранее я назвал гонорар одного. Каждый из вас получит упомянутую мной сумму.

У Бая отвисла челюсть. Карточку он принял дрогнувшей рукой. Вывалился из игры и вставил прохладный тонкий пластик в щель считывателя. Денег было ровно на пятерых – по весьма кругленькой сумме, и если верить этому странному типу, она удвоится по возвращении.

– А если кто-нибудь не вернется, оригиналы получат деньги? – спросил Чен, безмолвно, как призрак, простоявший у двери добрых десять минут.

– Да, – последовал короткий ответ. Незнакомец даже не обернулся на голос, должно быть давно заметил появление Чена.

– Представляю, что скажет Тигрис... – пробормотал Бай, шурша клавиатурой.

– Лучше представь что скажет Сема... – проворчал Син. – Я,

например, не решаюсь...

Хотя, если честно, Син больше боялся – что скажет его жена? Потом, наконец, сообразил, что жену ставить в известность вовсе не обязательно, ведь настоящий Син останется дома и будет по-прежнему ходить на работу каждое утро... Закатит скандал Камиллу, наверняка. И еще – станет бессильно пить пиво по вечерам, потому что где-то за непроницаемым барьером будет бороться с чужими, как мысли насекомых, опасностями его двойник. Точнее, он сам, часть его сущности отделенная могуществом кристалл-процессоров...

Син вспомнил, как лет тридцать назад, в детстве, когда зимы еще были вьюжными и морозными, ему насыпали за шиворот горсть колючего и сухого снега. И как он орал, потому что было одновременно и холодно, и весело.

Только сейчас веселиться не приходилось.

Бай рассеянным жестом протянул гостю кредитку, на которой не осталось ни гроша. ТП-шники стали богачами. И – одновременно – рабами кутающегося в черный плащ чужака с бесцветными глазами и холодом в душе.

– Когда старт? – спросил практичный Чен. – Надо хоть кутнуть напоследок.

– Послезавтра. Готовьтесь. Я заеду за вами – сюда, на фирму, в час дня.

Посетитель стремительно встал и вытек за дверь, напоминая гигантского нетопыря. Наверное, из-за того, что он перестал придерживать полы плаща и они растопырились на манер крыльев, черных, как бездна экрана в скриншуте.

Син мрачно достал из ящика стола колоду карт с полуодетыми девицами.

– Семерочку. Кто влетит – объясняется с Семой, – объявил он. И протянул колоду Баю. Тот так же мрачно сдвинул. Карты с сухим электрическим треском заскользили по гладкой поверхности стола.

***

~# root
~# open console 2
~# stream 2/console 2
@comment: user [Mikel Zhmurov]
@comment: status [node]
@net locate: M_H_Engeneering.168
~# stream 3/console 2

@comment: user [Andrey Timashev]
@comment: status [point]
@net locate: Old_Tent.168/4

Плоская равнина уходила вдаль, ровная, как тысяча столов. Как миллион столов. Горизонта не было – даль просто терялась в неясной дымке, а небо так и не встречалось с землей.

Жмур поглядел на встающее солнце и пихнул свернувшегося калачиком Рюкзака. Тот завозился в шелестящем пакете спальника, отыскивая выход, но за ночь серебристая материя перекрутилась несколько раз и Рюкзак здорово намучался пока выбрался на свободу. Жмур слушал замысловатые проклятия с некоторым интересом, но от комментариев воздерживался. Когда взлохмаченная голова Рюкзака наконец показалась из плена, Жмур только вздохнул:

– Да-а, дядька... Даешь...

Они вскрыли несколько банок с саморазогревающимися сосисками и уничтожили содержимое вместе с последними двумя пакетиками крекеров. Потом Рюкзак скатал спальник и сунул в пластиковый чехол. Жмур уложил свой еще на рассвете.

– Ну, что, двинули? – уныло спросил Рюкзак. Ему явно не хотелось снова целый день тащиться по бесконечной равнине, где не на чем задержаться взгляду.

Жмур встал и забросил на плечи нехитрую поклажу. Спальник, несколько банок с консервами, топорик, радиодиал, походную борду-терминал, пакет с картами. Кое-что из одежды. Все это уложено в тезку напарника, синтетический дорожный рюкзак-универсал, спутник любого бродяги.

– Сегодня, если повезет, добредем до берлоги Злыдня. Там и отдохнем с недельку... А повезет – работенку отхватим.

Рюкзак заметно повеселел. Злыдень слыл на весь запад крутым любителем пива, и молва гласила, что оно у Злыдня не переводится. Рюкзак же и сам был не дурак в отношении хлебнуть живительной влаги. Впрочем, Жмур тоже. Сколько раз его верный заплечный друг наполнялся темно-зелеными бутылками, сколько раз звучало в нем обнадеживающее побулькивание... Особенно когда Энди еще на пятнашке обитал, совсем рядом с берлогой Жмура. А в гости к Энде только ленивый не ходит, это общеизвестно.

– Двинули, – выдохнул Жмур и высокий ботинок впечатал в тело равнины первый рубчатый след. Первый за сегодня. Рюкзак пристроился вослед, опустив глаза. По сторонам он давно не глядел, потому что картина была утомительно-однообразной. Однообразно-утомительной... Где-то Рюкзак вычитал это

определение и оно запало в память, а когда они со Жмуром вышли из Города и гигантская равнина поглотила две крохотные подвижные точки – тотчас всплыло из глубин полузабытого. Впрочем, оттуда подчас такие странные вещи всплывают...

Они шли до самого полудня, когда солнце застывает в зените и гладь равнины кажется особенно беспредельной. Небо было чистым – предательски чистым. Ничто не нарушало девственной голубизны, и не могло нарушить.

Привал устроили у ручья. Пока Рюкзак хлюпал ботинками по раскисшей грязи, Жмур вынул борду и диал, раскрыл маленькую, похожую на цветок, чашу антенны и направил пестик в сторону ретранслятора в Еланце. Ближайшего. Насвистывая, подключил черную змею витого шнура к диалу. Штекер-джек, вламываясь в гнездо, сухо щелкнул и тотчас ожили диал с бордой. Борда раскрылась, как книга, явив квадратики клавиш; мигнул и погас глазок нумлока. Диал зашевелил антенной, направляя пестик анектора поточнее. Видеотрек вспыхнул и плоский голоэкран сгустился прямо за рядом F-клавиш.

Жмур нырнул в сеть и постучался к Злыдню. Как ни странно, тот был дома и, несмотря на столь ранний час (полдень) не выглядел сонным.

– Привет, старая железяка, – сказал Жмур, жмурясь. – Мы к тебе идем.

– Ко мне? – удивился Злыдень. – Идете? С кем?

– С Рюкзаком.

– А! Где это чудо?

– Пьет.

– Постой... Вы что – в сити?

Жмур покачал головой.

– Нет, на перегоне. Недалеко от Еланца.

– Что же он пьет? – изумился Злыдень. – Или вы только вышли?

– Да из ручья он пьет, – усмехнулся Жмур. – А до Еланца мы еще не дотопали. Семнадцатый день на перегоне. Но нас подвезли. К вечеру, думаю, у тебя будем.

– Хм... Надо пива купить... Вы ж, гады, с собой не возьмете...

– Не возьмем, – подтвердил Жмур. – Семнадцатый день в степи. Сам подумай.

– Ладно, – Злыдень отмахнулся. – Я сейчас при монете. Но учти: с завтрашнего дня ходить за пивом буду не я.

– Годится. И кстати: работки не найдется? Совсем на мели...

Злыдень почесал небритый подбородок.

– Вообще-то я отдохнуть хотел с месячишко.

Жмур подобрался, вспомнив, что Злыдень «при монете».

– Что? Крупный заказ был?

Злыдень, конечно, осклабился, как пес на баранину.

– Дык! – он воровато оглянулся. – Расскажу. Но только директом.

Директом околокомпьютерный люд называл разговор с глазу на глаз. Или коннект не по сетевому роутингу, а по непосредственному коду системы. Пользовались этим редко – за ненадобностью.

Жмур понимающе кивнул.

– Ладно. Кто-нибудь еще ошивается в ваших краях?

– Хоттабыч появлялся. Все свою тугую полуось ставит, а она у него падает, как хрен после траха, – Злыдень довольно заржал. Жмур с натугой вспомнил, что Хоттабыч был любителем нестандартных систем и имел обыкновение их отлаживать. Беспрерывно. Вместо того, чтобы заняться обычным ломом, как тот же Злыдень. Или как сам Жмур. Но хакеры его все равно уважали, потому что хакеры уважают спецов.

– А... – протянул Жмур. – Я слышал, Гонза из сити сбежал.

– Было такое, – подтвердил Злыдень, кивая. Искорки света вспыхивали на седых щетинках, покрывающих дряблые щеки. – Они с какими-то малолетками в Питерский Бриз вломиться пытались. Но там на цепи кто-то из наших оказался, причем кто-то из старых. Короче... Гонзу он отпустил, а остальным затык устроил. По полной программе. Гонзе же намекнул: исчезни. Тот и рванул, не будь дурак. – Злыдень вздохнул с неприкрытой печалью. – Я бы тоже рванул, только пятки бы сверкнули.

Жмур слышал нечто подобное. Похоже, толстосумы из корпораций сити наконец-то смекнули, что для защиты своих систем нужно брать хакеров же, а не кого-то иного. Клин, так сказать клином. Это было печально: бесславное завершение эры компьютерного пиратства сулило Жмуру безденежные и унылые дни. Потому что хакер без лома не проживет. В этом суть его деятельности, и пока лом приносит деньги хакеры не переведутся. И еще: чувствовалось, что грядет тихая сетевая война, бескровная, но не менее беспощадная, чем война в настоящем мире. Собственно, поэтому Жмур двинулся в путь. Время одиночек прошло, понял он. Настало время сбиваться в стаи.

Злыдень говорил еще что-то, дескать, много молодежи появилось в сети, большей частью – ламеры, но есть и подающие надежды. Лезут куда попало, закон не чтят... Жмур отвлекся и слушал вполуха. Потом перебил:

– Ладно, старина. Потопаем мы дальше, а то в темноте придется тащиться. Пива купить не забудь.

Злыдень пробурчал нечто приличествующее, подмигнул и отключился. Главное – он согласился принять Жмура, и, похоже, у него можно подработать.

Свернув борду и диал, Жмур забросил ношу за спину. Лямки привычно слились с плечами.

– Рюкзак! – крикнул он. – Хорош загорать, пошли!

Приятель поднялся с травы, где отдыхал, блаженствуя, как умел только он, и заметил:

– Про пиво ты ему правильно напомнил...

И снова потянулась навстречу бесконечная степь. Солнце медленно валилось вниз, но не к земле, а куда-то за край неба. В стекающих на мир сумерках стал виден игольчатый шпиль еланецкого ретранслятора, хотя сам город еще не показался. Далеко. Если бы успело стемнеть, Жмур и Рюкзак могли бы ясно увидеть огни, холодное неоновое сияние, но они успели в Еланец когда свет еще не покинул грешную землю.

Окраинные домишки роняли в сумрак рассеянные сполохи из гласовых окон и зыбкие нечеткие конуса из-под фонарных столбов, не меняющихся бог весть с каких времен. Рифленые ботинки ступили на твердый после степного чернозема дасфальт. Рюкзак вертел головой: в Еланце он был впервые. Собственно, Злыдня он вживе никогда и не видел, в отличие от Жмура; хотя по сетям общался с ним немало.

Город был небольшой, не то что сити. Даже не удосужились построить ни одного высотного здания. Да и не могли его здесь построить: кто бы стал монтировать в этой глуши антигравы? Вот в сити – другое дело... У тамошних даже страха высоты нет. Хотя, тут он мало у кого есть. Только у южан, где горы, да у обитателей островов с Морской Стороны.

Улицы были почти пустынны. Жители Еланца разбрелись либо по домам, либо по барам. Бурлила только сеть, но кто бы смог это заметить? Да и большинство людей общалось с сетью бездумно, не понимая в ней ничего. Сеть заменила телефон, телевидение, видеосвязь, эхомейл и нетмейл, библиотеки, записные книжки – сеть стала всем сразу. Неотъемлемым спутником человека, незримым, как микроорганизм, и столь же загадочным, но тем не менее исправно заменяя глаза, уши и память. Только фанатики понимали сеть и могли что-нибудь в ней изменить, но это было дано далеко не каждому. Хакерами вообще становились единицы, ибо это скорее стиль жизни, чем сумма знаний. Но без знаний и чувства единения с сетью хакером никто бы не сумел стать.

Двое брели по широкой дасфальтовой дороге, под ногами сочились мягким свечением штрихи фосфоресцирующей

разметки. Поскрипывала полимерная подошва, сокращаясь под весом людей и их поклажи, и только слабый отзвук сверлящего рэп'н'ролла доносился откуда-то из центра, где увеселительных заведений было больше. Высокие, метров двух с половиной, деревья тянулись с обеих сторон, отгораживая тротуары от шоссейки. Центр близился. Жмур кожей чувствовал биение сети вокруг. Очень хотелось прямо здесь развернуть борду и вклиниться в этот бередящий душу информационный поток.

Дом Злыдня стоял совсем рядом с центральной улицей. Приземистое одноэтажное (а какое же еще в Еланце-то?) здание, похожее на развалившегося у реки бегемота, такое же округлое и маслянисто поблескивающее. Тут же, конечно, бассейн: в двух шагах. Чтоб за порог – и в пахнущую морским гелем воду. Вполне в стиле Злыдня. Небось, и кресло-шезлонг у бортика, и холодильник, а в холодильнике – пиво...

Но проверять не стали. Прошли по хрустящей гравием дорожке вдоль заметно выпуклой стены и оказались у затянутой в пластикожу двери. На кнопке звонка светилась чеканная надпись: «Enter_». Жмур, нажимая на нее, увидел, как Рюкзак едва заметно усмехнулся.

Злыдень, как призрак, возник на пороге, бесшумно отворив дверь. Полутьма внутри его жилища по виду была неотличима от пластикожаного покрытия, Жмуру в который раз показалось, что очертания Злыдня всего лишь проступили из глубины дома сквозь дверь.

– Дотопали? – кинул вместо приветствия Злыдень. – Заползайте.

***

~# root
~# stream 1/console 2
@comment: user [Stas Shimansky]
@comment: status [super-hub node]
@net locate: Zlyden.41

Жмур с Рюкзаками вошли в полутемную прихожую. Освободившись от груза Жмур потянулся, разминая устало ноющие плечи, и звонко шлепнул по ладони хозяина.

– Привет Жмурилло... Все лысеешь?

Жмур поправил очки.

– Звыняй, дядьку...

Оба довольно заржали и, обнявшись, захлопали друг друга по

спинам. Потом Злыдень повернулся к Рюкзаку.

– Хм… На графчике у тебя, вроде, борода погуще…

Рюкзак, пожимая руку, пояснил:

– Я на севере сканился, в приполярье. Пришлось…

Граф-файлами с собственными физиономиями сетевой люд обменивался с незапамятных времен. Некоторые гоняли даже мегабайты видеооцифровок, но большинство заниматься этим ленилось, ограничиваясь статичными графами, стараясь выбрать формат позаковыристее.

– Проходите. Я там какой-то пиццы заказал… Только принесли.

Оставив вещи в прихожей, Жмур с Рюкзаком вторглись в берлогу Злыдня, старого хакера-одиночки. Комната, погруженная в полумрак, казалась пещерой колдуна. Разбросанные повсюду вещи, грязные чашки с налетом кофейной гущи на донышках, пивные жестянки самых разных цветов и размеров, валяющиеся поверх всего этого диски в коверах и без, несколько беспорядочно расположенных дек-стационаров и – сердце всего этого мира – рабочий стол Злыдня. Необъятный, как военный аэродром. На столе раскорячился старинный вакуумный монитор «Пойя» с микроточечным рассекателем перед экраном, рядом притих пузатый хаб, к которому сбегались тоненькие жилки проводов, а перед самым креслом – стильная ломаная клавиатура, которую можно было половинить и крепить к подлокотникам кресла. Диал, конечно, Злыдень вынес на крышу. Да и что, спрашивается, делать в комнате, полутораметровой громадине? Это не обычный конус «Аварк» размером с ведро, а последний писк диал-моды: монстр под названием «Темное зрение» с модульной аффракцией и последовательным побайтным перепилом. Мечта идиота. Чихать Злыдень хотел на ближайшие ретрансляторы: мощи этого монстра хватало, чтоб лазить по самым дремучим серверам сити. И никаких следов на транзитных узлах. Мечта идиота, словом.

Или хакера, ломщика-профессионала.

Жмур сразу же плюхнулся в гостевое кресло и запустил лапу в цилиндрический холодильник. Расчлененная пицца дымилась на стопке распечаток, покрытых вязью машинных кодов. Рюкзаку Злыдень указал на просторный пуфик, сейчас, впрочем, заваленный теми же распечатками. Спихнув кипу пластиковых листов на пол, Рюкзак сел и ловко вынул из воздуха банку пива, посланную едва заметным движением жмуровской кисти. Злыдень утоп в рабочем кресле, предварительно крутнув его, чтоб сидеть лицом к гостям, а не к столу, где таращился в мир слепым экраном пришелец «Пойя» из прошлого века.

Под сладковатый «Еланецкий хмель» Злыдень не торопясь, со

вкусом рассказал, как он долго ломал активные зоны небольшой компании в сити, производящей какую-то фармакологию. Как полз к ядру, притворяясь виш-компонентом (тут Жмур выпучил глаза, поскреб лысеющую макушку и пробормотал с уважением: «Блин! Проще, чем два байта переслать… Но додуматься…»). Злыдень довольно осклабился и сказал: «С похмела приснилось. Представляешь?» Как потом методично разваливал ядро, путая прогнозы ветвлений, как развалил и отослал пару демонов атаковать закрытые файлы, и пока их охрана, озверев от натуги, давила бестолково мечущихся демонов, спокойно вскрыл технологический поток, только что узлом его не завязав. Компания встала на месяц, не меньше. А выбрался как? Да и не выбирался. Ледоруб растаял в нужное время, и все, потому что стянуть из их зон ничего и не нужно было, только остановить им производство. Следы, ясное дело, подправил, пусть теперь ищут несуществующий сервер в Долохово за полмиллиона километров от Еланца…

Жмур вздыхал и завистливо качал головой, Рюкзак мрачно расправлялся с остатками пиццы, а сам Злыдень, победно ухмыляясь, лучился в кресле и шевелил носком облаченной в аспидно-черный тапок ноги. Он имел право гордиться проделанной работой. И собой тоже.

– Значит, ты сейчас на мели, Жмурилло? – отхлебнув пива спросил Злыдень.

Жмур уныло развел руками. Дескать, времена трудные, жизнь тяжела и прочее… Злыдень рассеянно кивал, явно формулируя какую-то мысль, вероятно, его, Жмура, касающуюся. И Рюкзака, наверное, тоже. Наконец, мысль выкристаллизовалась.

– В общем, есть один заказец… – протянул Злыдень, царапая ногтем по банке. – Если хочешь, помоги, потому что дело странное.

– В смысле – странное? – попытался уточнить Жмур.

– В прямом смысле, – Злыдень устроился в кресле поудобнее. – Кто-то забрался в корневой массив к Лощинину.

– Но у него же нет входящих! – изумился Жмур. – Или есть теперь?

– В том-то и дело, что по-прежнему нет. Как жил только на своей дозвонке, так никого и не пустил. У него даже база фар-доступа снесена. Не запрет, просто стерта мода управления с удаленной борды. Искрошена.

– Значит, кто-то из своих, – без тени сомнения заявил Жмур.

Злыдень помялся.

– Понимаешь, Жмурилло, я ведь тоже не тормоз. И в работу отключенных систем не верю. Взгляни.

Он крутнулся в кресле и прикоснулся к своей навороченной, как стая пеликанов, клавиатуре. Монитор ожил, ровно засветился, давая странно плоское, непривычное после голографии, изображение.

– Гляди.

На экран выползло содержимое файла trek_.hhh.

Жмур привстал.

[2All : Привет от Фриппи. Слито 186,352 gb.

Большое спасибо. C_U_L8r!

With *.* иЗвиНиТЕ зА НеРоВНый ПочЕРк!]

– Что за бред? – подал голос Рюкзак.

– У Лощинина действительно пропало какое-то файло, и размер, вроде совпадает, – вздохнул Злыдень.

– Но это же бред, старик! Этого не может быть, потому что этого быть не может. Мы не первый день за бордой! Это все равно, что стремиться ввысь. Ты поверишь, что кто-нить оторвался от земли метров на десять, если это не сити? Явно кто-то из своих дурика подпустил.

Злыдень уныло продолжил:

– Погоди, ты самого интересного не знаешь. Это произошло ночью с субботы на воскресенье, контора Лощинина в это время не работает. Сам Лощинин, тем не менее, сидел у себя за бордой. Часов в одиннадцать отрубилось питание. Во всем районе. На хрен.

– Чего? – у Жмура вторично отвисла челюсть. – Как?

– Какие-то кретины въехали каром на повервод. Кар взорвался.

Рюкзак даже пиво пить перестал, неотрывно глядя на Злыдня. Жмур поблескивал в полумраке очками, отражая мониторное мельтешение скринсейвера.

– Повервод починили минут через десять. Лощининские массивы потрошились как раз во время шутдауна. В это же время появился этот ламерский трек-файл. Резервного питала у Лощинина в конторе нет – я и не помню, когда последний раз были перебои с энергией. Кажется, лет пятьдесят назад, если мне правильно рассказывали.

– Злыдень, это сказки, – не сдавался Жмур. – Тебя водят.

– Да что ты заладил – сказки, сказки! – разозлился Злыдень и вскочил. Нашарил ногой слетевший тапок, взмахнул рукой и снова сел.

– Дай пива, – буркнул он, остывая. Жмур незамедлительно переправил ему банку «Хмеля».

– Я сам долго не врубался. Короче, до шутдауна Лощинин как раз работал с этими массивами. Потом все сдохло. Он даже не

вставал из-за терминала, потому что темно было, глаз коли. Так и просидел все время, тихо матерясь. А когда питало дали, массивов уже не было, а на их месте обнаружился этот порнушный трек. Уж Лощинину-то я верю. Он меня и нанять хочет.

Жмур осторожно, чтоб вновь не вызвать гнев Злыдня, осведомился, даже скорее не спрашивая, а утверждая:

– Массивы, конечно же, сдохли безвозвратно...

– Лапшерезка, – уныло подтвердил Злыдень, легко подпадающий под гипнотизм обсуждаемых тем. – Да еще низкоуровневая. По существу, место, где хранились массивы, заново размечено.

Жмур покачал головой.

– Да-а, дядька... Мистикой попахивает. И что ты намерен делать?

Злыдень оторвался от банки.

– Этот Фриппи не первый раз оставляет треки. И везде извиняется за неровный почерк, зараза. Правда, до сих пор все обходилось без мистики.

Вообще-то, треки после удачного лома оставляла только молодежь, у которой багов в голове больше, чем мозгов. Потому что хакер, оставляющий трек – отслеженный хакер. Не в этот раз, так в следующий. Да что там, ловились такие зубры, которых отследить не удавалось годами. И те иногда оступались и падали в вязкие сети охранных систем. С таким обширным и наглым треком этот Фриппи должен был вляпаться если не в первый же лом, то во второй уж точно. Не лезло рассказанное ни в какие ворота, и Жмур это по-прежнему чувствовал.

Рюкзак на пуфике делал недвусмысленные знаки, потому что пиво у него иссякло. Прохладный цилиндр взвился на миг в воздух и надежно утвердился в руке Рюкзака. Тихо пискнуло кольцо и явилась соблазнительная пена.

– И сколько треков рассеяно? – спросил Жмур Злыдня, выуживая очередную банку из холодильника.

– Больше семидесяти.

Злыдень сказал это спокойно, словно пожаловался на надоевший дождь.

– Федералка устраивала на него тотальную охоту, эдакое лихое сафари с перекрестным серверным эхом – без толку. Народ посерьезнее, в том числе и Лощинин, до сих пор не страдал; вляпавшись же сразу вызвонили меня.

– И ты за это взялся?

– Возьмусь. Вот отдохну недельку, и возьмусь, – подмигнул Злыдень, на глазах веселея.

Жмур сразу понял: старая железяка просто выжидает, чтоб Фриппи успокоился и снова начал шастать по сетям, потому что сейчас он, безусловно, затаился и валяется на самом дне, отгородившись непроницаемым сигналом занятости.

Жмур понял и улыбнулся.

– Мы сможем помочь?

– Думаю, сможете, – заверил Злыдень. – Есть у меня идея... А пока – оттягивайтесь, семнадцать дней на перегоне – это не два байта переслать! Завтра свяжемся с Лощининым. Он обещал подкинуть какую-то заезжую команду в дубль.

– Ладушки, – Жмур не скрывал радости, потому что Лощинин всегда платил щедро. – Но молодежь оборзела. Пора показать ей, что такое настоящий затык.

– Может, еще и Энди подключить?

Злыдень с готовностью кивнул:

– Лощинин его крутит. Но ты же знаешь Энди...

Жмур знал Энди: курчавого бородача в неизменном полосатом халате, любителя чая и четырехмерного тетриса. Его "Я" всегда было в блаженном равновесии, потому что на одной чаше весов покоились безграничные знания хакера старой школы, а на второй – безграничная и необоримая лень.

Жмур мечтательно зажмурился. Если Энди согласится, это будет добрая стая. А где добрая стая – там и добрая охота. А где добрая охота (сама по себе вещь заманчивая и щекочущая нервы) – там и пир вскорости.

Больше хакеру желать было нечего.

***

~# root
~# open console 3
@comment: user [Аурел Чогоряну]
@comment: status [swimming node]
@net locate: Slider.88.slider

Восьмиэтажные шпили «Зонул Сенсера» вонзались в темное вечернее небо, утопая в холодном свете прожекторов. Выглядели эти башни совершенно чужеродными, и то, что высота их не расплющила, представлялось странным. Люди, которые осмеливались подняться выше первого этажа всегда казались ему идиотами. Впрочем, теперь это чувство притупилось. Иногда он и сам переходил улицы по подвесным эстакадам, в двух шагах от проносящихся каров, а дасфальт оставался далеко-далеко внизу,

метрах в четырех-пяти. Но представить себе безумцев, ежедневно возносящихся в лифте на восьмой этаж, было трудно. Даром, что лифты с компенсаторами.

Аурел помнил горы Южного Пояса. Разве их забудешь? Как забыть темные провалы ущелий, где брошенный вниз камень исчезает прежде, чем успеваешь это сообразить и взрывается на дне, словно маленькая водородная бомба? Восьмиэтажки – те же горы, только рукотворные. Впрочем, строителям сити нужно отдать должное: возвести эдакие громадины, конечно, было непросто. Да и поддерживать их в вечном антиполе – разве сахар?

Выплюнув на равнодушный дасфальт пустую капсулу нейростимулятора, Аурел зашагал прочь от центра. Рассеянный свет лился сверху, рождаясь прямо над улицами. Бесшумно проносились кары, исчезая в ночи.

Комнату он снял совсем недавно. Дня три. Даже привыкнуть еще не успел – Аурел долго сживался со звуками и запахами нового жилища, всегда, сколько себя помнил. Переезды с места на место случались регулярно, как рассветы, сидеть на одном не получалось. А вещей у него было всего-то: мотоцикл, портативная борда, портативный диал да старая кожаная сумка, где болтались, словно горошины в матрешке, несколько коробок с дисками и зубная щетка. Заношенную одежду он просто выбрасывал, купив предварительно новую, как правило – что-нибудь джинсовое от Говарда Шепарда. С обувью поступал так же, только здесь у него определенной привязанности к производителю не было. Покинув горы Аурел старался больше не влезать в зимние широты, держась вблизи экватора, благо места от побережья до побережья хватало. Наверное, он пустился бы в пробег по островной цепи, если бы его мотоцикл умел скользить по волнам. А так...

Аурел резко остановился. Мысль была мгновенной и завершенной, как вспышка прорванной защиты. От побережья до побережья! Черт возьми! Сити стоит на западном краю материка, зона высадки – на восточном. Два самых больших города в мире, и между ними – миллион километров равнины. Редкие городки, разбросанные по экватору. И перегон – неведомо кем укатанная до полироидной гладкости земля, трасса, о какой можно только мечтать. Аурел ни разу не пересекал материк. Почему бы не сделать это впервые?

Не дойдя до улочки, где ждала снятая комната, Аурел свернул под ближайшую голограммную зыбь – рекламу небольшого бара. Бар звался «Потерянный кластер». Вероятно, его основали давным-давно, еще когда компьютеры были большими, потому что столики до сих пор были расписаны под древние трехдюймовые магнитные дискеты, которые вмещали – смешно

подумать – аж полтора мегабайта! Интересно, кому были нужны файлы в полтора мегабайта? Что в такой спейс вообще можно впихнуть?

Народ здесь тоже собирался околокомпьютерный, ибо «сквишь», «дупес», «давить поганые форточки», «рулез» и «суксь» доносились из каждого угла. Аурел окинул взглядом зал, но взгляд вяз в табачном дыме. Длинная стойка, около которой грибами торчали высокие вертящиеся табуреты, показалась ему заманчивой. Он пересек прокуренный спейс бара, огибая столики-дискеты и стараясь никого не задеть. Взгромоздился на гриб-табурет и встретился с водянистыми глазками бармена.

– Пива, пожалуйста, – попросил он как можно вежливее. В этом баре, скорее всего, собирались обитатели какой-нибудь местной локалки, знавшие друг друга давно и прочно, и, без сомнений, успевшие обрасти пропастью законов и правил, непонятных чужаку. К чужакам и относились неприязненно, это Аурел безошибочно прочел в бесцветных глазах бармена. Вероятно, Аурел был здесь единственным чужаком.

Бармен с сомнением взглянул на истертую куртку Аурела.

– А заплатить у тебя найдется чем?

Аурел пожал плечами и протянул ему зажатую между средним и указательным пальцами карточку, где на равнодушный пластик были напылены все сведения о его счете. Счет не был честным, но подкопаться под него никто не сумел бы, потому что Аурел в сети чувствовал себя хозяином.

Бармен брезгливо покосился на белый квадратик, повисший над стойкой, но брать его не спешил. Аурел вопросительно поднял брови.

– Приятель, здесь расплачиваются наличными, – пояснил бармен.

Аурел изумился:

– Почему?

– Потому что Митрич не хочет терять деньги, когда полисы заявятся вязать очередного хакера-недоноска, подпатчившего свой счет, – пояснил тучный бородач-сосед с ближнего табурета. Перед ним стоял похожий на тюльпан бокал с густо-красной, почти черной жидкостью. Похоже, с вином. Глаза бородача смотрели несколько в разные стороны, но не от вина, скорее, а от природы.

Аурел снова пожал плечами, убрал карту и извлек внушительную пачку двадцаток. Во взглядах бородача и бармена тотчас вспыхнуло уважение.

– Сороковника пока хватит?

Потеплел даже голос бармена:

– Вполне. Все путем, парень, не обижайся, я тебя впервые вижу, а сюда кто только не ходит. Шваль всякая. Извини, к тебе это не относится, теперь я вижу, что ты прямой клиент. Сиди сколько хочешь, – бармен убрал деньги в прозрачный кассовый аппарат; бумажки скользнули в паз банкотеста, проползли по нескольким сдвоенным валикам и присоединились к другим купюрам-двадцаткам. – Какого тебе пива? Светлого, темного, сладкого, горького? А?

– "Осенний бархат" есть?

Теперь глаза бармена излучили даже некоторое тепло.

– Я тебя все больше уважаю, парень! Есть. Правда, не для всех, но для тебя – точно есть.

Бармен развернулся и проворно юркнул за пестрый занавес.

– Ну, все, – сообщил бородач Аурелу. – Покорил ты Митрича. Смотри, не разочаруй...

На стойке возникли две запотевших бутылки «Бархата» и сверкающий бокал с чудовищной гнутой ручкой. Впрочем, ручка была очень удобной. Одну из бутылок Митрич сноровисто откупорил при помощи вросшего в палец желтоватого кольца и опрокинул в бокал. Поднялась соблазнительная пена. Отхлебнув пива, Аурел поудобнее уселся и вяло оглядел зал. Бармен все не унимался.

– Эй, парень, если будешь часто заходить – заведу тебе персональный бокал. Вот этот самый. И голограммку пришлепну, хочешь, сниму прямо сейчас?

На кружках многих посетителей и впрямь виднелись голограммы. Наверное, это даже забавно: украсить личный бокал своей физиономией. Но Аурел уже чувствовал зуд в ладонях: дорога звала.

– Наверное, я скоро уберусь из сити. Надолго ли – не знаю, – сказал он бармену. – Так что пока не стоит.

Бармен вздохнул.

– Как знаешь...

Вместо портрета на бокале соседа-бородача серебрился замысловатый вензель из переплетенных букв В, М и К.

– Это значит «Великий Медленный Король», – охотно пояснил сосед, перехватив взгляд Аурела. – Прозвище. А вообще я – Саша.

– Аурел, – представился Аурел. В принципе, он был не прочь поболтать, хотя бы с этим толстяком, даром, что он Великий и Медленный.

– Ха! – обрадовался Король. – Горец? Откуда?

– Из Кишшей, – отозвался Аурел. – А что?

– А я – из Тира! – радостно сообщил Король.

«Надо же, почти земляк», – подумал Аурел.

Они чокнулись и выпили. Бокал отозвался нежным, как голос бекбонного потока, звоном.

За столиком напротив сидели несколько парней; на спине одного из них, широкоплечего, с выбритой до состояния биллиардного шара головой, светились чеканные символы:

[Думаю... *** 37% done

Аурел усмехнулся.

– Только не вздумай сказать ему: «Приятель, ты висишь», – посоветовал Король.

– Буду не первым? – улыбнулся Аурел.

– Даже не тысяча двадцать четвертым, – хмыкнул бородач.

– Понятно... Кто сюда сбредается-то? Локалка?

– Ага. Рамон_105.ПВТ. Я – 105.274/11. А ты?

– Слайдер.88.слайдер, – честно сказал Аурел. Король даже выпрямился, словно услышал команду «смирно» от зверя-сержанта.

– Плавающая нода? Ни хрена себе!

Сказал он это достаточно громко, чтобы услышали сидящие за ближайшими столиками. На Аурела теперь глядело с десяток лиц, а по залу уже полз шепоток и все больше завсегдатаев «Кластера» оборачивались к Аурелу. Тот уже жалел, что открылся Королю, потому что заранее знал, чем теперь все кончится. Выяснением с местными хакерами кто круче. А уступать Аурел не любил.

Двое взъерошенных парней в вечной линялой джинсе нарочито неторопливо приближались.

«К чертям все, – подумал Аурел, залпом допил пиво, опустил бокал на стойку рядом со второй бутылкой „Бархата“ и устало посмотрел в зал. – Не буду сегодня выпендриваться».

Потом мысли запрыгали, как всегда не к месту.

«Я готов уступить? Привет! Такого еще не случалось... Может взрослею? О: это свежая идея – взрослость есть умение уступать. Интересно, чем пытать-то будут?» И тут Аурел впервые увидел ЕЁ.

***

~# run console 1
@comment: verification inside

Синие цифры ползали по вижн-стене, отмеряя минуты. Фирму в понедельник ТП-шники не открывали, вывесив за дверь вежливую липучку:

«Извините, сегодня не работаем. Ждем вас завтра, во вторник,

12 февраля.» Сема с кислой физиономией очищал банан; перед ним желтела на столе внушительная гроздь, а в урне под столом было полно отслоившихся шкурок. Тигр скептически улыбался и вертел в руках диск, пуская тусклые зайчики вдогонку ползающим по стене часам. Синицын нервно шелестел «Спорт-Экспрессом», но смысл прочитанного не мог прорваться сквозь частокол мыслей, большей частью – тревожных. Не любил Син непредвиденных встрясок. Чен и Бай сосредоточенно глядели в затуманенный бок бутылки «Кремлевской лимонной»; водки оставалось еще больше половины.

Их было пятеро в офисе – пятеро компаньонов, готовых отдаться клиенту согласно заключенной сделке. Шестым в офисе было Ожидание, поскольку часы показывали уже полвторого, а клиент, обещавший заявиться в час, еще не пришел.

Син отшвырнул газету в сторону.

– Наливай, что ли...

Чен механически потянулся к бутылке.

– Я больше не буду, – заявил Сема.

– А я тебе больше и не наливаю. Ни каплей больше – столько же, сколько и в прошлый раз.

Чен был единственным, кто выглядел как обычно. Если он и нервничал, это было незаметно. Впрочем, Тигр тоже не нервничал, но скорее всего потому, что не верил в путешествия за барьер. Он вообще не верил в существование барьера, что, впрочем, не мешало ему торговать чужими программами.

Около трех дверь распахнулась от мощного пинка – в офис ввалился взъерошенный крепыш в мятом плаще и неизменных белых кроссовках. Не тот, что платил и приходил раньше, но явно его сородич, потому что его глаза тоже были полны кристалликов льда.

– У нас проблемы, – с порога заявил он. Отрывисто, словно ему не хватало дыхания. – Были. Извиняюсь за опоздание. Пошли.

Чен молча влил в себя содержимое рюмки, навинтил зеленую пробку на горлышко и встал.

– В чем дело? – попытался прояснить ситуацию Син.

Крепыш отмахнулся.

– Некогда. Одевайтесь, времени мало.

– Куда мы едем? – не унимался Син.

– В наш центр.

По лицу Сина нетрудно было понять: происходящее ему крайне не нравится. Но он встал и послушно накинул плащ.

Бай зажмурился, активируя подключенный к линзе правого глаза датчик, и удовлетворенно взглянул на работающий терминал на своем столе. Шла запись. На всякий случай.

Сема с сожалением поглядел на гроздь бананов. Тигрис вздохнул.

«Блин, как на заклание идем...» – подумал Бай отрешенно.

Перед подъездом ждала серая «тридцатка», слепо глядя на мостовую тонированным стеклами. Крепыш сел за руль, Син и Сема пристроились рядом, остальные влезли назад. «Тридцатка» рванула с места, как шаттл на старте. Попетляв по Песчанке, крепыш вырулил на Питерское и погнал обтекаемый автомобиль в сторону Садового кольца. Син невидящим взором скользнул по длинному зданию аэровокзала.

С проспекта Газизова «тридцатка» юркнула в узенький переулок. Тигрис еле слышно посмеивался на заднем сиденьи. «Чашка», полулегальный рынок софта, располагался совсем рядом, и Тигрис знал здесь каждую выбоину на асфальте. Именно потому, что рынок был полулегальным.

Ничем не примечательный шестиэтажный дом с приросшими к фасадной стене лесами впустил их в запущенный холл. Не то магазин в прошлом, не то какую-то госконтору. Ремонт поселился здесь прочно и надолго. Скорее всего, для отвода глаз. Чтоб не привлекать излишнего внимания. Син подумал, что за обшарпанным холлом кроются, наверное, достаточно стильные помещения.

Он оказался прав: за первой же дверью открылся сверкающий хромом и вижн-панелями коридор. Та же дверь со стороны коридора выглядела куда импозантнее, нежели со стороны холла. Двое кубических охранников неподвижно сидели на узком диванчике. Сину сразу стало неуютно.

– Проходите, – сказал крепыш-провожатый. – Последняя дверь налево.

ТП-шники направились вдоль вижн-панелей, на которых мельтешили искрящиеся цветные пятна. Указанная дверь была полуоткрыта. Син замер на полушаге, потому что у самой двери в лужице густеющей крови валялся труп с простреленной головой. Второй, прикрытый накрахмаленной скатертью, содранной с ближайшего стола, лежал чуть дальше от двери. Рядом скалился острыми рваными краями битый стеклокерамик; должно быть – ваза, ранее украшавшая стол, потому что среди искрящихся, острых, как бритва, осколков совершенно не к месту разметались три увядшие гвоздики. Алые лепестки походили на кровавые пятна, с той лишь разницей, что кровь постепенно темнела, а цветы сохраняли первоначальный насыщенный цвет.

Чен нагнулся и приподнял край скатерти. Открылось лицо убитого – того самого парня, который приходил в контору позавчера. В глазах его теперь было еще больше стужи – потому

что глаза стали мертвыми и неподвижными, словно они и впрямь обратились в ледышки. Чен вернул скатерть на место и взглянул на спутников. Син был явно на грани срыва. Остальные держались, даже Сема.

– Проходите сюда, – позвал их длинный, как жердь, мужчина в синем халате. Лицо у него было дряблым и нездорово желтым, словно он уже много лет не выходил на свежий воздух. Сидел, небось, в какой-нибудь затхлой лаборатории.

Бай первым зашагал к открывшейся двери, на ходу осматриваясь, ибо не хотел упустить какую-нибудь мелочь. Запись должна отразить все. Каждый штрих.

Комната напоминала скорее комнату допроса где-нибудь в логове службы безопасности – три голые стены, четвертая – зеркальная. Несомненно, с той стороны она кажется прозрачной. Пять стульев под лампами дневного света. И слабый запах какой-то медицинской дряни, не то нашатыря, не то валерьянки.

– Босс сейчас придет, – объявил жердь. – Садитесь.

Этот долговязый тип непременно должен был обладать неприятным скрипучим голосом, но природа наделила его голосом почти женским – высоким и певучим. Видимо, по ошибке.

– Э-хе-хе, – испустил негромкий вздох Тигрис и сел на крайний стул.

Син вцепился в спинку соседнего. Его можно было понять – ТП умудрилось вляпаться в историю, которые всеми силами следовало избегать.

Чен был по обыкновению невозмутим, Бай слишком увлекся съемкой. Наверное, давил таким образом неизбежный страх. Тигрис все прятался за стеной неверия, и это ему вполне удавалось, а что касается Семы – тот успокоился еще утром, потому что заранее счел себя мертвым и теперь глядел на происходящее на редкость отстраненно.

Босс появился минут через десять. Движения его были порывисты, словно он опаздывал на самолет. Бай немедленно уставился на него. В поле зрения глаза с активной линзой, в правом верхнем углу, мигала крошечная красная буква R.

– У нас мало времени, друзья, – вкрадчиво сказал босс, одергивая дорогой костюм, сидевший на нем нарочито небрежно.

– Что означает здешний разгром? – сорвался Син. – Вы говорили, что риска никакого, и что же я вижу, едва войдя к вам? Два трупа! Так дела не делаются!

Тонкие, как волоконные волноводы, брови босса сошлись в одну линию.

– Успокойтесь, господа! Это наши проблемы, и мы их уже

решили. Вам ничего не грозит, ни теперь, ни в будущем.

Син снова собирался что-то сказать, но властный жест босса заставил его замолчать.

– У нас мало времени. Я буду краток, и, пожалуйста, не перебивайте меня. Понятно?

Босс смотрел на Чена. Тот коротко, но с достоинством кивнул.

– Отлично. Как только я изложу задание, копии ваших матриц отправят за барьер. После того, как задание будет выполнено – и если оно будет выполнено – вас снова вызовут сюда и наложат матрицы на ваше сознание. Подчеркиваю, что ущерба здоровью любого из вас нанесено не будет. Я вынужден быть предельно кратким.

Вы перенесетесь в мир во многом похожий на ваш, но во многом он окажется отличен от вашего. Принимайте все как есть, не пытаясь осмыслить, это только осложнит адаптацию. В двух словах опишу главные отличия: мир, как и ваш родной, представляет собой шар, но гораздо больших размеров. Его окружность по экватору – два миллиона километров. Да-да, не делайте большие глаза, именно столько. Одно полушарие занято гигантским материком, второе – целиком покрыто океаном. Есть острова – цепочка вдоль экватора, но они вас не интересуют. Действовать будете только на материке. Крупнейший тамошний город расположен опять же у экватора, на западном побережье материка. Вас высадят неподалеку. В распоряжении у вас окажутся четыре превосходных автомобиля, провизия, оружие, карты, терминалы местных информационных сетей. Ваша задача – сопроводить человека по имени Аурел Чогоряну на восточное побережье. Через весь материк...

– Постойте! – негромко сказал Сема. – Но ведь это миллион километров! Не проще ли по воздуху? Самолетом. И быстрее, и удобнее.

Босс понимающе кивнул.

– Вторая странность этого мира: по мере удаления от поверхности сильно возрастает гравитация. В принципе, согласно физике вашего мира небесное тело таких размеров должно обладать запредельно высокой для живых организмов гравитацией. В том мире законы физики несколько отличаются от привычных вам. В общем, оторваться от поверхности выше чем метров пять-десять вам все равно не удастся. Там даже птиц нет. И гор почти нет, а значит неоткуда падать. В целом материк представляет собой чудовищную, гладкую, как стол, равнину. Степь без границ. Только кое-где разбросаны небольшие городки. Вдоль экватора идет вполне пристойная трасса, от побережья до

побережья. Местные зовут ее «перегон». Девяносто процентов поселений сосредоточены вблизи этой трассы.

– Сколько ж мы бензина сожжем? – протянул Чен задумчиво.

– Тамошние автомобили работают не на бензине, а на гораздо более эффективном топливе. Одной заправки хватает на десять-пятнадцать тысяч километров. В принципе, первоначального запаса вам должно хватить надолго. Но подзаправиться можно будет в любом городке на перегоне. Если будут проблемы – придется выкручиваться. Уж потрудитесь.

– Уж потрудимся, – проворчал Тигрис. – За такие бабки-то...

Босс одобрительно кивнул.

– В восточном городе, куда вы доставите нашего человека, вас встретят и вернут. Собственно все. Детальный хинт вы сможете найти на терминалах всех четырех автомобилей, поэтому больше распространяться не буду. Повторяю, мы в цейтноте. Поэтому, прошу в процедурную...

Зеркальная стена мигнула и растаяла. Бай запоздало крутнулся к ней, сообразив, что это была всего лишь тонограмма, завеса для нескольких приборов, живо напомнивших недавние скандальные репортажи из подпольных психотронных лабораторий.

В общем, все прошло до боли тривиально. На головы им нахлобучили шлемы с гладкими пятаками мнемоюстов внутри. Потом на миг стало холодно, словно из уха в ухо прогулялся сквозняк, обдав стылым ветром каждую извилину в мозгу. Затем шлемы сняли.

– Все, – сказал жердь. – Гуляйте. И молитесь, чтоб вашим двойникам достало смекалки – получите воспоминания о веселом отпуске.

Син мрачно встал из гнутого кресла. Шлем на тонкой хромированной консоли нависал над ним, как скала над тропинкой.

Крепыш проводил их до самого выхода. Трупов в комнате перед коридором уже не было, а седая старуха в таком же синем халате, как у человека-жерди, сметала осколки битой вазы в пластмассовый совок.

На улице Бай выключил запись, потому что снимать переулки рядом с проспектом Газизова было совершенно незачем.

– Надо водки купить, – сказал Чен. – И контору до понедельника не открывать.

Против этого не возразил даже Сема.

У метро на проспекте глядели в мир пестрыми витринами ряды коммерческих палаток – туда и направились.

***

~# run console 2
@comment: w/o

Жмур проснулся в полдень, как обычно. Небольшая комнатка в дальнем крыле принимала его уже не в первый раз. Рюкзак обосновался за стеной, в точно такой же. Ни в одном мотеле Жмур не чувствовал себя так уютно, как у Злыдня. Наверное, дом его был пропитан благодатной бодрящей аурой.

Заслоняясь от слепящего солнца, что упрямо лезло из-под плотных портьер, Жмур выглянул в окно. Голубая клякса бассейна искрилась, словно подарочный диск. В бассейне плавал Рюкзак, громко пыхтя и отдуваясь. На бортик накатывались горбатые волны.

Когда Жмур вышел к бассейну, Рюкзак уже угомонился и лениво прихлебывал пиво из серебристой банки с надписью «Net Navigator». Рядом плавал овальный поднос с тройкой таких же банок и креветочным салатом. Рюкзак блаженствовал.

– Эй, Жмурилло! – приветствовал он приятеля. – Лезь в воду, рулез полнейший!

Жмур нехотя свалился в злыдневское плетеное кресло у бортика.

– Салат утопишь, если полезу, – ответил он, запуская руку в холодильник. «Навигатора» хватало и там. Собственно, Жмур же его и закупал вчера в баре на соседней улице. Целый рюкзак. Злыдень, конечно, из дому выходить отказывался, а Рюкзак не знал города. Вот Жмуру и приходилось шастать за живительным. Заказывать он не любил, потому что посыльные вечно доставляли какое-нибудь отстойное пойло вместо настоящего пива, да и пройтись по Еланцу было приятнее, чем переть по перегону месяц кряду.

Они с Рюкзаком успели остыть после долгих часов на равнине, отъелись и окончательно обленились. Впрочем, Злыдень не протестовал: наоборот, сам отдыхал перед охотой. Спал по двадцать часов в сутки, а из комнаты своей выходил только в сортир. Почту он читал не вставая с постели, благо исполинский экран «Пойя» позволял делать это без ущерба для глаз.

Но Жмур знал: когда придется заняться делом, сон будет забыт. Они погрузятся киберспейс, окутавшись клубами сигаретного дыма, а пальцы их прикипят к борде. Нервы врастут в сеть, растворяясь в шелесте бекбонного потока, и мир станет безграничным, слившись в ослепительную точку на острие их сознаний.

К тому моменту мозги их должны быть чистыми и свежими, как запасные пеленки у рачительной мамаши.

***

~# run console 1
@comment: infiltration

Сеть впитала Бая, как губка разлитый на пластике стола чай. Бай мгновенно увяз, забарахтался; казалось, он застыл, лишенный веса, посреди огромного ангара, наполненного мерцающими точками. Точки то и дело вспыхивали, на миг превращаясь в цветные искры, похожие на россыпи фейерверка. В уши будто нашептывал кто-то, но слов было не разобрать.

Бай огляделся, и обнаружил, что у него нет тела. Собственно, он был одной из светящихся точек, что роились в осязаемой пустоте.

Постепенно возникло ощущение движения – соседние искры, разгораясь, устремились в шепчущий полумрак, Бай помимо воли скользнул следом. Движение напоминало полет в невесомости, по крайней мере ту имитацию, что давали игры презент-режима. Справа темнела похожая на средневековый замок глыба, искры веером рассыпались перед ближними башнями.

Потом они ворвались в сплошное море огня, на деле состоящее из все тех же светящихся точек, что неслись теперь с бешеной скоростью, не сталкиваясь и не мешая друг другу. Как долго это длилось, Бай не мог сказать, ибо забыл что такое время.

Сеть выплюнула его спустя крохотную вечность. Или спустя бесконечный миг.

Перед глазами (он снова имел глаза) была бурая земля и несколько зеленых стебельков. Бай ничком валялся на редкой траве, пробившейся через плотную слежавшуюся почву. На зубах скрипела горькая пыль.

Бай оторвал щеку от земли и смачно сплюнул.

Его окружала Равнина. Равнина без горизонта. Чудовищная плоскость, казалось, загибалась к небу, словно он угодил в необъятную чашу. Даль терялась в мутной дымке, но Бай понял одно – горизонта здесь НЕТ. Объяснить и тем более описать это Бай не мог. Просто чувствовал.

Он стоял на проселочной дороге, впрочем, гладкой, как олимпийский лед. Дорога, неправдоподобно прямая, делила равнину надвое. В стороне от дороги трава росла погуще, цветными пятнышками глядели в бездонное небо дикие степные

цветы: окружающую целину, похоже, не вспахивали от начала времен.

И еще: что-то было не так. Мир был странен, но не только из-за отсутствия горизонта. Что-то изменилось.

Секундой позже Бай понял: он стал ниже. Сантиметров на двадцать. Именно взгляд с непривычной точки сбил его с толку. Зато исчезла близорукость: линз на глазах он не чувствовал, но видел лучше, чем в линзах. Окружающее было резким и непривычно контрастным.

Метрах в трехстах Бай рассмотрел пару автомобилей и человека, который бродил вокруг них. Наверное, это был кто-то из его компаньонов. Кое-как отряхнувшись непослушными руками, Бай неловко зашагал по бурой ленте дороги. Тело казалось чужим. Да оно и было чужим: Бай с удивлением глядел на непривычно короткие руки и ноги, на странную одежду, похожую на комбинезоны рабочих-докеров, ботинки с рифленой подошвой и квадратными носками... Размер обуви тоже повеселил Бая: вместо привычных «лыж» сорок шестого размера на ногах имелось нечто мизерное, сороковой-сорок первый на глазок.

Впрочем, с каждой секундой Бай привыкал к новому телу. Точнее, не привыкал, а «вспоминал» его. Психоматрица накладывалась на мозг респондента поверх моторных связей, выжигая только личностную память. Если предыдущий обладатель этого тела умел жонглировать бутылками или ходить по канату, Бай тоже это сумеет. Надо только заставить тело вспомнить былые навыки.

Уже через минуту шаг Бая стал уверенным и твердым, походка из вихляющей превратилась в экономно-спортивную, только взгляд на мир с низкой точки все еще раздражал, словно Бай вынужден был ходить пригнувшись.

На дороге стояло два потрясных джипа a la «Дэлавер», красный и бело-серебристый. На красном виднелась надпись по-русски «Строгино 4Х», на серебристом – «Лендровер Автоклуб». Ну, и фенечки всякие, нашлепки и эмблемки, без которых настоящий джип даже представить трудно.

У машин топтался сухощавый парень лет двадцати пяти, похожий на Ника Пэрримена, только повыше ростом. На нем был такой же гибрид брюк и куртки, как и на Бае, и такие же грубые ботинки.

– Привет, я – Чен, – сказал он, предвосхищая вопрос. Наверное, Бай был не первым, с кем он встретился.

– Я – Бай, – ответил Бай, впервые услышав свой новый голос. Голос как голос... Привыкнуть только нужно.

– Сема в машине валяется, головой о спойлер приложился… – пояснил Чен, кивнув на красный джип. – Он мало изменился…

Чен тихо засмеялся, совсем как настоящий Чен, из Москвы.

Оставляя в редкой дорожной пыли едва заметные отпечатки рифленых подошв, Бай подошел к машине и потянул на себя красную дверцу, украшенную пестрой эмблемой строгинского пляжа. Внутри, на длинном, как диван, сиденьи возлежал маленький человечек самого несчастного вида. Он был до смешного похож на истинного Сему, даже лицом, наметившейся лысиной и рыжей жиденькой щетиной на впалых щеках.

– Михалыч, ты как? – участливо спросил Бай, с трудом сдерживаясь, чтоб не засмеяться в голос.

Сема только вздохнул и вяло двинул рукой.

Далекий рык мотора заставил Бая выпрямиться. Но роста не хватило, чтоб глянуть поверх джипа, и пришлось, чертыхнувшись, обходить красный капот. Чен (требовалось некоторое усилие, чтоб думать о незнакомом сухощавом парне как о Чене) тут же возник рядом.

Поднимая реденькие шлейфики пыли, приближались еще два джипа. Пару минут – и они затормозили рядом с Баем и Ченом. Из первого, зеленого двухместного «Гризли» с открытым, как у пикапа, кузовом, выскочил юркий полный мужчина лет сорока. Шкиперская бородка не очень вязалась с круглыми очками, но и не казалась вовсе уж чужеродной. Несмотря на некоторую тучность двигался мужчина легко и проворно.

– Елы-палы, – сказал он. – Кто из вас кто?

– Так, – Бай поднял указательный палец. – Ты – Синицын, верно?

– Верно, верно, – проворчал мужчина, поблескивая очками.

– Я – Чен, – представился Чен. – Постарел ты, Андрюха…

– Ага, – кивнул Син. – Это, понятно, Бай. Можешь не уточнять, слепому видно. Уродец-то наш нашелся?

– В машине. Башкой стукнулся. Вечно ему не везет…

Чен осекся. Потому что из второго приехавшего джипа («Эфа», чуть покороче «Дэлавера», но внешне похож) выбрался здоровенный курчавый негр.

– Мамочки, – Бай даже присел. – Тигрис, что ли?

Негр уныло развел руками.

Бай не выдержал и расхохотался.

– Я сейчас умру! Тигр – негр!

Рядом тихо смеялся Чен, даже Сема в салоне зашевелился и выглянул в открытое окно.

– Ладно ржать! – прикрикнул Син. – Подумаешь, негр! Скажи спасибо, что сам не бабой оказался.

Только теперь Бай разглядел на джипе Тигра нашлепки в виде звериных следов и фирменный лейбл магазина «Тигриная лапа». Неужели неведомые работодатели учли даже такие мелочи, как личные пристрастия ТП-шников? Впрочем, размах дела и размер гонораров вполне такое допускали.

– Итак, наши действия? – живо поинтересовался Син. – Как бы здесь не было классно, я предпочту побыстрее вернуться в Москву.

– Еще бы, – проворчал Чен. – Постареть лет на десять – радость что ли?

Син отмахнулся. Наверное, он уже привык к новому телу. И смирился.

– Этот... босс что-то говорил о хинтах на шоферских терминалах, – вспомнил Бай. – Надо поглядеть.

Он вернулся к красному джипу и сел в водительское кресло. Справа от рулевой колонки виднелась матовая панель с выдвижной клавиатурой. Едва палец коснулся сенсора, клавиатура с мягким шелестом выползла из паза. Одновременно засветилась ниточка видеотрека над клавиатурным сокетом.

[Welcome to net!] – поздоровалась сеть.

[Login Bay_13] – привычно отстучали пальцы.

[Wait...] – увидел Бай вместо запроса пароля, но удивиться не успел. Экран мигнул и высветил приглашение незнакомой оболочки, после чего загрузился хинт-файл. Теперь осталось только внимательно читать. И – по возможности – запомнить. Бай не был уверен, вызовется ли хинт вновь после первого обращения. А своим предчувствиям Бай привык верить.

[Фаза первая: необходимо отыскать в сети следы деятельности оператора плавающей ноды Слайдер.88.слайдер. Имя оператора: Аурел Чогоряну. Адрес последнего гейта: сити, Сумеречная зона, сервер «Бинар инсерт»; адрес входной линии: не установлен. В момент засечения оператора указанной ноды хинт дополнится. Удачи!] Бай скептически глядел на ровные, едва светящиеся строчки.

– М-да, – процедил Син. – Не много же нам поведали. Что за кретины состряпали такой дурацкий хинт?

Син, уперевшись локтем в опущенное почти до оконного среза стекло, заглядывал Баю через плечо. Сема, поборов извечную слабость, сидел справа от терминала, похожий на осоловелого от пива гуляку. Во всяком случае, к лицу его прикипело такое же отсутствующее выражение, хотя глаза не отрывались от неяркой голограммы над видеотреком. Чен и Тигрис устроились на заднем сиденье и глядели, сблизив головы, в щель между спинками передних кресел.

– Ну, чего? – Бай рассеянно прогнал хинт по экрану еще разок. – Придется шарить по регистровым серверам. Много их здесь, интересно?

– Не сомневайся, – заверил его Син. – Полагаю, больше, чем у нас. Много у нас плавающих нод в сети? Раз, два и обчелся.

– А кто сказал, что здесь их много? – тихо и скорбно спросил Сема.

Син пожал плечами, отчего локоть его соскользнул со стекла и ударил по дверце.

– На адрес взгляни. Двойное расширение. Не хухры-мухры.

– Может, он выделывается, – предположил Бай.

– Тогда имя со вторым расширением не совпадало бы, – тоном гения сыска пояснил Син.

– Пожалуй, – согласился Бай несколько секунд спустя. Известная логика в словах Сина присутствовала.

– Вот что, – вмешался практичный Чен. – Чувствую, по сетям шнырять нам не один день придется. Предлагаю проехаться, найти тихое местечко... чтоб ручей какой-никакой тек. Палатки в багажниках есть, я проверял. Припасов тоже хватает. Устроимся, тогда и начнем. А так чего – торчим в степи, как тараканы в центре кухни...

Они вылезли из уютного салона под палящее солнце и огляделись. Четыре машины на пятерых.

– Этот, – Син кивнул на «Эфу» со следами тигриных лап, – ясное дело, занят.

Тигрис хмыкнул. Глядеть на его лоснящуюся черную физиономию было все так же дико и непривычно.

– Мне вот этот нравится! – заявил Бай, указывая на короткий, почти квадратный «Гризли». Двухместный ладный грузовичок сразу ему приглянулся. Кроме того, в грузовичке стоял самый мощный терминал. А чаша диала даже выводилась на крышу.

– Понятно, – проворчал Син. – Буду патриотом.

И приблизился к джипу «Строгино 4Х». Красный полироид весело отблескивал в солнечных лучах.

Сема, конечно же, сесть за руль не пожелал и заявил, что поедет с Ченом. Чен не возражал. Да и что возразишь Семе?

Моторы дружно вскололи лед степной тишины, а колеса потревожили дорожную пыль. Бай вел «Гризли» на запад, а еще три джипа, дыша друг другу в бампер, неслись следом. По бесконечной, как Сеть, равнине.

***

~# run console 3
@comment: w/o

Аурел замер, потому что раньше много раз видел ее. Во снах. В виртуальщине, которую создавал, устав от одиночества.

Она была больше похожа на мальчишку-подростка, чем на девушку. Рыжая. Короткая стрижка, брюки в обтяжку, серебристая куртка. И маленькие темные очки со стеклами в форме звездочек.

Аурел сразу понял, что не уступит сегодня никому. Потому что она это неизбежно увидит.

Двое в джинсе картинно ходили вокруг Аурела, рассматривая его с показной ленцой.

– Плавающая нода, значит... – заметил один негромко. – Круть неимоверная. Почему же я тебя не знаю?

Аурел постарался выглядеть невозмутимым.

– Я тебя тоже не знаю. И что?

– Я – Гонза. Слайдер.105.бес. Слыхал?

– Слыхал, – честно ответил Аурел.

– Пошли, – качнул головой Гонза в сторону панели с терминалами.

Аурел молча шагнул в указанном направлении. Сумка его осталась лежать у стойки, рядом с грибом-табуретом. В баре стало тихо, и Аурел подумал, что множество зрителей – это даже хорошо. Эффект погуще.

Гонза уселся в вертящееся кресло и повернулся к шеренге завсегдатаев, что стояла за спиной Аурела.

– Ну, умник, – сказал он, довольно ухмыляясь, – у меня лежит файлик на холде – zoom_taba.overkill. Слей-ка его. Если, конечно, сможешь.

Аурел невозмутимо сел рядом и потянул на себя борду. Тоже мне, задание... Для пацана-первоклассника.

Пальцы зажили отдельной жизнью, втискивая в сеть разум Аурела. Чтоб не подумали чего пришлось даже плоские диски мнемоюстов к вискам прилепить.

[call snoop b_bone]

[А ты кто?] – по-обыкновению осведомился гейт-фильтр.

[Sl*.88.**]

[P?]

Аурел для отвода глаз щелкнул пятеркой клавиш. Не было у него пароля. В теле голоэкрана высветилось окно состоявшегося доступа и Аурел скользнул в сеть.

Там было темно, но темнота не мешала видеть. С шелестом проносились тускло отсвечивающие искры, на миг делая осязаемыми смутные громады стейтор-массивов. От бекбона,

похожего на оживленную магистраль, ответвлялись десятки и сотни проспектов и улочек. Закладывая лихие виражи, искры выскакивали из бекбонного потока и ныряли в кольчатые нити тоннелей-капилляров. Искры потусклее ловко обходили ярко и бестолково сияющих новичков, а те толклись, будто мошкара, у перекрытых капилляров, не в силах проникнуть.

Аурел был безмолвной черной точкой и двигался без шелеста. Искрящихся новичков он просто игнорировал, проходя сквозь них, словно сквозь пустоту. Собственно, он мог бы вонзиться в нужный капилляр в любом месте, не только в месте сопряжения с бекбонной струей или у одного из рассекателей. Но... Если его вызвали на дуэль, надо делать все эффектно. Ведь за спиной стоит и глядит в мельтешение голографических символов девушка в облегающих брючках, потрясной серебристой куртке и очках-звездочках. Перед ней нужно выглядеть не просто крутым, а очень крутым, хотя это для Аурела несколько ступеней вниз... Только кто об этом знает?

Он ни на миг не задерживался у рассекателей, безошибочно выбирая нужный капилляр. Вот он, холд-предбанник слайдер-сто пятого...

Темный куб. Пахнет железом и пластиком – несомненно, защита тут умная, не зря же этот Гонза слайдер второй сотни. Да еще самого начала второй сотни.

В углу шевельнулась черная тень веба-сторожа. Шевельнулась, и замерла. Все правильно: веб отсек входящий, но не отсек пожаловавшее ядро. Аурела здесь как-бы не было. Все равно как дверь, скрипнув, приоткрылась, но в дом никто не сунулся.

Так, порядок. Где у него содержимое холда? Ага, вот... Тьфу ты, пропадь, какой колпак красивый... Будто глаз стрекозы. Вон и файло нужное валяется, словно горошина на столе. Zoom_ чего-то там...

Надо же, пароль требует. Симпатичный такой колпачок... Только Аурел не зря ведь слайдер первой сотни.

Он превратился в маленькое зеркальце и усилием воли крутнул вязкий поток айнстрима назад, раскачивая его, словно полупустую бочку, пока та не встала на ребро и не рухнула на выпуклый бок. Аурела неудержимо повлекло прочь из холда спиной вперед, но он намертво вцепился в стержень айнстрима и обволок себя непрошибаемой оболочкой, скользкой, как теплое масло. Снова шевельнулся веб, но теперь до смешного неправильно, потому что Аурел видел все в реверс-отражении, словно видеотрек настроился на обратную отмотку. Несколько входящих, фиксированных задом наперед... Веб все дергается и

вышибает их наружу. Точнее, втаскивает... Но на самом-то деле вышибает. Так, не то... Не то... Не то...

Вот – хозяин. Уходит... Ага, закончил потрошить какой-то сервер... Потрошит... Входит на этот сервер... Киляет его защиту... Вот оно – кладет файло на холд!

Аурел-зеркальце поймал отблеск нужного входного кода, отразил его, записав для верности в кору, и разом отпустил айнстрим. Реальность дрогнула, втягиваясь начальный поток и синхронизируясь с неприкасаемым временем. А отраженный зайчик кода все летел и летел к куполу холда. Коснулся его. Заставил купол засиять... и лопнуть.

Аурел сменил форму, вытянувшись из гладкой поверхности зеркальца диковинным, отлитым из ртути цветком, и жадной глоткой бутона обнял яйцо файла, матовое, как пластик между кабинками общественных терминалов. Гонза будет счастлив, подумал Аурел.

Он вывалился из сети, не утруждаясь выходом из чужого холда. В голове привычно отдалось эхо и теперь Гонза сможет убедиться, что у него возник коротенький трек чужого присутствия:

[... Слито 27.657 Gb. Большое спасибо. C_U_L8r!

With *.* Фриппи

иЗвиНиТЕ зА НеРоВНый ПочЕРк!]

Аурел извлек из драйва блестящее колесико диска. Протянул его Гонзе. И улыбнулся.

Тот недоверчиво взял диск и вогнал в драйв соседнего терминала. Просмотрел свой файл. Озадаченно обернулся и уставился на Аурела.

– Не понимаю... Как ты это сделал?

– Ручками, – проворчал Аурел. – Надеюсь, экзамен закончен?

Гонза не успел ответить. Второй парень в джинсе нервно пощелкал клавишами.

– Кого-то принесло на хвосте, Гонза, – сообщил он недовольно.

Гонза приподнял бровь.

– Что же ты, парень... Нельзя так. Ай-яй-яй... А еще первая сотня.

«Засекли мой чертов трек... – понял Аурел. – Тут я бессилен.» Если это полисы – дело плохо. Но вряд ли это полисы. Скорее, та контора наняла кого-то из хакеров. Впрочем, еще неизвестно что лучше – слуги закона или наемные костоломы больших корпораций.

Голос Аурела остался холодным и презрительным.

– А ты ненароком не полис, а Гонза? Как же так – после лома

Питерского бриза ребят замели, а ты ушел. Теперь вот, к тебе не успел влезть, как к хвосту тут же приклеились...

Конечно, это было нагло: придти в чужую локалку и обвинить кого-нибудь из старожилов в двурушничестве. Но Гонза сам начал. А Аурел не любил уступать. Особенно сегодня.

Он мельком взглянул на девушку в очках-звездочках. Ее лицо не выражало ничего – ни осуждения, ни одобрения. Скорее всего, ей все равно, подумал Аурел. Тогда вперед!

Гонза даже присел от неожиданности. Глазки его забегали и Аурел с удивлением понял, что совесть того и впрямь нечиста. Угадал, попал в яблочко, стоя спиной к мишени и не раскрывая глаз. Такое случается.

– Эй, парень! – послышалось из-за стойки. Аурел обернулся на голос. Говорил бармен Митрич.

– Тебя точно отпасли. Сматывайся.

В баре по-прежнему висела тишина, только призрачные ленты табачного дыма бесшумно перетекали от светильника к светильнику. Понятно, что Аурела отследили не за слитый у Гонзы файл. Никто не знал сомнительных подвигов чужака, но если на того устроена охота, да еще не полисами, а хакерами – значит причина достаточно весома. Но никто не стал бы и вмешиваться.

Аурел на миг прикрыл глаза. Ведь не хотел сегодня лезть в сеть... Как чувствовал. И не полез бы. Если бы не она.

С грохотом отворилась дверь и в «Потерянный кластер» ввалились двое мордоворотов, рыща взглядами по затененному спейсу зала. Один остался перекрывать выход, второй очень быстро скользнул к стойке, пытаясь отсечь всех, кто находился в баре, от запасного выхода. Но Аурел ждать не стал: кошкой перемахнув через стойку, он с размаху влип в плотный занавес, отделявший хозяйство Митрича от зала. Занавес пах табаком и мускусом.

«Пок! Пок! Пок!» Две бутылки на полке разлетелись стеклянно-пивными брызгами, а на темном полотне занавеса открылась светящаяся точка, впуская в зал лучик света от лампы в подсобке. Лампа там горела очень яркая и лучик отчетливо виднелся в зыбких разводах сигаретного дыма. Выстрелы были едва слышными и казались какими-то ненастоящими. Не сразу и поймешь, что это не что иное, как выстрелы. Аурел, тихо ругаясь, выпутался из проклятой шторы и пулей пронзил подсобку. Налево уходил узкий коридорчик, не то на кухню, не то на склад. Ведомый смутным чувством, Аурел проскочил мимо, свернул в следующий и уперся в запертую дверь. Лихорадочно шаря по гладкому пластику в поисках запора, он вслушивался, боясь

близкого грохота шагов. Хотя, мордовороты, скорее всего, передвигались бесшумно.

Наконец он нашарил щеколду, похожую на затвор пружинного ружья. Рывок, еще рывок... Содрав кожу с костяшек пальцев, Аурел толкнул дверь и упал в полутьму ночи. Слева от него кто-то низколобый и квадратный вскидывал руку, словно в замедленном кино, но тут взревел совсем рядом за углом двигатель мотоцикла и некто, рванув двухколесного друга с места, сбил третьего громилу с ног. Выстрел ушел в звездное небо, но чудовищная гравитация не пустила пулю к звездам: перехватив ни в чем не повинный кусочек свинца она швырнула его назад, к земле, и пуля, взломав неподатливое тело дасфальта, исчезла в рваной воронке метров полутора в поперечнике и метров двух в глубину. Мотоциклист, с треском вломился в декоративную оградку и исчез, заслоненный стеной бара.

Аурел рванулся в осязаемо-плотный сумрак. Совсем рядом, на одной из соседних улиц его тоже ждал двухколесный друг, а в том, что придется во все лопатки удирать из сити, сомневаться не приходилось. Не выдержал, влез в сеть до срока – и вот расплата. Однако, быстро же его отследили! Все из-за проклятого эхотрека... Но против природы не попрешь.

Улицы были пустынны. Несколько поворотов, и Аурел оказался в знакомом дворике. Вон его верный мотоцикл, потрепанный, но безотказный «Сигейт-Барракуда», сгусток железной мощи, укрощенная скорость, втиснутая в четыре цилиндра. Ладони сомкнулись на шершавых рукоятках, тихо заурчал двигатель. Накинув на голову шлем, Аурел тронул мотоцикл с места и молнией вынесся со двора. Теперь ему бы только вырваться на трассу, ведущую к перегону... а в степи его не достанет никто, кроме ветра. С ветром же Аурел дружил.

Огни сити сливались в ломаные цветные полосы. Аурел не выбирал улиц: просто несся, стараясь править к востоку. Справа вонзались в небо восьмиэтажные иглы высотников сумеречной зоны. Кажется, его не преследовали. Освобожденная мощь «Барракуды» давала верный шанс на спасение. Аурел не любил терять верные шансы. Напротив, он любил их использовать.

В городе его засечь не успели. Странно. Словно кто-то из хакеров влез на пару минут в массивы полицейских серверов и славно там пошалил. Полисы, конечно, быстро вышибли смельчака и навели порядок, но за пару минут Аурел успел проскочить сити насквозь и вырулить на гладь перегона. Желтый язык света выхватывал из тьмы укатанную плоть равнины, а огни города отступили в ночь. С наступлением сумерек перегон быстро пустел, потому что люди не любили ночные поездки. Да и днем

на перегоне тоже не слишком тесно.

Он оторвался. Интересно, надолго ли? Впереди на многие мили и километры только прожаренная солнцем степь. Позади – мегаполис, средоточие жизни и изменчивой информации, муравейник, не засыпающий ни на миг. Одноэтажные коттеджи, вечный сумрак в прокуренных барах и закусочных. Кстати, а еды нет совсем. С водой проще, ручьи у перегона встречаются. Словно назло засосало под ложечкой – без малейшего промедления, едва только Аурел сообразил, что пустился в путь без припасов.

Это плохо.

В тот же миг свет фар коснулся одинокой фигуры, стоящей на обочине. Коротко вспыхнула отраженным огнем серебристая куртка. Аурел инстинктивно вильнул в сторону, соображая что за псих мог торчать в степи ночью, но тут же ударил по тормозам, убеждая себя, что ему почудилось. Обернулся.

Человек бегом поравнялся с замершей «Барракудой» и Аурел убедился, что ему вовсе не почудилось, потому что сразу перехватил взгляд из-под очков-звездочек.

Это была она, девушка из бара, подружка кого-то из хакеров. Или сама – хакер. Встречаются ведь хакеры и среди девчонок? Редко, правда.

– На!

У нее был низкий, как у Аманды Лир, голос и сильные руки: протянутую сумку (его, Аурела, сумку) Аурел едва удержал. Внутри что-то звякнуло; не иначе вторая бутылка «Осеннего бархата», так и не откупоренная Аурелом в «Потерянном кластере». А увесистость сумке придавали, не иначе, консервы. По крайней мере, очень хотелось так думать.

Девушка, смешно склонив голову, натянула шлем-колокол, который держала во второй руке, и уселась позади Аурела, положив ладони ему на обтянутые джинсой плечи.

– Трогай!

Аурел машинально пристроил сумку в захват над баком и дал газ. «Барракуда» радостно сожрала первые метры перегона и помчалась в ночь, унося прочь от сити двух седоков с той же легкостью, с какой до сих пор уносила одного.

***

~# run console 2
@comment: sliderfinding

Лощинин позвонил Злыдню утром в среду. Мелодичное пение бластера сдернуло Жмура с постели. Злыдень долго не подходил к терминалу, но вызовы не прекращались и он, чертыхаясь вполголоса нашарил пульт.

– Спишь, Злыдище? – бодро спросил Лощинин. Злыдень тотчас подобрался.

– Легли поздно, Володя... Сам знаешь – хакер существо сумеречное.

– О моем заказе не забыл? – осведомился Лощинин, хмыкнув.

– Нет. Не забыл.

Злыдень отвечал с достоинством. Чувствовалось, что к Лощинину он относится с уважением, но не как к высшему существу. Жмур, затаив дыхание, вслушивался, потому что дверь плохо пропускала звуки. Впрочем, когда Злыдень ночью резался в свежий «Винг коммандер» завывания бластера прорывались в спальню Жмура вполне успешно...

– И прекрасненько. Просыпайся, да буди своих обормотов. Работать пора. Поволынили малость, и хватит...

– Добро. Значит, ты не против, чтоб Жмур с Рюкзаком тоже включились?

– Не против. Заплачу, не обижу. Если нужно – можешь вызвать кого нибудь еще.

– Справимся.

– И ладно. Через час познакомлю вас с силовым крылом; наводить их будете вы. Ну и подробности обговорим. До сессии...

Лощинин отключился. Злыдень тут же полез в холодильник, похрустел колечком банки и, после пятисекундной паузы, без сомнения употребленной на добрый глоток, зычно заорал на весь дом:

– Подъем, Жмурилло! Работа начинается!

Рюкзак сразу все понял и полез в бассейн просыпаться. Жмур вяло смочил бороду в ванной комнате и решил, что пиво с утра – это прогрессивно, в связи с чем надо ползти либо в берлогу к Злыдню, либо к бассейну. Выбрал он бассейн, потому что на дворе светило солнце, воздух был свеж, а не затхл, как в берлоге, да и желание окунуться могло возникнуть. Повалившись в кресло рядом с холодильником, Жмур основательно предался прогрессу.

Через час они засели за терминалы. Злыдень сконнектился с Лощининским сервером; все трое вклинились в мультиюзерную конференцию. Видеотреки извергли сложные, разбитые на небольшие кубики независимые голограммы. Лощинин сидел у себя в кабинете, Малик, как обычно на складе; проныра-Заявлин, подключился из милой комнаты, где буквально во всем чувствовалось женское присутствие; ребята из силового крыла

куда-то ехали, во всяком случае пять непрошибаемо-вежливых физиономий взирали на собеседников с трех автотерминалов.

– Где твое подкрепление, Миша? – негромко и ласково спросил Лощинин. Чувствовалось, что Заявлин у него уже в печенках сидит. И на свободу не собирается.

Заявлин развел руками – на нем был пестрый халат с широченными рукавами, возможно, что и женский.

– Сам не пойму, Володенька. – Заявлин был само радушие и трудовое рвение одновременно. – Они прибыли, я уточнял. Должны были выйти на связь, но не вышли. Впрочем, хинт у них такой, чтоб сразу бросились искать нашего героя с неровным почерком… Может, они ищут?

Предположение было сомнительным, и это явно читалось по лицу Лощинина. Малик широко улыбался, но молчал.

– Ладно, – проворчал Лощинин. – Хрен с ними. – И обратился к Злыдню.

– Дело такое: мы вытащили несколько человек из-за барьера. Помнишь, Камилл рассказывал? В общем, он не врал. Барьер действительно проницаем. И героя нашего Камилл знает. Короче, он порекомендовал вызвать оттуда умелых ребят… и я вызвал. Искать Фриппи будете независимо, но с момента обнаружения начнете работать в сцепке. Вы трое, – Лощинин кивнул на секторы Злыдня, Жмура и Рюкзака, – в стационаре. Забарьерная команда – мобильная, будет носиться по перегону, потому что Фриппи рванет туда, если мы не успеем его локализовать и взять за вихры. А мне что-то подсказывает: можем не успеть. Силовое крыло – полностью ваше, Злыдень. Только назовите адрес. Если Фриппи возьмут, будете потрошить его станцию на предмет… э-э-э… ну, ты знаешь на предмет чего.

– Думаешь, мы не справимся? – ревниво спросил Злыдень. – Зачем нам эти чужаки?

Лощинин враз стал жестким, как умелая защита перед закрытыми файлами.

– Справитесь. Но предстоит много работы на выезде, а ты – старая кабинетная крыса и на выезде работать не умеешь.

– Это правда, – вздохнул Злыдень. – Не умею. Да и не люблю.

– Потому и не умеешь, – проворчал, оттаивая, Лощинин.

– А что Энди? – вкрадчиво поинтересовался Злыдень с самым невинным видом и Жмур внутренне обрадовался, потому что даже присутствие Энди где-то на дальнем срезе капилляра прибавило бы сил и уверенности. И – что немаловажно – везения.

– Да нет его… – поморщился Лощинин. – Шабад с Горовенкой его в Волосово утащили… психи. Три дня как. И борду, стервец, с собой не взял. Ты ведь знаешь, Шабад борду из принципа не берет

– говорит, в воде человек должен быть абсолютно свободен от прозы внешнего мира.

– А Горовенко? – спросил Злыдень, приподняв бровь. – Тоже не берет?

– А Горовенко, мон шер, к моменту отъезда на таких бровях был, что не то что борду – акваланг забыть мог.

– Кстати, – встрял Заявлин. – Акваланг он таки забыл...

Жмур оживился.

– Ну-ка, ну-ка... Кто же их повез, если Горовенко надринькался?

– Царевский, кто же еще... – Лощинин с досадой фыркнул и отпил из узкого бокала. Бренди, должно быть. Не чай же из бокалов пить?

– Интересно, – мечтательно протянул Жмур. – Скольких они по дороге задавят?

Царевский обыкновенно ездил на «Басте» и скорость ниже ста десяти не признавал, а любимым словом на все случаи жизни у него было истошное «Давить!» – Бардак, – прокомментировал Злыдень. – Маньяки.

– Я отловлю Энди, как только он появится... если он еще будет нужен, – заверил Лощинин и хлопнул ладонями по глади стола. Бокал тихонько звякнул, подпрыгивая. Ладонь Лощинина с растопыренными длинными пальцами метнулась и не дала ему опрокинуться. – Какие вопросы?

– Да никаких, – пожал плечами Злыдень. – Разве только скажи, как с твоими ребятами связаться.

– С Шамилем и его гвардией, – Лощинин указал на немногословное силовое крыло, – просто: я забил от тебя прямой линк на их терминалы. А с забарьерниками – пока сам не знаю: они просмотрели первую часть хинта и наглухо отключились. Всплывут – сообщу. Кстати, от меня к тебе тоже прямой линк. Пользуйся.

– Ты б еще выделенку протянул, – проворчал Злыдень, втайне надеясь услышать неожиданную новость, что выделенка уже протянута, но Лощинин его разочаровал.

– Облезешь. Я пока не миллионер.

Злыдень вздохнул и попрощался. Жмур с Рюкзаком тоже попрощались, но без вздохов. Утопив Alt/Esc, Злыдень прервал сессию.

Спустя минуту он встал.

– Рюкзак, будь другом, поставь кофе...

Это значило: «За работу, граждане. Охота начинается».

И они принялись за работу. Отчетливо щелкали клавиши, холодили виски гладкие поверхности мнемоюстов, мерцал

экраном «Пойя»... Кофеварка практически не выключалась, пока двое погружались в киберспейс, третий отпаивался и отдыхал. Время исчезло, стало не более чем функцией, четырьмя цифрами в уголке поля зрения. Сеть пела, вбирая в себя людской интеллект, а завсегдатай чувствовал себя в сети лучше, чем в собственной кровати – если у него имелась собственная кровать.

Потягивая кофе, Жмур расслаблялся. В берлоге было сизо от дыма и почти темно. На дворе ночь растворялась в накатывающем утре, а в берлоге мало что менялось.

Было безумно приятно глядеть на работу Злыдня. Жмур, и сам не промах в сетевых делах, всегда проникался легкой завистью когда приходилось быть свидетелем этого действа. Дополнительный кайф состоял еще и в том, что не всякий зритель понял бы, что вообще происходит. Жмур понимал.

Злыдень шарил на стыках бекбона с крупнейшими артериями сити. Разбрасывал следящие вейтеры, лепил их к базовым модулям, оставлял в толщах массивов. Он сейчас был похож на паука, развешивающего липкие тенета. Программки его поражали простотой и рациональностью, хотя с первого взгляда работать не могли в принципе. Похоже, Злыдень и сам не понимал почему они работают. Но писал их, если нужно, пачками.

Замысел его был прост, как опавший лист. Раз лопух-Фриппи везде оставляет неповторимый трек, то его и ловить нужно по этому треку. Вейтеры для того и развешивались: как только Фриппи куда-нибудь влезет и выпотрошит чью-нибудь базу, трек будет засечен. Отследить откуда состоялся доступ было плевым делом – для Злыдня, по крайней мере. Даже если сессия продлится всего доли секунды.

Впрочем, Фриппи оказался не таким уж лопухом: две недели в сетях он попросту не присутствовал. Вероятно, выжидал. Но Злыдень, действительно как паук, терпеливо развешивал все новые и новые вейтеры, просматривая попутно мегабайты поступивших логов.

Жмур ползал по взломанному серверу Лощинина и искал лазейку. Тщетно. Он так и не понял, как влезли на обесточенный сервер, потому что доподлинно выяснил: аварийного питания не подавалось даже на процессорные модули. Злыдень ворчал, но не слишком ретиво, ибо и сам не понимал как сумели слить чертов лощининский файл.

***

~# skip a period

Время шло. Злыдень отследил двух недоумков, что пытались сломать защиту его вейтеров и с наслаждением покилял им рабочие области на локальных хардах. Хакеры поопытнее, особенно первичники, (таких оказалось на удивление много) – просто стали втихаря сами подбрасывать Злыдню нужные логи. Злыдень рассыпался в благодарностях, тоже не афишируя имена смышленых первичников, хотя хакерам благодарность не свойственна. Впрочем, Злыдня в сетях уважали...

Теперь, когда сети были расставлены и приходилось лишь ждать, кофе временно отодвинулся на второй план, уступив первенство пиву. Сидеть втроем в берлоге тоже стало не к чему. Изредка вызывал Лощинин и интересовался как дела. Пару раз возник Заявлин. Ребята-забарьерники себя никак не проявляли, хотя Злыдню показалось, что в сети он натыкался на странные области, напоминающие чем-то его собственные вейтеры, но влезть туда с ходу не удалось, а потрошить не возникло желания. Единственное, что Злыдень выяснил, эти штуки сооружал в сети некто по кличке Бай. Такого хакера Злыдень не знал, хотя по логике должен был бы знать. Если судить по грамотной защите. Хотя – мир велик.

Фриппи проявился вечером, когда Жмур расслабленно попивал пиво, Рюкзак по обыкновению мок в бассейне, а сам Злыдень, умаявшись за ночь и большую часть дня, спал прямо в берлоге, уронив голову на стопку распечатанных логов. Бластер вдруг взвыл, словно полоумный койот, ожил притихший было «Пойя», выплеснув на матово-серую поверхность экрана алый язык аларм-графа. Злыдень подпрыгнул и метнулся к клавиатуре и мнемоюстам. Сон вмиг слетел с него.

Вейтеры засекли новый трек-файл с извинениями за неровный почерк. Фриппи выполз из норы.

Злыдень лихорадочно вломился в пределы чьего-то холда, принюхиваясь на ходу, словно борзая. Жмур без напоминания поднимал логи, отслеживая состоявшийся доступ. Рюкзак в мокрых плавках плюхнулся за терминал и вызывал лощининских торпед, дежуривших в каре напротив конторы Лощинина.

– Сити, восточный сектор, где-то неподалеку от «Зонул Сенсера»! – сообщил Жмур.

– Точнее! – рявкнул Рюкзак.

Далеко в сити, за полмиллиона километров от берлоги Злыдня, жалобно взвизгнули покрышки и кар, роняя на дасфальт пятна света, метнулся к магистрали восточного сектора. Четверо молчаливых парней с одинаковыми мощными, стрижеными

ежиком затылками деловито заряжали пистолеты и навинчивали глушители. Пятый сосредоточенно вел машину, прислушиваясь к голосам из терминала.

– Матурн-квартал… Улица Диденко… Рамон-сервер…

Бормотание Жмура становилось все более азартным.

– Есть! Бар «Потерянный кластер»! – наконец радостно сообщил Жмур, стрекоча бордой. – Терминал «Джей», десятый из двадцати трех!

– Понятно, – коротко отозвался кто-то из крепких ребят в каре и сидящий за рулем прибавил скорости.

Жмур вызывал Лощинина.

***

~# run console 1
@comment: w/o

Река была широкой, как Днепр под Киевом. У самого перегона она почему-то сужалась чуть не втрое, и уходила под ажурный стрельчатый мост, возвышающийся над волнами всего на полтора метра. Ниже моста она вновь разливалась широко, и только отсутствие птиц мешало задуматься: а долетела бы хоть одна до середины?

Бай по утрам выползал из палатки и отправлялся купаться. Палатки здесь были модерновые, не чета крошечным брезентовым домикам московских друзей-непосед. Несколько расстраивала Бая (и особенно – Сина с Семой) невозможность принять душ. Впрочем, сей прискорбный факт несколько компенсировался близостью реки и абсолютным безлюдием. Перегон с места их стоянки разглядеть удалось бы разве что с помощью телескопа: они удалились от трассы километров на сорок пять-пятьдесят к северу. Редкие кустики ивняка окружали пятачок пляжа. Джипы притаились под мышасто-бурыми тентами. Хотя от кого здесь прятаться? Сверху их просто некому разглядеть. Разве что какой-нибудь любитель оптики с трассы засек бы. Но Чен, обнаружив в багажниках джипов оружие и солидный запас боеприпасов, резонно заметил: ни пушками, ни маскировочными тентами зря не снабдят. Тем более, что вокруг задания нагнеталась малопонятная атмосфера недоговоренности и тайны. Проще сказать – воняло от задания. Но они уже взялись за него... а значит назад пути нет. Да и как попасть в родной мир отсюда? Только выполнив это треклятое задание, о котором почти ничего и неизвестно. Только что от него воняет, и что пушки нужно держать под рукой.

Бай методично вылизывал местные регистровые серверы на предмет следов этого самого Аурела Чогоряну Слайдер.88.слайдер, но все следы были старыми, месячной давности, и вдобавок по логам не удавалось проследить точку входа в сеть, потому что на каком-нибудь из транзитных околобекбонных узлов след терялся. Бай сначала решил, что следы просто трутся, но не все, а только ближайшие ко входу. Потом усомнился, хотя повода, вроде бы, не было. Но интуиция подсказывала: тут что-то не так. Но не мог же этот Аурел

врезаться в бекбонный поток в произвольной точке, так чтобы на транзитном узле не отследили его вход? Или мог?

Бай такого способа не знал. Но это не значило, что такого способа не существует.

Тигрис откровенно бездельничал. Впрочем, от него в сети все равно было мало толку. Вот втюхать лоху-покупателю комплект дисков с каким-нибудь отстойным софтом или накидать по шее мелкому воришке, стянувшему диск с лотка – на это Тигрис был мастером.

Чен помогал Баю как мог. Син тоже. Сема – когда было настроение. Но основное в сетях доставалось Баю.

В остальном задание пока напоминало курорт. Вода в реке по прозрачности могла поспорить с финской ледниковой, погода стояла почти крымская, а среди запасов немалую часть составляло местное пиво, найденное ТП-шниками весьма недурным.

К сожалению, курорт долго не продлился.

Слайдер оставил свежий след вечером, когда уже стемнело. Бай валялся в палатке и читал местные сетевые сплетни в конференции proksima.sysop; предупреждающий писк бластера вскрыл сумеречную тишину. Бай схватился за борду, прилепил к вискам прохладные таблетки мнемоюстов и скользнул в сеть.

Здесь все было так же, как в любой сети. Тихо пел бекбонный поток, черными громадами за пределами капилляров угадывались туши баз и массивов, иногда – округлые и гладкие, как гигантские черные яйца, иногда – причудливо изрезанные и изломанные, словно карстовые разломы. Роились искры проникших в сеть. Информация перекачивалась терабайтами, и нужно было суметь не потеряться в этих диких и на первый взгляд беспорядочных струях. Бай огибал крупные серверы, похожие на многоногих спрутов; туда ломилось одновременно бог знает сколько пользователей, и легко было застрять в подобной толчее. Скользил мимо радужных куполов чьих-то холдов, обходил далеко стороной закрытые зоны частных секторов, чтоб не напороться ненароком на чересчур ретивого сторожа. Он шел на зов простенькой программы-нюхача, что отследила в безбрежном спейсе сети эхо-входной Слайдер-восемьдесят восьмого.

Клиент влез в пределы чужого холда и скачал небольшой файл. Только и всего. И оставил при этом непонятный трек с сообщением, что слито, мол, столько-то, спасибо, и еще – извините за неровный почерк. Последняя фраза была набрана вперемешку строчными и заглавными буквами, отчего действительно возникало впечатление неровного почерка.

Бай схватился за борду и вызвал текущую топограмму. Нюхач-программа сбрасывала сетевые адреса транзит-узлов, ядро нюхача их анализировало в контексте топограммы, отсекая ненужные сектора и области. Сейчас, сейчас! Бай нетерпеливо потер ладони друг о друга. Еще немного, и станет понятно в какой стороне искать этого самого Слайдера-88.

Запад. Самый большой город – местные его называют сити. До него чертова уйма километров. Бай тщательно упаковал и сложил на терминал данные поисков: можно было считать, что Аурел Чогоряну у них в кармане… Если, конечно, он не сбежит в ближайшее время из своего дома в сити.

А вдруг он логинился не из дома? – подумал Бай отстраненно. Это была бы неприятная неожиданность. Действительно: если Слайдер-88 влез в пределы чужого холда и чего-то там слил, вряд ли он оставит следы истинной точки входа… Блин, дело оказывалось вовсе не таким простым, каким виделось с самого начала. К тому же – плавающая нода… Если оператор-слайдер захочет исчезнуть, он исчезнет, растворится в безбрежном киберспейсе сети. Не то чтобы его найти станет абсолютно невозможно… Но чего это будет стоить!

Бай зажмурился.

Хотя… Стоп: надо вновь обратиться к хинту. Там ясно сказано: найти в сети следы Слайдер-восемьдесят восьмого, и вновь обратиться к хинту.

Чертыхнувшись, Бай вызвал хинт, указав путь к логу с отслеженным доступом Аурела Чогоряну из сити. Хинт возник в туманном мареве над видеотреком без промедления.

Шурша синтетической тканью, в палатку забрались Чен и Синицын. Бай, не успев бросить первый взгляд на дополненный хинт, обернулся к ним.

– Есть! Я засек его… Вот, хинт расширенный гляжу…

В этот же момент голограмма над бордой на мгновение потемнела и замерцала вновь, но теперь в толще голоэкрана жили совсем другие строки. Бай этого не заметил, потому что глядел в сторону входа, а Чен с Сином решили, что хинт только-только загрузился и тоже ничего не поняли.

***

~# run console 3
~# user status: invade

@comment: hitch energy crackdown

«Сигейт Барракуда» вгрызался в ночь и расстояние с упорством тупого вируса. Девушка, прижимаясь к спине Аурела, сидела позади и почти не двигалась; Аурел временами переставал ее ощущать.

Зачем она поехала с ним? Кто она? Аурел не находил ответов. Лишь смутная радость, замешанная на полудетском восторге, не замедлила вспыхнуть, потому что незнакомка не могла быть врагом. Тем, кто устроил охоту в сети. Охоту на хакера. Не могла, потому что мечта не может стать врагом.

И он в упоении свободой и скоростью выжимал из «Барракуды» все, на что было способно металлическое сердце машины. Два сердца – человеческое и механическое – бились в унисон, и хотелось верить, что сердце сидящей позади девушки в очках-звездочках под пластиком шлема когда-нибудь подчинится этому пьянящему ритму. Не может не подчиниться, если у нее есть сердце.

Аурел любил, когда сердца и моторы бьются в унисон, потому что если и есть в жизни смысл, то именно в этом.

Плотный поток встречного воздуха с шуршанием обтекал шлем. Плясало перед колесом нечеткое пятно света, словно полуденный воздух над перегоном.

Холодная игла вонзилась в мозг Аурела, возвращая в реальный, на редкость негостеприимный мир. Резина покрышек с визгом терлась о твердую почву, рассеивая резкий неприятный запах горелого. Девушку прижало к Аурелу.

«Барракуда» встала; ботинок Аурела коснулся прогретой за день и не успевшей остыть земли перегона.

Она даже не спросила, что случилось. Откинув ножку, не позволяющую двухколесному другу упасть, Аурел выудил из сумки борду и радиодиал; звякнув бутылками, вошел в пятно света от фары и сел прямо в текучую дорожную пыль. Зашевелилась, будто живая, чашка диала, отыскивая ближайший ретранслятор. Девушка терпеливо ждала, не вылезая из седла.

Его снова искали в сети, на этот раз кто-то с востока. Кто-то незнакомый и странный.

Аурел скользнул в сеть и, словно лыжник по укатанным колеям, помчался по собственному следу. У него было минут пять, пока охотники вновь не засекут его присутствие в сети. Точнее, присутствие они отметят практически сразу, и координаты радиодиала определят сразу. Просто посреди огромной равнины можно позволить себе пять минут в сети, потому что добраться до отслеженной точки за такое время не

успеет и господин президент на суперскоростном «Текраме». А потом снова придется выжимать из «Барракуды» скрытую мощь, чтоб охотники на этом месте нашли только отпечатки ботинок да ребристый след мотоциклетных шин, уводящий в бесконечность степи.

Что? Что им нужно? Аурел зло сшибал мембраны перед входными. Не хотите пропускать – ваше дело! Сегодня играем по другим правилам.

Хинт. Очень странно, легко дали взглянуть на хинт этих, с востока. Хинт даже ничем не защищен. Блин, да и зачем его защищать, кто в здравом уме станет интересоваться чужим хинтом? Кто? Разве, кроме объекта прощупывания. О как! Хинт вообще-то, касается тебя, Аурел! Ну-ка, ну-ка, повнимательнее...

Эти ребята должны найти Слайдер-восемьдесят восьмого. Что-ж, флаг в руки... А впрочем... Почему именно его? Ах, задание? Так, так, это уже интереснее. Задание. Найти и сопроводить. А обломиться не желаете, господа хакеры-лохи?

Хотя, конечно, это не лохи. Странные сетевики, да, но не лохи. Вон какую паутину развесили, обалдеть. Правда, попасть в нее только слепому, да и то сдуру... Хотя... Нет, слушай, тут такие ямы да рытвины, даже прикольно... Ой! Не, это не лохи, точно. Но и не гвардия, точно. Почерк не тот. Логика чужая.

Аурел колебался лишь мгновение. А потом обратился серебристой нитью с отточенной иглой на конце и принялся деловито перешивать податливое тело хинт-файла.

***

~# run console 1
~# return to previous status
@comment: hint huntin'

Бай обернулся к терминалу. В зеленоватом спейсе голоэкрана отчетливо виднелись строки хинта. Чен и Синицын, заглядывая Баю через плечи, стали читать.

[Фаза вторая: обнаружив в сети следы пребывания Аурела Чогоряну, плавающая нода Слайдер.88.слайдер, вы должны связаться с ним и оказывать любую посильную помощь. Ваша задача – провести его перегоном к восточному побережью, провести живым и невредимым, пресекая все попытки с чьей-бы то ни было стороны остановить клиента или нанести ему любой ущерб. Задание будет считаться выполненным, когда клиент окажется в переделах зоны высадки. По выполнении задания хинт

дополнится. Удачи!] – М-да, – протянул Бай. – Не понимаю. Они что, не могли нормальных телохранителей нанять?

Чен неопределенно повел плечами.

– Наверное, среди нормальных телохранителей нет умеющих нормально работать с сетью.

– Чушь, – заявил Бай. – Зачем умение работать с сетью нормальному телохранителю? Да еще на этой чертовой равнине без конца и края?

Син коротко выругался и на незнакомом лице толстяка проступило очень знакомое выражение досады и недовольства.

– Блин! Так и знал: вляпаемся в какое-нибудь дерьмо с таким заданием.

– Поздно горевать, – рассудительно сказал Чен и взглянул на Байкалова. – Ты нашел клиента, да?

– Нашел, – проворчал Бай, шевеля пальцами. Хинт канул в голограммную глубину, а вместо него над видеотреком появилась плоская карта материка.

– Вот он, – указал Бай на крохотную алую точку у раскорячившегося, как диковинное насекомое, города. – Только-только выехал из сити, что на побережье. Едет нам навстречу.

– Тогда и мы поехали, – Чен стал пробираться к выходу, путаясь в шелестящей синтетической ткани.

– На ночь глядя? – с сомнением протянул Син.

– А чего ждать? – не оборачиваясь осведомился Чен. – Пока этого слайдера хлопнет кто-нибудь в степи ненароком? Когда я буду рядом с ним, почувствую себя много лучше, ей-богу.

– Будь они неладны эти деньги, – процедил сквозь зубы Син. Безмятежно спать в платке было куда приятнее, чем трястись за рулем джипа и таращить слипающиеся глаза в темноту летней ночи. Хотя, оставаться родном мире и быть свободным от сомнительного удовольствия подставлять себя, любимого, под чьи-то равнодушные пули – еще лучше. Но назад пути все равно нет...

Син печально вздохнул.

Из соседней палатки раздавался могучий храп Тигра. Син снова выругался, потому что прекрасно помнил: настоящий Тигр не храпел никогда. Здесь все было чужим, от чудовищной равнины, до собственного тела. В первый день после того, как поставили палатки и уселись тут же отдохнуть, Син рассеянно сунул в рот сигарету и принялся хлопать ладонями по карманам в поисках зажигалки, прежде чем сообразил, что делает. Точнее, все это совершало его тело, а разум в жизни не выкурившего ни единой сигареты Сина взирал на происходящее с немым изумлением.

Чен забрался на минутку в свой джип, включил фары и стал сворачивать палатку. Откинутая дверца багажника напоминала крыло птицы, но этот мир не знал птиц.

Спустя полчаса лишь головешки погасшего костра да разрыхленная земля над ямой, куда Тигр сгреб мусор, напоминали о стоянке. Четыре джипа мчались по ровной, как стекло, равнине на юг, к перегону. Чтобы на перегоне повернуть на запад.

Короткий трек-файл с извинениями за неровный почерк Бай обнаружил только утром. Рядом с дополненным хинтом. Но так и не понял – откуда он взялся?

***

~# run console 2
@comment: w/o

– Он уходит на перегон! – сообщил Жмур.

Лощинин тихо выругался и склонился над бордой, вызывая терминал Шамила.

Злыдень вынырнул из сети, потряс головой, и заинтересованно уставился в экран «Пойя». Он так и не решил: Фриппи просто лопух-малолетка или незаметный гений. В сеть он наведался раньше, чем Злыдень ожидал. Получается, лопух. Но в сети он вел себя как истинный ас, слил какой-то пустячный файл с холда Гонзы (кстати!) и убрался, обрубив все логи, как нож лапшу на макаронной фабрике. Собственно, Злыдень даже не понял куда ускользнул Фриппи после того, как покинул холд Гонзы.

На экране сектор с автомобильным терминалом шефа силового крыла выполз вперед всех, одновременно вырастая в размерах. Лицо Шамила было бесстрастным, но глаза выдавали: Шамил недоволен и разочарован.

– Из бара он сумел сбежать...

– Какого черта! – вскипел Лощинин. Шамил пожал плечами.

– Ему помогли. Рону чуть руку не сломали у этого бара.

Лощинин выжидательно уставился в спейс голоэкрана; Шамилу казалось, что он глядит прямо на него.

– На Рона наехал мотоциклист. А потом его же чуть не задело откатом выстрела.

– А нечего в небо палить! – разозлился Лощинин. – Сопляка взять не сумели, гвардия!

Шамил остался спокоен.

– Не повезло, босс. Кстати, мы застряли в пробке и не успеваем перекрыть выезд на перегон.

Лощинин еще сильнее помрачнел.

– Замечательно! Какая, к дьяволу, пробка вечером?

– Сам удивляюсь. У площади Завгороднего. Трейлеры какие-то...

– С этим уже разобрались, – подал голос Рюкзак. Изображение Рюкзака потеснило на экранах окошко с Шамилом, сравнявшись с ним в размерах. – Шесть минут назад с терминала во все том же баре «Потерянный кластер» какой-то ловкач влез на полицейский сервер и обнулил настройки секторов регулировки уличного движения. А трейлеры – это колонна из «Зонул Сенсера», восемьдесят пять грузовиков. Они всегда ночью на перегон уходят, когда поспокойнее.

– Поспокойнее! – буркнул Лощинин и сплюнул. – Хакеры, черти вас дери!

– Значит, Фриппи работает не один, – тихо сказал Злыдень и потянулся к пуговицам мнемоюстов. Он скользнул в отверзнутый зев сети, не успев ответить на вопросительный взгляд сидящего рядом Жмура.

Пение бекбона тотчас вобрало Злыдня. Он еще ощущал кончиками пальцев прохладные клавиши борды, но это ощущение таяло, как ледышка на солнцепеке. Обычные человеческие чувства отступали, зато нахлынули десятки и сотни новых, ни с чем в реальном мире не сравнимых. Злыдень слышал утробное урчание могучих узловых серверов, видел пролетающие огоньки сообщений, осязал стройные ряды ячеек, набитых гладкими шариками файлов. Он мог дотянуться до каждого, мог обмануть или запутать защиту, мог унести файл с собой или изменить его. Каждое действие казалось новым чувством, новым способом познания и анализа окружающего. Он скользил в сети, бестелесный хакер Злыдень, сгусток информации, тусклая сиреневая искра. Он мог превратиться здесь во что угодно, потому что был опытным хакером. Но Злыдень еще помнил свои первые вылазки в сеть, когда барахтался здесь, словно неуклюжий малек в обмелевшей луже.

Рядом пульсировала еще одна искра, чуть поярче; по неуловимым нюансам движения и ориентировки Злыдень узнал Жмура. Значит, Жмур тоже заподозрил... Что ж, вдвоем легче.

Они прокололи капилляр у Рамон-сто пятого и перехватили тускнеющие жгуты исходящих логов. Жмур перетек, изменил облик, перестав быть искрой. Теперь он напоминал старинный телеграфный аппарат с огромными глазами, жующий пучок логов. Злыдень, наверное, выглядел не лучше. Впрочем, он не

задумывался, на что становится похож, пропуская через себя склеенные из байтов нити.

Искомая нить нашлась почти сразу, едва различимая, черная, как неразмеченная область на юзер-диске. Чернее, чем спейс сети. Злыдень ухватился за нее и рванулся по следу. Жмур дрожал рядом; теперь он был похож на матовую каплю, сохранив, впрочем, огромные глаза. Только теперь глаз стало три.

Вдалеке наметилась громада входного полицейского сервера, исполинский куб, разбитый на ярусы, уровни, кварталы, секторы, подсекторы, юнит-ячейки... Миллионы капилляров растекались в стороны, тысячи прямых линков тащили на загривках жирные полицейские гигабайты...

Нить уводила вглубь сервера, пронзая охранные заслоны – ряды зубастых церберов на тоненьких символических цепочках. Злыдень и Жмур метнулись к ближайшему капилляру, по которому тек бесконечный стат-файл, кое-как упакованный дабл-диетом. Тек, наверное, от самой зоны высадки, поддерживаемый станциями дальней подкачки при крупных магистральных серверах. Церберы насторожились и стали медленно группироваться у капилляра.

Жмур, сухо затрещав (как наэлектризованный воздушный шарик, подумал Злыдень) принялся ткать нечто бесформенное и безобразное, отгородившись от церберов стального цвета мембраной. Спустя миг церберы накинулись на его произведение, как псы на тряпичную куклу. Злыдень тем временем коротким взмахом воображаемого скальпеля рассек в трех местах похожее на дождевого червя тело стат-файла, две колбаски сжал хекслером в форсированном режиме, отчего обе стали чуть не вдвое короче, а на освободившееся место втиснулся сам и, не прекращая движения, срастил разрывы. Короткий цилиндрик Злыдень, внешне похожий на стеклянную трубку, разрисованную снаружи диковинными письменами, а изнутри подсвеченную, на короткое мгновение вспыхнул, и сразу потускнел, став таким же красноватым и кольчатым, неотличимым от основного массива файла. Кодировку Злыдень правил уже изнутри, потому что никому не приходило в голову маскировать кодировку изнутри.

Жмур остался дурачить церберов, а Злыдень беспрепятственно просочился на территорию полисов. Нить уводила вниз, на уровни отдела регулировки уличного движения. К корявой мультипроцессорной сборке двухлетней давности, супервизору светофоров, повелителю дорожных диспетчеров и светочу транспортных поверводов.

Злыдень быстро нашел, что искал. Крохотный трек-файл в массиве опечатанных базовых настроек. Вокруг кишели церберы,

безусловно раздраженные сегодняшним визитом напарника Фриппи. Скопировать трек, конечно, не дадут. Но просмотреть его можно...

На просмотр ушло больше времени, чем хотелось бы, но Злыдень был упорен.

[2All: Привет от Тири. Ваш CMOS покрыт инеем. Большое спасибо! C_U_L8r.] И ничего о неровном почерке.

Злыдень выбрался наружу, заучив содержимое трека наизусть. На обратном пути он пропускал собственный лог-доступ через лапшерезку. К чему наводить полисов на свой дом?

Из сети Злыдень вынырнул мокрым, как мышь. Рядом бессмысленно таращился в спейс голоэкрана Жмур, но вскоре шевельнулся и снял мнемоюсты.

Злыдень запустил жадную руку в холодильник. Лишь отхлебнув «Еланецкого хмеля» он смог произнести хоть слово.

– Ты понял, Жмурилло? Ты все понял?

Жмур оторвался от банки с живительным (когда только успел ухватить?) и сдержанно кивнул. Наверное, настырные полицейские церберы его порядком измотали.

– Что у вас, Злыдень? – возник на связи Малик, правая рука Лощинина, молчаливый полный юсаджи-южанин, хозяин конторского склада. – Вы куда-то пропали из сессии.

– Сейчас, – пробормотал Злыдень, отставляя в сторону запотевшую банку. – Шамил, ты слышишь?

Удобная вещь прямой линк! Шамил отозвался тотчас же.

– Слышу, говори.

– Где вы находитесь?

– Выбираемся из пробки. Почти выбрались.

Значит, полисы быстренько вогнали свою систему в режим. Впрочем, они всегда оперативно работали, этого не отнимешь.

– Пошли кого-нибудь из ребят назад, в «Потерянный кластер». Нужно найти человека по имени Тири. Полагаю, он вам многое расскажет о клиенте. Возможно, клиент работал в сцепке. Так вот, это недостающее звено.

– Понял, – коротко отозвался Шамил и переключился на собственный интерком. Злыдень его больше не слышал.

Он обернулся к Жмуру и вернувшемуся в берлогу Рюкзаку.

– Ловкие ребята, – прокомментировал Злыдень. – Я сразу и не понял, что Фриппи не одиночка. А это многое объясняет.

– Что, например? – спросил Жмур с сомнением.

– Хотя бы поврежденный повервод в день исчезновения лощининского файла.

Жмур склонил голову.

– Но главного-то это все равно не объясняет.

– Главного – не объясняет, – согласился Злыдень. – Но почерк, почерк! Сегодня – светофоры дорожной службы. Тогда – наверняка перехватили управление пустым каром и вогнали его к чертям свинячьим в повервод у трассы. Оп-ля, ловите шутдаун, господа! Я до такого просто не додумался бы.

Жмур вздохнул:

– Молодежь… Одни баги в голове.

Он вздохнул и с уважением глянул на Злыдня.

– А ты молодец, старик. Я про трек у полисов на сервере допер только когда куклы церберам скармливал. Взять бы этого Тири… И все, считай работа выполнена. Наверняка он знает, где искать дружка. Или дружков, – Жмур неожиданно повеселел и ухмыльнулся.

– Погоди радоваться, – одернул его Злыдень. – Так он и станет тебя дожидаться после стрельбы в «Потерянном кластере»!

– Наверное, он давно уже на перегон рванул. Вслед за Фриппи, – тихо сказал Рюкзак и побрел в сторону бассейна.

Злыдень проводил его пристальным взглядом.

Да. Если рванул на перегон – плохо. Потому что там можно скрываться годами и никакая сеть не поможет схватить беглеца. Потому что слишком велики расстояния. Потому что…

– Какой у нас ближайший к сити городишко на перегоне? – спросил он Жмура. Бродяга все таки. Должен знать.

– Снуга. Семь тысяч живет. Дыра еще та.

Если Жмур говорит, что дыра, можно не сомневаться: дыра и есть.

– Интересно, у Лощинина там люди найдутся? Надо поднимать, чтоб встретили. Рюкзак, умница, засек мотоциклистов, ушедших на перегон приблизительно в нужное время. «Сигейт Барракуда», регистрационный С88-83476, и старенький «Коннер»-сороковник, G35-02784. «Коннер» прошел первым, на нем уехали двое. «Барракуда» – это, верно, Фриппи. Проскочил восточный шлюз спустя четыре минуты. Шамилу энд компани их не достать даже на «Креативах», слишком задержались…

Жмур задумчиво отхлебнул пива.

– Погоди. Если на «Коннере» ушли двое, значит в этой компании помимо Фриппи и Тири есть еще кто-то третий?

– Выходит так…

Перебивая Злыдня запищал бластер на терминале Рюкзака. Злыдень подошел. Вызывал румяный блондинистый парень в непонятно чьей униформе.

– Где Рюкзак? – спросил он напористо.

– В бассейне, – ответил Злыдень озадаченно. – Что-нибудь

ему передать?

Блондин поколебался и резко кивнул.

– Передайте, что «Коннер» только что вернулся в сити. С одним седоком. Со шлюза сообщили.

– А-а!!

Злыдень лихорадочно подключился к линку на Шамила.

– Шамил!

– Говори, я слышу, – немедленно отозвались из «Креатива».

– Вы далеко от восточного шлюза?

– Минут пять.

– Ловите встречного мотоциклиста на старом «Коннере», номер серии «Джи». Он только что прошел шлюз...

Шамил вздохнул.

– Ты не понял. Мы уже прошли шлюз – пять минут назад. Мы на перегоне.

Изощренные проклятия Злыдня сотрясли берлогу. Сегодня был явно несчастливый день.

Жмур уже вызывал Лощинина, а на шум прибежал мокрый Рюкзак, распространяя легкий запах стеронгатора – Злыдень зачем-то сыпал его в бассейн пачками, словно боялся, что в бассейне заведутся головастики.

– Кстати, – сказал Шамил. – Встречный мотоциклист нам не попадался. Наверное, объехал степью.

Пятью минутами позже Лощинин спустил с цепи каких-то резервных торпед, и нужный «Коннер» довольно быстро отыскали – меньше чем за час. Отыскали брошенным на тихой улочке-тупике вблизи сумеречной зоны. Бардачок мотоцикла был тщательно опустошен. Для поисков неизвестного мотоциклиста не осталось ни одной зацепки, ибо Злыдень сразу же выяснил, что «Коннер» краденый. Так что законный хозяин вряд ли рассказал бы что либо интересное о Фриппи.

Первый раунд остался за соперником. Злыдень мрачно отпихнул борду.

– Вызывай Снугу, Володька, – посоветовал он Лощинину. – Хотя, сдается мне, эти ловкачи объедут ее стороной. Я остаюсь на контроле – едва они влезут в сеть, тут же сообщу. Все. До связи.

– До связи, – эхом отозвался Лощинин. Кажется, он ожидал от сегодняшнего вечера несколько иных результатов.

«Добрая охота, – подумал Жмур. – Дичь хитра... Впрочем, так интереснее.» Он переключился в слип-моду, но едва вейтеры, развешенные Злыднем засекут дичь, охота возобновится. И еще Жмура живо интересовала подмога из-за барьера – чужаки объявились где-то на перегоне, а значит есть шанс взять беглецов в тиски. С запада – Шамил, с востока – подмога. Есть шанс, есть!

Жмур любил охоту. Даже на первых порах неудачную. Зато потом, когда дичь затравлена и барахтается в силках, чувство торжества гораздо острее. Неужели Злыдень этого не понимает?

Ночью Фриппи проявился еще раз. Вихрем пронесся по трем узловым серверам, и исчез в бекбонной струе. Теперь его интересы сместились на восток. Сонный Злыдень быстро определил координаты – врезка состоялась через радиодиал, работающий на перегоне в двухстах двадцати километрах от сити. Злыдень тут же сообщил это Шамилу, попутно выяснив, что силовое крыло на хваленых «Креативах» отстает от клиента километров на сорок.

Долго Фриппи в сетях не шарил. Злыдень не стал даже искать его следы. Утром, утром... Может быть, Энди объявится. По крайней мере, на это хотелось надеяться.

Надеялся Злыдень не зря.

***

~# open console 4
@comment: user [Andy Trushin]
@comment: status [super-hub node]
@net locate: Bloody.68

Настойчивое завывание бластера подняло Энди из пучин похмельного сна. В детской громыхали чем-то металлическим Таська с Машкой и Наташкой, но еще минуту назад это не доставляло Энди ни малейших неудобств. Теперь же на несчастную голову главы семейства обрушилась целая лавина звуков и голова стала медленно, но верно распухать, как кокосовый орех в горячей воде.

Энди потянулся к терминалу. Пульт дистанционки, конечно же, не найти. Либо дети затаскали, либо Ксюха сжевала. Ксюха жевала все, до чего могла дотянуться ее собачья душа. Безразлично, съедобным было это все или же несъедобным. За прожорливость и вредный характер Ксюху, ньюфаундленда-двухлетку, на Эндятнике прозвали Черной Сукой.

Бластер продолжал завывать.

«Блин, кто настраивал эту сирену? – утомленно подумал Энди. – Юрка наверное. Я же вчера на мурлыканье систему отсетапил...» Кроме Юрки, старшенького, хакера-малолетки, действительно больше некому. Неугомонная двенадцатилетняя душа и вечный зуд в кончиках пальцев постоянно подвигали Юрку на мелкое компьютерное хулиганство, например на смену

звука при входящем.

В мутном голокубе возникла физиономия Злыдня.

– Привет, Энди. Как погрузился?

Взлохмаченный со сна Энди, едва успевший облачиться в знаменитый на всю сеть полосатый халат, являл собой зрелище от печального до душераздирающего с преобладанием последнего.

– Погрузился, блин... Давить Шабадов с Горовенками! Сколько ж мы выпили? Семь? Или больше?

– На каждого? – хмыкнул Злыдень. – Повод-то какой?

– У Шабада трехсотое погружение... Было. Или не было? Не помню, блин!

Злыдень укоризненно поцокал языком.

– Ай-яй-яй! Повторяешься. Блин.

– Блин! – повторился еще раз Энди.

– Ладно, – вздохнул Злыдень. – Не за тем пришел. Собственно, я с ног сбился в поисках тебя.

– Знаем, как ты сбился, – проворчал Энди. – Не вылезая из кресла!

– Сам такой, – добродушно огрызнулся Злыдень.

– Такой, – подтвердил Энди. – Энди – они такие. Кто ж по своей воле из кресла вылезет?

– Работа есть, – сказал Злыдень серьезно. – Ты нужен. В общем, приходи в себя, через два часа я перезвоню.

Злыдень отключился, не выслушав ответной реплики Энди. «А ведь перезвонит, – тоскливо подумал Энди, наверное самый ленивый сетевик сити. – С него станется. Что он еще затеял? Небось, Лощининский заказ. Была там некоторая странность...» В детской снова что-то загремело, заглушая радостные визги Машки с Наташкой, а в коридоре гулко взлаяла Ксюша, вечно голодная Черная Сука. Энди понял, что заснуть сегодня уже не удастся и мрачно вызвал в голокуб четырехмерный тетрис. Просыпаться, так просыпаться. Тем более, что тысяча-другая на счету сейчас очень даже не помешает. А Злыдень плевого дела не предложит, в это можно верить безоговорочно.

***

~# run console 3
@comment/user status: free movie

С перегона Аурел свернул, когда начало светать. Он уже знал, что за ними идут не то два, не то три скоростных «Креатива» с милыми ребятами внутри. Скорее всего, именно с теми

мордоворотами, которые затеяли стрельбу в баре Митрича. Встречаться с ними у Аурела не было, понятно, ни малейшего желания.

Покорно просидевшая всю ночь за спиной Аурела девушка сразу после съезда с перегона неожиданно оживилась и легонько похлопала его по плечу. Она явно хотела что-то сказать, но осмотрительно не пожелала пользоваться шлемофоном. Кто знает, какие терминалы у ребят в «Креативах»? Засекут – и все псу под хвост.

Аурел притормозил и потянулся к шлему. Поднял прозрачную чуть выгнутую пластину, обернулся.

– Езжай на юг, – сказала девушка. – В Трою.

Развивать мысль она явно не собиралась. Аурел поразмыслил. С перегона, конечно, нужно сворачивать, это даже не вопрос. Но куда ехать дальше, он еще не решил. Можно и в Трою, если у неожиданной спутницы есть там знакомые. Все равно нужно запастись продуктами перед дальним броском к зоне высадки. Спрашивать девушку он не стал, хотя очень хотелось это сделать. Решил оставаться таким же сдержанным и немногословным, как она.

Защелкнув пластину, Аурел выкрутил ручку газа. «Барракуда» рванулась вперед, ликующе урча.

Троя неблизко, за два дня, пожалуй, не успеть. Но на третий они туда доберутся, точно.

К полудню зверски захотелось спать. Аурел долго боролся со слипающимися глазами, пока не нашел удобное для стоянки место. Островок невысоких ив у крохотного озерца, выглядевший посреди гладкой равнины донельзя чужеродно. Там можно спокойно отоспаться и не маячить. Даже мотоцикл спрятать получится.

Ивы пахли клейкой зеленью, Аурел совершенно отвык от такого запаха. В сити деревья пахли пылью и дасфальтом. Сняв шлем, он с наслаждением втянул в легкие свободный от индустриальной копоти воздух. Природа, елы-палы, как редко ее замечаешь...

Мотоцикл он прислонил к раздвоенной иве. Спать хотелось по-прежнему зверски. Даже сильнее, чем есть. Выудив из бардачка спальник, Аурел наспех надул плоскость. Девушка глядела на него с некоторым сомнением; Аурел смутился. В самом деле... Спальник-то ей отдать придется. Или у нее свой есть?

– Нет у меня спальника, – словно подслушав его мысль сказала девушка. – Но, я думаю, в этом мы и вдвоем поместимся.

Аурел выдержал длинный взгляд в упор. В очках-звездочках отражалось синее-синее небо.

Ладно. Вдвоем, так вдвоем. Комплексом девственности, по крайней мере, спутница явно не страдает. И на том спасибо.

Девушка дождалась, когда Аурел расправит спальник, и метнула ему пакет с крабными палочками. Легкий, так сказать, ужин. Перед сном. И спокойно влезла в спальник, сняв только неизменные свои очки и черные ботиночки от Монтрея.

Аурел вяло сжевал палочки, сунув упаковочную пленку в карман – решил не сорить. А то еще, не ровен час, выследят. Хотя, все равно ведь выследят. Главное – побыстрее отсюда убраться, пока не напали на след.

Аурел тоже стянул тяжелые пропыленные ботинки и полез в спальник. Девушка подвинулась.

– Только не приставай, – сказала она равнодушно. – Я еще к тебе не привыкла.

Аурел подумал, что от него сейчас все равно мало толку, потому что он наполовину спит.

Но женщины непоследовательны – рука ее скользнула Аурелу за спину, а голова легла на плечо. От девушки исходило блаженное тепло, и в другое время Аурел вряд ли сдержался бы. Но сейчас он действительно хотел спать.

Сон пришел к нему, вынырнув из зеленых, как искры киберспейса, глаз той, что рядом. Во сне она была, конечно же, в очках и Аурел не видел ее глаз. Но теперь знал, что глаза зеленые.

«Сигейт Барракуда», приникший к раздвоенной иве, глядел на обнявшуюся парочку в серебристом спальнике немигающим оком потушенной фары. Впрочем, он многое повидал на своем недолгом веку, и поэтому ничуть не удивился.

Когда Аурел проснулся, было темно и тихо. Над степью колюче мерцали звезды. Голова девушки уютно лежала на плече и Аурелу сразу захотелось погладить чистую розовую щеку. Потом вспомнил, что его просили не приставать, а как расценить такое прикосновение? По-видимому, однозначно.

И он выскользнул из спальника, стараясь не разбудить спутницу. Не получилось – она сразу же шевельнулась и вздохнула. Аурел размял затекшее плечо, молча умылся в озерце и вернулся к мотоциклу. Зажег фару. Спустя минуту девушка вышла из темноты и села рядом с Аурелом, копавшимся в сумке.

Там действительно нашлась бутылка «Осеннего бархата». И консервы нашлись – Аурел с изумлением разглядывал промасленные банки, которые иначе как ножом не вскрыть. Видимо, армейские, сто лет Аурел таких не видел.

Добыв из бардачка печку, Аурел запитал ее от мотоциклетных батарей и собрался разогреть консервы, но

девушка спокойно и явно привычно перехватила инициативу.

– Давай, я все приготовлю. Только банку открой.

Из сумки она уже успела достать какие-то пакеты, не то со специями, не то с полуфабрикатами «Поуни», Аурел не рассмотрел. Он с удовольствием кромсал ножом жирную от масла жесть и смотрел как девушка готовит полнчник.

Как всякому хакеру, ему часто приходилось не спать ночами, а ночью всегда ужасно хочется чего-нибудь сжевать. Еда днем – это, понятно, полдник. А ночью, понятно, полнчник. Веселое слово, емкое.

Готовила девушка недолго. Аурел размышлял, что до сих пор не знает ее имени, но решил специально не спрашивать. Из принципа. Пусть сама скажет, если сочтет нужным. По правде говоря, очень хотелось, чтоб сочла. Он помнил тепло ее тела, помнил уверенное прикосновение руки. Когда-нибудь это повторится, только на них не будет никакой одежды... И никто не будет гнаться за ними на скоростных «Креативах».

Они съели дымящееся волокнистое мясо с пряными шариками кулаи, выпили пиво, передавая друг другу бутылку. И все молча.

– Спасибо, – сказал Аурел, потому что молчание ему не нравилось. – Ты вкусно готовишь.

Девушка не ответила. Она встала и демонстративно уселась в седло. Намек был прозрачен до очевидности. Свернув печку и убрав спальник, Аурел взялся за руль.

«Занятная у меня спутница!» – в который раз подумал Аурел. Она нравилась ему все больше и больше. И еще он подумал, что продал бы душу, лишь бы узнать, что она думает о нем.

Но душу продавать было некому, и мысли зеленоглазой, похожей на мальчишку-подростка, Мечты остались ее тайной. А Аурел решил, что лучше умрет, чем позволит мордоворотам на «Креативах» догнать себя, а значит и ее. Она останется с Аурелом. Будет прятать зелень глаз за очками-звездочками, а перед сном снимать ботиночки от Монтрея. И не только ботиночки, черт возьми!

Руки ее легли на плечи Аурела и «Барракуда» стартовала в ночь.

***

~# root
~# open console 5
~# stream 1/console 5

@comment: user [Владимир Лощинин]
@comment: status [civ]
@net locate: Лески_2148840
~# testing peripheral devices

– Подожди, – сказал Лощинин. – Я понял. Ты предлагаешь еще раз наведаться в тот бар?

Изображение Энди в голокубе утвердительно кивнуло.

– Именно. Я знаю эту локалку, Рамон-сто пять. Самого Тири я никогда не видел, но имя кажется мне знакомым. Там Гонза должен быть, Великий Медленный Король, Пустовойтов, Толик Хлыстов. Но не посылай туда ребят Шамила – эти не добьются ничего. Пошли кого-нибудь из сетевого люда. Или сам сходи.

– Может, ты и сходишь? А, Энди?

Толстяк в полосатом халате заулыбался в бороду.

– Брось, Володька, не пойду я. Далеко – раз, и потом, не хочу, чтоб мое имя было связано со стрельбой в пенатах Рамон-сто пятого. Не вставая из-за борды я сделал бы для тебя все. Но ходить – нет, это не по мне.

– Ну так узнай, – предложил Лощинин. – Не вставая из-за борды.

Энди опять отрицательно покачал головой.

– Нет. Я могу, конечно, узнать. Но тогда сеть быстро узнает, что это узнал именно я. И сразу вспомнит, кого Тири интересовал днем раньше.

Лощинин вздохнул. Впрочем, он и не надеялся, потому что за несколько лет изучил нравы Энди достаточно хорошо.

– Жаль. И Жмур с Рюкзаком далеко от сити, не пошлешь...

– Сходи сам, – снова предложил Энди. – Тебя в лицо мало кто знает. Да и не ожидает никто тебя, все думают – не по чину работенка. Если тебе действительно нужна быстрота, все получится, потому что будет полной неожиданностью.

– Меня же расколют в первую минуту, – жалобно протянул Лощинин. – Не хакер я.

– Ну и что? – пожал плечами Энди. – В локалках хакеров как раз и мало. В основном средний люд, юзера да железячники. Если ни тот, ни другой – тогда вообще чайник. Не боись, Володька, ты ж даже знаешь с какого боку за борду браться. А попадаются такие экземпляры, я тебе скажу...

– Блин, дожил! – в сердцах выдохнул Лощинин. – Самому работать!

Энди, не кроясь, хмыкнул в бороду.

– Ну, тогда шли парней Шамила. Только будь готов, что ничего они не разузнают. Полбара разнесут – и не разузнают.

Точно говорю.

Лощинин, в общем, уже решился. Потер гладко выбритую щеку и полез в ящик стола, где который год валялся без дела значок Эндиной локалки Блади-шестьдесят восемь. Кругляш с налепленной голоэмблемкой: полосатые цифры, с которых капала ядовито-алая кровь.

– Правильно, – похвалил Энди. – Но тогда ни за что не говори, что ты Лощинин. Выдумай что-нить. Скажи, я тебе пойнта только на прошлой неделе дал. Можешь даже сказать, что меня ищешь.

– Ты же там не бываешь, – обронил Лощинин, прилаживая значок на лацкан куртки.

– Пойнт об этом знать не обязан, – вздохнул Энди невинно. – Пойнты, они все тормоза.

– Но-но, попрошу! – попросил Лощинин, который числился пойнтом Энди уже третий год. Правда, в шестьдесят восьмой локалке Лощинин отродясь не появлялся, а спецконференции только читал.

Энди пошевелил бровями. Жека, жена, как раз звала пить чай и пора было заканчивать разговор.

– Иди уж, – отмахнулся Лощинин, который по обыкновению замечал и слышал все. Даже то, что происходило около терминала, с которым он связывался.

Голокуб величаво погас. Лощинин утопил клавишу питания на терминале и тихий шелест охлаждающего форма оборвался.

– Я в сумеречную наведаюсь, – обронил он в сторону секретарши. Та, как всегда, захлопала ресницами. Лощинин вздохнул.

Килограмму он велел ехать следом, но перед баром не останавливаться, а найти уютное место в стороне и в бар ни в коем случае не соваться. Килограмм с усилием кивнул – с такой шеей и комплекцией, как у Килограмма, кивать было и впрямь затруднительно. Зато очень удобно было плющить оборзевшую шпану. Килограмм плющил на «ять».

У выхода Лощинин сел за руль потрепанного «Азтеча» и поехал в сторону сумеречной зоны. По дороге взгляд настороженно ощупывал светофоры: Лощинин помнил, что ночью эти непостижимые люди – хакеры – перехватили управление ими. Ненадолго, правда, у полисов на защите тоже не лопухи сидят. Но все же... Неужели хакеры могут все? Но как тогда жить в мире, если в один прекрасный момент какой-нибудь двенадцатилетний умник одним касанием клавиатуры уничтожает твой многолетний труд?

«Черти бы их побрали, эти глобальные сети... Нормальный

человек только путается, а ловкачи прут у нас все, до чего дотянутся их ненасытные руки... И к тому же, часто ведь не ради денег лезут. Просто от непонятного зуда в непонятном месте. Может, у них орган особый есть, у хакеров – центр беспокойства? Вечный зов неутоленного информативного голода, чтоб его...» Движение на улицах было не плотнее обычного. Грузовики ушли на перегон еще затемно, а юркие легковушки легко умещались на широких магистралях сити. В глазах рябило от «Креативов», «Долфинов», «Асеров», «Вертосов»... Лощинин гнал свой «Азтеч», уцепившись за зеленый коридор скоростной полосы. Позади сноровисто шнырял из ряда в ряд послушный Килограмм на обтекаемом «Панасе». Вдалеке уже маячили многоэтажки «Зонул Сенсера». Кар-навигатор предупредительно гудел перед нужными поворотами. Бар располагался на короткой, зажатой между двух проспектов улочке. Голореклама ткала цветные объемные изображения в дневном режиме, без активной подсветки.

Лощинин припарковался у короткого столбика, расписанного странного вида загогулинами. Что сия роспись означала догадался бы разве что какой-нибудь отрешенный от мира гуру, упакованный в дырявый, пропахший дымом пончо. Бродили такие вдоль перегона, изредка задерживаясь в городках и всегда гордо отказываясь от предложения подвезти. Высшим способом приобщения к гармонии сфер у таких гуру считалось многолетнее пешее путешествие от зоны высадки до сити. Через весь континент. Или от сити до зоны высадки. Некоторые умудрялись за жизнь пройти туда и обратно, хотя Лощинин как-то подсчитал, что дорога в один конец должна занять больше пятидесяти лет, если за день проходить километров по пятьдесят же. Наверное, гуру врали, что весь путь проделывали пешком. Небось, подвозил их кто-нибудь, не зная кого подвозит.

Мышастый «Панас», шелестя протекторами по дасфальту, обогнал его и пристроился к бордюру метрах в ста впереди. Скептически смерив взглядом вывеску с названием, Лощинин вылез из кара и, ровно шагая, приблизился к фотосенсорной двери. Дверь услужливо распахнулась и Лощинина обдало запахом крепкого пива.

"Ничего не узнаю, так хоть пива попью, – мрачно решил он, входя в «Потерянный кластер».

Народу внутри почти не было. Не зря этот район именовался «Зонул Сенсера» – сумеречной зоной. Понятно, компьютерный люд активен ночью, утро для них – время крепкого сна. Впрочем, близилось время первого глотка, так что Лощинин надеялся, что народ вот-вот начнет подтягиваться. Полдень, самое время.

Он прошел к угловому столику, вежливо кивнув бармену. Тот

не замедлил приблизиться – невысокий крепыш в относительно чистом фартуке, похожий на экс-боксера. Глаза у него были бесцветно-водянистые, лишенные даже намека не какое-либо выражение. Словно у безответной буренки перед воротами бойни.

– Добрый день, уважаемый! Заказывайте.

– Пива, – пожал плечами Лощинин. – И совет, если можно.

– Какой совет? – спросил бармен без особого интереса.

– С кем тут можно поговорить?

Тут бармен насторожился.

– О чем поговорить?

Теперь в его словах засквозила откровенная, ничем не прикрытая неприязнь.

Лощинин развел в стороны полы пиджака, показывая, что там не скрывается кобура с табельной пушкой.

– Я не легавый, не подумай. Всего лишь маленькое частное дело: я ищу одного человека. Мне сказали, что здесь мне могут помочь.

– Кто сказал? – мгновенно переспросил бармен.

– Энди Трушин. Так и сказал: мол, зайди в «Кластер», там все узнаешь.

Бармен на глазах расслабился и подобрел, мельком скользнув взглядом по значку шестьдесят восьмой локалки.

– А-а... Ну, если Энди... Сейчас, пива принесу...

Он сходил за стойку и вернулся с увенчанной пенной шапкой кружкой. Лощинин не замедлил к ней приложиться.

– А кого, собственно, ты ищешь, если не секрет?

Лощинин снова отхлебнул и максимально небрежно ответил:

– Парня по имени Тири. Мне его рекомендовали.

Бармен рассеянно покивал.

– Тири, ага... А кто, извиняюсь, рекомендовал?

Лощинин снова хотел сослаться на Энди, но потом решил, что это будет чересчур.

– Да ребята из зоны высадки... Цибульский. Знаешь?

Бармен отрицательно покачал головой.

– Нет. Не знаю. И парня по имени Тири, кстати, я тоже не знаю. Может, Хлыстов знает? Вон он сидит, спроси.

Лощинин глянул – за соседним столиком сидел сухощавый брюнет в джинсе и пил «Утро программера» прямо из пузатой бутылки. Подхватив свой бокал, Лощинин подсел к нему. Бармен незаметно испарился в направлении стойки и занялся неизменным барменским: начал протирать чистые бокалы.

– День добрый, – сказал Лощинин вежливо. – Извини, пара вопросов есть, бармен сказал, что ты можешь помочь.

Хлыстов немедленно протянул руку.

– Толик.

– Володя.

– Спрашивай.

– Я ищу Тири.

Толик напрягся. Он приложил все усилия, чтоб это осталось незамеченным, но Лощинин такое замечал всегда.

– А... зачем?

– Он мне нужен.

– Нуж...жен? Хм... Он всем нужен.

– Вот видишь, – улыбнулся Лощинин, погружая нос в пену. – И мне тоже нужен.

Толик замялся.

– Тири уехал-л... Недавно. Я не знаю куда. Может, Гонза знает?

Он обернулся и позвал сидящего за одним из терминалов парня в такой же джинсе.

– Эй, Гонза! Тут интересуются парнем по имени Тири. Ты знаешь, где его искать?

Гонза бросил борду и медленно обернулся.

– Нет. Не знаю.

Взгляд его чуть не пробуравил Лощинина насквозь. В баре воцарилась предупредительная тишина. Лощинин быстро понял, что все плохо: допущена какая-то ошибка. Тири ему не отдадут. Но в чем он просчитался? Черт возьми... Однако все, положение уже не исправить. Нечего и рыпаться. Обидно.

– Жаль, – сказал Лощинин. – Мне он так нужен...

Допив пиво, встал из-за стола и неторопливо направился к двери. Спину жгло от внимательных взглядов.

«Азтеч» с негромким шелестом тронулся и спустя пару минут влился в поток каров на улице Сидоровича. Лощинин молча шевелил рулевым и напряженно думал: в чем его прокол? В чем? В чем-то очевидном для тех, кто знает Тири. Еще и еще раз он прокручивал в уме разговор с барменом и Хлыстовым и все равно не понимал, где ошибся.

В секторе заднего обзора ненавязчиво маячил «Панас» Килограмма.

Из конторы Лощинин тотчас вызвал Энди, но у того было намертво занято – наверное, шарил по сетям. В сердцах Лощинин связался с Шамилом и наорал на него, но облегчения это не доставило. Тогда он отловил Заявлина принялся трясти на предмет ребят-забарьерников. Где они, трам-тарарам? Заявлин, призывая в свидетели небо и недра, клялся и божился, что настроил робота, который вызывает терминалы джипов без перерыва – вторые сутки, кстати, и все без малейшего толку.

Пообещав оторвать Заявлину яйца, Лощинин отключился, достал из сейфа початую бутылку бренди и с горя хлопнул сразу грамм сто пятьдесят.

***

~# run cosole 1
@comment: crossroads

Равнина и впрямь была необъятной. Особенно остро это чувствовалось в кабине джипа. Бай жал на акселератор который час подряд, а окружающее менялось очень мало. Огромная плоскость, ничем не ограниченная, и они в самом центре – четыре крупинки, четыре джипа. Перегон – прямая укатанная трасса – уводил в бесконечность. Казалось, никуда он не приведет, так и будет тянуться до скончания дней, и сколько не дави на педаль, ничего вокруг не изменится.

Бай ехал первым. Его «Гризли» накатывался на гладь перегона, скрипел протекторами и амортизаторами, поднимал жиденький шлейфик пыли. Шлейфик тут же сносило слабым боковым ветром, и едущим следом за «Гризли» Чену с Семой пыль совсем не досаждала. Впрочем, тогда бы Чен с Семой просто отстали от машины Бая, удерживали бы дистанцию побольше и все.

Третьим ехал Син; замыкала мини-колонну рыже-черная «Эфа» Тигра. Бай периодически видел машины спутников в зеркальце и еще на угловом секторе экрана терминала, настроенном на бек-вижн. Спидометры показали, что за день они проехали больше тысячи километров.

Бай все думал о странной организации их миссии. Какой-то сомнительный ступенчатый хинт, пополняющийся время от времени. Такое впечатление, что их водят за нос. Впрочем, за такие бабки смело можно пожертвовать носом на некоторое время.

Равнина стелилась навстречу. Как это, должно быть, утомительно – работать шофером-дальнобойщиком в этом необъятном мире! «Интересно, какой-нибудь городишко попадется или нет? – подумал Бай вяло. – Пора бы уже, сколько едем!» Опустошенный, он вылез из-за руля спустя несколько часов, когда солнце вознамерилось спрятаться – по обыкновению, не за горизонт, потому что горизонта тут не было. Но куда-то оно все же умудрялось прятаться, иначе не наступала бы ночь, а она наступала здесь регулярно, было время убедиться. Поужинали

консервами, но из-за усталости даже любимые шпроты казались не такими вкусными как обычно. Палатки решили не ставить – спинки сидений в джипах вполне откидывались, обращая салоны в просторные диваны. Правда, в двухместном «Гризли» все равно оставалось мало места, и Бай решил перебраться в соседи к Сину, тем более, что в каждой командировке они делили гостиничные номера вот уже полтора десятка лет. Засыпая, Бай подумал, что надо бы добраться до терминала и погрузиться в сеть, но сил никаких на это не оставалось.

А зря. Он мог бы многое заметить сегодня.

Как ломился на терминалы всех четырех джипов поочередно опытный Энди Трушин, и как некто кроющийся в черноте киберспейса отсекал все входящие, заставляя Энди материться перед голокубом и сдергивать с висков мнемоюсты, потому что начинали плавиться мозги и раскалываться башка. Как бестолковый робот Заявлина едва не прорвался на терминал Тигра, пока стесняющийся неровного почерка Фриппи воевал с Трушиным, и как из тьмы киберспейса вынырнул еще кто-то бесформенный и неощутимый, завесил терминал Заявлина и обрезал все линии. Заявлин это тоже заметил не сразу. А когда все же сумел запустить свою станцию по-новой, ему сказали, что весь CMOS покрыт инеем и передали привет от Тири. И вслед за тем сожгли процессорные сборки заявлинского терминала, намертво, дотла, обратив кристаллы в жирный пепел.

Бай мог бы заметить все это. Но вряд ли бы сумел помешать странным обитателям киберспейса, способным творить невозможное.

Сон Бая в эту ночь получился беспокойным и полным странных видений. Их можно было увязать кое в чем с ночными событиями, но чтоб увязать, нужно было знать о ночных событиях. Бай, увы, не знал ничего.

Проснулся он злым, неотдохнувшим, с гудящей головой. Вскоре после рассвета. Солнце косо разбрасывало лучи по необъятной равнине. За окнами джипа стонал ветер. Через перегон кувырком неслись пузатые шары перекати-поля. Впервые в этом мире Бай увидел облака – далекие ватные громады, ползущие в небе южнее их стоянки. На севере и западе небо оставалось чистым.

Син радостно дрых, подложив под щеку пухлый кулачок. Круглые очки лежали над приборной доской, глядя прямо на джип Чена и Семы. А с юга, оттуда, где клубились облака, приближались похожие на невиданный в этом мире инверсионный след реактивных истребителей шлейфики пыли. Много. Несколько десятков. Пока еще маленьких и далеких, и

оттого кажущихся игрушечными.

Бай протер глаза, но шлейфики не исчезли. Он выругался и пихнул безмятежно спящего Сина.

– Вставай! К нам гости.

Син вздрогнул, смешно чмокнул губами и приподнял голову. Рука его автоматически потянулась к очкам, и лишь водрузив их на нос Син сумел придать глазам осмысленное выражение.

– Чего? Какие гости?

Бай указал большим пальцем на юг. Некоторое время Син тупо глядел на шлейфики. Потом вздохнул.

– Ты думаешь, это опасно?

– Я думаю, что нам в этом мире все опасно, – ответил Бай и потянулся к терминалу.

– Чен, Тигрис, полундра, к нам гости!

Новые слова искать было незачем, поэтому Бай довольствовался старыми. Чен отозвался почти сразу.

– Я вижу.

– Сколько их? – спросил Синицын.

– Сейчас посчитаю, – на миг умолк Чен. – Больше тридцати. Не видно пока всех.

– Да... – проворчал из бластера Тигр. – Я пошел заряжать винтовку...

– Практик, – оценил Бай. – Реалист.

Сема с биноклем вылез на крышу джипа и, спустя минуту, сообщил:

– Мотоциклисты. Рокеры, понимаешь. Целая банда...

Винтовки взяли все, даже Сема. Гости мчались к перегону, оставляя стоянку ТП-шников немного западнее.

– Может, проскочат? – с надеждой протянул Син, особо, впрочем, не надеясь. Не заметить четыре джипа посреди плоской, как поднос, равнины умудрился бы только крот.

За гнутыми рулями мотоциклов сидели отнюдь не кроты. Вся стая слаженно вильнула чуть влево и теперь неслась прямо на джипы. Несколько минут – и мотоциклисты окружили стоянку. Некоторое время они носились кругами, приглядываясь, или пытаясь нагнать страху.

– Тридцать восемь, – посчитал практичный Чен. – По семь с лишним выстрелов на брата. А ружья двенадцатизарядные. Шансы есть, если не мазать.

Тигрис только хмыкнул и полез наружу. Бай, чертыхнулся, передернул затвор и тоже приоткрыл дверцу. Моторы мотоциклов сухо трещали, разрывая первозданную тишину степи на части. Гости с юга выглядели вполне живописно: кожанки, металлический бляшки, шипы, темные очки и длинные космы.

Шлемы были только у трех, остальные, видимо, не боялись расшибить себе голову на перегоне. Или в стороне от него. Мотоциклы тоже были разными – «Сигейты», «Вестерн-Кавьяры», «Максторы», даже несколько «Микрополисов», некоторое время назад ставших редкостью. Впрочем, никто из ТП-шников и прежних хозяев тел особо не разбирался в местной технике.

Бай почувствовал себя на редкость скучно, потому что знал, знал в подробностях все, что сейчас должно произойти. Сначала главарь слезет с мотоцикла и начнет бродить у джипов, многозначительно поглядывая на окруженных, а значит – испуганных автомобилистов, потом начнет задавать дурацкие вопросы и выслушивать дурацкие ответы, а потом кто-нибудь не выдержит и начнется пальба.

Главарь действительно вылез из седла, но бродить не стал; сложил покрытые цветными татуировками ручищи на груди и вытаращился на джипы.

– Вау! – выдохнул наконец он с неожиданным воодушевлением. – Ну и тачки! Из сити?

– Нет, – с некоторым напряжением в голосе ответил Бай. Главарь с интересом обернулся к Баю. Видимо, сразу уловил напряжение и теперь пытался его истолковать.

– Хм! Тогда, значит, из зоны высадки?

– Нет, – уже спокойнее ответил Бай.

– А откуда?

– Из Москвы.

Главарь задумался. Наверное, в этом мире не было места под названием Москва.

– Не знаю, где это, – сказал главарь, снимая зеркальные очки.

– Твое счастье, – ответил Бай, изумившись собственной наглости. Но на собеседника это произвело впечатление. Или это, или вид готовых к стрельбе ружей в руках ТП-шников.

Главарь вздохнул.

– М-да… Ладно, привет. Если полисы Хартланда спросят, видели ли вы Жигу с товарищами, вы уж, будьте так добры, скажите, что видели. Ладно?

– Ладно, – охотно согласился Бай. – Скажем, что видели Жигу с товарищами.

Главарь мотоциклистов надел очки и одним прыжком вскочил в седло. Мотор завелся с первого рывка. Вся стая тронулась разом, точно косяк рыбешек, вырулила на перегон и помчалась на запад. Никто больше не сказал ни слова, никто не обернулся, словно и не было здесь пятерых путников и ярко раскрашенных джипов.

Чен провел стаю глазами.

– Да, – сказал он с неприкрытым облегчением когда рокот моторов затих вдали. – Я думал, будет хуже.

– Хуже, – проворчал Тигр. – У них оружия не было. Куда ж на стволы с голой пяткой? Ты бы кинулся?

– Нет, – честно ответил Чен. – Я бы и с не голой не кинулся. На кой мне эти ребята?

Синицын бросил ружье на сидение и нервно хлопнул дверцей.

– Елы-палы! – сказал он и вытер лицо (не снимая очков) пестрым платком. – Что они от нас хотели?

– По-моему, – проворчал Тигр, – им просто понравились джипы.

Глядеть без улыбки на самодовольную лоснящуюся физиономию Тигра даже сейчас было невозможно. Казалось, в этом черном теле сконцентрировалось все жизнелюбие и оптимизм, ранее разделенное на пятерых. Более-менее живой вид сохранял, кроме Тигра, только Чен, но здешний Чен оказался таким же невозмутимым, как и московский, поэтому его оптимизм наружу не прорывался.

– Поехали, что ли? – поежился Бай. Ему даже есть совершенно расхотелось.

– Давай лучше подождем, пока эти уроды съедут подальше, – предложил Синицын. – Неровен час, догоним. Вдруг второй раз они не будут такими смиренными?

Чен усмехнулся и пошел подключать печку.

– Термос тащи, – скомандовал он на ходу Семе и тот покорно полез в багажник. Даже не сказав, что ему трудно.

А Бай, сжимая в руках ребристое цевье ружья, смотрел на гонимые ветром шары перекати-поля и мучительно думал – кто бы из них выстрелил первым, если бы пришлось стрелять? Кто?

И не находил ответа.

***

~# run console 3
@comment: change drive
@comment: rest mode

Троя выступила из дымки утром, но долго еще продолжала маячить далеко впереди, еле-еле приближаясь. Отдельные дома Аурел стал различать только к полудню, а вплотную приблизились к ним еще через час.

Девушка потрясла его за плечо, предлагая остановиться.

Памятуя о ее нежелании пользоваться интерсвязью, Аурел сразу же затормозил и поднял пластиковое забрало шлема.

– Я сяду за руль, – сказала она решительно. – Чем объяснять тебе куда ехать...

Аурел вообще-то бывал раньше в Трое. С некоторым сомнением он уступил место впереди. Спутница уверенно выжала сцепление и включила скорость. «Барракуда» послушно устремилась вперед, разве только не мурлыча от удовольствия. Аурел опустил ладони на плечи, покрытые серебристой курткой, и понял, что глупо улыбается. И тому, что прикоснулся к ней, и тому, что Мечта, оказывается, тоже любит мотоциклы. Потому что так уверенно и самозабвенно гнать двухколесного друга может только тот, чье сердце умеет биться в такт с мотором.

Теперь он сидел позади, возвышаясь над девушкой, и глядел поверх ее шлема. «Барракуда» на скорости миновала северный шлюз и выбралась на дасфальт. Троя встречала бродяг.

Очень быстро Аурел понял, что не зря девушка отобрала у него руль. Свернув с входной трассы, они долго петляли в сущем лабиринте кривых коротких улочек, то и дело сигая через бордюры и протискиваясь сквозь живые изгороди. Спутница ловко, как кроссер-высшая лига огибала препятствия, при этом не насилуя двигатель и обода. Аурел понял, что от состояния «влюбился по уши» его отделяет в лучшем случае несколько дней.

Их целью был длинный, как барак, дом, полузаправка-полутехстанция. Перед чисто выметенной площадкой пестрели клумбы с цветами; к заправке вели обнесенные низкими киддами дасфальтированные дорожки, а со стороны пристройки виднелся большой размалеванный гигантскими бутербродами и пивными бутылками щит, зазывающий в бар-закусочную. Скользящие ворота нескольких гаражей были открыты, внутри возились механики с карами и мотоциклами; пахло топливом и смазкой.

«Барракуда» замерла у дверей бара. Не успела спутница Аурела снять шлем, рядом возник мрачного и необъятного вида толстяк-бородач в кожаном фартуке. Аурел напрягся, лихорадочно соображая – как можно достойно ответить такой первобытной груде мускулов, но прежде чем он нашел подходящий ответ, девушка радостно повисла у толстяка на шее.

– Привет, Грай!

– Привет, ...

Аурел не услышал имя, потому что в самый неподходящий момент безысходно взвыл неотрегулированный двигатель одного из каров в мастерских и голос толстяка-Грая утонул в надрывном стоне виг-передачи.

– Это Грай, мой брат, – спохватившись, представила спутница

толстяка. – А это мой приятель Ури.

Аурел вежливо кивнул, с трудом сдерживаясь, чтоб не отвесить челюсть. Она знала не только его имя, но и давно забытое детское прозвище!

Следующие несколько секунд ему было не до удивлений – Грай пожал протянутую руку. Аурелу показалось, что ладонь его угодила под гидравлический пресс. Он напряг все силы, пытаясь противостоять могучей хватке толстяка, но с тем же успехом он мог бы попытаться взлететь.

– Нам нужно сменить тачку. Собственно, нужна вторая, но от этой все равно пора избавиться, – сказала девушка, обращаясь к своему необъятному братцу.

Несмотря на временно отказавшую кисть, Аурел живо заинтересовался. Менять любимую «Барракуду»? Вот еще!

Грай понимающе кивнул. Похоже, он был нелюбопытен и обожал сестру.

– Ладно. Идите в бар, Тамара там. Я посмотрю, что нас есть сейчас.

– "Квантумы" есть? – спросила девушка буднично и Аурел вторично приготовился к борьбе с отвисающей челюстью. «Квантумы»? Мотоциклы ручной, на заказ, сборки? Да их в сити всего несколько десятков! А в этой забытой бекбоном глуши?

Грай, однако, ничуть не смутился.

– "Мэверик" у меня точно есть, кажется можно организовать к нему «Трейлблейзер»...

– Брат, – проникновенно сказала девушка и напористо взглянула в лицо толстяку сквозь очки-звездочки, – нам нужны «Файрболлы».

Аурел перестал дышать. «Квантум Файрболл»! Предмет вздыханий последних двух лет! Он мог бы купить этот мотоцикл – если бы их продавали. Его «Барракуда» тоже была дорогой и недоступной большинству людей машиной, но «Квантум» есть «Квантум»...

Насупившись, Грай вздохнул, как показалось Аурелу – покорно.

– Ладно, к вечеру будут. Два, я правильно понял?

Девушка сдержанно чмокнула брата в бороду.

– Два. С полной зарядкой и баками. И с полными бардачками – ты знаешь, что может понадобиться на перегоне.

– Ладно.

– Пойдем, – спутница потянула Аурела за рукав. Снова взвыла неотрегулированная виг-передача в мастерской.

Аурел зашагал по дорожке ко входу в бар, то и дело озираясь. Грай присел у «Барракуды», разглядывая все, что можно

разглядеть снаружи.

У самой двери Аурел услышал его густой бас:

– Эй, приятель!

Аурел обернулся. Толстяк, поднимаясь на ноги, уважительно показал кулак с оттопыренным большим пальцем. Значит, двухколесный друг Аурела в порядке, и Грай, безусловно опытный механик, признал это. Аурел благодарно кивнул и вошел в затененный спейс бара. Спутницу он разглядел у самой стойки; она беседовала с миловидной женщиной, наверное – официанткой, обе выглядели оживленно и очень обрадованно.

Почему-то именно в этот момент Аурел подумал, что более непохожих брата и сестру, чем Грай и Мечта, до сих пор не встречал.

Он подошел. Мечта, не прекращая разговора, махнула рукой в сторону углового столика и Аурел послушно побрел в угол. Уселся. Ему тут же принесли кебаб с жареной картошкой и целую кварту пива. Аурел не возражал.

Бар был почти пуст, только двое шоферюг в клетчатых рубашках молча поглощали горы салата за ближним к выходу столиком. Большой трейлер компании «Лопл Триджентик» одиноко торчал под солнцем посреди стоянки – не иначе, именно его шоферюги-любители салата и пилотировали. Девушка продолжала болтать с родственницей. Или кем там ей приходилась официантка Тамара? Вероятно, это жена Грая, решил Аурел. Смелая женщина. Жить с таким мужичищем...

Расправившись с едой и пивом, Аурел заскучал. На него никто не обращал внимания; очень быстро взгляд набрел на ряд терминалов напротив стойки. Он уже было собрался подсесть к одному из них, но тут девушка-Мечта наконец вспомнила о его существовании.

– Пойдем, – сказала она, как обычно без подробностей. Аурел встал.

– Кому сказать спасибо? – поинтересовался он.

– Мне, – улыбнулась Тамара и открыла дверь по ту сторону стойки; длинный коридор уводил вглубь здания. Спутница уверенно проскользнула в дверь.

Потом была еще одна дверь, и они очутились в уютном холле, заставленном кадками с фикусами и стеллажами с моделями каров и мотоциклов. Аурел воодушевленно вертел головой. Вынув из кармана серебристой куртки ключ, девушка поколдовала над нехитрым магнитным замком.

– Заходи.

В небольшой комнате стояла застеленная клетчатыми пледами кровать, кресло да тумба-телевизор. Окно глядело на все

тот же трейлер «Лопл Триджентик», только с другой точки.

– Душ там, – сказала девушка, показывая рукой на матово-белую дверь с туманным непрозрачным плексом почти в рост человека. – Дрыхни, смотри новости. До вечера меня не будет. Не вздумай шляться по дому или городу. Это я тебе по дружбе сообщаю, целее будешь. Понял?

Аурел насупился.

– Понял, ваше величество...

Досаду его можно было понять – диктаторские замашки девушки и отношение к мужчине, как к ребенку, понравились бы только какому-нибудь поэту-слюнтяю с нечесаной гривой, непризнанному гению грядущих столетий.

– Да не сердись ты, – сказала девушка неожиданно мягко и легонько ткнула Аурела в плечо. – Все прояснится. Сделай как я говорю. Пожалуйста!

Аурел сокрушенно вздохнул; недовольство и досада его на глазах испарялись.

– Можно подумать, у меня есть выбор...

Она еще раз по-свойски ткнула Аурела кулаком в плечо и, встав на цыпочки, быстро поцеловала в небритую щеку. Плекс-звездочка легонько царапнул кожу на скуле.

– Вот и здорово.

И выскользнула за дверь. Щелкнул, закрываясь, магнитный замок.

– Вот так вот, – растерянно пробормотал Аурел и коснулся щеки. – Первый всемирный съезд крыш объявляется открытым...

Он потрогал входную дверь – она легко открывалась изнутри. Значит, ему доверяют. Блин, не хватало еще, чтоб его запирали, как капризу или недоумка! Тогда бы точно плюнул на все и удрал. «Барракуду», небось, сумел бы отыскать в каком-нибудь из гаражей-мастерских. А там – ищи ветра на перегоне!

Точно сбежал бы? Вот, просто оставил бы ее – и сбежал? – спросил Аурел себя. Поразмыслил. И вдруг понял, что не знает правильного ответа.

– Привет, – буркнул он отражению, подойдя к зеркалу на стене у кровати. Отражение глядело на него вопросительно, но вид сохраняло скорее довольный, чем наоборот. – Вот так они нас к себе и привязывают!

Он вздохнул, разделся, побросав одежду на кровать, и побрел в душ. Там нашлось все, от чистых полотенец и белья до бритвы. С полчаса Аурел довольно урчал под струями и смачно отфыркивался.

Чистый и свежий, как младенец, он повалился на кровать, блаженно застонав. Несколько ночевок в спальнике заставили его

снова полюбить удобные кровати. И он сам не заметил как уснул.

Ощущение неясной тревоги нахлынуло на его затуманенный сном мозг. Что-то было неладно, Аурел чувствовал это, но не мог отделить реальность от грез. Кто-то искал его... Да искал. В сети? В мерцающей пустоте киберспейса? Или в его тревожном сне? Кто-то настырный и бесцеремонный, от которого разило желанием схватить, скрутить, смять... Он был осторожен, продвигался по шажку, не подставлял себя, не спешил. Плохо, очень плохо, если он придет, Аурелу это повредит...

Легкий щелчок двери вырвал Аурела из вязкого болота сна. Из окна в комнату валились сумерки, значит наступил вечер.

Он приподнялся на локтях: у самой двери на полу что-то чернело. Аурел протер сонные глаза.

– Ба! – узнал он. – Да это моя сумка!

Он потянулся к длинному наплечному ремню и, не слезая с кровати, подтащил сумку к себе. Скользкие от смазки военные банки кто-то уже вытащил вместе с пакетом, внутри остались только коробки с дисками, чехол с бордой да диал.

Тотчас он вспомнил неприятный сон, навевающий тревогу. Это наверняка неспроста: в сети, наверное, начата охота. Засекли его тогда в баре... Чертов Гонза, завел, не нужно было лезть!

Уж не напали ли на след? Аурел потянулся и вытащил борду из чехла. Диал доставать не стал, в комнате наверняка где-то был стандартный волоконный джек для подключения.

Поднявшись и надев джинсы и просторную синюю футболку с надписью «Press any key», Аурел нашарил на стене выключатель. Ослепительно белый, как молоко, свет вспыхнул, родившись в продолговатых колбах-трубках под потолком. Глаза отозвались привычной резью. Джек нашелся у зеркала, как раз удобно было подключиться и работать, валяясь. С сухим щелчком джек вошел в гнездо борды, и в тот же миг рывком распахнулась дверь. Вошла – нет, вбежала девушка. Босиком. На ней была только длинная мужская рубашка, совсем как на шоферюгах «Лопл Триджентик». Даже очков не было.

– Не лезь! – крикнула она, увидев подключенную к волоконке борду. Аурел вопросительно уставился на нее.

Девушка отобрала борду и выдернула джек из гнезда. Шнур с тихим шуршанием втянулся в стену, оставив снаружи только сам джек, похожий на жало гигантского комара. Борда плюхнулась на смятый плед.

– Так и знала! – сказала она. – Тамара тебе сумку принесла, так и знала, что ты сразу же в сеть намылишься!

Аурел поймал себя на том, что с удовольствием пялится на ее голые ноги. Девушка перехватила его взгляд и, дотянувшись,

легонько шлепнула по затылку.

– Все вы, мужики, одинаковые, – сказала она со вздохом. – Легкомысленные и бесстыжие.

Было видно, что ей приятно внимание спутника. И она этого не пытается скрыть.

– Почему легкомысленные? – спросил Аурел.

– Ты же в сеть норовил уйти...

– Мне там нравится. И взять меня не так просто, как тебе кажется. Если ты, конечно, пытаешься меня уберечь, а не что-нибудь еще.

Девушка серьезно кивнула.

– Я знаю, что взять тебя непросто. Не спеши, Ури, сегодня ночью многое решится. Прости, что я до сих пор молчу, я правда не могу пока говорить всего, что происходит. Не сердись, ладно?

Аурел вздохнул. Разве можно сердиться на Мечту?

– Ладно. Чего я еще не должен делать?

Она усмехнулась.

– Глупостей.

– Исчерпывающе, – проворчал Аурел. – Глобально, как доступ к универовским серверам.

Теперь девушка засмеялась, громко и заливисто.

– Я скоро приду, – сказала она немного погодя. – Сходим поужинаем.

Когда она уже почти вышла за дверь, Аурел окликнул:

– Эй!

Она обернулась, вопросительно подняв бровь.

– Ты мне нравишься, – серьезно сказал Аурел. – И еще... В общем, от твоих ног обалдеть можно. Выбрось свои джинсы, а?

Девушка не ответила. Просто захлопнула дверь, выслушав. Аурел вздохнул и нехотя сунул борду в чехол. А чехол – в сумку. Потом включил теле и привалился спиной к теплой стене. В голокубе азартной гурьбой носились за полосатым мячом футболисты.

«Мне бы их заботы», – подумал Аурел уныло.

О чем думали футболисты – осталось тайной. Этого не мог узнать даже он, хакер из хакеров.

***

~# root
~# kill stream 3/console 2
~# end
[Press Enter_]

~# run console 2
@comment: check mode

Рюкзак снова мок в бассейне. Второй час подряд. Плотик с выпивкой и салатом медленно дрейфовал рядом с ним.

Жмур, откинувшись в кресле, уныло глядел в недоступное небо.

Охота складывалась совсем не так, как он думал раньше. Вообще, дурацкая получалась охота, что и говорить. То ли дичь не по зубам, то ли новые времена действительно наступают. Молодежь в сетях творила что-то малопонятное, Жмур впервые задумался над смыслом высказывания о старом псе и новых шутках. Лет пять-семь назад охота свелась бы к выслеживанию файл-вора, взлому его защитных мембран, проникновению в активную часть системы и последующему разрушению оной. Просто до зубовного скрежета. Нынешний случай ставил Жмура в тупик: похоже, у Фриппи вообще не было системы. Не было закрытого дискового пространства, не было виртуальных процессорных полей или хотя бы сборок, не было даже ноды в обычном смысле. Только борда и мозг – остальным стала гигантская сеть, необъятный киберспейс, место жизни голой информации. В таких условиях найти лощининский файл можно только физически добравшись до Фриппи. Но тот благоразумно покинул город... И снова исчез из сети. А значит – просто исчез, стал невидимым и неосязаемым. Ребята Шамила могут рыскать по перегону хоть до посинения – зацепиться им не за что. Да и не ограничивается мир одним только перегоном – сверни в сторону, и тогда можешь быть на все сто быть уверенным, что тебя не поймают.

Жмур только одно знал твердо: Фриппи еще объявится. Потому что не сможет без сети, не сможет долго выдерживать этот скучный, плоский, невыразительный мир... так непохожий на киберспейс, где возможности любого практически безграничны. Ну, разве что зависят от умения и опыта.

И снова приходится ждать, оцепенев на манер пауков в белесых самодельных тенетах.

Злыдень с утра завалился спать, после бесплодных блужданий по глухим закоулкам сетей. Жмур чувствовал непреодолимое желание последовать его примеру. Пойти и растечься по кровати. Даже не залезая под одеяло, благо стало совсем тепло. А Рюкзак пусть отращивает жабры, если ему так хочется.

Допив початую банку «Журчащей правды», Жмур побрел в свою комнату.

Рюкзак некоторое время оставался в воде; через полчаса он не спеша забрался на бортик, постоял на краю бассейна, потом насухо вытерся мохнатым полотенцем со старинным овалом «Intel inside» и тоже пошел в дом. Убедился, что Злыдень и Жмур действительно спят, и только после этого сел за терминал.

Руки застыли, еле касаясь клавиатуры, к вискам прикипели холодные таблетки мнемоюстов. Пальцы скупым росчерком набрали команду.

[Login]

[Welcome to net!] – поздоровалась сеть. И вслед за тем Рюкзак, пробив красочный окно-плакат с приветствием, ухнул в льдистый сумрак киберспейса. Тысячи осколков брызнули от точки входа, обращаясь в слепящие искристые капли, фейерверк в его честь. Басовито пела бекбонная струя – траффик сегодня случился совершенно необъятный.

Рюкзак, обтекаемый, как стриж в полете, и такой же черный, лег на курс. Он решил обогнать роутинг, и поэтому сразу стал искать флэш-линк с городком, зовущимся Троя. Флэш-линк должен начинаться прямо здесь, в сити, потому что Троя лежит в стороне от перегона, несколько южнее. И бекбон ее минует.

Найти линк было несложно. Для Рюкзака, по крайней мере. И линк был найден.

***

~# skip a period

Жмур проснулся под вечер. В окно заглядывала похожая на начищенный медный таз луна. Солнце садилось, но Жмур этого не видел, потому что окно выходило на юг.

Рюкзака в бассейне не было. Неужели вода тому надоела? Жмур привык, что идеалом приятеля было пребывание меж двух жидкостей. Когда первая – пиво – внутри организма, а вторая – вода – снаружи.

Из спальни Злыдня доносилось недвусмысленное сопение – Злыдень еще не просыпался. Жмур почему-то вспомнил, что на прошлогоднем комтеке, когда Злыдень выбрался в сити, народ надулся пива (и не только пива) и Злыдень на пару с Энди, обнявшись и громыхая бокалами по столу, раз десять подряд проорали фольклорную физтеховскую песню, из которой Жмур запомнил только одну строку припева: «Ведь от сна еще никто не умирал!» Наверное, это наследственное, потому что Жмур не хуже помнил процедуру побудки Эндиных отпрысков перед

отправкой в школу...

Вода в бассейне напоминала поверхность стейтор-массива: ни единой морщинки, идеальная плоскость. Бортики были совершенно сухими, значит Рюкзак покинул бассейн уже давно.

«Небось, в берлоге», – понял Жмур. Последние дни Рюкзак что-то затеял, шарился в каких-то логах, отслеживал какие-то входящие... Но молчал, видно хотел сначала добиться хоть какого-то результата.

Рюкзак действительно был в берлоге – сидел перед терминалом, уронив голову на борду. В голокубе мерцала неразличимая с порога строка.

«Сморило, беднягу, – подумал Жмур. – Видно, опять ничего не нашел».

Он тихо подошел к приятелю и наконец сумел прочитать надпись в спейсе голокуба. Всего одно слово.

[УМРИ]

Жмур вздрогнул и глянул на Рюкзака – на затылке у того топорщились непокорные вихры, таблетка мнемоюста отлепилась от виска и болталась на тоненьком проводке. Тогда Жмур зашел с другой стороны, чтоб увидеть лицо.

Секундой позже у Жмура сдавило горло, а по спине тут же прогулялся арктический холод.

Глаза Рюкзака были открыты и бессмысленно пусты. Из носа и изо рта тянулись темные дорожки запекшейся крови, а клавиатура кровью была просто залита – густой, почерневшей.

Рюкзак был мертв больше двух часов. В мире стало хакером меньше.

***

~# run console 5
@comment: troubleshooting

– Так, – сказал Лощинин жестко. – Хватит. Кажется, я недооценил противника. Надо браться за это дело всерьез, с полной выкладкой.

Злыдень хмуро взглянул на Энди.

– Ты что-нибудь раскопал?

– Кое-что. Например, я понял, почему молчат ребята Камилла, забарьерники.

Лощинин заинтересовался.

– И почему же?

– Им подпатчили хинт-файлы. Точнее, просто исправили. С

точностью до наоборот.

– То есть? – переспросил Лощинин недоверчиво.

– Им подсунули хинт, в котором говорится, что они должны встретиться с клиентом и помогать ему. Защищать, понимаешь? Они играют теперь на другой стороне.

Лощинин зажмурился.

– Но… как?!

Энди оставался спокойным.

– Приблизительно так же, как стянули твой драгоценный файл. Перехватили управление их автомобильными терминалами. Петля, контроль всех входящих и исходящих. Примитивно и поэтому действенно. Смешно, но поделать с этим ничего нельзя. Только встретиться и поговорить без посредства сети.

– Что значит – нельзя? – Лощинин все не мог поверить. – Ты хочешь сказать, что за свои деньги я получаю не помощь, а помеху?

Энди с сожалением развел руками.

– Мы имеем дело с дьявольски умными людьми, Володька. У нас на физтехе таких было раз, два, и обчелся.

Лощинин прижал ладони к лицу.

– Ладно, – вскоре сказал он хмуро. – С этим попозже. Что с Рюкзаком?

Злыдень виновато опустил глаза.

– Ему просто выжгли мозг. Дотла. Нейрон за нейроном, – сказал он. – Как ему, представляю, было больно, бедняге…

– Но куда-то же он лазил в сети?

– Я попробовал глянуть, – пожал плечами Злыдень. Логи затерты. Знакомый подход – следов нет, зато трек дурацкий оставлен.

– Неровный почерк?

Энди отрицательно покачал головой:

– Нет, CMOS и иней.

– Тири?

– Да. Такое впечатление, что произошла замена игрока.

Лощинин грохнул кулаком по столу.

– Я начинаю злиться, – сказал он неожиданно спокойно. – Энди, ты должен найти этого Тири. Кто он, черт возьми? Душу вытряси из завсегдатаев того бара, но узнай!

– Я уже узнал, – сказал Энди невозмутимо. – Тири – это девчонка. Бывшая подружка Гонзы.

Лощинин тяжело вздохнул. Так вот оно что! Вот как его раскололи в «Потерянном кластере»! С первой же фразы: «Я ищу парня по имени Тири…» – И еще: я узнал, что с человеком,

которого мы ищем, с Фриппи то есть, она впервые столкнулась именно в тот вечер, когда ребята Шамила устроили в баре пальбу. К истории с исчезновением твоего файла она не имеет никакого отношения – я проверил, это так. До визита Фриппи в бар никто, вплоть до Гонзы, не подозревал, на что она способна в сети.

– И на что же она способна? – спросил Лощинин, не подумав.

Энди опустил взгляд. Конечно, он имел в виду страшную смерть Рюкзака.

– Ладно, я понял, – спохватился Лощинин. – Что еще расскажешь?

Вмешался Злыдень.

– Я узнал настоящее имя нашего неуловимого друга Фриппи. И ноду его узнал.

Лощинин нетерпеливо подался к голокубу, краем глаза заметив, что брови Энди медленно поползли вверх.

– Его зовут Аурел Чогоряну, полагаю – южанин, может даже горец, из Кишшей или из Тира. Плавающая нода, Слайдер.88.слайдер. Неудивительно, что с сетью он на «ты».

В голосе Злыдня сквозила удовлетворенность хорошо проделанной работой.

Лощинин перевел взгляд на сектор Энди.

– Ты, кажется, удивлен? – заметил он, глядя толстяку в глаза.

Энди тихо и раздельно переспросил:

– Погоди. Вы что, не знали ни имени, ни адреса того, на кого охотились?

Злыдень почувствовал легкое замешательство. Энди удивлен – а Энди всегда было нелегко удивить.

– Нет, – с легкой растерянностью ответил Лощинин. – Откуда мы могли его знать? У нас был только дурацкий трек на моем сервере. Но ведь он назвался в «Потерянном кластере», не так ли?

– Не знаю, – честно ответил Энди. – Я выяснил его имя не там.

– Где же? – наклонил голову Лощинин. Он подобрался, как хищник перед броском, чувствуя, что сейчас откроется нечто очень важное, нечто могущее в корне изменить ход событий.

– Володя, – сказал Энди. – Настоящее имя и нода вашего Фриппи лежали в хинт-файле на терминалах джипов, которые Камилл приготовил для пятерки забарьерников. Их положил туда именно Камилл. Еще до того, как Фриппи влез к ним в систему и изменил хинт.

Потрясенный Лощинин откинулся на спинку кресла. Тишина звенела, как струна на ветру.

– Так что же это получается... – протянул Лощинин напряженно. – Получается, Камилл знал имя вора и не сказал

мне?

Вновь зазвенела тишина, только Килограмм, сидевший за спиной Лощинина, отчетливо хрустнул пальцами.

Жмур поерзал в гостевом кресле злыдневской берлоги. Ему враз стало очень неуютно.

Лощинин встал, с грохотом отодвинув кресло.

– Килограмм!

Телохранитель преданно вскочил.

– Едем к Камиллу.

***

~# run console 2
@comment: w/o

«Ох и не повезет кому-то сегодня», – подумал Злыдень отключаясь от сессии. Но он ошибался: еще никто не знал, что Лощинин с Килограммом Камилла сегодня не найдут. Медленно обернувшись, Злыдень взглянул на Жмура.

– Как же мы Рюкзака-то не уберегли... – сказал он сокрушенно. Жмур опустил голову.

– Ты хоть знаешь что именно он затевал? – спросил Злыдень угрюмо.

– Нет. Он всегда предпочитал сначала сделать работу, а потом уж рассказывать о ней.

Злыдень вспомнил, как быстро и эффектно Рюкзак сработал с дежурными восточного шлюза в сити. Где же он к несчастью своему напортачил и напоролся на убийцу?

Негромкая трель вызова приковала их внимание. Оказалось, нагрянул Энди. Причем, директом, по парольному линку.

– Что еще стряслось? – с нехорошим предчувствием спросил Злыдень. Он знал, что неудачи обычно идут косяками, одна за другой.

– Пока ничего, – успокоил Энди. – Просто предупредить вас хотел.

– О чем?

– Чтоб не увлекались. А то живо вас, как беднягу Рюкзака... Ладно. Короче, меня тоже пытались сжечь, но я успел вовремя сдернуть мнемоюсты и еле успел перегрузить систему. Это война, Злыдень, бойня, это уже не хакерство. Я просто боюсь.

– Чего? – жестко спросил Злыдень.

– Не знаю, – ответил Энди горько. – В том-то и дело. Я не понимаю – что происходит? Ты когда-нибудь слышал, чтоб жгли

через сеть нервную систему? Ты, даже сейчас, считаешь это возможным? При нашем уровне?

– Нет, – тихо ответил Злыдень. – И мне тоже страшно.

Энди запустил в бороду левую руку. Глаза его блуждали.

– Я все время спрашиваю себя – а что, если мы вздумали бороться с самой сетью? Люди не могут убивать так, как убили Рюкзака.

Злыдень сгорбился перед экраном «Пойя», а Жмур затаил дыхание.

– Ты... Ты хочешь сказать, что мы столкнулись с разумом... но не человеческим? – без обиняков спросил Злыдень.

– Может, и так. Кто сказал, что это не разум? Но то, что это не такие же люди, как ты или я, можно сказать уже сейчас. Наверняка.

– Что ты предлагаешь? – попытался направить разговор в деловое русло практичный Злыдень.

Энди пожал плечами, по-прежнему терзая собственную бороду.

– Быть осторожнее. Не лезть в сети никуда очертя голову – и никогда в одиночку. Мне кажется, группой бороться с... этим будет легче. По крайней мере такое ощущение сложилось у меня, когда я удирал с терминалов ребят-забарьерников.

– Сложилось? А почему?

Энди помолчал, потом нервно дернул головой.

– Кажется, я уцелел только из-за того, что на эти же терминалы ломился еще кто-то. Пока... это выбирало, я успел вывалиться.

– Рюкзак? – спросил Жмур напряженно.

– Нет. Это был не Рюкзак. Рюкзака сожгли откуда-то с юга. Во всяком случае, он пользовался флэш-линком с Троей, и трек Тири прослеживается почти до самой Трои.

– Веселенькое дельце, – мрачно подытожил Злыдень. – Ладно. Подождем, что скажет Лощинин.

– Подождем, – согласился Энди. – Тогда – пока...

«Пойя» высветил финиш-окно. Коннект с Энди оборвался.

– Ну, – обернулся Злыдень к Жмуру. – Что скажешь?

– Я не знаю, люди это или не люди, – хрипло ответил Жмур, – но я хочу добраться до них и...

Он зло махнул рукой, с трудом глотая застрявший в горле ком.

– Слушай, Злыдень, давай напьемся, а? Вдрызг. У тебя водка есть?

Злыдень покачал головой.

– Дома нет. Махнем в бар, тут рядом.

– Да знаю я, – отмахнулся Жмур. – Пошли.

Водка действительно помогла – заглушила боль и сделала мир хоть немного мягче. Но Жмур помнил, что это ненадолго, и потому наливал и наливал по новой.

***

~# run console 1
@comment: w/o

Привыкнуть к перегону оказалось удивительно легко. Уже через две недели непрерывной гонки на запад Баю стало казаться, что он всю жизнь только и делал, что мчался на джипе по необъятной равнине. Реальность спрессовалась в километры и стала незыблемой и неизменяемой. Бай почти не лазил в сеть: только вечерами, если оставалось время. Да и то Бай раз за разом лишь пытался связаться с Аурелом и все эти дни чужой терминал не отвечал, словно был отключен от диала или волоконки. Бай чертыхался и пробовал снова и снова, потому что боялся, что они разминутся с Аурелом на перегоне. Что тому стоит съехать на десяток-другой километров в сторону? Ведь за ним гонятся, иначе не понадобилась бы охрана. Днем в степи дрожание нагретого воздуха не позволяет видеть дальше десяти километров, так что разминуться легче легкого. С другой стороны Бай понимал нежелание Аурела лишний раз возникать в сети – что бы он не натворил там, в городе на побережье, охотники на него найдутся и в киберспейсе. Любое пребывание в сети, любой след – и кольцо вокруг него начнет смыкаться. Спасение – только в полном молчании и в скорости, в безудержной гонке через равнину, когда поет встречный ветер и дрожат на руле одеревеневшие пальцы. Бай не знал, что за руль сжимают пальцы Аурела, но чувствовал, что этот мир признает только тех, кто умеет ладить со скоростью и с рукотворной мощью автомобильных моторов. С железными сердцами машин. А значит, ему тоже поет протяжную песнь встречный ветер, и стелется под колеса укатанная земля перегона. Вот только связаться с ним никак не удается, и оттого к неосознанной радости свободного движения примешивается досадное беспокойство...

Бай рассмотрел вдали решетчатые чаши ретрансляторов и покрутил настройку радиоприемника. Ретрансляторы здесь были низкие, метра по два в высоту всего. На плоской равнине они нащупывали друг друга прямым лучом за сотни километров. Правда, музыки приличной поймать он так и не сумел за эти две

недели, сплошное бум-бум да монотонно-ритмичный рэп'н'ролл. Но все же веселее, чем в тишине... Точнее, под урчание моторов и шелест протекторов. Жаль, Камилл не догадался снабдить джип плеером и комплектом аудиодисков. Тигриные прихоти учли, а о музыке забыли напрочь, понимаешь. Врубить бы сейчас тягучие калугинские баллады или что-нибудь старенькое, испытанное, «Засаду-92» хотя бы...

Вздохнув, Бай неуверенно пропел:

Я опять
до отказа нажал на педаль,
И никто, и ничто
не стоит на моем пути.
И рванулась дорога навстречу,
и приблизилась дальняя даль,
И никто теперь
не сумеет меня найти.
Я – хозяин Дороги, я – хозяин Пути...

На пути действительно не стоял никто – перегон был пуст, как покинутый крысами трубопровод. Даль, правда, приближаться и не думала – горизонт отсутствовал напрочь, казалось, даль просто проглотила их джипы и теперь катает на шершавом языке равнины, как леденцы. Милю влево, милю вправо... И еще очень беспокоила строка о том, что кто-то кого-то не сумеет найти. Бай сплюнул в открытое окно, плевок тут же унесло встречным потоком воздуха. М-да. Ассоциации, чтоб их. Лучше уж Калугина петь. Хотя, кто сказал, что и тогда не возникнет ассоциаций? Правильно, никто не говорил...

В этот вечер Бай снова не смог достучаться до Ауреловского терминала, и подумал: нужно что-нибудь изобрести. Он даже не удивился когда Чен и Син вечером подсели к нему. Тигр после ужина валялся у своего джипа кверху черным пузом и водил черной ладонью по изображению тигриной лапы на двери, а Сема сначала ныл, что давно не ел бананов, а потом уселся за терминал и принялся названивать в сервис-службы городка, ближайшего на перегоне. Пора было пополнить кое-какие припасы, например, пива закупить. В городок рассчитывали въехать завтра к полудню.

От сити их отделяло около ста тысяч километров. От Аурела, видимо, меньше. Сколько он сумел проехать за две недели? По перегону ниже чем сто двадцать никто не ездит – гладкая и прямая трасса позволяла не стесняться. Даже заснувший за рулем рисковал всего лишь заехать черт знает куда, да и то, скорее всего первая же кочка разбудила бы. За Аурелом гонятся, значит медлить он не станет. Проводя за рулем десять-пятнадцать часов

в сутки вполне можно одолевать за день полторы тысячи километров, если не больше. Тяжело, конечно, однако, когда на карту поставлена жизнь как-то проще соглашаешься на неудобства и легче переносишь тяготы. Итого, за две недели – тысяч двадцать-двадцать пять. Но это по прямой, а если Аурел действительно покинул перегон? В любом случае, встретить его ТП-шники смогут не раньше чем через месяц. А потом – рывок в миллион километров к зоне высадки… Это два года как минимум! Задание преподносило им все новые и новые сюрпризы. И кто знает – сколько их еще впереди? Камилл, Камилл, ты и твои люди не сказали всего там, в Москве, и только сейчас появилась возможность собственной шкурой ощутить необъятность этого мира, мира плоской равнины и многомерного киберспейса, мира без птиц и мира без государств, мира, который еще вчера невозможно было представить.

Лишь одно радовало Бая здесь – свобода. Если забыть о задании и об облачной Москве – он был здесь абсолютно свободен. Наверное, это чувство возникало от отсутствия горизонта и от безлюдия. И пока хочется снова плюхнуться в водительское кресло и вдавить до отказа педаль акселератора, чувство свободы не покинет его. И, черт возьми, ради чего жить, если не ради этого чувства, распирающего грудь и вселяющего непонятную радость? Не ради денег же?

Чен взглянул Баю в глаза.

– Что будем делать-то?

Круглые линзы синицынских очков вопросительно поблескивали, ловя отблески включенных фар, в начинающих сгущаться сумерках.

Бай вздохнул и развел руками:

– Думать надо…

– Вот и думай, – проворчал Синицын. – Ладно, Вова, расскажи…

Чен вздохнул и протянул:

– Есть одна идейка… Ты со спящими резидентами когда-нибудь имел дело?

Бай пожал плечами:

– Вчера, например.

– В оригинале было про синхронные запалы, – проворчал Син, но Чен отмахнулся от него.

– Ладно тебе… – и повернулся снова к Баю. – Почему бы не завесить на бекбонных серверах такого резидента? Он сам найдет Аурела и сложит ему на холд наши послания.

– У Аурела нет холда, – напомнил Бай. – У него и станции-то нет. Борда да диал, наверное.

– Ну, не на холд… Но на терминал, скорее всего, такой резидент влезет.

Бай с сомнением покачал головой:

– Такой резидент еще написать нужно. Да и слишком он на вирус смахивать будет, скорее всего защита его не пустит в систему. Даже на терминал не пустит.

– Напиши такой, чтоб пустила.

– Легко сказать! – покачал головой Бай. – Хотя… Можно, конечно, взять какой-нибудь безобидный вирус, перелопатить его, лишить характерных признаков, по которым его отслеживают охранные сборки и церберы… Или легче новый написать?

– Не знаю, – ответил Чен. – Я пробовал, не получается. База не ложится, хоть тресни…

Бай сразу заинтересовался:

– Покажи-ка…

Чен потянулся к машинному терминалу и вытащил из-под щитка борду. Вспыхнул на миг и тут же погас голокуб. Глаза ТП-шников прикипели к ровным строчкам, ползущим в трех десятках сантиметров от их лиц.

– Ну-ка, ну-ка, – протянул Бай и, не отрывая взгляд от голокуба, отобрал у Чена борду.

Чен с Сином переглянулись с едва заметными улыбками. Бай этого, конечно же, не увидел. Он лихорадочно нашаривал на щитке мнемоюсты, а нашарив – торопливо прилепил к вискам и ушел в сеть.

***

~# run console 3
~# man DTS
@comment: help/on

Она сказала: «Я сейчас приду», Аурел прекрасно помнил это. Однако футбол давно кончился, на Трою наползла теплая летняя ночь, захотелось есть и пива, а ее все не было. Сцепив зубы, Аурел неподвижно валялся на кровати и тупо глядел в телекуб. В телекубе скакали, размахивая кривыми мечами, некие мрачные личности в черных балахонах и рубили в капусту других личностей в балахонах красного цвета. По видимому, торжествовало добро. Или правда торжествовала, Аурел не вникал. Он боролся с голодом и нетерпением.

Прошла вечность, и только тогда в коридоре послышались тихие шаги. Стук в дверь, дверь распахнулась. На пороге стоял парнишка в промасленном комбинезоне механика. Он вопросительно уставился на Аурела, потом обшарил взглядом комнату.

– А где Тири? – наконец спросил парнишка.

– Кто? – не понял Аурел. Парнишка посмотрел на него как на психа.

– Тири, твоя подружка. Вы же вместе приехали...

«Вот, значит, как ее зовут... – с опозданием дошло до Аурела. – Скорее, это прозвище, а не имя.» – Не знаю. Она ушла.

– Куда?

Аурел развел руками. Так и хотелось сказать, как говорили дома: «Я доктор? Я знаю?» Но здесь этого могли и не понять. И Аурел промолчал.

Парнишка замялся.

– Видишь ли... Она сказала, что вам нужны два «Квантума». В общем, есть один «Файрболл» и один «Бигфут». «Сирокко» мы не нашли, а с единственным «Атласом» еще возни много, неотрегулирован совсем и виг-передача глючит, спасу нет. Устроят вас «Файрболл» и «Бигфут»?

Аурел онемел. Вот тебе и гараж в заштатном городишке! Насколько он знал, «Квантум Бигфут», равно как и «Сирокко», вообще еще не поступали в продажу. Даже разовых сборок завод «Квантум» не производил. Собрали несколько «Атласов» на пробу, но куда они впоследствии подевались не знали даже самые отпетые мотоциклетные фанаты сити. Аурел, например, не знал.

И вот, оказывается, что пути последних моделей «Квантума» непостижимым образом пересекаются с хозяевами мастерских в городке Троя, который и стоит-то в стороне от перегона... Мистика. Колдовство. Или и в мире моторов есть свои хакеры?

Аурел молчал, парнишка-механик переминался на пороге с ноги на ногу.

– Так устроит или нет? – переспросил он с надеждой.

Аурел пожал плечами, пытаясь, чтоб это выглядело равнодушно.

– Меня – устроит. Тири – не знаю. Спроси у нее сам.

– Но где она?

– Откуда мне знать? – буркнул Аурел. – Сам жду.

– Ладно, – вздохнул механик. И добавил: – Я потом приду.

Он аккуратно затворил дверь и канул в тишь коридора, снова оставляя Аурела наедине с собственными мыслями.

Тири пришла еще через час. Выглядела она расстроенной.

– Пойдем, – сказала она.

– Приходил механик, – весело сообщил Аурел, втайне надеясь поднять ей настроение. – Сказал, есть один «Файрболл» и один «Бигфут». Я от...

– Знаю, – перебила его Тири. – Шевелись.

Они снова прошли через холл и оказались в баре. Бар был еще открыт, народу, как и днем, было совсем мало. Двое ребят в коже и с ними крашенная в металлик девчонка. Все трое усиленно дымили сигаретами и налегали на пиво. Тири провела Аурела в закрытую кабинку, обнаружившуюся напротив стойки. Изнутри кабинка была обита толстым слоем звукоизолирующего пластика. Не то специально для приватных бесед, не то затем, чтоб привередливым гостям не мешал рокот включенных двигателей. А, может, и для того, и для другого. Аурелу принесли ужин, мясные шарики и помидорный салат. Не забыли и о пиве. Тири ограничилась стаканом апельсинового сока.

Аурел молча насыщался, девушка глядела в пустоту, не замечая никого и ничего. В молчании прошло минут двадцать. Аурел мрачно потягивал пиво и размышлял, долго ли из него будут делать дурака. Всему есть предел, в конце концов. До сих пор копившееся раздражение растворялось в желании быть с ней. Увидеть ее улыбку или просто взять за руку и помолчать. Но всякая чаша рано или поздно наполняется до краев. Тем более, что взять за руку и помолчать так и не сложилось.

– Значит, так, свет очей моих, – когда Аурел хотел, он умел быть ядовитым. – Не знаю, нравятся ли тебе придурки; полагаю – нет. Мне, во всяком случае, не нравятся. Особенно когда придурком приходится быть мне же. Там, у бара в сити, ты мне

помогла. Спасибо. Но вот дальше стало твориться что-то странное. Я не собирался ехать сюда, у меня свой путь, и он меня ждет. Скажу честно, ты мне нравишься и я был бы не против проделать этот путь вместе с тобой. Но – на равных. А не так, как сейчас – сижу весь день, дурак дураком, и не знаю что вокруг происходит. А из тебя слова не вытянешь...

Девушка вдруг подняла на него взгляд и Аурел под звездочками очков рассмотрел у нее на щеках слезы. Слова застряли у него в горле.

– Ури, – тихо сказала она. – Не уходи, пожалуйста. Ты мне нужен, Ури.

В голосе ее было полно отчаяния и тоски. Аурел с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть.

– Нужен? – переспросил он. – Зачем?

И тут же пожалел о вопросе – конечно же дурацком и неуместном. Впрочем, Тири не ответила.

– Ты можешь рассказать хоть что-нибудь? Вдруг я сумею помочь?

Она покачала головой.

– Вряд ли.

– Правда! – настаивал Аурел. – Я знаю, что источник моих неприятностей – в сети. Так вот, я не новичок, Тири. И способен с этим справиться сам. Я – хакер. Плавающая нода, между прочим. Знаешь, что это?

– Знаю, – ответила она безразлично. – Я о тебе многое знаю.

– А я о тебе – ничего, – ухватился за эту ниточку Аурел. – Не от этого ли наши разногласия?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Может быть.

– Кто ты?

Звездочки снова оторвались от столешницы и замерли напротив его лица.

– Кто? Такая же, как ты.

Аурел тупо хлопал глазами. Как он?

– Не понимаешь? Как тебе объяснить – кто я, если ты даже не знаешь кто ты сам?

– А... кто я? – Аурел растерялся. Такого поворота он никак не ожидал.

Тири молчала целую минуту.

– Сюда чуть не прорвался один из псов Лощинина. Мне пришлось его сжечь.

Аурела словно молотом ударили. Черт возьми, она действительно много о нем знает! Но откуда, откуда? Сервер Лощинина Аурел потрошил в одиночку. Об этом известно только

заказчику, которому Аурел передал шарп-диск со слитым файлом. Хвосты он отсек, и если бы не проклятый трек-файл, остающийся в местах лома, поймать его не смог бы никто. Потому что невозможно поймать призрака, он ускользнет сквозь пальцы.

– Я убила его, понимаешь? – сказала Тири. – И мне сейчас очень гадко.

И тут Аурелу стало сильно не по себе. Потому что он понял – эта девчонка убила ради него. Ради Слайдер-восемьдесят восьмого, укравшего файл у фирмы Владимира Лощинина, даже не зная что это за файл. Ради Аурела Чогоряну, который еще сам не подозревает – что он такое. И если ради этого она пошла на убийство – можно быть уверенным: неприятности только начинаются, и никто заранее не сможет предсказать какое на этот раз у правды окажется лицо.

– Знаешь, – неуверенно предложил Аурел. – У меня есть идея: поговорим утром. Ладно?

Тири кивнула.

– Только обещай: в сеть ты не сунешься. Обещаешь?

Аурел посмотрел прямо в линзы-звездочки.

– Обещаю.

– Тогда пошли.

В комнате Тири, не зажигая света, разделась и юркнула под плед. Аурел помедлил, размышляя – не запереть ли дверь? Потом вспомнил, что не знает как это сделать. Вздохнув, сбросил футболку и джинсы.

Тири сразу прижалась к нему. У нее была нежная кожа и сильные руки. Аурел почувствовал себя глупым, но донельзя жизнерадостным щенком – если бы у него был хвост, непременно бы завилял. Он коснулся губами ее щеки, совершенно не к месту задумавшись – хоть сейчас-то сняла Тири свои любимые очки?

А потом он понял, что Тири спит, припав щекой к его плечу. Она забылась сразу же, едва дошла до кровати. Наверное, это трудно – убить человека. Даже не видя его вживе.

Радостный щенок Аурел подумал, что у него вот-вот отрастут ослиные уши. Девчонка-Мечта лежит рядом, доверчиво обнимая его. А он не смеет ее разбудить. И точно знает, что не разбудит ни за что на свете.

За окном урчали грузовики.

***

~# run console 5
@comment: rescan all streams/console 5

Шамил отозвался сразу же, едва Лощинин вызвал головной «креативовский» терминал.

– Да, мастер...

– Где вы находитесь? – спросил Лощинин, вызывая в угловой сектор голокуба панорамную карту западной части перегона.

– Позавчера проехали Хатангу. Приближаемся к Добричам.

– Сворачивайте на юг. К Трое.

– Клиент там?

– Похоже, да. Клиентов теперь два: прежний и девчонка по имени Тири, я залил подробный хинт тебе на терминал, потом глянешь. И ребятам своим дай глянуть, чтоб знали...

– Понял, мастер...

Три «креатива» свернули с накатанной четырехполосицы перегона и, поднимая легкую пыль, понеслись на юг.

В Трою они въехали к полудню следующего дня. Шамил подробно прочел хинт и знал, что нужно искать мотоцикл «Сигейт Барракуда» за номером С88-83476. Где-то поблизости должны были найтись и беглецы.

По непонятной причине клиент прекратил резвое отступление на восток и застрял в Трое – вторые сутки он не трогался с места. По крайней мере, так говорит Лощинин, а для Шамила и его подручных главное не то, как дела обстоят на самом деле, а то, что говорит Лощинин.

Сразу за северным шлюзом Трои серыми черепахами приникли к земле заправка, мастерские, гаражи – мини-городок, рай для всех, кто на колесах. Для тех, кому Троя – лишь пятнышко на карте, абстрактный таун с игрушечным населением. Путники никого из местных не увидят – только, разве что, механика в мастерских, паренька-заправщика у раструба виг-насоса, да барменшу в единственной забегаловке под плакатом с исполинскими бутербродами. Весь мир для бродяг сужался до подобных автогородков, замкнутых, как аквариумы, и одинаковых, словно пылинки на перегоне.

Застывшее в зените солнце отражалось от полированных плоскостей большого трейлера «Лопл Триджентик». Шамил поправил темные очки. «Креативы» слаженно ворвались на дасфальтированный прямоугольник стоянки и так же слаженно затормозили. Без рекламного визга покрышек – тихо и деловито.

– Тони, Рим, Баграт – со мной, – сказал Шамил в переговорник и толкнул дверцу. Та с шелестом уползла на крышу.

У откинутых в стороны ворот ближайшего гаража-мастерской возился у мотоцикла паренек в грязно синем комбинезоне. Шамил присмотрелся – мотоцикл был с восточными номерами,

«Фуджицу Бизон». Из новых разработок. Шамил, бесшумно ступая, направился к зияющему рту гаража.

Паренек поднял голову от виг-передачи только когда тень Шамила упала на него. Вопросительно уставился в темные очки.

– Мне нужен мотоцикл, – сказал Шамил без выражения. – «Сигейт Барракуда». Нет на продажу?

Паренек подозрительно стрельнул глазами – ни Шамил, ни ребята, остановившиеся несколько в стороне, не внушали ему радости. Отрицательно помотал головой.

– Жаль, – вздохнул Шамил. – А что есть?

– "Сигейт Декатлон" хотите? Новье, нигде еще нет. И недорого, в принципе...

Шамил качнул подбородком и ребята неторопливо разбрелись в стороны, вдоль ряда полуоткрытых ворот, заглядывая в темные пещеры гаражей, где возились механики и звучало железо. Сам Шамил заглянул в гараж, около которого возился паренек. Если не считать развешанного по стенам инструмента, какого-то хлама в яме, чернеющей посреди чисто выметенного пола, и виг-стенда у самого входа, гараж был пуст.

Шамил поцокал языком.

– Можно взглянуть?

– На «Декатлон»? Можно...

И громко крикнул куда-то в сторону заправки:

– Грай! Маза!

Сквозь темные линзы очков Шамилу показалось, что к ним направилась бочка с горючим. Взглянув поверх линз, он убедился, что к ним приближался все-таки человек, больше похожий, правда, на гору. На нем был кожаный фартук и макси-джинсы, а перепачканные смазкой кроссовки больше напоминали сортовые дыни из-под Ашхаба.

– Ну? – вопросительно пробасил толстяк, оценивающе смерив взглядом Шамила.

– "Декатлон" посмотреть хотят, – с готовностью сообщил парнишка.

– Не продается, – отрезал толстяк. Судя по тону сказанного попытку уговорить можно было сразу считать провалившейся.

– Вообще-то мне нужна «Барракуда». Не обязательно даже новая...

Шамил говорил сдержанно, как и подобает солидному человеку.

– Нету, – тон толстяка не изменился ни на йоту.

В этот же миг Баграт, показавшийся из соседнего гаража, выразительно ткнул большим пальцем куда-то внутрь. Значит, там есть на что взглянуть – в этом Шамил не сомневался, потому

что своим людям доверял.

И он, отодвинув парнишку с дороги, пошел к Баграту. Толстяк даже не пошевелился, но лицо его приобрело угрюмо-решительное выражение.

Тяжесть кобуры под курткой успокаивала. Шамил был опытным парнем, но с таким мордоворотом, как Грай, даже ему справиться было бы трудно. Хотя и не невозможно.

Одного взгляда на то, что обнаружил Баграт, хватило, чтобы понять: они попали в яблочко. Полуприкрытая на удивление чистым чехлом, у пирамиды старых покрышек стояла ухоженная «Барракуда». Номер целиком был не виден, только последние четыре цифры – 3476.

После этого сомнения могли остаться только у очень мнительного человека. Шамил таковым, к счастью, не был. Он обернулся и одобрительно кивнул Баграту.

В тот же миг стало темно: створки гаражных ворот быстро и на удивление тихо сомкнулись, заперев Шамила и Баграта. Снаружи донеслись сдавленные ругательства Рима, но они быстро смолкли. Одиноко заурчал двигатель грузовика, наверное трейлера на стоянке.

– Черт! – сквозь зубы уронил Шамил, доставая пистолет. Баграт чиркнул пьезиком зажигалки; колеблющийся огонек осветил гараж-ловушку. Шамил почувствовал себя пауком, которого накрыли стеклянным стаканом. Только паук думает что свободен, на самом деле находясь в плену, Шамил же чувствовал себя свободным, несмотря на то, что створки ворот казались незыблемыми, сросшимися.

Баграт осмотрел дальнюю стену – хода внутрь барака из этого бокса не было.

– У меня есть пластикат, – сказал Баграт. – Полуторка.

– Много, – покачал головой Шамил и в сердцах швырнул на пол ни в чем не повинные очки. – Ворота-то снесет, да нас волной в клочья изрежет.

Он сделал два быстрых шага и рывком сдернул чехол с мотоцикла. Наверное, клиент, насоливший хозяину, был заботливым по отношению к своей «Барракуде» – двигатель запустился с первого же рывка. Выкрутив рукоятку газа до упора, Шамил включил скорость и отпустил сцепление. Мотоцикл вздернулся на дыбы и прыгнул на правую створку ворот. Удар толчком отдался в позвоночнике, голова запрокинулась назад, да так резко, что хрустнули шейные позвонки. Створка как стояла, так и продолжала стоять – она открывалась не наружу, а вбок, скользила вдоль стены, и поэтому могла выдержать еще и не такой удар. Шамила швырнуло сначала на створку, потом на

упавший мотоцикл.

– Ни хрена себе, – присвистнул Баграт. – Эй, ты жив, босс?

Шамил, тряся головой, встал. Лицо пересекла свежая царапина, болел ушибленный бок, локоть и еще чувствительно пек ожог на лодыжке.

– А, шакра! Давай пластикат!

Баграт неуверенно полез в карман и извлек похожий на сигару коричневый цилиндрик. С хрустом оторвав упаковочную фольгу, Шамил нащупал податливую горошину активатора.

– В яму! – скомандовал он.

Баграт наконец понял, что задумано и послушно юркнул в гаражную яму, похожую на щель-бруствер. Шамил прыгнул следом, выглянул, подпрыгнув, и на втором прыжке метнул смертоносную сигару к воротам. Потом они скорчились на дне бетонной ямы, припав к ступеням.

А вслед за этим резануло глаза, бухнул взрыв и запахло гарью. В яму полетели щепки и обломки ворот. Шамил закашлялся.

Едва дым начал рассеиваться, Шамил с Багратом сунулись к выходу. Шамил на бегу полез в кобуру, но пистолет достать не успел.

Сквозь редеющую пелену проступил силуэт громадины-Грая, и в руках его было помповое ружье.

– Шакра! – у Шамила расширились глаза. Это было последнее, что он сказал в своей жизни – Грай поднял ружье и выстрелил. Шамила отбросило назад, в яму. Баграт вытащил пушку заранее, но это ему мало помогло: одинокий выстрел не причинил вреда Граю. А Грай передернул затвор и спустил курок вторично. В яме стало еще на труп больше.

Снаружи парнишка в промасленном комбинезоне волок за ноги мертвого Тони; Рим, обратив к небу невидящие глаза, валялся у соседнего гаража. В руке его чернел двенадцатизарядный «Вербатим» с опустошенным наполовину магазином, но жизнь «Вербатим» Риму не спас. А на стоянке по-прежнему мирно, в рядок, стояли три «Креатива», и лишь круглое отверстие в лобовом стекле одного из них да безмолвный труп пятого боевика из сити с маленькой дыркой в башке и руль в мелких кровавых каплях сказали бы стороннему наблюдателю: тут что-то не так.

Но на стоянке не было сторонних наблюдателей.

Грай брезгливо заглянул в ремонтную яму. Теперь, когда в ней валялись двое мертвецов, а бетон был выпачкан красным, она еще больше напоминала бруствер на поле боя.

– Прибрать тут все, – велел Грай молчаливым механикам в

одинаковых синих комбинезонах. – И позвоните кто-нибудь Бочарову... Хотя, нет, я сам ему позвоню. Машины, что на стоянке – в десятый бокс. Стекла подмести. На месте разлейте масла, что ли... Или тасола.

Механики без лишних звуков рассыпались; каждый знал, что делать. Чувствовалось: подобные распоряжения им не впервой выполнять.

Грай отдал ружье парнишке, уже втащившему в гараж и Тони, и Рима. Потом с неудовольствием оглядел вывороченные из направляющих ворота. Точнее, то, что от ворот осталось. Со стороны заправки уже полз погрузчик со вздернутым к небу коромыслом крана; на протянутых вперед лапах громыхала пара новых, еще пахнущих свежей краской, створок. А запах гари быстро сносился южным ветром.

***

~# run console 3
@comment: return to movie

Аурел проснулся от грохота близкого взрыва. Сначала он решил, что Тири режется в какой-нибудь военный симулятор, выкрутив громкость бластеров до отказа, потом сообразил, что Тири рядом: он чувствовал боком ее гибкое тело, а короткие мальчишеские волосы на ее затылке щекотали плечо.

Он открыл глаза – в комнату из-под опущенных штор узкими ослепительными лучами врывалось дневное солнце. Тири тоже проснулась и подняла голову, прислушиваясь.

За окном раздались сдавленные проклятия и вслед за тем бухнули три выстрела, ружейный, пистолетный и снова ружейный. Тири вскочила, отбросив плед, и схватила свои брючки.

Аурел сунулся к окну.

– Не выглядывай! – знакомым голосом велела Тири. Она была уже одета и явно намеревалась ринуться прочь из комнаты.

«Ну уж нет! – разозлился Аурел. – Сейчас я тебя одну не отпущу!» Он тоже умел быстро одеваться.

– Куда? – зло одернула Тири.

– Туда, – спокойно указал пальцем за окно Аурел. – Кстати, ты забыла надеть очки.

Тири вдруг сграбастала ворот его рубашки и рывком притянула к себе.

– Не лезь в это дело, понял? Не лезь! – свистящим шепотом

приказала она, заглянув ему в глаза.

– Щаз-з... – протянул Аурел нарочито миролюбиво и, осторожно перехватив ее руку, мягко высвободился. – Может, мне пока под кроватью посидеть?

Тири скрипнула зубами. И промолчала. Впрочем, Аурел меньше всего сейчас был расположен ее слушать.

Они бегом проскочили коридор, холл и бар. За дверью бара в глаза рванулось летнее солнце. Первым, что заметил Аурел, были три «Креатива» на стоянке рядом с давешним трейлером. Или с другим, но таким же с виду. Тири глядела вправо, на ряд гаражей. Аурел тоже глянул туда – у третьего с дальнего краю бокса не хватало ворот, зато вокруг валялись рваные обломки пластика и перекрученные дюралевые крепления. Там же стоял Грай с ружьем в руках и суетились несколько механиков. Тири бегом направилась к боксу.

Аурел бросился следом. Грай косо взглянул на сестру и отвернулся. Внутри бокса лежали два трупа; еще два безжизненных тела механики вытаскивали из ремонтной ямы. Бетон был перепачкан кровью. С первого взгляда Аурел узнал двух мордоворотов, что стреляли по нему в баре «Потерянный кластер». Только теперь им не светило больше стрелять – их дорожка оборвалась в пропасть на северной границе крохотного, затерянного на равнине городка Троя. И еще Аурел увидел свою верную «Барракуду» – она застыла, опрокинутая набок, у виг-стенда, сиротливо задрав к потолку рукоятку с погнутой тягой сцепления. Руль был безжалостно вывернут, словно она столкнулась на ходу с грузовиком и ее выстелило по твердому полу, царапая и корежа.

– Это команда Лощинина, – вполголоса сказала Тири. Она уже успела надеть неизменные звездочки, за которыми всегда прятала изумрудную зелень глаз. – Нам нужно уходить, Грай...

– Все готово, – утробно буркнул брат. – Садитесь и езжайте.

Тири обернулась к Аурелу.

– Слышал? Ступай за сумкой!

Аурел кивнул и молча побежал через стоянку к бару. Молча купил у Тамары пару «Пенной прохлады», ткнув в нужные бутылки пальцем. В комнате он подхватил сумку, застегнул ее, потом ненадолго заглянул в ванную, ополоснул лицо, сунул под язык капсулу нейростимулятора и выскочил наружу. Тири прилаживала обтекаемый шлем, сидя на новеньком «Квантуме». Аурел присмотрелся – это был даже не «Файрболл», а «Бигфут», писк моды дня завтрашнего. Рядом стоял столь же новенький «Файрболл».

К ним подошел Грай. Он был уже без ружья, в руках тускло

поблескивал полироидом шлем Аурела.

– Держи, – проворчал Грай и Аурел с благодарным кивком принял шлем. – Все барахло из твоего бардачка я переселил в «Файрболл». Надеюсь, за ним ты будешь следить так же, как и за своей «Барракудой».

– Не сомневайся, Грай, – сказал Аурел. – Спасибо. Извини, что из-за меня тут шум...

Грай отмахнулся.

– Я не для тебя это делаю, парень. Для сестры.

– Все равно спасибо, – повторил Аурел.

И подумал: странно, что до сих пор не примчались полисы. Прикормлены они, что ли? Или здесь такие побоища в порядке вещей?

Тири, не вылезая из седла, обняла брата и призывно махнула рукой. Двигатель ее «Квантума» завелся с полпинка и тихо заурчал виг-передачей. Аурел тоже запустил двигатель, чувствуя, что сердце перед дорогой начинает биться чаще.

Они прошли северный шлюз Трои спустя несколько минут и устремились по утыканной редкими кустиками травы равнине на северо-восток. Наискосок, к перегону.

***

~# run console 5
@comment: ultimate outside

Шамил не отвечал вторые сутки. Напрасно Энди и Злыдень пытались достать терминалы «Креативов» – те или были отключены от диалов или попросту уничтожены. Зная Шамила, можно было предположить лишь худшее.

Силовое крыло просто убрали. Устранили, сняли с доски, как докучливые вражеские фигурки. Верных, не раз испытанных в деле людей. Лощинин даже растерялся: если убрали Шамила и ребят – что же делать дальше? Он вновь и вновь вытрясал душу из наемных хакеров, но, похоже, эта проблема не решалась прямо из кресла перед голокубом. Энди и Злыдень, да и Жмур тоже, были мастерами своего дела, но только в зыбком спейсе сети. Лощинину же требовалось взять за шиворот обычных людей в обычном мире, если не получалось через сеть.

Не посылать же Килограмма? Хотя, этот, наверное, справился бы. Но и Шамил должен был справиться, если честь по чести говорить, мозгов у Шамила поболее, чем у Килограмма... Было. Было поболее, – поправил себя Лощинин. Тешить себя

бессмысленными надеждами он не привык.

Но кто же знал, что Фриппи не просто сетевой шалопай?

Лощинин зло опрокинул рюмку бренди.

Что же получается? Если Шамила с ребятами убрали... значит, за Фриппи кто-то стоит. Кто-то, кому нужен украденный файл... В принципе, охотников до этой информации хватает, но пока исходник лежал на сервере Лощинина ему было плевать на охотников. А теперь, когда сервер выпотрошен, не плевать. Теперь тот, у кого файл, обогнал Лощинина, а это может не понравиться Фариду. Дьявол, это точно не понравится Фариду! Даже странно, что он до сих пор молчит.

Бластер выдохнул мелодичный сигнал входящего. В голокубе сгустилось и обрело резкость изображение – знакомое, всегда улыбающееся лицо.

Как обычно, неприятный звонок раздается именно тогда, когда начинаешь удивляться, почему он до сих пор не прозвучал.

– Здравствуй, – приветливо поздоровался Фарид. Лощинин облился холодным потом, ибо знал что обычно кроется за приветливостью Фарида.

– Здравствуй, Фарид.

– Как дела, дружище? – Фарид был само благодушие.

– Потихоньку, Фарид...

Тот покачал головой:

– Ай-яй-яй! У тебя дела всегда шли весьма шустро, у тут – потихоньку... Ай-яй-яй...

Лощинин виновато развел руками.

– Не везет тебе, – вздохнул Фарид. – Шамил был хорошим работником.

«Был, – содрогнулся Лощинин. – Значит, Шамил мертв, и Фарид об этом знает. Конец надеждам на чудо.» Он опустил голову чтоб не видеть, как с лица Фарида исчезнет улыбка, а глаза станут стальными.

– Ну, вот что, дорогой! – Фарид наконец перешел к тому, ради чего звонил. – Времени мало. Кончай валять дурака и найми профессионала. Ты знаешь о ком я. Он сейчас свободен. И не жмись, оплати по полной. Иначе... мне придется искать нового партнера – ты же знаешь, наш бизнес не терпит неудачников. Ты понял меня, Володенька?

– Понял, Фарид, – тихо ответил Лощинин, не поднимая головы.

– Вот и славно, – улыбка вновь поселилась на лице Фарида. – Мы всегда понимали друг друга! Я верил в тебя, дружище.

Лощинин молчал, хотя по идее должен был сейчас благодарить Фарида. Может быть поэтому Фарид его и возвысил в

свое время, едва заметил, что Лощинин не спешит благодарить на словах?

– Удачи! Я верю, ты справишься...

Изображение Фарида схлопнулось в светящуюся точку и сессия прервалась.

Лощинин некоторое время сидел молча, тупо глядя в опустевший голокуб. Потом вызвал секретаршу.

– Уль, кофе, пожалуйста...

Чашечка, над которой вился ароматный шлейфик, возникла на столе словно по волшебству.

Лощинин вызвал записнуху и нашел адрес, по которому еще не обращался ни разу. И всегда надеялся, что обращаться не придется.

[call Кипрово_4999117]

Он дождался коннекта и уставился пока еще мутный спейс голокуба. Долго никто не отвечал, потом сонный голос, так и не включив изображение, осведомился:

– Ты кто?

– Лощинин.

– Кто?

– Лощинин!

– "Яуза", что ли?

– Да.

– Чего нужно?

– Заказ есть. Я сейчас подъеду. Удобно?

Бесплотный голос секунду поколебался.

– Ладно, приезжай. Только жлоба своего в машине оставь, да пива купить не забудь. И учти, «Пену дней» я не люблю...

– Понял. Сейчас буду.

Лощинин ничего не стал объяснять сейчас. Потому что с Платоновым договариваются только с глазу на глаз. И без свидетелей. Только. Это закон.

– Килограмм! – сказал Лощинин, не оборачиваясь. – Сейчас в Кипрово поедем. Держись близко.

Килограмм с усилием кивнул. С некоторой растерянностью Лощинин подумал – что бы он стал делать, если бы узнал, что верного Килограмма тоже убрали? На кого тогда надеяться в этом мире?

Потом он вознамерился сгонять секретаршу за пивом, велев ни под каким видом не брать «Пену дней», но запасливая Уля гордо вытащила из скрытого под настенной панелью холодильника упаковку «Хейнского». Лощинин вздохнул и чмокнул секретаршу в розовую щечку. Щечка тут же стала еще розовее, чем раньше.

Потрепанный «Азтеч» затормозил перед стильным восьмиугольным домом в Кипрово спустя полчаса. «Панас» Килограмма припарковался в стороне, у пышных кустов холлария, что росли между дорогой и тротуаром. Ухватив упаковку «Хейнского» за картонную ручку, Лощинин ступил на тротуар и огляделся. Он знал, что Килограмм сейчас смотрит на него сквозь черные очки, а взгляд у Килограмма тяжелее свинца. Зато успокаивал этот взгляд: своему шефу Килограмм был предан.

Платонов долго не открывал, наверное рассматривал в голокубе посетителя, мнущегося неловко перед дверью. Это он любил, завести изображение с камер-датчиков перед дверью на терминал. И глядеть, как теряется тот, кто приходит в этот дом впервые и впервые прикасается к шершавому сенсору звонка-привратника.

Лощинин впервые стоял здесь, изредка касаясь сенсора подушечкой указательного пальца, но повадки хозяина знал прекрасно, поэтому просто ждал, не высказывая нетерпения. Килограмм, наверное, уже начал беспокоиться и озабоченно шевелить губами, таращась в окно, потому что шеф непонятно почему торчал перед модерновой, затянутой в пластикожу дверью вместо того, чтобы давно войти внутрь.

Наконец дверь медленно отворилась, наверное ее двигал небольшой сервомотор, потому что никто не показался в светлом проеме.

– Заходи, – донеслось откуда-то из глубины дома. – Пива принес?

– Будто ты не видел, – проворчал Лощинин, помахав перед носом увесистой упаковкой. – Куда заходить-то? Я у тебя не был ни разу...

После секундной паузы донесся ответ:

– Налево, потом направо...

Лощинин взглянул налево – полуоткрытая дверь, с непонятной целью исписанная красным маркером. Каракули не были похожи на шалости ребенка-несмышленыша, но и понять их никак не удавалось.

В комнате царил полумрак. Просторное ложе неведомый дизайнер расположил прямо на полу; рядом стояло глубокое кресло-качалка, прямо перед большим телекубом последней модели. Хозяин расслабленно откинулся в кресле, еле заметно покачиваясь. У кресла виднелся заставленный тарелками низкий столик, под ним кое-как валялись пустые пивные бутылки. Пища на тарелках засохла, верно, еще вчера.

– Садись, – пригласил Платонов, указывая в сторону еще

одного кресла. Это кресло, в противоположность хозяйскому, степенно и неподвижно покоилось на мохнатом ковре у самого окна, сейчас занавешенного тяжелой бархатной шторой.

Пиво еще хранило прохладу конторского холодильника. Подавая упаковку хозяину, Лощинин подумал, что нужно будет сводить секретаршу в ресторан. Наверное, она этого давно ждет, раз так старается. Или не так? Или Уля просто дорожит работой? Денег ей, что ли, больше платить? Так ведь вроде немало и сейчас платится...

Платонов легко свернул пробку с горлышка голой рукой, швырнул металлический кругляш под столик и с ясно видимым удовольствием присосался к первой бутылке «Хейнского». Пиво, пенясь и тихо клокоча, исчезло в несколько глотков. Наверное, Платонов пьянствовал уже не первый день.

– Выкладывай, – наконец оторвался он от бутылки, утираясь похожей на небольшую лопату ладонью.

Платонов слыл лучшим и самым высокооплачиваемым в сити убийцей. Самым странным было то, что убивал клиента он исключительно редко – практически всегда доставлял живым заказчику. За дела, когда требовалось просто кого-нибудь втихую хлопнуть, он просто не брался. За убийства видных людей он не брался тем более. А вот разыскать самоуверенного ловчилу, сперевшего у одной из контор нечто важное и тепленького приволочь его прямо в кабинет шефа или догнать на перегоне лоха с чемоданом денег – вот такие дела Платонов любил. Тем не менее его считали обычным киллером, правда – лучшим из. Не гнушался он и съездить на разборку, но если дело доходило до стрельбы (а случалось это опять же крайне редко), финал всегда получался одинаковым: Платонов и команда, пристрелив парочку коллег-оппонентов, брала остальных живыми, чтобы затем получить за них выкуп. Кто его только не пытался перетянуть на свою сторону – даже Фариду этого не удалось. Платонов предпочитал оставаться вольным охотником и договариваться с ним имело смысл только непосредственно перед делом. Брал он дорого, но никто и не думал экономить, если действительно намеревался заполучить Платонова в свою команду – хотя бы на один раз.

– В общем... – начал Лощинин, – пропало у меня кое-какое файло...

Платонов оторвался от второй бутылки пива и пристально поглядел на Лощинина.

– Хакеры? – спросил он бесцветно.

– Да.

– Но у тебя же грамотный персонал. Энди, например...

Неужели влезли?

Лощинин развел руками:

– Увы... Энди и сам не понимает как это произошло. Помнишь, рядом с сумеречной перебой с энергией был? Когда повервод повредили?

– Ну? – Платонов снова отхлебнул, но всего глоток. Значит, заинтересовался.

– Файло пропало когда мой терминал был отключен. Понимаешь?

– Нет, – ответил Платонов. – Не понимаю. Впрочем, ладно. Почему я?

– Шамил и его четверка мертвы, – честно сказал Лощинин, стараясь, чтобы это прозвучало не очень уныло. Получилось плохо.

Вот теперь Платонов заинтересовался всерьез. Даже пиво отставил в сторону.

– Давай, давай, не молчи, – поторопил он. – Кто заказчик – ты или я?

Лощинин засуетился:

– Мы вычислили кто это... почти наверняка. Некто Фриппи, хакер-одиночка. Его не знают в сетях.

– Действительно, – подтвердил Платонов. – Я его не знаю. Даже не слышал никогда.

– Он всегда оставляет трек в пределах чужого холда. После того, как файл у меня пропал – он затер даже бекапные копии – его следов не могли отыскать в сети несколько недель. А когда нашли, он сумел уйти от Шамила с командой на перегон. В этом ему помогла девчонка по имени Тири, бывшая подружка...

– Гонзы. Знаю, – сказал Платонов.

– Их настигли в Трое. Это...

– Южнее перегона... У Добрича. Знаю.

– Собственно... все. Потом позвонил Фарид.

Платонов кивнул:

– Понятно. И сказал – хочешь жить, зови меня. Ладно, я берусь. Таксу ты знаешь. Половину вперед, как обычно.

Лощинин полез в карман пиджака и достал толстый, набитый крупными купюрами конверт. Взвесив его на ладони, Платонов, даже не заглядывая внутрь, швырнул в сторону бюро. Конверт спланировал к пачке точно таких же, вскрытых.

– Начну вечером – пиво только допью и в себя приду. А ты пока рассказывай подробности, – сказал он. Лощинин кивнул в ответ.

– Кроме бригады Шамила я планировал использовать пятерку сетевиков из-за барьера...

Платонов даже пивом подавился.

– Зачем?!!

Помявшись, Лощинин ответил правду:

– Посоветовали... Камилл посоветовал.

Платонов покачал головой, как бы говоря «Ну-ну...» и вновь приложился к «Хейнскому». Бутылке сразу основательно полегчало.

– Их вытащили черт знает где, на перегоне, в глубине материка. Правда, не в самом центре, относительно близко к сити. Дали четыре джипа и инструкции – Камилл словно предвидел, что Фриппи ускользнет от меня в самом городе и вырвется на перегон...

О том, что Камилл вел свою игру, Лощинин решил не говорить. И о том, что Камилл исчез из сити некоторое время назад, именно в тот день, когда Фриппи проявился в «Потерянном кластере». Причем на несколько часов раньше.

– Какая у клиента тачка? – поинтересовался Платонов.

– "Сигейт Барракуда", если еще не сменил. Да и зачем менять?

На это Платонов не ответил.

– Короче, этот Фриппи влез на терминалы джипов и заменил хинт. Точнее, слегка подпатчил. И эти кретины теперь уверены, что должны его охранять. За мои, ядрена вошь, деньги! – Лощинин в сердцах махнул рукой.

– Нечего с чайниками дело иметь, – пожал плечами Платонов, откупоривая третью бутылку. – Тебе известно кто платит дважды, а, Лощинин?

– Известно, – проворчал Лощинин успокаиваясь. – Но ведь обидно!

– Сам виноват. Хорошо, а кто мешает тому же Энди влезть на холд этого умника и выпотрошить его?

Лощинин фыркнул, показывая, что уж до этой мысли он и сам бы дошел.

– У этого умника просто нет холда. И станции нет. Он – плавающая нода.

– Понятно, – Платонов покачался в кресле. – Ковбой, значит. Это славно, обломаем ему перья.

Поборов хрипоту и колебания, Лощинин предостерег:

– Это не просто ковбои-недотепы... И парень, и девка. Они смогли убить Рюкзака прямо через сеть – выжгли ему мозги. И Энди едва не сожгли, еле успел мнемоюсты сдернуть...

Платонов пристально взглянул на Лощинина. В том, что Лощинин говорит правду, сомнений не было – Платонову не врут, нанимая на дело. Потому что единственный умник быстро узнал

вкус смерти и заплаченные деньги так и остались валяться в луже его собственной крови. Также Платонов был уверен, что заказчик не рехнулся – слишком стройная картина, да и... в общем, уверенность в этом не покидала Платонова ни на секунду. Получалось, что изменчивая сеть позволяет делать то, чего раньше никто не умел – убивать прямо в киберспейсе. Убивать пользователя, проникшего в сеть, а не просто его программы и ядра. А значит, он обязан научиться делать это. И научат его эти ковбои-воры. Чем скорее, тем лучше.

– Оставь входной пароль по приоритетному линку, – сказал он Лощинину, поднимаясь. – Я выезжаю прямо сейчас.

– Беспарольный, – буркнул Лощинин. – К чему терять несколько секунд?

– Логично, – качнул головой Платонов, вставая. Встал и Лощинин. – Возникнут вопросы, буду тебя теребить. И не сомневайся – далеко не уйдут.

Лощинин внутренне ликовал. Он понял, что Платонов сам почему-то заинтересовался этим делом, а когда Платонов увлекается, можно спать спокойно – месяц-другой, и с перегона клиент будет притащен упакованный и тихий, согласный на все.

Он вышел за дверь, щурясь на солнце, а Платонов в доме полез под душ. Бутылка недопитого «Хейнского» затерялась на столе, слившись с общим беспорядком.

Уже в машине Лощинина настиг зов Эндиного терминала. Палец привычно утопил клавишу ответа.

– Что там? – спросил он, глядя не в голокуб, а на дорогу, потому что сидел за рулем. На голокуб он просто косился.

Бородач в сумраке куба мрачно сообщил:

– Я кое-что выяснил, Володя. О «Сигейте» Фриппи можете забыть.

Энди многозначительно замолчал, и Лощинин был вынужден его поторопить:

– Ну выкладывай, выкладывай!

– Я полазил по серверам Трои. Короче, Шамил погиб на территории механических мастерских у северного шлюза. Владелец мастерских – Грай Самарин. Родной брат Тири. Одновременно мастерские служат перевалочным пунктом нелегальной торговли запчастями к мотоциклам ручной сборки. Ну, и собранными мотоциклами там приторговывают, сами же, видимо, и собирают. Так что...

– Понятно, – мрачно сказал Лощинин. – Какую тачку им дали, естественно, не откопаешь ни в каких отчетах... И одну ли. Ладно, спасибо.

Лощинин отключился от Энди и вызвал Платонова. Тот,

чертыхаясь, полез из душа. Но информацию он ценил превыше всего, особенно такую, которая пригодится в деле.

Спустя двадцать минут Платонов вывел из гаража обтекаемый «Бас-Лоджик», на котором мог обогнать даже президентский «Текрам», и помчался к восточному шлюзу.

Перегон принял на гладкую прямую спину еще одну песчинку – самую быструю из всех.

***

~# run console 2
@comment: net find movie

Теперь Злыдень был осторожным и расчетливым. Он не хотел разделить судьбу бедняги-Рюкзака и не ослаблял внимания ни на секунду. Сеть научилась убивать – кто знает, чему она научится завтра? Впрочем, где-то в глубине души Злыдень понимал, что сеть ни в чем не виновата, как не виноваты вирусы, написанные озлобленным на весь мир хакером. Люди – в конечном итоге во всем виноваты люди. Это они убили Рюкзака, и сеть тут не при чем. Просто на этот раз смерть вырвалась именно отсюда, а мало ли в мире мест, откуда готова вырваться смерть?

И Злыдень полнился решимостью найти этих людей, а найдя – покарать. Потому что не мог смириться со смертью. Убив Рюкзака эти люди убили частичку самого Злыдня, частичку Жмура, частичку Энди, частичку каждого, кто хоть раз погружался в киберспейс без зла в умыслах и ненависти в сердце. Почему? – в сотый раз спрашивал себя Злыдень, – почему самые лучшие плоды человеческого гения в конечном итоге бывают приспособлены для самых низменных целей? Почему человек не может оставаться чистым, ему обязательно нужно стать вором, насильником, убийцей... Даже побывав на месте жертвы и во всей полноте познав горечь, страх и унижение человек остается зверем в отношении остальных, в отношении всех, кто не входит в знакомую стаю? Или это так крепко зашито в генах и пропечатано в каждом нейроне?

Как и все Злыдень не замечал, что сам погрузился в сеть с жаждой найти и убить. Свершить месть. Месть – это святое, думает каждый. Наверное, виноват только первый в истории человечества убийца, а все прочие лишь мстят друг другу...

Но сейчас мысли Злыдня были заняты не этим. Найти. Найти следы этого странного дуэта, оставляющего загадочные треки в местах пребывания. По правде сказать, Злыдень так и не понял

почему они оставляют трек. Собственно, это единственная ниточка по которой их можно отследить достаточно быстро. Неужели они этого не понимают? Сомнительно. А, может, им нужен риск, нужна игра, щекочущая нервы? Может, без этого жизнь им кажется пресной? Злыдень знавал таких людей. Как правило, финал их был на редкость плачевным. Что и неудивительно. По крайней мере, Злыдень не удивлялся. А раз оставляют треки, Злыдень их найдет.

И он неустанно шарил по серверам в окрестностях Трои, отслеживая эхо-входящие, особенно приглядываясь к неожиданным врезкам вдалеке от узлов-развязок. Это было вполне в манере Фриппи-слайдера: вонзиться в капилляр в произвольном месте. Сам Злыдень толком и не разобрался как именно он это делает. Наверняка есть способ, только зачем? Насколько Злыдень помнил, тотальной охоты в сетях еще никто не затевал, Лощинин стал первым, кто вознамерился найти клиента, удери тот хоть до самой зоны высадки.

Но Злыдень шарил напрасно. Фриппи со своей подружкой опять исчезли. Даже не растворились в мутных закоулках киберспейса – просто ушли из сети.

Но что-то подсказывало Злыдню: ненадолго. И он ждал, терпеливый старый паук, в тенетах которого билась не одна изловленная муха.

Мнемоюсты холодили виски. Киберспейс дышал мраком и светом; перед тем, как уйти в сеть, Злыдень обернулся на Жмура, и как всегда мысленно потянулся туда, в сплетение бекбонных потоков, в незримый и нематериальный мир сети, который даже неизвестно как выглядит на самом деле. Ведь человеческое сознание подсовывает проверенные и с детства знакомые образы, потому что у людей нет специального чувства, как зрение или слух, которое могло бы пригодиться в сети. А мнемоюсты не в счет, потому что это такой же механический придаток к нервной системе, как борда или диал.

Проваливаясь в сеть, Злыдень подумал, что человек станет хозяином киберспейса только когда срастит себя с терминалом. Когда непонятно станет, где заканчиваются нейроны, а где начинаются процессорные вектор-поля. Но останется ли он человеком?

Густой, как деготь, спейс холда казался теплым. Искра-Злыдень поискал Жмура и нашел – тусклую звездочку на фоне бестелесной мглы. Выход из холда стерегли два вылизанных до последнего байта сторожа-цербера. Скольким самонадеянным новичкам эти два увальня переломили хребет... Систему потом, небось, приходилось по трое суток поднимать. Жмура церберы

прекрасно знали, тем более, последнее время его присутствие на холде отложилось у них в буфере намертво. Наскоро перебрав линки, Злыдень отыскал флэш на восток и, проскочив мерцающий розовым узел, втянулся в полупустой капилляр. Некто сияющий, как солнце, явный чайник, суматошно шарахнулся с дороги. Злыдень терял яркость по мере того, как удалялся от своего холда. Жмур совсем перестал светиться, став твердым, как кристалл, сгустком пустоты.

И снова Злыдень задал себе вопрос: где дом? Здесь, в киберспейсе? Или там, в реальном и скучном мире? И снова он поймал себя на мысли, что не знает правильного ответа.

***

~# run console 1
@comment: crossroads

За неделю проехали десять мегаметров к западу, а Бай почти вылизал нового резидента. Назначение у того было простым, как байт: шнырять в сети до тех пор, пока не будет найден след Аурела, а затем по следу проникнуть на Ауреловский терминал и тут уж вовсю заявить о себе. Аурел обратит внимание, в этом Бай не сомневался. А потом они встретятся где-нибудь на перегоне, и уже вместе начнут долгий бросок на восток, к зоне высадки. С погоней на хвосте и холодком в груди, когда дух захватывает от близкой опасности и риск щекочет натянутые нервы.

Джипы стояли чуть в стороне от укатанной трассы; двигатели потрескивали, остывая после многочасовой непрерывной работы. Чен поставил палатку и возился у печки, Тигрис, помахивая оранжевым пластиковым ведром с когтистыми нашлепками «Тигриной лапы», отправился к протекавшей невдалеке речушке. Син колдовал над вскрытыми банками с ветчиной и зеленью, сноровисто орудуя большущим ножом. Бай единственный из всех устранился от хозяйственных хлопот по молчаливому согласию остальных – его делом была работа с сетью. Резидент он намеревался отпустить на свободу сегодня, предстояло только примирить базовый массив программы со ссылками на полиморфные переходы. Массив с переходами мириться не желал, компилятор вопил о помощи, Бай злился, колотя по клавишам. Мнемоюсты надевать не хотелось, а, может, Бай просто ленился, но все пытался довести резидента по старинке, вручную. Резидент упирался.

Промучавшись минут десять, Бай чертыхнулся, нацепил все-

таки мнемоюсты и для начала решил глянуть в хелпы. Хелпы, как выяснилось, в стандартном пакете отнюдь не лежали, за ними нужно было лезть на черт знает какой удаленный сервер. Бай тихо изумился такой наглости софтовиков и покорно полез на указанный сервер.

Спасибо, хоть линков с этим сервером было завались, не пришлось ждать. Бай по-хозяйски обосновался на холде и принялся листать тамошние файлы. Как всегда он отвлекался, потому что файлы попадались интересные.

[А.Тюрин, А.Щеголев «Психологические тупики компьютерной эры»] Бай знал этот файл! Он был записан в России, хоть и не в родной Москве, а в вечном городе-сопернике. Точнее, даже не в Питере, а в Бехтерево. И неоднократно приходилось на него ссылаться еще во время учебы. Выходит, софт и базы кочуют через барьер в обе стороны. Впрочем, это правильно. Information must bee free, старый, как мир, девиз хакеров. Бай его вполне разделял, хотя их фирма торговала софтом. Но – бизнес есть бизнес. Даже если убеждения с ним расходятся. Иначе не выжить.

[Р.Гонсалес «RISC-архитектура полихордных кристалов»] О кристаллах Бай не знал ни бельмеса, ни о полихордных, ни о каких-либо других.

[С.Лукьяненко «Узор теней»]

Это вообще фантастика конца прошлого века. Тоже, кажется, из родного мира. Фамилия показалась Баю знакомой.

[К.Ван Хелдерн «Истоки технократического культа»] Надо же, и эта вещица знакомая!

[Дьюла Чонгради «Блюда из птицы»]

«Скачать, что ли? Синицыну. Пусть готовит... Хотя, какие, к дьяволу, блюда, если здесь птиц просто нет?» – подумал Бай рассеянно и обратился к следующему файлу. В тот же миг рядом с ним на холде кто-то шевельнулся. Бай взглянул, ожидая увидеть ярко горящую искру. Чайника. Но рядом густел непроглядный мрак.

[Кто?]

[не твое дело] – неожиданно невежливо отозвался мрак. Бай рассердился и попробовал отсечь пришельца. Тщетно, тот перехватил доступ, словно Бая здесь вообще не было.

[отвянь] – посоветовал мрак. – [я – дайвер].

[Да хоть папа Карло!] – огрызнулся Бай и попытался вторично выбить доступ. С тем же успехом он мог тянуть себя из болота за усы.

[слушай чего привязался] – сказал некто, назвавшийся дайвером. – [я работаю].

[Я – тоже.]

Манера собеседника обходиться без интонаций раздражала. Дайвер – это, интересно, кто? Бай слышал такое слово впервые.

[слушай урод тебя тоже когда-нибудь вытаскивать придется отвяжись чайник загнется ведь] Только теперь Бай заметил в пределах холда апатичного юзера, прикипевшего к радужному, как кругляш диска, файлу. Файл был подозрительный, похоже психотропный. Юзер уже ничего не соображал. Бай протянул несуществующую руку с чувствительной точкой посреди ладони и просканировал чайника, как мог. Тотчас же Бая скрутило, словно язвенника во время приступа. Файл переливал часть себя на контуры мнемоюстов, а значит – в мозг незадачливого чайника. Двоичным кодом. Файл-паразит. Новый вирус, Бай слыхал о таких, но еще никогда не сталкивался. Ему стало жутко. Похоже, в сети приходила реальная смерть.

Это открытие застало Бая врасплох. Хоть он и ожидал чего-то подобного. Но все казалось, что это еще далеко в будущем. Хотя к тому, что любое знание устаревает мгновенно, Бай давно привык. Сеть меняла лицо ежесекундно.

Дайвер вился вокруг предательского файла, опутывая веретенообразное тело тонкой серебристой нитью. Мгновение, и нить располосовала веретено на несколько неравных частей. Паразит замедлился, словно споткнувшийся конь. Чайник тут же вяло зашевелился. Кажется, он пытался снять мнемоюсты, там, у себя перед бордой. Здесь это выглядело как попытка искры пригаснуть, обратиться в стремительную точку-тень и выброситься из пределов холда. Ничего у чайника, конечно, не вышло – файл-убийца держал того на прочном поводке, подчинив себе моторные связи живого мозга.

«Ну и дела! – подумал Бай. – И это на сервере, куда рекомендуют лезть за хелпами!» Тем временем дайвер рассек тело файла еще на несколько частей и стремительным броском обволок безвольного чайника, словно капля воды в невесомости. Чайник сразу прекратил трепыхаться. Бай успел заметить, как дайвер рвет губительную зависимость от постороннего «мастера».

«Оживет сейчас», – понял Бай. Он не ошибся, чайник наконец принял осмысленный вид попытался шмыгнуть прочь, но дайвер умело взял его за шиворот и повлек за собой совсем в другую сторону.

«Так это спасатель, – запоздало догадался Бай. – Интересно, что за контора?» Он не успел додумать. Вирус, снова слипшийся в единый ком, стремительно атаковал Бая, единственного, кто остался в пределах холда. Тонкое блестящее, как жало бормашины, щупальце метнулось к еле заметному во мгле

киберспейса сгустку. Но с Баем такое фокусы не проходили – он расчетливо и безжалостно снес паразиту кодовую область. Искрошил ее в мелкую капусту. Теперь файл-убийца больше не был программой: всего лишь набором бессмысленных команд, запустить которые не в состоянии даже господь Бог. А значит он стал неопасен.

Но на душе у Бая стало на редкость гадко. Что за подонки пишут подобную жестокую психотропщину? Давить таких...

Едва он вывалился из сети, в уши толкнулся напряженный голос Чена:

– Эй! Очнись наконец! Давай-давай!

В глазах Бая постепенно формировалось осмысленное выражение и Чен с облегчением вздохнул.

– Черти тебя дери! Что с тобой?

Бай уже мог говорить.

– В смысле? Я по сетям шарюсь, – он никак не мог взять в толк тревогу компаньона. – Не первый же раз... Что случилось-то?

Чен жестко поглядел на него.

– Я снял с тебя мнемоюсты час назад. Понимаешь?

Бай тупо уставился ему в лицо.

– То есть... как час назад? Я же должен был тут же вывалиться!

– Вот именно, – подтвердил Чен. – Но ты не вывалился. По-моему, ты этого просто не заметил.

И вот тут Баю впервые стало по-настоящему страшно.

***

~# run console 3
@comment: turn «Image»

Раньше Аурел пребывал в уверенности, что умеет ездить быстро. Но то, что вытворяла со своим «Квантумом» Тири даже ему показалось безумием. Они неслись через степь, как болиды, лишь по глупому недоразумению природы не обгоняя звук собственных моторов. Их путь не был абсолютно прямым, потому что перегона еще не достигли, и Тири то и дело виляла вправо-влево, объезжая рыхлые кустики перекати-поля и едва заметные неровности почвы.

К вечеру Аурел вымотался совершенно и когда Тири притормозила, а затем слезла с мотоцикла, он ощутил немедленное облегчение. Спина ныла, а ноги стали словно деревянными.

– Умаялся? – спросила она. Насмешливо, но беззлобно.

Аурел кивнул.

– Ну, ты горазда за рулем! Никогда бы не подумал.

– Мужчинам вообще не свойственно думать, – ответила Тири. – Как правило.

– Ну-ну, не обобщай. Некоторым очень даже свойственно, – хмыкнул Аурел.

Тири, опуская «Квантум» на землю, ехидно заметила:

– Если ты имеешь в виду себя, то я не согласна. Ты такой же пень, как и остальные.

Аурел обиделся:

– Да, ну тебя... Тоже мне – феминистка.

– Реалистка, – поправила Тири.

– Злая ты.

– А ты добрый?

– Ну, уж не такой, как ты.

– А с чего мне быть доброй? С того, что меня вынуждают убивать? Меня, женщину? Я рожать должна, а не убивать, понял?

Аурел остыл.

– Неужели тебя вынуждали убивать?

Тири не ответила. Пнула монтреевским ботинком шершавый мотоциклетный скат и полезла в бардачок.

– Давай, шевелись, – мрачно сказала она несколько позже. – Есть охота.

Аурел тоже уложил мотоцикл, чтоб не так издалека был виден посреди равнины, и выгреб из бардачка сумку и спальник.

Через каких-то десять минут, разгоняя сгущающиеся сумерки, весело потрескивал костер, на треноге чернел закопченный котелок, а внутри котелка многообещающе булькало. Аурел плотоядно принюхивался, Тири с ложкой в руке колдовала у посудины с варевом. Звезды, единственные обитатели небес, молча глядели на них с высоты.

Аурел чувствовал, что спутница готова выговориться. Нужно только поестественнее подвести ее к монологу. Черт возьми, чем больше Аурел размышлял над этой историей, тем менее понятной казалась она. Логики не было – вот главное, что лишало внутреннего равновесия. Аурел не любил отсутствия логики. Точнее, не отсутствия, а неочевидности, потому что логика присутствует во всем, нужно только суметь вытащить ее на поверхность. Получалось не всегда, у Аурела, по крайней мере. И вот эта-то загадочная глубинная логика и грызла постоянно, и донимала, словно настырный комар над ночной постелью: жужжит, кружится, и сколько руками не маши – не улетает.

Проглотив обжигающий ужин, почти не почувствовав вкуса,

Аурел с довольной ухмылкой извлек из сумки припасенное в Трое пиво. «Пенная прохлада» – самое то после дня в седле. Легкое, сладковатое питье, источник спокойствия и вечернего умиротворения. Аурел, застонав от удовольствия, опрокинулся на спину. Тири с завистью взглянула на него.

– Поделился бы, что ли... Джентльмен...

Аурел сунул руку в сумку и показал ей вторую бутылку. Девушка вопросительно подняла бровь.

– Пора бы и объясниться, – предложил Аурел. – А?

Тири пожала плечами. Тогда он метнул ей бутылку. Коротким выверенным движением Тири поймала продолговатый прохладный снаряд. Свернула пробку и сделала первый глоток.

– Я – твой ангел-хранитель, – тихо сказала она потом. – Ты ведь ходишь в сеть без мнемоюстов, слайдер. И думаешь, будто это страшная тайна.

Аурел смутился. Он и вправду считал это своей главной тайной. Не единственной, разумеется, но главной.

– Ты, конечно, считаешь, что ты один такой. Так?

И Аурел начал кое-что понимать. «Сюда чуть не прорвался один из псов Лощинина. Мне пришлось его сжечь...» Святая вода, неужели она тоже? Неужели она тоже умеет общаться с сетью напрямую, в двоичном коде? Инстинктивно? Как он, Аурел Чогоряну, кибертелепат, способный считать данные с терминала даже при отключенном питании?

– Ты... Ты тоже?

– Да.

Тири глядела ему в лицо и в звездочках-плексах отражались крохотные язычки пламени. Она была очень грустной.

– И... тебе это не нравится? Не нравится этот дар?

Она усмехнулась.

– Дар? Скорее уж – проклятие.

Аурел поперхнулся пивом.

– Проклятие? Почему, елы-палы? Это же золотое дно!

– Потому что я ненавижу сеть. Я ненавижу терминалы, клавы, диалы, диски, я ненавижу все это равнодушное железо.

Она говорила негромко и без каких-либо эмоций в голосе, словно давно смирилась со своей ненавистью.

– За что можно ненавидеть сеть? – глухо спросил Аурел.

Тири пожала плечами:

– А за что ее любить? За то, что она отнимает у нас подлинные чувства? За то что пичкает нас суррогатами и психотропщиной? За то, что она не позволяет мне заниматься делом, которое я люблю? За что?

Аурел не ответил. Ему нечего было ответить – просто нечего.

Ведь он любил сеть. Точнее даже не любил – он был частью сети и не мыслил себя без киберспейса. Собственно, он жил там – а в реальном мире только отсиживался. И скучал при этом. Единственное, что интересовало его вне сети – это скорость. Это мощь мотора, бьющегося в унисон с сердцем и мыслями, это ветер в лицо и бесконечность равнины, бесконечность впереди, за спиной, справа, слева... Только это. А она говорит – проклятие...

– Каким делом не позволяет тебе заниматься сеть? – спросил он наудачу.

Тири дернула плечом и отвела взгляд. Теперь она неотрывно глядела в костер.

– Не все ли равно?

– Не все.

– Давай не будем об этом, Ури, – попросила она. – По крайней мере, сейчас.

Когда она называла его Ури, возражать просто не хотелось. Чисто женский подход, но какой действенный...

И он не стал. Просто молча пил пиво и размышлял.

Значит, она тоже уникум. Но если она ненавидит сеть, почему столько умеет? Аурел, например, смутно догадывался о способе, посредством которого можно сжечь чужой мозг. Во всяком случае, его догадки нуждались в серьезной проверке. Если собрать примитивный психоусилитель со стандартным селективным портом input/output, задача упростится, но насколько? Можно только догадываться.

Ну, ладно. Следующий вопрос: а откуда она знает о памятном визите на сервер Лощинина? Кажется, Аурел предусмотрел все, замел все следы... Люди Лощинина должны искать Фриппи, а не Аурела Чогоряну. И вот – пожалуйста. Досекретничался.

А вдруг некто, заинтересованный в кибертелепатах, следит за всеми странностями в сети и тихо копит факты? Ведь если точно знать, что кибертелепатия возможна, если отчетливо представлять что именно ищешь, факты засечь не так уж и трудно. Сотня-другая вейтеров на крупных бекбонных стыках, на магистральных серверах, выборочно – в капиллярах... Уже интереснее. Значит... Значит, есть еще люди, которым для погружения в киберспейс не нужны мнемоюсты и вообще не нужен психомодуль?

Аурел даже приподнялся на локтях. Вот она, глубинная логика. Они спасают своего, который считает себя одиночкой. Все просто, как и ожидалось.

Он победно взглянул на девушку, но она по-прежнему глядела в костер.

– Скажи, Тири, – спросил он как мог мягко. – Ты тоже

оставляешь эхо? В виде трек-файла?

– Да, – ответила она неохотно. – «Ваш CMOS покрыт инеем».

– Значит, с этим нельзя бороться?

– Нельзя. Попробуй побороться с эхом в пустой комнате. Что получится?

«Точно, нас много. И она знает об остальных. Слишком уверенно отвечает, словно речь идет об истине, известной со школьной скамьи. То, что не сам понял, но вызубрил с пеленок».

– Понятно, – сказал он вслух. Завтра они еще поговорят. Будет шанс кинуться не только кибертелепатом, но и просто... Если только он все угадал правильно.

– Давай спать, – попросила Тири. – Я устала.

Аурел потянулся к серебристому спальнику.

«Завтра, – подумал он. – Завтра. Но почему она не любит киберспейс?» И очень непоследовательно ответил сам себе:

«Женщина...»

***

~# skip a period

В следующую неделю разговора у них так и не получилось. Тири гнала свой «Квантум», словно за ней по пятам неслась стая саблезубых тигров, а вечером ее не хватало даже на то, чтобы выпить несколько глотков кофе. Аурел тоже выматывался, но терпел, сцепив зубы. Тири же помалу становилась прозрачной – не то от усталости, не то от переживаний. Аурел никогда не думал, что из-за нервов может произойти такое – но, похоже, спутнице не давала покоя смерть одного из лощининских сетевиков. Не то чтобы Аурел оправдывал убийство вообще... Но здесь ведь явная оборона – не ты, так тебя...

А кто заставлял тебя воровать у Лощинина файл? Удаль захотел показать, хакер недоделанный? Или на деньги прельстился? Вот он, результат: такой же парень, как и ты, только не вор, а просто обитатель принадлежащего всем киберспейса, валяется лицом на столе, и вместо мозгов у него каша, а девчонка, тает прямо на глазах... На твоих, между прочим, глазах, пытаясь тебя спасти, вора, хвастуна и подонка!

Аурел остервенело выкручивал правую рукоятку, пытаясь не отстать от Тири. Он пытался придумать себе оправдание, и от этого на душе становилось еще гаже. Он хотел развернуться и поехать назад, к сити, прямо в лапы к лощининским торпедам, но представил, что скажет Мечта и отказался от этой мысли.

Вечерами он пытался накормить Тири, но она не слушалась, только пила воду, жадно и помногу. Ночами он прижимал к себе ее, словно этим мог защитить, и все время просыпался, когда она вздрагивала во сне. А утром все начиналось сначала.

На двенадцатый день Аурела разбудило солнце – отразившийся от хромированного крыла «Квантума» лучик резанул по зрачкам, и сразу же под веками вспыхнули мириады радужных пятен. Аурел зажмурился, приподнялся на локте и потряс головой. Зрение быстро восстановилось, но матовые светляки еще долго ползали перед глазами, старательно избегая фокус.

Тири рядом не было. Он огляделся – девушка сидела на корточках у тихо поющей печки и, обжигаясь, пила бульон из пластикового пивного стаканчика. О том, что это бульон, Аурел понял из валяющейся тут же яркой упаковки с глупой коровьей мордой на желтом фоне. Бульонный кубик размером едва ли больше игральной кости был завернут чуть не в квадратный метр фольги.

– Доброе утро... – сказала Тири и впервые за двенадцать дней улыбнулась. – Как спал?

– Крепко... – пробормотал Аурел, выползая из спальника.

– Какое сегодня число?

Аурел взглянул на часы.

– Семнадцатое. А что?

Тири пожала плечами.

– Так... Надо же знать.

– Зачем?

Вернувшись к бульону, она не ответила. Но Аурел ни секунды не сомневался, что спрашивала она не просто так. Связь какая-нибудь, не иначе... Ну, да ладно: хандрить перестала, и на том спасибо.

Потом он тоже пил острый бульон и закусывал вяленым хеком, думая, что давно пора заехать в какой-нибудь городишко и набить продуктовые сумки до отказа. Смертельно хотелось пива, уже не первый день. И еще очень тянуло достать из пакета броду с диалом и щелкнуть клавишей питания... Но «коннект твой – враг твой»... В два счета отсекут. Не Лощинин, так полисы: после стрельбы в Трое, небось, такое творится...

«А чего, собственно, бояться? – спросил себя Аурел. – Стрелял не ты. Поди еще докажи, что Аурел Чогоряну и... ну, просто – Тири – к этому причастны?» Почему-то верилось, что угрюмый Грай не проронит при полисах ни слова, если вообще те что-нибудь заподозрят. А вот при лощининских молодцах... Эти умеют убеждать!

Интересно, Лощинин и его свора отсекли, где пропал Шамил со своими парнями? От этого многое, если не все, зависит. Отсекли, наверное, не полные же они лопухи, в самом-то деле. Сколько успели отмотать от Трои? По самым скромным прикидкам – не меньше пятнадцати тысяч километров. Но это не по прямой, сначала они шли на северо-восток, потом, не доходя до перегона, отклонились точно к востоку. Так и неслись параллельно перегону, в стороне от городков и дорог... Иногда только пересекали южные трассы, ответвляющиеся от трансконтинентальной нити.

– Надо к перегону двигать, – сказала Тири и Аурел вынырнул из мыслей, словно из киберспейса. – Городишко должен быть неподалеку, Мелекесс зовется. Заедем туда. Дня за два доберемся, если темпа не сбавим. Ты как? Выдержишь?

Аурел поморщился. Еще и подкалывает!

– Ты бы выдержала. А уж я не сломаюсь, – пробурчал он с недовольством.

Тири склонила набок рыжую, как встающее солнце, голову.

– Ты бывал когда-нибудь в зоне высадки? – спросила она вкрадчиво.

Аурел мимоходом подумал, что хандра ее испарилась как-то уж слишком резко, в одночасье, а это подозрительно.

– Следует ли понимать это как «Ты проходил на своей „Барракуде“ перегон от старта в сити до финиша в зоне высадки?» Нет, не проходил.

– А я проходила. Четыре раза. Два туда и два обратно.

Аурел подавился хеком. То-то она с «Квантумом» как одно целое...

– Сколько ж тебе лет было в первый раз?

– Десять.

Аурел недоверчиво хмыкнул.

– У папы за спиной?

– Нет, – ответила Тири. – За рулем. Папа только ехал впереди. У него был потрепанный «Мегаполис», ты таких и не помнишь, наверное. А у меня «Ксебек тридцать один-двадцать», тоже еще та развалина. Ничего, доехали... После этого мне подарили первую приличную тачку – «Коннер» CFS восемьсот пятидесятый, возвращалась я уже на ней. Помню, как плясала и вопила от счастья в зоне высадки рядом с новеньким «Коннером», глядя как «Ксебек» гибнет под прессом... А как мне нравился запах смазки!

Аурел усмехнулся. Наверное, Тири любит только скорость. А ее заставляют ходить в сеть, которую она ненавидит... Но кто может ее заставлять? Отец? Гуру? Муж?

Нет ответа.

– Ладно, – вздохнул Аурел, поднимаясь. – Я так хочу пива, что готов мчаться до твоего Мелекесса без остановки, пока не свалюсь.

Тири натянуто усмехнулась и начала сворачивать кухню. Аурел собрался помочь, но она цыкнула на него и велела лучше проверить мотоциклы – в порядке ли. Это было куда веселее, чем скрести грязный котелок и мыть ложки, поэтому Аурел охотно согласился.

Вскоре они вновь рванулись в сизую летнюю даль, распихивая плотные, как вата, слои нагретого воздуха. Моторы гудели ровно, без надрыва, и в такт им бились два сердца; Аурелу казалось, что «Квантумы» чувствуют седоков нутром, и радостно подчиняются каждому их движению.

Потому что моторы всегда отвечают взаимностью тому, кто их любит. В отличие от живых человеческих сердец.

Аурел видел перед собой обтянутую серебристой курточкой спину Тири и решительно подумал: в Мелекессе. В этом чертовом, притаившемся у перегона городишке, я скажу ей все. Скажу, что не не отпущу ее от себя. Ни на шаг. Что понял, зачем живу в этом, в сущности, бестолковом и бессмысленном мире – чтобы встретить ее и больше никогда не отпускать от себя. Ни на шаг. Что чихал я на приказы ее таинственных хозяев – надоело. Купить домишко в том же Мелекессе, кормиться сетью помалу, а если ей сеть не по нутру – пусть носится на мотоцикле вокруг городка, но не удаляется больше, чем на шаг...

Но только Тири рассмеется в ответ, наверное. Или просто отмахнется и снова исчезнет неведомо куда, велев ему сидеть в убогой комнатушке мотеля и носа наружу не высовывать...

«Ей нужно было родиться мужчиной, – вздохнул Аурел и тут же подумал: – Не дай бог...»

***

~# skip a period

Мелекесс выполз из далекой непрозрачной дымки, как краб из прибоя. Аурел прищурился – так было лучше видно. Издалека городок выглядел в точности как Троя – наверное, все Трои, Мелекессы и Снуги похожи друг на друга, как терминалы одной модели, только названиями и различаются. Такой же шлюз на въезде. Такие же мастерские рядом с заправочной станцией. Такой же бар, только на рекламном щите вместо гигантского

гамбургера красуется тарелка с жареной картошкой и румяной котлетой. Правда, вместо великана-Грая их встретил щуплый сутулый старик в сером истертом рабочем комбинезоне.

– Добро пожаловать в Мелекесс! – сказал он неожиданно приветливо.

Тири сдержанно кивнула и бросила шлем на седло.

– Топливо? – осведомился старик. – Смазка? Регулировка?

– Спасибо, – Тири покачала головой. – У нас все в норме. Просто стоянка.

Аурел откинул ножку и «Квантум» послушно замер, склонив руль и переднее колесо немного в сторону.

– Заплатите в баре, терминал там, – сообщил старик. – Бармена зовут Нахт.

Тири еще раз поблагодарила и направилась к вертящейся двери бара. Аурел последовал за ней.

– Если что, ищите меня в мастерне, – сказал старик Аурелу в спину. – Это там...

Аурел даже не стал смотреть – где. Просто вошел в бар вслед за Тири, хотя где-то в уголке сознания трепетала маленькая мысль – так поступать невежливо. Все-таки старик... Но основное место в голове занимали другие мысли: ПИВО и ДУШ.

Как выяснилось, мысли Тири совпали с его мыслями полностью. Ближайшие пару часов их мало что интересовало помимо этого.

Когда Аурел, чистый и расслабленный, растекся по креслу и еле-еле ворочал рукой, держащей пивную бутылку, он понял, что рай иногда спускается с недостижимых небес на землю. Сколько он сидел – Аурел и сам не почувствовал; только блаженство его прервала Тири. Дверь, по обыкновению, спутница отворила пинком. Аурел скосил глаза, потому что шевелиться не то что не хотелось – тело вообще временно исключило всякое движение из числа достижимых понятий. Тири успела переодеться – привычные ее брючки испарились куда-нибудь в утилизатор, а теперь она носила монтреевские же джинсы, в довесок к стильным ботинкам. Но серебристая курточка сохранилась. Правда, вместо темно-серой футболки с загадочной надписью «Отдаю фреки только на ZyXELe» из-под курточки выглядывала красная клетчатая рубашка. Джинсы ей шли. Впрочем, Аурелу казалось, что Тири будет хороша в любой одежде.

– Держи, – сказала она и метнула Аурелу продолговатый пакет, который до этого держала в руках. Аурел даже не шевельнулся и пакет мягко шлепнулся ему на грудь.

– Что там? – осведомился он, с трудом поборов нежелание делать что-либо, даже издавать звуки.

– Одежда. А свою выбрось.

Аурел тихо изумился.

– Уже выбросил. С каких это пор ты стала заботиться о моем гардеробе?

– С тех пор, как сплю с тобой в одном спальнике, – холодно парировала его выпад Тири. – Мне приятнее, когда ты чистый.

– Будешь тут чистым в первый же день, – проворчал Аурел. – Пылища в степи, шмоток не напасешься...

– Ничего, – успокоила его Тири. – Перетерпим до следующего городка.

– Ладно, спасибо... – Аурел продолжал ворчать, потому что ему по-прежнему хотелось лишь пребывать в кресле и потягивать пиво. – Надеюсь, там не мини-юбка?

Тири фыркнула.

– Я не люблю юбок... Вы, мужчины, хоть и лопухи, но одежда ваша все-таки удобнее...

Аурел развернул пакет. Там была такая же клетчатая рубашка, как и на Тири, и джинсовая пара от Говарда Шепарда. Только и осталось, что присвистнуть.

– Откуда ты знаешь, что я ношу Шепард? – спросил Аурел с немалым удивлением.

Тири ехидно объяснила:

– Как только я увидела тебя в Шепарде, я тут же догадалась, что ты носишь исключительно Шепард...

Но она улыбалась, и Аурелу хотелось думать, что она рада сделать ему приятный сюрприз.

– Выходи в бар, – сказала она и выскользнула за дверь как раз в тот момент, когда Аурел уже собрался подняться, чмокнуть ее в щеку и рассыпаться в комплиментах и благодарностях.

– Тьфу, – Аурел с досадой бросил пакет на кровать. – И почему я такой тормоз? – спросил он, глядя в овальное зеркало у кровати. Отражение отвечать не собиралось: напротив вид у отражения сохранялся весьма озадаченный и вопросительный.

Он влез в новые, восхитительно хрустящие джинсы, накинул клетчатую рубашку, мягкую, как тополиный пух, сунул ноги в поношенные кроссовки и подумал, что надо бы и их сменить на новье. Куртку он оставил на кровати.

И тут в застегнутой на молнию сумке отчетливо прозвучал сигнал вызова.

Аурел замер. Он привык, что выключенная борда не в состоянии принимать входящие – несмотря на то, что сам мог просканировать содержимое даже выключенного терминала.

Бластер продолжал надрываться в сумке. С опаской расстегнув молнию, Аурел тупо уставился на белый пакет с

бордой и диалом. Звук стал громче и отчетливее.

С полминуты Аурел ждал, не решаясь прикоснуться ко взбесившейся технике, вызов продолжал ритмично звучать, словно знал, что хозяин рядом и все слышит. Потом нерешительно протянул руку и медленно потащил борду из пакета. Крошечный глазок над сенсором выключателя был матовым – значит борда действительно не запитана. В конце-концов, неся сумку подмышкой Аурел мог случайно включить борду даже сквозь кожу и пластик пакета. Мог. Но оказалось, что причина не в этом.

«А если ее теперь включить? – растерянно подумал Аурел. – Перестанет трезвонить?» Он решительно коснулся сенсора и глазок затеплился зеленоватым огоньком. Бластер звучал как и раньше. Пустота над видеотреком сгустилась и секунду спустя чуть выше клавиатуры замерцал голокуб. Пальцы сами утопили Alt-Q. В голокубе возникло темное изображение – внутренность не то бара, не то большой комнаты, в которой в самом разгаре шумела молодежная вечеринка. На Аурела взглянул выбритый до синевы парень. Ему было лет двадцать пять, и еще Аурел заметил, что на нем все та же клетчатая рубашка, точная копия той, что Тири сегодня подарила ему и той, что носила сама.

– Где Тири? – не здороваясь, спросил звонивший напористо. Вообще парень производил впечатление уверенного в себе и агрессивного человека.

– А ты кто, собственно? – осведомился Аурел. В такие моменты он и сам становился до невозможности агрессивным – инстинктивно.

Парень отмахнулся:

– Некогда. Скажи ей, Камилл зовет. Только быстро, ради святого коннектия! Это в твоих интересах тоже.

Так вот ты какой, таинственный Камилл! Тот, для кого Аурел добывал злосчастный лощининский файл! До сих пор они общались только через третьих лиц...

– Может, скажешь в чем дело? А я потом передам.

– На вас охотятся, – неохотно пояснил Камилл. – Проблемы у вас. Новые. Давай, дуй за Тири.

– Ладно, – пожал плечами Аурел и скорым шагом направился в бар. Что-то заставило его торопиться – наверное, предчувствие.

Тири он нашел не сразу, потому что в баре было дымно и темно, только в такт рэп'н'роллу метались по стенам, полу и столикам цветные пятна. Несколько человек танцевали в клубах искусственного белесого дыма. Аурел долго бродил от столика к столику, вглядываясь в лица сидящих. Наконец он увидел Тири – она оживленно общалась с двумя хайрастыми ребятами,

похожими на музыкантов.

– Эй, – сказал он, приблизившись. – Тебя Камилл зовет.

Даже в полутьме Аурел заметил, как побледнела его спутница.

– Что? – переспросила она, но не потому, что не расслышала, а потому, что не могла поверить.

– Камилл зовет, – повторил Аурел. Голос у него был блеклый, как незабудка, простоявшая неделю в сухой вазе.

– Что значит – зовет? По сети? – уточнила Тири, словно Камилл мог звать как-нибудь еще.

– Да.

– Я же сказала тебе не касаться борды! – тихо и зло уронила Тири, устремляясь ко внутреннему выходу из бара.

– Я ее и не касался. Сначала, – попытался оправдаться Аурел, но его фраза упала в пустоту. Тири уже убежала, а остальным посетителям бара было глубоко плевать – касался он сегодня борды или не касался.

Аурел умолк, но на него никто по-прежнему не обращал внимания, несмотря на то, что он торчал посреди зала, как одинокий файл на холде. Даже хайрастые собеседники Тири тут же встали и удалились куда-то в дым. В уши назойливо толкался вяжущий ритм рэп'н'ролла, надоевший Аурелу еще в позапрошлой жизни.

Спохватившись, Аурел тоже поспешил прочь, к выходу. Холл и коридор он проскочил с ходу, не обращая внимания на тройку шарахнувшихся в полумрак теней. Узкая полоска света выбивалась из щели между косяком и неплотно прикрытой дверью. Из комнаты доносился тихий рассерженный голос, вполне отчетливый, но Аурел не смог разобрать ни слова. Наверное, говорили на каком-то косом жаргоне, которых придумали вдоль перегона сотни, если не тысячи. Еще доносился приглушенный шум вечеринки, там, на другом конце, откуда звонил Камилл.

Едва Аурел вошел, разговор прервался. Шум тоже. Тири коротко выругалась и протянула руку к борде – похоже, не появление Аурела послужило поводом к окончанию разговора. Она коснулась сенсора под надписью «Power», зеленый глазок индикации питания послушно угас, но голокуб продолжал светиться, как ни в чем не бывало.

В следующую секунду пальцы Тири отдали короткую команду терминалу:

[check b mem]

Голокуб послушно мигнул, прокручивая тест.

[alien resident in base memory detected] – вспыхнула алая

тревожная строка и Аурел кожей почувствовал как взвились на дыбы церберы, сторожащие in-порт. Впрочем, секундой позже голограммная муть сконденсировалась еще в одну строку, на этот раз зеленую:

[virus not found]

[message generator data inverse point]

[Наняты охранять вас. Фирма ТП. Идем по перегону с востока навстречу вам. Четыре джипа, «Гризли», «Эфа», «Строгино 4Х», «Лендровер автоклуб». Не разминуться бы! Ждите нас в точке, где получите эту мессагу или идите по перегону, не отклоняясь в стороны.

Бай-бай!

Бай.]

Сообщение медленно теряло яркость, растворяясь в голокубе, как кусочек сахара в кипятке. Терминал коротко пискнул, и озадаченно сообщил:

[dial init error]

[optical line not fond]

[missing connect]

[hardware trouble... please, wait]

Терминал судорожно пытался найти сеть. Но не мог: Аурел ясно видел, что джек волоконки, как и раньше, торчит из гнезда в стене, а диал, тоже отключенный, пребывает в сумке. Как же резидент сумел пробраться в base-память?..

И вдруг Аурел ясно понял – как. Через Камилла. Камилл этот, наверняка такой же, как Аурел и Тири – хакер-кибертелепат. Он заставил работать отключенную от всего борду. При известном усилии это, наверное, можно сделать, читал же Аурел на спор лежащие в кармане собеседника диски... А резидент скорее всего спящий – сидел на горячих точках бекбона, по магистралям сидел, по серверам, и дремал до поры-до времени. Едва Камилл открыл виртуальный капилляр на терминал Аурела, резидент проснулся, мигом собрал ядро мессаги и зашвырнул data-массив прямо в память...

«Стоп! – сказал себе Аурел. – Неувязочка!»

Едва Тири отключила батареи, терминал должен был уснуть, поскольку Камилл больше не подпитывал его. А это значит, что base-память должна сброситься, и «забыть» все, включая злополучного резидента!

Аурел повернул голову к Тири; та возмущенно глядела на него.

– Прекрати! – потребовала она. – Прекрати сейчас же!

– Что прекратить! – недоумевающе протянул сбитый с толку Аурел.

– Прекрати держать борду! Зачем ты это делаешь?

«Она думает, что терминал подпитываю я!» – осенило Аурела.

– Это не я! – заверил он девушку. – Честное слово!

Тири свирепо глянула ему в глаза.

– А кто? Я, что ли?

– Не знаю! Посмотри сама, если не веришь!

И, шагнув к кровати, чтобы не упасть на пол, Аурел скользнул в киберспейс, неощутимое условное пространство, обитель голой информации, ограниченное на этот раз только памятью портативного терминала. Никогда раньше Слайдер.88.слайдер не видел отсеченного от общей сети виртуального мира.

***

~# run console 1
@comment: bug control

Спящий резидент отыскал терминал Аурела спустя две недели после странной истории с мнемоюстами. Днем, когда джипы неслись по равнине, как маленькое бизонье стадо, вминая гонимые ветром шары перекати-поля в укатанную плоть перегона и поднимая косые шлейфики пыли. Бластер заурчал и заулюлюкал, как вейтер-антивирус про виде свежего червяка-пожирателя архивов. Бай тотчас нажал на клаксон и утопил педаль тормоза до отказа. Повиснув на ремне в нескольких сантиметрах от руля, он почувствовал, как жалобно хрустнули ребра. Бай всегда пристегивался в автомобилях – после памятной истории с Васей Шмыковым. Когда непристегнутого Васю увозили в больницу на вертолете, а пристегнутая жена не получила даже царапины. Тем более, в этом мире вертолета не дождешься, хоть до скончания времен сиди, это не Москва.

Мимо пронеслась Тигровая «Эфа» – Тигрис еле успел выкрутить руль и объехать резко затормозивший «Гризли». Чен с Семой и Син, катившие впереди, тоже затормозили. Бай увидел, что дверцы передних джипов открываются и спутники выглядывают, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь в поднятой пыли. Боковой ветер быстро сносил пыль к северу.

Бай схватился за терминал и почти без опаски рухнул в сеть, даже не вспомнив о мнемоюстах. Теперь уход в зыбкие сумерки виртуального мира у него получался значительно лучше. Две недели назад, в первый раз, он не сумел войти без мнемоюстов, но уже через три дня полупогрузился в киберспейс. Зрение и

остальные чувства словно расслоились: он видел кабину «Гризли» и ощущал пальцами клавиши борды, но в то же время он висел в пределах собственного, недавно открытого, холда. Долго так висеть между реальностью и сетью не получилось, но через какой-то час он нырнул в сеть целиком. И пробыл там больше дискретного часа. С каждым разом проникновение в сеть давалось Баю все легче, словно мозг его постепенно привыкал к новому методу. Через неделю он сунул мнемоюсты в бардачок и напрочь забыл о них.

Резидент нашел Аурела у городка под название Мелекесс, чуть южнее перегона. По прямой от ТП-шников это составляло чуть больше пятидесяти мегаметров. Бай прошелся по файл-рапорту.

[Target: located; non-dial connect over SOLO-NET_Server, concentrator N 18588 A Message: sending... completed cps 847634 Прощай, Бай!]

Выполнив задачу, резидент тихо распался. Ядро его на миг вспыхнуло и взорвалось праздничным фейерверком, а лог-нити, связывающие разбросанные по всей сети служебные массивы, занялись жидким сизым огнем, и сгорели в одночасье.

– Йо-хо! – крикнул Бай, возвращаясь в кабину джипа. Рядом сидел Синицын, а в водительское окно заглядывал Чен.

– Ну? – нетерпеливо спросили оба.

Бай вздернул кулак с оттопыренным большим пальцем.

– Порядок! Мессага уже на терминале Аурела. Посмотрим, что он нам ответит!

В тот же миг над видеотреком замерцала развернувшаяся голограмма. Ровные строки проползали в толще голокуба и исчезали за плоскостью-ограничителем. Кто-то шарился в холде, общем для всех четырех джиповых терминалов.

– Однако! – сказал Синицын и залез в бардачок. Мнемоюсты он отыскал на удивление быстро. Бай сосредоточился и скользнул следом.

Он стал бесформенной объемной кляксой, черной, как уголь в неосвещенной шахте. Рядом тусклыми искрами переливался Син, похожий на пузатого обтекаемого кашалота. А посреди холда висел полосатый, как оса, ярко-желтый юзер, в котором без труда можно было узнать Тигра. Значит, это не чужак: просто компаньону вздумалось сходить в сеть.

[В чем дело, Тигрис?]

Син говорил медленно, потому что плохо работал с бордой.

Тигр засветился еще ярче.

[Смотрю, как тут вы]

Он говорил еще медленнее.

[Все в порядке, клиент нашелся] – сообщил Бай.

Тигр не ответил – просто вытянул блестящее, как ртуть, жало и указал куда-то за пределы холда, на вывернутый входной капилляр. Бай и раньше замечал, что капилляр почему-то не прямой, но приглядываться к нему и не думал. Теперь пригляделся.

[Ах, ты, edit твою DOS!] – выругался он и с негодующим шелестом перетек поближе к капилляру. Так и есть.

Капилляр был завернут петлей, и к нему примыкал еще один, черный, и поэтому невидимый. Трюк был прост, как форточка, и назывался хидден-фильтром. Виднелись даже искромсанные обрывки логов, из чего можно было заключить, что доступ к их терминалам пытались получить несколько юзеров, а не один, и что контролировались не все потоки терминалов, а лишь какой-то конкретный. Но какой?

Бай обратился гигантскими, во весь холд, ножницами и яростно щелкнул, обрубая чужой капилляр. Синицын в ужасе пискнул и метнулся прочь, чтоб не угодить под эту чудовищную гильотину. Черный капилляр смялся, словно был сделан из жести, и лопнул; обрубок бессильно повис, сочась густой фосфоресцирующей жидкостью.

Ошеломленный Бай вновь стал кляксой: гнев, поднявшийся в нем, оказывается, способен управлять системой! С мнемоюстами на это ушло бы куда больше времени. Да и силища какая, Бай даже растерялся. Кем же он становится, что за компьютерным монстром?

Теперь он попытался контролировать свою силу, и в общем это получилось. Аккуратно выровняв входной капилляр, Бай свил вокруг него охранную сетку и наскоро привесил вейтера-сторожа. Перелопатил целевые управляющие церберов, мирно дремлющих в уголке холда, (чтоб церберы и близко никого не подпустили к капиллярам) и решил, что для начала достаточно. Теперь шуровать на их терминалах будет весьма затруднительно.

Он вернулся в обычный мир, в последний момент оглянувшись. Холд был пустым и темным. Как и раньше. Только церберы дремали в углу.

«Толку от них», – подумал Бай зло. В глазах светлело, дневной свет рвался сквозь стекла кабины.

– Ты, урод! – Синицын с негодованием ткнул его кулаком. – Ты ж меня чуть не перекусил!

– Извини, – протянул Бай. – Я сам не сразу понял... Привыкаю без мнемоюстов. Еще не привык.

Син, отдуваясь, содрал с переносицы очки и принялся вытирать потный лоб. На висках виднелись красные точки –

следы от таблеток-психоусилителей.

«Блин! Каково без мнемоюстов-то! – подумал Бай ошеломленно. – А ведь верно: мнемоюсты по сути контролируют энергопоток мозг-сеть. В обе стороны. А теперь я связан с терминалом бесконтрольно… Значит… Значит, я могу теперь ворочать в сети такими силами, какие мне и не снились? Да что там – вон капилляр перегрыз в момент, а раньше по часу уходило, чтоб его отсечь!» Сознание своей мощи едва не раздавило Бая. Боязно было даже представить, на что способен энергетически не стесненный юзер в сети. Защиту любого сервера можно щелкать, как гнилой орех. Церберов на чужих холдах гонять, как голубей на крыше. Да что там – можно испепелить мозг любого обитателя киберспейса, загнав на его мнемоюсты короткий пиковый сигнал. Чик – и вместо мозгов кровавая каша.

Словно ударенный гигантским молотом Бай сидел перед бессмысленно мерцающим пустым голокубом в своем джипе.

Чен и Син переглянулись. Их компаньон отрешенно застыл, пялясь не то в бесконечность степи, не то вовсе куда-то внутрь себя.

– Чего это с ним? – спросил Син с опаской, хотя прекрасно знал – что. Просто Бай понял что-то важное, что-то очевидное-невероятное И теперь размышляет можно ли извлечь из этого пользу, или же придется изобретать защиту, и лучше – заранее. Уж кого-кого, а старого своего приятеля Син знал как облупленного, даром что никак не мог привыкнуть к новой физиономии. Впрочем, к его физиономии и круглым очкам, наверное, тоже привыкнуть трудно. А уж к Тигровому цвету кожи и лоснящейся, вечно улыбающейся роже!

– Граждане, – хрипло сказал Бай, прервав мысли Сина. – Граждане, хотите заполучить в помощь всемогущего бога сетей? Так вот, он с вами. Я теперь могу весь этот мир завязать бантиком и поставить на уши. И никто – никто не сумеет мне помешать.

Но тут же подумал: если только под этими небесами больше нет никого, способного погрузиться в киберспейс без мнемоюстов. А кто сказал, что этого никто не умеет?

Незаметно подошедший Сема смиренно сложил ладони у груди и тихо спросил:

– Поедем ли мы дальше, господи? А то торчим здесь уже битый час, и ни на метр не продвинулись. Я же хотел бы побыстрее разделаться с делами и назад, в Москву, аминь…

Чен тихо, как умел только он, засмеялся.

– Ладно, поехали… – проворчал Синицын, открывая дверцу и вылезая из байкаловского джипа. – Где он нас должен ждать, говоришь?

– Э-е-е... – Бай защелкал клавишами, вызывая карту в голокуб. – Под Мелекессом. Это в двадцати мегаметрах... С небольшим.

Было слышно, как у себя в кабине хмыкнул Тигр, и тотчас же завел двигатель. Полосатая «Эфа», выбросив из под колес два пыльных хвоста, рванулась с места. Теперь колонну возглавил Тигр. Спустя несколько секунд тронулся джип Чена и Семы, затем – Синицына, а последним, подождав с минуту, пристроился Бай.

«Ну и ладно, – подумал он. – Хоть в задницу никто не воткнется, если опять резко заторможу!» Пыль быстро оседала; в степи опять стало пусто, только еле слышное урчание моторов затихало вдали, постепенно растворяясь в стрекоте кузнечиков.

***

~# run console 2
@comment: checking base software

Оказавшись в памяти терминала, Аурел осмотрелся. Он висел в центре большой, но конечных размеров сферы. Поверхность ее тускло отливала сталью. Обычной безбрежности киберспейса не чувствовалось, и это было странно и непривычно.

Рядом коротко вспухла искристая клякса, похожая на медузу – Тири. Искры, пробежав по тонкой мантии, угасли, медуза сложилась в комок, будто испуганный еж, и разом обрела серо-стальной цвет, в тон окружающей их сферы. Аурел оставался, как обычно, черным и бесформенным.

Внизу топорщились кристаллические джунгли, кое-где разбавленные игластыми шарами – системные файлы и драйвера. Тысячи переплетенных нитей-связей увили эту диковинную конструкцию на манер плюща. Туда лезть было незачем.

Резидент обосновался в верхней памяти. Белесая сеть, похожая на паутину, затянула условный «верх» сферы. В местах крепления паутинок к поверхности сферы бугрились странного вида выросты, наводящие на смутные мысли о лосиных рогах. За паутиной что-то мерцало и перемигивалось теплым оранжевым цветом.

На стальном боку Тири вдруг прорезалось женское лицо – не очень, почему-то, похожее на саму Тири. Оно сохраняло все тот же матово-серый цвет, кроме глаз: глаза были изумрудно-зелеными. Аурел мысленно хмыкнул. Тири смотрела на резидент-паутину, медленно поднимаясь к ней. Аурел тотчас поплыл следом, на ходу превращаясь в зазубренный, как циркульная

пила, диск.

Из-за паутины вдруг протянулась человеческая рука и погрозила пальцем: не приближайтесь, мол! Тири замерла, как показалось Аурелу – озадаченно. Рука тут же исчезла, даже не потрудившись сначала убраться за паутину.

– Пугает! – сказала Тири басом, как брат Грай. Аурел не ответил.

Паутина тем временем выгнулась, словно парус на ветру. Потом слилась с неярким массивом резидента, впиталась в его шероховатую поверхность.

Аурел вырастил длинное щупальце и протянул его в направлении резидента. Массив тотчас явил большие ножницы – намек был достаточно прозрачным. Испытывать щупальце на прочность Аурел не стал. Здоровье дороже.

– Странный резидент! – протянула Тири уже не басом, а своим обычным голосом, только слегка реверберированным. – Больше на демона похож. Смотри, какая аура мощная.

«Какая еще аура? – подумал Аурел с недоумением. – Но на демона и правда больше похож...» С мягким щелчком Тири распалась на добрую сотню небольших шариков, каждый из которых хранил копию женского лица и пару зеленых точек в качестве глаз. Шарики слаженно, как стая рыбешек, метнулись вперед, но резидент схлопнулся, будто карточный домик и шарики, отскочив не то от поверхности сферы, не то от самого резидента, полетели назад, прямо на Аурела. Пришлось уворачиваться, держа в восприятии их всех, что было непросто. Аурел еле справился.

– Осторожнее! – проворчал он, когда Тири вновь сконденсировалась в нечто целое.

– Мимо, – констатировала она невозмутимо.

– Что ты пытаешься сделать? – попытался прояснить ситуацию Аурел. – Может, скажешь по дружбе?

– Взять его за шиворот, – ответила та. – Что тут непонятного?

Аурел скептически глянул на резидента – тот пульсировал, словно дышал. Сейчас он был похож на зерно чечевицы.

– Но какая аура! Такое впечатление, что это юзер в сети, а не просто программа! – продолжала говорить загадками Тири.

Аурел сконцентрировал внимание на энергопотоках. Внутреннее зрение включалось не сразу, а плавно, словно возникающее на белом листе фотобумаги изображение. Постепенно зеленоватые туманные «реки» густели и наливались интенсивной палитрой. Аурел окинул взглядом всю систему потоков, кровеносных сосудов любой компьютерной системы.

Вот рукав к процессорным полям, низковольтный, поэтому

тоненький... вытекает (гм!) прямо из тела демонопобного резидента! Аурел отвесил бы челюсть, если бы ее имел здесь, в киберспейсе. Вот рукав к осциллятору... тоже растет из резидента! А форекс борды?

Тоже из резидента! Все компоненты борды брали энергию у этой чертовой чужой программы!

– Эй, Тири! – сказал Аурел изумленно. – Погляди энергопотоки! Только не падай потом, систему снесешь к едрене-матрене!

На изумрудные глаза спутницы мигом опустились затененные очки-звездочки, только без всякой оправы. Здесь им не нужно было на чем-нибудь держаться – могли просто висеть у глаз, потому что киберспейс не знает что такое гравитация.

Тири взглянула, но ответить не успела: мир стал медленно меркнуть, энергопотоки светлели, словно у резидента кончился заряд.

Аурел без раздумий вывалился в обычный мир – оказалось, он лежал на кровати, свесив ноги, обутые в старые кроссовки, с псевдодеревянной спинки. Левая нога затекла, под коленом саднило, видно Аурел ненароком ударился о твердый пластик. Тири сидела перед бордой, безвольно склонив голову на плечо. Впрочем, в следующий миг она вздрогнула и села нормально. Первым делом она взглянула на терминал – тот был мертвым, как и полагалось при отключенном питании.

– Дьявольщина! Ты видел? Эта программа сама подпитывала борду! – выдохнула Тири. Чувствовалось, что она под впечатлением.

– Видел... – глухо отозвался Аурел. – По-моему, это невозможно.

– По-моему, тоже. Впрочем, считается, что линковать человеческие мозги с сетью без мнемоюстов тоже невозможно. И тем не менее...

– Подожди, – Аурел рубанул ладонью воздух. – Ты хочешь сказать, что эта программа способна совершать некие осмысленные действия, что она разумна?

– Не обязательно. Она может быть обучающейся.

– Но тогда она не сможет подпитывать терминал, – отозвался Аурел.

– Почему? – не поняла Тири.

– Ядра обучающихся программ незамкнуты. Незамкнутое ядро не...

– Поняла, – оборвала его Тири. – Действительно.

Несколько секунд в комнате висела тишина, потому что даже сверхнапряженная работа мысли не рождает звуков.

– А у тебя есть идеи? – наконец спросила девушка.

– Нет, – ответил Аурел. – Впрочем, есть. Может, резидент служит просто ретранслятором?

– Ага. А борду подпитывает некий таинственный программер. Как там его? Бай, кажется.

Голос Тири был полон сарказма.

– Предложи что-нибудь получше, – огрызнулся Аурел. – Дайка лучше борду. Щаз я этого резидента ручками заломаю, по старинке...

Тири враз нахмурилась, вспомнив о проблемах реального мира.

– Некогда...

Аурел внимательно поглядел на нее.

– Что тебе сказал Камилл? И что тебя с ним связывает, кстати?

– У нас неприятности, – Тири встала. – Надо убираться отсюда.

– А подробнее?

Грустно взглянув в глаза Аурелу, она объяснила:

– Лощинин нанял киллера. Платонова. Знаешь кто это?

Аурел вздрогнул. Он знал.

И еще он знал, что у Платонова «Бас-Лоджик». А это значит, что за день Платонов проезжает вдвое больше, чем Аурел с Тири на «Квантумах».

***

~# root
~# stream 2/console 5
@comment: user [Дмитрий Платонов]
@comment: status [civ]
@net locate: Кипрово_4999117

Ветер врывался в полуоткрытое окно, шепча о чем-то своем, воздушном, но Платонову было глубоко наплевать – о чем там шепчет ветер. В окно он спроваживал окурки и изредка поглядывал. А песни его не задевали.

«Бас-Лоджик», прижатый антикрылом к почве, упруго рассекал плотные слои прогретого воздуха. Руль почти не двигался – автопилот сумрачно мигал фиолетовым глазком, следя за дорогой. Впрочем, следить особо было не за чем. Степь рвалась навстречу так рьяно, что рябило в глазах – машина шла, сжирая по триста пятьдесят километров в час. Человек нипочем

бы не выдержал такой скорости, сидя за рулем, обязательно влетел бы в какую-нибудь микроскопическую неровность перегона и пошел бы кувыркаться в осатаневшем от скорости металлическом гробу, пока не рвануло бы горючее. И привет. А автопилот, тихое и практически никому не известное изобретение одного из клиентов Платонова (ныне, понятно, покойного) досталось в наследство и безотказно служило киллеру номер раз уже седьмой год. Осталось только не взвыть от скуки, бездельничая в роскошной кабине «Бас-Лоджика». Зато можно было не терять времени ночью – автопилоту совершенно параллельно время суток. Равно как и время года, что тоже немаловажно.

Вряд ли мотоциклисты делают хотя бы по сто километров в час. Мегаметр-полтора в сутки – их предел. Платонов легко делал восемь. На старте его от клиентов отделяло мегаметров тридцать. При самом неудачном раскладе он должен догнать сладкую парочку – ковбоя и его подружку – за семь-десять дней. Но эти семь-десять дней нужно высидеть в кабине, взирая на опостылевшую степь, что окружала путника на перегоне. Спать или хлебать кофе – на деле Платонов забывал об алкоголе. Слушать Кочеткова или Митяева. Смотреть футбол. Но лучше – спать.

Платонов дремал, откинувшись на спинку водительского кресла. Когда прозвучал вызов он лишь едва заметно шевельнул бровью. На вызов отвечать он никогда не спешил – пусть звонящий помается, понервничает. Глядишь, и стрясти с него больше удастся.

Наконец он лениво, словно бы даже раздумывая – стоит ли? – потянулся к панели справа от руля, хотя никто не мог его видеть. Вторую натуру не победить...

– Ты кто?

– Лощинин! – тотчас отозвался бластер знакомым голосом. Только после этого Платонов включил изображение, положив предварительно руку на руль, ибо не хотел, чтоб об автопилоте узнал кто-нибудь посторонний.

– Мы их засекли! – Лощинин частил. Платонов чувствовал, что разговаривать с ним Лощинин не любит и старается поскорее разделаться со всеми делами.

Напрашивался вопрос: «Где?», но Платонов, конечно же промолчал.

– Они добрались до перегона, наконец-то... Есть такой городишко – Мелекесс. Знаешь, где это?

Платонов фыркнул. На перегоне не так много городков – меньше тысячи. Тем не менее, он знал обо всех и держал в голове

план каждого. Не зря же он считал себя профессионалом. Впрочем, что значит – считал? Платонов и был профессионалом, причем – лучшим.

– Я не понял, что у них там происходило, но минут пять терминал Слайдер-восемьдесят восьмого проработал. Кажется, у них был какой-то кривой коннект не пойми с кем. Во всяком случае, Злыдень с Энди не смогли отследить с кем коннектился Фриппи – логи оборваны. И еще, – Лощинин хихикнул, – кажется, к ним пробрался вирус. Короче, они с ним боролись, а Злыдень тем временем шастал около и держал свой компьютерный нос по ветру. Сейчас я тебе его дам, послушаешь сам...

Платонов кивнул. Изображение Лощинина в голокубе уменьшилось и уехало в левый верхний угол; в центре и справа раскрылись окошки терминалов Злыдня и Энди Трушина.

– Привет, – поздоровался Энди. Злыдень просто кивнул.

– В общем, я мало что понял, – честно признался Злыдень. – Иногда мне кажется, что я снова стал радостным и лопоухим чайником.

Платонов подозрительно поглядел на него. Если Злыдень, легендарный в сетях .41, говорит, что мало что понял, значит дело и впрямь нечисто.

– А поконкретнее? – уточнил Платонов невозмутимо.

– Ну, например: это был не диал-коннект через ближайший ретранслятор, если, конечно верить тем обрывкам логов, что я сумел наскрести. Но это не был и коннект посредством стандартной волоконки – волоконкой наши лучшие друзья вообще, кажется, не пользуются. Правильно – дураками их назвать никак нельзя... хотя некоторые их действия, мягко говоря, труднообъяснимы.

– Треки? – напрямую спросил Платонов.

– Треки в том числе, – подтвердил Злыдень.

Энди громко фыркнул. Платонов знал, что подумал Энди: тот всегда фыркал, когда кто-нибудь из хорошо знакомых ему людей вдруг принимался изъясняться не как обычно, а вдруг начинал напоминать господина президента во время телеобращения к гражданам. Злыдень сейчас вещал именно в такой манере.

– Ну, хорошо. А что вы сообщите полезного мне? – спросил Платонов, зевая. Натурально зевая, вовсе не наиграно.

Злыдень пожал плечами.

– Не знаю. Черт возьми, я практически ничего не знаю – только догадки. Мне кажется, что эти ребята используют какую-то нестандартную технику. Может быть, они и к военным влезли в карман?

– Тогда бы за ними шла бригада «Адаптеков» с полным

боекомплектом и приказом стрелять на поражение, а не я на несчастном «Бас-Лоджике»... – проворчал Платонов.

– Ну, – в тон ему проворчал Энди, старательно копируя малейшие интонации, – не такой уж и несчастный твой «Бас-Лоджик»...

Машинально Платонов проверил – левая рука исправно лежала на руле. Он все еще «вел» машину – по крайней мере, остальным полагалось в это верить. Неужели Энди пронюхал? Ну и времена! Ничего от хакера не скроешь! Но как, как он догадался, толстяк и обломщик? Уму непостижимо!

– Короче, – Платонов собрался. – Они в Мелекессе. Это радует: я думал, они дальше. Держите меня в курсе. Адье, граждане свободного Сатриана. Я отключаюсь, если вам больше нечего сообщить.

Энди пристально поглядел Платонову в глаза.

– Плафонов, – сказал он раздельно и внятно. – Не вздумай лезть к ним через сеть. Это такой совет.

– Ладно, – согласился Платонов. – Не стану. Это такой ответ.

И прервал сессию резким хлопком раскрытой ладони. Борда сухо затрещала, складываясь, и втянулась в специальный паз на панели, а голокуб сжался до размеров точки и пропал.

– Плафонов, – повторил он с отвращением. – Лет пять меня никто так не называл. Надо же, еще помнят. Кто ж это придумал-то? Кажется, Вася-Секс. Когда расколотил у меня ритуальную Наташкину лампу. Сказал, мол, теперь ты Безплафонов: плафон твой я расколотил. А на бессвязные ругательства Вася ответил, разведя руками: «Ну, извини!» Платонов тогда даже не разозлился, потому что на охламона-Васю злиться было совершенно бессмысленно.

«Бас-Лоджик» упруго съедал расстояние.

«Ох, и сдеру же я с Лощинина разъездных», – подумал Платонов, расслабляясь. У него была в запасе по крайней мере неделя. Работа начнется только потом, но счетчик включен, и гонорар капает, с каждой секундой увеличиваясь. Специфика.

Он заснул минут через десять. Только автопилот продолжал незаметно корректировать путь стремительной, как тень, машины, которая презирала расстояния.

***

~# run console 4
@comment: research net movie

Энди привычно устроился в любимом кресле и потянул борду с захламленного стола на колени. Потом медленно нацепил мнемоюсты, намеренно закрепив тонкий проводок внатяг, чтоб предательские таблетки психоусилителя слетали с висков при малейшем движении головы. Энди очень не хотелось разделить судьбу бедняги-Рюкзака, и он пытался принять меры. Тем более, что кажется он нащупал ниточку, ведущую в самый центр клубка. К тому, кто спаивал воедино много на первый взгляд не связанных друг с другом событий. Начиная от слитого у Лощинина файла и заканчивая сверхъестественной смертью Рюкзака.

Камиллом Энди заинтересовался после того, как выяснил: тот многое не договорил Лощинину, когда порекомендовал вызвать помощь из-за барьера. Во всяком случае, Камилл сумел надолго заморочить Лощинину голову и тот занимался стрельбой в молоко; а потом исчез из сити, причем как раз в тот момент, когда Лощинин заподозрил неладное. В самом деле, почему Камилл не сообщил, что знает кто именно стянул пресловутый файл с терминала в «Яузе»? И потом – странная история с хинтом для забарьерников. Слепому видно, что Камилл затеял и вел какую-то свою игру.

Энди переворошил гору массивов на многих серверах, он сидел перед голокубом часами, до отвращения к синим окошкам Миднайт коммандера, но сидел не зря, как выяснилось.

Случай с пропажей файла у Лощинина был не единственным за последние три года, а всего лишь самым крупным. Ко всем без исключения имел отношение Камилл – как консультант. Данные всегда пропадали бесследно и при расплывчатых обстоятельствах с уклоном в мистику. При этом можно было с уверенностью сказать: во-первых, украденные данные _НЕ_ сбрасывались на стандартный лазер-диск, если судить по времени доступа; во-вторых, они не сбрасывались и на PVT-область всеобщего диска, а также не сбрасывались на локальный диск удаленного терминала, ибо не выкачивались из системы наружу; и в-третьих, они не могли быть считаны в оперативную память целиком из-за слишком большого объема. Сначала Энди предположил, что файлы просто уничтожались, но статистика все же фиксировала иногда не удаление, а перемещение с ничтожно малым временем записи на новый носитель и обычным – удаления со старого.

Сначала Энди не придал этому значения, но когда сожгли Рюкзака вдруг задумался – а какая нужна энергия, чтоб сжечь живые нейроны? Попробовал подсчитать, и ужаснулся. Огромная, в сети это нереально. Потом подумал: а что ограничивает энергетическую мощь юзера в сети? Ответ был очевиден –

психоусилители-мнемоюсты.

И вот тут Энди прошиб холодный пот. Достаточно подключиться к сети без мнемоюстов, напрямую мозг-порт и...

Это объясняло все. От скачивания данных с отключенного терминала (скачивания непосредственно в мозг – и время ничтожное, и логов не остается) до убийства Рюкзака. Во всех случаях, которые раскопал Энди, файлы воровали разные люди. Кстати, вскоре после этого эти люди исчезали из общедоступного киберспейса. Исчезал из виду и Камилл. До следующего случая...

Трудно было не сопоставить очевидные факты. Камилл явно выискивал по сетям людей-феноменов, а потом, видимо, использовал в каких-то неясных целях.

И Энди стал копать под Камилла. Отыскивал еле заметные следы его пребывания в сетях, потрошил статистику больших серверов. Постепенно картина начала вырисовываться. Найденные юзеры-кибертелепаты покидали сити, адреса их станций, если таковые были, исчезали из нодлистов, но кое-кого Энди все же периодически отслеживал. Все логи тянулись откуда-то из центра материка, с магистрала второй сотни. Энди нашел даже приватный флэш-линк на один из бекбонных узлов сити.

Мнемоюсты жгли ему виски. Энди с сожалением задавал себе вопрос: почему он не может подключаться к сети напрямую? Это сильно упростило бы дело, потому что не стесненный энергетически юзер способен защитить себя в киберспейсе от кого угодно. Страх не покидал Энди.

Повинуясь смутному наитию, Энди копал глубже и глубже, устанавливая имена и старые адреса людей, которыми интересовался Камилл, и никому ничего пока не рассказывал. Лощинин вряд ли бы заинтересовался подобной информацией, во всяком случае до поимки ловкача-Фриппи.

Копать было безумно интересно, Энди часами просиживала перед голокубом, готовый в любую секунду вывалиться из сети и тем самым сохранить себе жизнь.

Но опасность пришла не из киберспейса. В тот день с утра Жека с детьми ушла не то в парк, не то по магазинам, только Юрка прилип к борде, раскалывая очередную миссию в «Готорн крафт» и мало на что обращал внимание. Бластер его терминала грохотал и выл, как ошпаренный кот. Энди был поглощен работой и на короткий шум из коридора не обратил внимания, решив, что там бродит вечно голодная Ксюха. Он совсем забыл, что Черную Суку увела с собой Жека. Зашедший накануне Толик Хлыстов спал в зале после обильного, длившегося ночь напролет пивного марафона с Пустовойтовым. Пустовойтов уехал уже после рассвета, и Толик спал крепко и безмятежно.

Чувство, что за плечом кто-то стоит и внимательно глядит в мутный спейс голокуба, свалилось неожиданно, и захлестнуло мысли, будто первая штормовая волна сухой пирс. Энди рывком обернулся; мнемоюсты соскочили с висков и повисли на тонких черных проводках.

У кресла стояла стриженная под подростка девушка, рыжая и худенькая, в брючках в обтяжку и серебристой куртке поверх красной клетчатой рубашки. Она внимательно глядела на Энди сквозь затененные очки-звездочки. В руке ее чернел пистолет – если бы Энди разбирался в оружии, он узнал бы одиннадцатизарядный «Макселл».

Фраза застряла у Энди в горле. Девушка подняла пистолет и аспидно-черный зрачок пулевого канала пронзил сознание Энди холодной иглой.

«Все», – возникла одна-единственная мысль.

– Прости, – тихо сказала девушка. – Ничего личного. Ты слишком близко к нам подобрался.

И нажала на курок.

***

~# root
~# kill console 4
~# end
[Press Enter_]

Звук выстрела утонул в стоне Юркиного бластера. Энди дернулся в кресле и замер, свесив набок курчавую голову. На полосатый халат попало немного крови. Девушка опустила «Макселл», взглянула на мертвого Энди и неслышно выскользнула из комнаты. Она увидела в зале безмятежно спящего Хлыстова, глянула в спину заигравшемуся Юрке, и вернулась в комнату Энди. Несколько мгновений постояла перед терминалом, закрыв глаза.

Все. Теперь терминал Энди Трушина был мертв. Так же, как и хозяин терминала.

Девушка ушла никем незамеченной – потому что Энди выпал из списка живых.

Его труп нашел Хлыстов – только под вечер.

***

~# system integrator – to user:
@comment: console 5 slide to console 4
~# new list: console 1 [Dmitry Baikalov@ТП]
console 2/stream 1 [Stas Shimansky]
console 2/stream 2 [Mikel Zhmurov]
console 3 [Аурел Чогоряну]
console 4/stream 1 [Владимир Лощинин]
console 4/stream 2 [Дмитрий Платонов]
~# have a nice cyberspace! ;-)

***

~# run console 2
@comment: run, sysop, run!

Из полудремы Жмура выдернул мощный аккорд входящего. Жмур встрепенулся и сел в кресле поровнее. Где-то в глубине дома тихо наигрывала мандолина, чему Жмур тихо изумился: неужели Злыдень музицирует? Потом выяснилось, что мандолина играла на улице, а звук доносился из открытого в одной из спален окна.

Злыдень благополучно спал на кушетке, и даже звук входящего не потревожил его богатырский сон. Протянув руку, Жмур коснулся борды. На экране ископаемого монитора сгустилось изображение Лощинина. Босс был бледен и взъерошен. Казалось, он на грани паники. Собственно, так оно и было.

– Энди убит, – без предисловий начал Лощинин. – Буди Злыдня и рвите на перегон...

Жмур молча пихнул спящего приятеля-хакера и подождал пока взгляд того приобретет осмысленность.

– Повтори, Володя... – попросил Жмур матовым, как стекло в бане, голосом.

– Энди убит, – покорно повторил Лощинин. – Сегодня утром.

– Как убит? – опешил Злыдень, вскакивая с кушетки.

– Из пистолета. Выстрел в голову. На эндятнике были еще Юрка и Толик Хлыстов. Их не тронули. Но они и не видели никого – Толик спал, Юрка игрался. Ни единого следа – профи постарался. Рабочий терминал Энди выжжен как... – Лощинин с

трудом подобрал сравнение, – как мозги Рюкзака.

Жмуру стало холодно от такого сравнения.

– Охота? – глухо спросил Злыдень.

Лощинин пожал плечами:

– Не знаю. Но на вашем месте я бы убрался из Еланца и долго не совался бы в сеть...

Злыдень задумался. А Жмур вдруг остро почувствовал, каково из охотника превратиться в дичь. Убийца с заряженным «Вербатимом», три-М или TDK-шкой мог подстерегать за каждым углом, мог в любую минуту ворваться в уютный дом Злыдня и выпустить на свободу маленькую стремительную смерть, пахнущую порохом и оружейной смазкой. И от этой мысли начинали противно дрожать колени.

– И... никаких идей – кто бы это мог быть? – без особой надежды спросил Злыдень.

Жмур перевел взгляд на Лощинина. Тот немного поколебался, словно размышлял – говорить или нет. Все же решился и сказал:

– У дома Энди видели девушку приблизительно в то же время, когда эксперты определили смерть. Девушку, невероятно похожую на Тири.

У Жмура непроизвольно отвисла челюсть.

– То есть?

– Никто не говорит, что это Тири. Просто очень похожа – одета практически так, как Тири перед бегством из «Потерянного кластера». Очки-звездочки... Впрочем, это все ерунда. Тири со своим дружком сейчас на перегоне. И, между прочим, к Еланцу они сейчас ближе, чем к сити.

– Ерунда, говоришь? – хрипло выдавил Злыдень и мучительно закашлялся. – А я так не думаю. Это система, Володька. Группировка. Не зря они похожи, Тири и та девчонка. А за ниточки дергает, будь уверен, Камилл. Ты не нашел его тогда, но это не значит, что он исчез безвозвратно.

Лощинин недоверчиво поглядел на Злыдня.

– Почему Камилл?

– Сам подумай, – ответил Злыдень. – Заодно прикинь, что дало бы Камиллу единоличное владение украденным у тебя файлом.

Лощинин отмахнулся:

– Не пори ерунды! Зачем Камиллу мой файл?

– Не знаю, – Злыдень пожал плечами. – Я даже не знаю, что это за файл, а уж о том, зачем он Камиллу – и вовсе ни в жизнь не догадаюсь. Я вот что знаю: Энди последнее время копал под Камилла. И, кажется, что-то откопал. Доступно?

Лощинин все еще недоверчиво глядел на собеседника. А Злыдень поднялся с кушетки и обратился к Жмуру:

– Собирайся, Жмурилло. Я уверен, что пуля в голове не прибавит тебе радости.

Жмур с готовностью вскочил.

– Извини, – сказал Злыдень Лощинину. – Похоже, мы выбываем из игры. Будь добр, перечисли положенный гонорар нам на карточки. А то – сам знаешь, каково на перегоне без гроша... До встречи, я отключаю терминал.

Лощинин шумно вздохнул и печально покивал. В следующую секунду изображение на экране «Пойя» стало постепенно меркнуть, пока не исчезло вовсе. Зеленый глазок на мониторе погас, потому что Злыдень отключил питание всей системы. Теперь его дом был отрезан от остального информационного мира.

– Машина в гараже, – сказал Злыдень Жмуру. – Собирай спальники и прочее барахло. Я жратвы наберу. Да пошевеливайся, а то предчувствие у меня нехорошее...

Впрочем, Жмура не нужно было подгонять – по понятным причинам.

Желтый «Стингрей» Злыдня метнулся к южному шлюзу Еланца спустя двенадцать минут. Уходить решили не на перегон, а на юг, в сторону горного пояса. Туда мало кто забредал, а городков было еще меньше, чем в полярных районах.

А ближе к вечеру к дому Злыдня бесшумно приблизились две гибкие тени. Некоторое время они провели у низкой живой изгороди, молча разглядывая темные окна.

– Терминалы не включены, – сказала наконец одна из теней высоким девичьим голосом. Вторая тень повернула голову и взглянула в очки-звездочки.

– Кажется, мы опоздали.

Бесшумно перемахнув через изгородь, тени прошли вдоль бассейна и стали пробовать все окна по очереди. Третье по счету, окно Жмуровской спальни, распахнулось после легкого нажатия. Дом был обшарен в несколько минут, после чего тени собрались в берлоге Злыдня. Вряд ли бы хозяин остался доволен, узнай что стряслось в этот вечер с его техникой. Но Злыдень был уже далеко.

– Осторожные, гады, – сказала вторая тень, мужским голосом. – Удрали. Кто-то их предупредил, не иначе.

– Кто-то! – саркастически отозвался девичий голос. – Лощинин, конечно. Логи можно и глянуть, прежде чем пускать систему в даун...

– Какие логи? – мужчина пожал плечами. – Видела, что за

диал на крыше торчит? «Темное зрение», не «Аварк» какой-нибудь вшивый. Суровый девайс. Они, поди, напрямую к магистралу в сити цеплялись.

– А что, магистралы с некоторых пор не отсылают эхо-статистику? А, Крюгер?

– Все-то ты знаешь, – проворчал мужчина. – Ладно, пошли. Надеюсь, ты все потерла?

Девушка не ответила. Две тени покинули пустой дом и растворились в полутьме ночного города.

***

~# run console 3
@comment: use brain

Они удирали из Мелекесса, словно за ними гнался сам дьявол. Аурел с немалым удивлением убедился, что Тири влечет его вовсе не к стоянке, где остались их «Квантумы», а куда-то в сторону, сквозь лабиринт респектабельных особняков, через какие-то сомнительные дыры в заборах и нежданные пустоши между имениями. В глухие ворота одного из особняков их впустил молчаливый негр. Ворота наглухо закупорили вход, едва Тири и Аурел оказались внутри, а урчание сервомоторов увязло в пышной зелени, клубящейся за воротами. Негр убрал руки с пульта у караулки и теперь весьма трудно было предположить, что посреди нерушимой стены устроен проход.

Аурел нерешительно топтался перед караулкой, пока Тири не дернула его за рукав.

– Не спи! Сейчас нас спасет только скорость.

– И поэтому мы положились на собственные ноги, а не на «Квантумы»? – едко заметил Аурел.

Тири резко остановилась, схватив Аурела за рубашку.

– Ты что, всерьез рассчитывал уйти от Платонова на мотоциклах?

Аурел задумался. От «Бас-Лоджика» в самом деле не спасли бы и «Квантумы»...

– Что у тебя за идея? – спросил он, догадавшись, что Тири что-то затеяла.

Давешний негр у ворот подогнал к караулке обтекаемый «Креатив» с номерами сити. Аурел присмотрелся, и вздрогнул – это был один из автомобилей лощининских торпед, оставшийся в Трое после побоища в гараже. Значит, «Креатив» перегнали в Мелекесс, словно знали, что он пригодится... Странное

совпадение. Слишком многозначительное, чтобы быть случайным.

Негр, отворив дверцу, выскочил наружу, и за руль тут же скользнула Тири.

– Садись! – велела она Аурелу, и тот подчинился прежде, чем понял, что подчиняется.

«А сумка!» – хотел воспротивиться он, но Тири, послав «Креатив» во вновь возникшие посреди стены ворота, так резко утопила акселератор, что Аурел утонул в кресле, прижатый ускорением. Негр у пульта махнул им черной рукой – наверное, желал удачи.

– Спасибо, Моррис, – прошептала Тири едва слышно, умело ворочая рулем. Снова мелькнули за стеклами особняки и сомнительные заборы, и «Креатив» затормозил на стоянке у знакомых «Квантумов». Аурелу не нужно было объяснять зачем они здесь. Он мигом выскочил наружу, распахнул бардачки и перебросал сумки и пакеты в машину. Перегон шутников не любит...

Очень жаль было бросать мотоциклы в этом городке, но Аурел понимал, что «Креатив» все же пошустрее.

«Вот так и рушатся все надежды, – подумал он печально. – „Барракуды“ своей лишился, теперь и „Квантум“ отняли. Веселее некуда...» Но у «Креатива» тоже был мотор, и он тоже бился в железном чреве машины, прислушиваясь к ритму живых сердец, и очень скоро Аурел стал жалеть только об одном – что за рулем сидит не он. Но, в сущности, какая разница – в такт чьему сердцу звучит мотор, если сидящая рядом так же близка тебе, как и покинутая в Трое «Барракуда»?

И Аурел отдался этому гипнотическому ритму, этой звенящей скорости, этой механической песне, подчиняющей всех, кто ее слышит. Ветер звучал за стеклами. Степь негромко выла, прокручиваясь под колесами. Расстояния меркли.

«Я живу», – Аурел сжал руку на подлокотнике. Схожие ощущения возникали у него только в сети, когда он сливался с какой-нибудь навороченной программой, с каким-нибудь хитрым ледорубом, и ломал то, что до сих пор не смог сломать никто. Он ощутил вкус жизни, вкус поиска, единственное, ради чего стоило жить.

Это приходило к нему всегда в самые неподходящие моменты. Наверное, в этом крылся некий загадочный смысл. Но именно в такие моменты Аурел переставал страшиться неизбежной смерти и упивался свободой – ведь жизнь того стоила.

«Креатив» вспарывал лето, убегая на восток. Они и вправду смогут идти быстрее, чем на мотоциклах: когда устанет Тири, за

руль сядет Аурел; отныне можно не тратить время на стоянки и спать прямо на ходу, по очереди.

Если Платонов едет один, это уравнивает шансы. Если же не один... Что ж, тогда они столкнутся немного позже. Дальше от сити.

– У вас что, община? – спросил Аурел спутницу, неожиданно вернувшись к мыслям о целях своего спасения.

Тири вопросительно уставилась ему в лицо, надолго оторвав взгляд от перегона за лобовым стеклом, накатывавшегося со стремительностью горной лавины. Очки-звездочки скрывали зелень ее глаз.

– У кого – у нас? – спросила она потом.

– Ну, у вас, у кибертелепатов. У тех, кто ходит в сеть без мнемоюстов.

Тири насупилась.

– С чего ты взял, что нас много?

Аурел неопределенно пожал плечами.

– Ну... это же очевидно. Зачем я тебе? Зачем ты встряла в эту авантюру? Не из тяги же к путешествиям...

– Много ты знаешь о тяге к путешествиям! – скептически протянула Тири, вновь прикипев взглядом к перегону.

– Много, – сказал Аурел, не задумываясь.

Тири долго молчала.

– Скажи, как с вами связан Камилл? Почему он тебе звонил?

– Камилл у нас главный, – неохотно пояснила девушка. – Это он меня послал вытащить тебя из сити.

Аурел опешил.

– Как – главный? Он что, тоже кибер?

– Да. Самый сильный. Иногда я его боюсь...

Вот тут Аурел перестал что-либо понимать. Камилл был заказчиком того самого дела, из-за которого теперь приходилось мчаться по перегону с Платоновым на хвосте. Это для Камилла Аурел стащил файл из корневого массива лощининской станции. Если он кибер, зачем тогда нанимал Аурела? Хотел загрести жар чужими руками?

С другой стороны, если он собирает киберов – почему сразу не перетянул Аурела к себе? Без дурацкой гонки по перегону, без торпед Шамила и без Платонова? Без забарьерных ребят, по иронии теперь пытающихся его прикрыть?

Шарп-диск с лощининским файлом Аурел давным-давно отдал посыльному Камилла. Значит, дело не в файле.

Аурел тихо выругался. Снова он не мог уловить глубинную логику событий, и снова чувствовал, что ответ чрезвычайно прост, только сейчас придти к истине не удастся, сколько не плавь

извилины.

Оцепенев в кресле и уставившись в мерцающую за лобовым стеклом даль, Аурел надолго ушел в размышления. Тири изредка косилась на него, но молчала. Впрочем, Аурел этого и не замечал.

***

~# run console 4
@comment: medium step

Мелекесс Платонов прошел глубокой ночью. Автопилот негромко исполнил бравурный марш «Последний прыжок тореадора», сигнализируя, что машина перед городским шлюзом. Клиенты отсюда давно убрались, Платонов знал это. Знал и то, что двухколесные «Квантумы» они сменили на добрый «Креатив», а значит встреча откладывается еще недели на две.

Город мелькнул за стеклами чередой приглушенных ночных огней. Неоновая реклама прочертила на фоне ночи причудливый, медленно угасающий трек, и растаяла вместе с Мелекессом. Под горячие от нагрузки шины вновь лег простор перегона. Платонов вернул управление автопилоту и привычно расслабился.

Ночь сгустилась над скоростной машиной, как вода над брошенным камнем. Лишь одинокий фиолетовый глазок тускло мерцал посреди пульта – остальное растворилось во тьме.

***

~# run console 3
@comment: crossroads

– Они где-то здесь неподалеку, – сказал Аурел уверенно, имея в виду пятерку забарьерников. – За Волицком, на перегоне.

– С чего ты взял? – не поверила Тири. Она только что проснулась и склонна была все подвергать сомнению.

Аурел пожал плечами.

– Посчитай. Если они едут так же быстро, как и мы, значит в Волицке мы и пересечемся.

– А зачем нам с ними пересекаться?

Аурел удивился.

– Они же помочь хотят!

Зевнув, Тири приподнялась на локтях, нехотя выглядывая в окно.

– Зачем тебе их помощь? Думаешь, спасут от Платонова?

– Ну, – протянул Аурел, пытаясь, чтобы слова звучали поубедительнее, – семь против одного это все-таки не двое против одного. Да еще если из двоих одна...

Он вдруг замолчал, сообразив, что сболтнул лишнего.

– Ну, договаривай, – Тири почему-то оживилась. – Потому что одна – девчонка, да?

– Да, – пересилил себя Аурел. Получилось достаточно уныло.

– Браво! – улыбнулась Тири. – И это говорит тот, кого я тащу на себе от самого побережья. Где б ты был без моей помощи, а, деляга?

– В горах Южного Пояса! – ожесточился Аурел. – Без киллера на хвосте и никого не убивая! Прекрасно и без тебя бы справился!

Он в сердцах рванул руль влево, объезжая пузатый шар перекати-поля. «Креатив» вильнул, Тири бросило сначала на спинку передних сидений, потом к дверце, в угол. Она больно ударилась головой о подлокотник-пепельницу.

– Потише ты! – прошипела она. – Герой.

Аурел решил не отвечать, только сердито сопел. Несколько минут молчание нарушалось лишь уверенным урчанием двигателя да еле доносящимся шорохом протекторов.

Потом Тири, добавив в голос миролюбивые нотки, осведомилась:

– Ты что, серьезно намеревался уйти от Лощинина на своей «Барракуде»?

Аурел только кивнул.

– Ты сумасшедший, – вздохнула Тири.

– Ушел бы, – упрямо сказал Аурел. – Есть опыт.

Тири усмехнулась и села, отбросив серебристый спальник, которым укрывалась, в сторону.

– Ладно, давай не будем об этом. Останови, пожалуйста.

Когда она вернулась в машину, Аурел уже остыл. Пусть себе, пусть тешит себя мыслями, что он сам ни на что не способен. Самоуверенная девчонка.

Но Тири нравилась ему даже такой.

– Устал? – спросила она, захлопывая дверцу. – Может, давай я поведу?

По сложившейся схеме, тот, кто просыпался, не садился за руль еще часа два. Только потом.

– Ладно, – проворчал Аурел. – Дотяну до Волицка, тут недолго.

И в этот момент что-то взорвалось у него в голове, отдаваясь тупой болью в висках. Аурел вцепился в руль и мягко осел, склоняясь к плечу Тири. Ступня его отпустила педаль акселератора и «Креатив» пошел тише, сворачивая с перегона в

дикую степь. Не растерявшись, Тири перехватила руль, дотянулась ногой до сцепления, рванула рычаг коробки на нейтрал, мягко перебросила монтреевский ботинок на тормоз и дождалась, пока «Креатив» встанет.

– Что с тобой? – она потрясла Аурела за плечи, заглядывая в лицо. Глаза его были пусты, как глаза манекена.

– Черт! – Тири потянулась к бардачку, собираясь вытащить аптечку, и тут же заметила зеленый индикатор на машинном терминале. Терминал пахал вовсю, словно отрабатывал мультисессию с десятком разных серверов.

– Черт! – повторила Тири, на этот раз слегка растерянно. – Да он в сети!

И, не раздумывая, распахнула призрачную завесу, отделяющую реальный мир от киберспейса. Ухнула в этот такой чужой и такой странный океан неощутимых информационных полей. Через весь холд тянулся ясно видимый светящийся след. Тянулся к черному капилляру, похожему на хидден-врезку.

Став похожей на серебряную акулу, Тири пошла по следу. Ее спутник не мог уйти далеко – не успел бы.

Церберы ревниво рванулись к ней, чувствуя чужую, но она выбросила радужный мерцающий шлейф нокера и сразу стала невидимой.

«Никудышняя у Шамила защита, – подумала она, подбираясь к узкому капиллярному гейту. – Не удивительно, что он не многого добился...» В капилляре было почему-то заметно теплее, чем на холде. Она скользила вдоль следа, и капилляр вскоре вывел к достаточно обширному линку на бекбонный сервер. Аурела тащили в сторону бекбона, именно тащили – в этом Тири не сомневалась ни секунды. Он, конечно, оболтус и авантюрист, но не до такой же степени! Его взяли, ясное дело, на поводок – уж не Камилл ли? Тири тоже не понимала многих действий вожака и не могла их объяснить. Но лишь в случае с Аурелом действия Камилла сначала вызвали в ней глухое раздражение, а затем и неосознанный протест. Потому что ее заставляли совершать нечто... неприятно пахнущее, скажем так. Да еще в отношении Ури – первого, кто был ей действительно небезразличен в этом мире.

А, может, это не Камилл, а оставшиеся лощининские хакеры-наймиты? Тогда им крышка. Возиться с ними нет времени – не так давно Тири их достаточно красноречиво предупредила. Не вняли – что же, каждый выбирает свой путь...

Она влилась в переделы сервера – гигантского куба, поделенного на этажи, кварталы и секторы. Куб искрился жизнью; мелькали светящиеся фонарики юзеров, по каналам роутинга

сплошным потоком шли искрящиеся сообщения, кто-то пытался протянуть алую нить директа, сверху то и дело сваливалась тончайшая невесомая паутина селф-секьюрити-сканнинга, бесцельно бродили демоны-резиденты, невызванные в данный момент, какой-то псих ломал толстую стену рут-защиты и к нему незаметно, исподволь, чтоб не спугнуть раньше времени, сползались красноглазые церберы, похожие на решетчатые фермы сервоподъемников.

Скользнув взглядом по ломщику-самоубийце, Тири пронеслась мимо. Какой-то лопоухий юзер-новичок, горящий зелено-желтым, словно новогодний феер, на миг застыл, когда мимо него незримой тенью промчалась тускло-серебристая акула.

А в следующее мгновение Тири увидела Аурела. Это был именно он – никем другим не могло быть аспидно-черное пятно в углу чьего-то локального прайвет-диска. Аурел одиноко висел, изредка вздрагивая. Его никто, похоже, не трогал. Но себя Аурел не помнил, это несомненно.

Тири, стараясь не суетиться, обволокла его незримой пеленой свежего нокера, не такого, с помощью которого дурачила шамиловских церберов, а нового, специально сотканного только что. Аурел казался сонным – его "я" едва тлело где-то в непроглядной глубине, а к мозгу сбегалось несколько витых паутинок, запутанных, словно вытащенная из механизма часовая пружина. Тири попыталась отследить целиком хоть одну, но не успела. Паутинки вдруг дружно распались в светящуюся пыль, и осели на нижний уровень, постепенно теряя свечение и обращаясь в частички серверного полумрака. Аурел тотчас встрепенулся, собрался в игластый шар и Тири захлестнула мощная волна живой эманации – спутник проснулся. И теперь соображал где он и что с ним.

«Своя, – сигнализировала она понятным Аурелу кодом. – Уходим немедленно».

Аурел узнал и согласно высветил на черном боку среди игл «agree».

Новичок, торчащий неподалеку, и все пытающийся понять – что же происходит совсем рядом с ним – недоуменно отследил два стремительных, как болиды, ядра, что разом исчезли. Только что были здесь, на локале, а в следующий миг о них уже ничто не напоминало.

Точнее – ничто, кроме крохотного трек-файла, возникшего словно бы ниоткуда. Новичок не удержался и потянулся вьювером к нему.

[Привет от Тири. Ваш CMOS покрыт инеем. Меня здесь не было. C_U_L8r!] Любопытный юзер так и не понял – чему стал

невольным свидетелем. Даже когда снял мнемоюсты и уставился на недавно купленный терминал последней модели. Что делать со странным трек-файлом он не понял тоже.

***

~# run console 1
@comment: IRQ conflict

– Я снова засек их! – сказал Байкалов азартно. – Совсем рядом, километров двести пятьдесят-двести тридцать. Под Волицком.

Сумасшедшая трехнедельная гонка по равнине выела остатки сил и бодрости. А ведь еще предстояло пересечь материк в обратном направлении, к зоне высадки, сопровождая невесть что натворившего клиента... Об этом не хотелось даже думать. Но сейчас ТП-шники ненадолго забыли о грядущем марше к восточному побережью, потому что именно под Волицком скрещивались все пути – путь Слайдер-восемьдесят восьмого, путь мрачного профи-одиночки по фамилии Платонов и путь пятерки из-за барьера. Что-то подсказывало Баю, что Платонов будет не единственным, кто попытается перехватить клиента. Не верилось, что большие люди ограничатся одиночкой, будь он хоть трижды профи. В общем, Бай уповал на лучшее, но и к худшему пытался подготовиться.

Спикер отозвался голосом Тигра:

– Давай, на газ дави, а не болтай!

Бай пропустил реплику Тигра мимо ушей, зато окликнул Синицына:

– Син, чисть плазмоган. В ближайшей перспективе – большая драка в городе. Прям, DOOM-семь. Ты рад?

– Пошел ты... – без энтузиазма пробурчал Син. Чувствовалось, что с гораздо большим удовольствием он испил бы портеру и откинулся в шезлонге где-нибудь на бережку, чем палил бы по живым мишеням, склонным к тому же отвечать огнем на огонь. Хотя, втайне Син надеялся обойтись без стрельбы. Подобрать этого трижды проклятого суматошного клиента, вихрем пронзить равнину, дойти до зоны высадки и со спокойной душой вернуться домой, в Москву, к жене и дочке, к портеру и креслу, которое ничуть не хуже шезлонга.

Бесконечный вояж в растянутом и сплюснутом, как необъятный блин, двумерном мире ему надоел до боли зубовной. Но на винтовку, лежащую поперек пассажирского сидения, Син

все же покосился и лицо его немедленно расцвело гримасой, мучительной и недовольной.

– Сема! – позвал Бай почему-то другим голосом. Изменившимся. Настороженным и отрешенным.

– Чего? – тихо отозвался тот.

– Переберись-ка ко мне... Тут что-то странное.

Чен тут же затормозил и высадил Сему. Спустя минуту Сема уже сидел за рулем байкаловского джипа, а Бай, пристроив борду на коленях, слепо уставился в толщу бледного солнечным днем голокуба. Он провалился в сеть, и Сема знал – трогать его сейчас бессмысленно.

Бай осторожно скользил в нематериальной толще киберспейса. Его верные программы-резиденты, дремавшие до поры, честь по чести доложили о присутствии клиента в сети. Но, глянув отчет, Бай отметил сразу две странности. Первое – клиент входил в сеть используя чужой терминал, автомобильную деку некоего Шамила Сайхутдинова, недавно убитого в Трое. И второе – похоже, он входил в сеть не сам. Его ввели туда, как слепого пешехода в подъехавший автобус. И Бай насторожился, потому что нутром почувствовал неясный подвох.

В сети он был быстрым, быстрее не придумаешь. С тех пор, как зависимость от психоусилителей перестала его сдерживать, Бай научился мгновенно и не задумываясь проделывать то, на что раньше уходили минуты. След Аурела был яркий... и, похоже, по нему уже прошел кто-то недавно, потому что рыжие пятна отслеженного доступа попадались на каждом шагу. Причем, прошел только что, потому что служебные демоны контроля еще не успели свернуться и заснуть, а так и колыхались вдали, обратив к Баю куцые многоступенчатые массивы.

Бай разделился. Каждая из его частей стала независимой и принялась за свою часть работы.

Дальше по следу – готово, вон клиент... и спутница его рядом. Спутница поглощена сканированием, Бая она не видит. Клиент... клиент пассивен, такое впечатление, что он не контролирует себя.

В памяти тотчас всплыла встреча с дайвером-спасателем и коварным файлом-паразитом на сервере, куда Бай когда-то лазил за хелпами к компилятору. Но сейчас происходило что-то иное, потому что никакого вируса вблизи не наблюдалось, а уж вирус-то Бай распознал бы – у них всегда заметные тела, как это странно не звучит. Не всегда понятно, что перед тобой вирус, но видно, что перед тобой не пусто. Сейчас Бай не видел никого – в пределах чьего-то локала находились только Аурел, его подружка, похожая на серебристую акулу, частично – Бай, да рдел

вдалеке удивленный чайник, наблюдая за происходящим. Видимо, случайно оказавшийся рядом.

Бай наскоро прослушал присутствующих – девчонка-акула пыталась понять, кто спеленал Аурела, чайник благоговел вдали и смутно мечтал о временах, когда сам станет крутым, Аурел вообще казался выключенным из сети, если бы не одно но...

Часть сознания Аурела выглядела в точности как локал-диск. Запароленный насмерть. И диск это был забит по самую завязку исполинским многослойным, как бутерброд, файлом.

Бай присмотрелся. Работа была ювелирная. Связи в психике Аурела были сшиты с величайшим тщанием, нейрон к нейрону, так, что он и сам, скорее всего, не догадывался, что часть его мозга используется как тривиальный носитель. Эдакий ходячий сейф.

«Дела!» – Бай присвистнул бы, если бы умел.

В тот же миг Аурел очнулся. То, что сдерживало его сознание, исчезло, отступило куда-то на высшие уровни, даже Бай не смог понять что это было и куда делось. Аурел шевельнулся, но залоченной области у себя в памяти он по-прежнему не видел.

«Неужели, хотели влезть ему в память? – подумал Бай. – Не получилось, наверное, помешала девчонка. Или я. Знать бы что там хранится...» Едва клиент пришел в себя окончательно, девчонка обменялась с ним быстрыми сообщениями, и оба рванулись из сети, даже не утруждаясь придать своему присутствию в киберспейсе видимость обычного доступа. Чайник на своем наблюдательном посту даже позеленел от зависти.

Тем временем остальные части сознания Бая шныряли окрест, но толку от этого было чуть – сеть жила обычной жизнью, клиенты убрались восвояси, а от таинственного поводыря слепых в мире киберспейса не осталось ни малейшего следа.

Бай пошастал в локале и около еще некоторое время, и понял, что старается зря. Все, что можно было выжать из событий, Бай выжал. Теперь вернуться и осмыслить новую информацию. Вне сети это получится лучше.

И он вернулся в кабину джипа. Кончики пальцев заметно ныли, словно он колотил по борде не иначе как с остервенением.

Сема заметил, что Бай ожил и, не отрываясь от руля, покосился на него.

– Заведи себе дрессированного дятла, – посоветовал Сема, как всегда сохраняя самый серьезный вид. – Когда-нибудь ты сломаешь себе палец.

Бай отмахнулся от него и негромко позвал Сина.

– Эй, директор... Я узнал тут кое-что. Слушаешь?

Син, конечно же, слушал. И Чен слушал. И даже Тигр слушал.

– Знаете, кто Аурел на самом деле? Большой безмозглый диск. Ходячее хранилище информации. Ему в башку что-то записали, причем сам он об этом не догадывается. Каково, а?

После недолгой паузы Син предложил:

– Остановимся? Это надо бы обсудить...

Решили остановиться, несмотря на то, что время не ждало.

Вдалеке смутно виднелись окраинные строения Волицка.

***

~# root
~# rs
@comment: over console view [Press Enter_]
~# system integrator – to user
~# over console intro
~# console 1 |

Восточный шлюз приближался с каждой минутой. Бай еще не знал – в городе ли уже клиент и Тири, но был уверен: все решится сегодня и тут. Идти ли им вместе на восток или не идти. Отобьются ли они от погони. Вернутся ли они когда-нибудь в Москву или нет.

По правде сказать, в Москву Баю хотелось все меньше и меньше. Здесь он раскрылся. Здесь он обрел свободу. Здесь он стал сильным. Что ждет его в Москве? Вечное шатание экономики и надоевшая до чертиков работа? Серое небо, дождь, вечная осень и воспоминания о Крыме, как о чем-то несбыточном? И – как утешение – вечерняя почта, свалившаяся на домашний комп?

Мысли тоже были серыми, как бетонная стена под дождем.

***

~# console 2 |

Жмур мрачно втиснул пыльный желтый «Стингрей» на стоянку. Городишко был мал и грязен. А собственно – чего приходилось ждать от юга? Небоскребов? Ладно, что еще по следу никого не пустили. Злыдень как-то перехватил транзитное полицейское сообщение, где упоминался разгром в одном из домов Еланца. Сомнений – чей это дом ни у Жмура, ни у Злыдня не возникло, потому что монитора «Пойя» и диала «Темное зрение» в Еланце больше ни у кого не было.

– Закажи мне хрустиков с пивом, – попросил Злыдень

подавленно. – Я выходить не стану.

Жмур молча кивнул и побрел ко входу в захудалый окраинный бар. Драная кожаная сумка уныло болталась в его руке совершенно не в такт шагам. Настроение было гадкое – уже который день.

***

~# console 3 |

– Не помню, – смущенно ответил Аурел. – Действительно не помню. Очнулся я на локале, когда ты мне знаки подавала.

Тири с сомнением покачала головой.

– Что-то тут нечисто. Я не знаю – кто это был. Камилл или кто другой. Только сдается мне, что с твоими хакерскими подвигами это связано мало. Если вообще связано. Или связано, но совсем иначе, чем мы можем вообразить.

– Скажи, – прервал вдруг ее Аурел. – А как тебя зовут по-настоящему?

Тири нахмурилась.

– Зачем тебе это?

– Хочу знать.

Некоторое время девушка молчала.

– Таня.

– А фамилия?

– Гусева.

– Татьяна, значит.

Тири тихо попросила:

– Не зови меня Татьяной, пожалуйста. Мне не нравится.

– Ладно, – согласился Аурел. – Гляди – вон Волицк виднеется. Все-таки правильно, что мы решили войти через северный шлюз, а не через западный. Жаль, второй раз такое уже не проделаешь...

***

~# console 4 |stream 1

– Что же ты мне расскажешь, Володенька?

Голос Фарида был, разумеется, сладок и радушен.

– Мне казалось, что уже пора бы появиться результатам.

Лощинин нервно кивнул:

– Да, Фарид. Как раз сейчас все и решается. Есть на перегоне такой городишко – Волицк. Наш общий друг будет там с минуты

на минуту. И клиент в Волицке, я проверял статистику шлюзов. Он... они вошли через северный – думают, что сумели нас надуть. И еще не выходили.

– Славно! – Фарид хлопнул в ладоши. – Ты молодец. Позвонишь потом мне, ладно? Я на вилле, под Гнесиным...

Мелодичная трель входящего заставила Фарида умолкнуть. Он с интересом воззрился в исполинский бытовой голокуб «Даймонд графикс».

Лощинин взглянул на Улю так, словно пытался испепелить. Но секретарша сумела уверить его – звонок важный.

– Ответь, ответь, Володенька, – сказал Фарид. – Вдруг что-нибудь срочное?

Лощинин, не глядя, ткнул пальцем в клавишу на борде. Звонили ребята с восточного шлюза Волицка.

– Только что прошли четыре джипа. Точно как ты описал – «Гризли», «Эфа», «Строгино» и «Ленд». Внутри пятеро, в «Эфе» – негр.

– Спасибо, – механически отозвался Лощинин и отключился. Изображение диспетчера растаяло, уступив место ждущему лицу Фарида.

Лощинин открыл было рот, но Фарид поднял ладонь раньше.

– Не надо, я слышал. У меня есть пара людей в Волицке. Они помогут. Значит, мы договорились, ты позвонишь мне потом. В любое время.

– Конечно, Фарид, – Лощинину можно было и не напоминать. Впрочем, Фарид это знал.

***

|stream 2

«Бас-Лоджик», конечно, для этой глуши, столичная диковинка. Народ на шлюзе Волицка таращился на обтекаемую каплю, словно на пришельца из будущего. Платонов равнодушно созерцал улицы.

Только что ему позвонил Лощинин. Он сказал всего два слова: «Они здесь». Вернее, он хотел сказать больше, но Платонову хватило двух слов. Сделать дело – а потом болтать.

Он направил машину налево, по аллее, вдоль которой росли низенькие полутораметровые акации. Если верить указателю, эта дорога вела на площадь перед северным шлюзом. Как правило, в маленьких городках указатели не врали.

***

~# end intro
~# something else, master?
~# root
~# return to previous status... restored
~# united console 1, 3, 4
@comment: coda

Тири поставила «Креатив» в тени, у приземистого ангара, похожего на высохшего, и поэтому неподвижного жука. Две длинных антенны казались усами – наверное, неведомый архитектор действительно хотел придать своему детищу сходство с насекомым.

В отличие от Мелекесса, никто не поспешил им навстречу. Вообще, ни одного человека видно не было, только где-то внутри ангара мерно бухало железом по железу. Наверное, старался кто-нибудь из механиков.

– Пойдем, – сказала Тири. – Я пива хочу.

Аурел взял сумку.

– Как бы с забарьерниками пересечься?

– Да брось ты, – Тири поморщилась. – Они ведь были вызваны ловить тебя, а не защищать. Сами справимся.

– А я их перелечил, – ухмыльнулся Аурел довольно. – Теперь они спят, и думают – как бы меня защитить.

– А если их еще кто-нибудь перелечит? Или думаешь, что ты один такой умный?

Аурел пожал плечами. Дверца сухо хлопнула, опускаясь. Тири зачем-то заперла ее на ключ.

Они пошли по гравиевой дорожке к бару. Дорожка упиралась в неизменный рекламный плакат. Прежде чем войти, Тири обернулась и внимательно оглядела площадь между баром, мастерскими и короткой улицей к шлюзу. Глядела она поверх очков-звездочек. Площадь была пустынна.

Едва дверь бара за ними затворилась, из узкой боковой улочки на площадь медленно выполз «Бас-Лоджик». Зализанные очертания машины казались чужеродными в этом пыльном городишке, пронизанном летней жарой. Полировка отражала солнце. Тонированные стекла походили на осколки ночи.

Платонов без излишней суеты припарковался тут же, в тени, надел тонкие кожаные перчатки и вышел из машины. Зеркальные очки-консервы сверкали ярче, чем полироид на «Бас-Лоджике». Не глядя в сторону бара, Платонов взялся за рукоятку дверцы «Креатива» – дверца была заперта. Открыть ее труда и времени не

составило. Платонов невозмутимо уселся за руль и осмотрелся. Заглянул в бардачок. Нашарил сумку и расстегнул молнию. Ничего, что привлекло бы его внимание, Платонов не отыскал, поэтому он выбрался из машины, закрыл дверцу отмычкой, и зашагал к бару.

Там царил обычный полумрак, замешанный на сигаретном дыме и запахах быстрой кухни. Платонов знал, что обычно в такое время в барах не бывает много народу, но здесь почему-то практически не оставалось свободных столиков, хотя перед баром он не заметил припаркованных машин или мотоциклов. Странно, неужели посетители приходят пешком в чисто дорожную забегаловку перед шлюзом? Впрочем, подумал Платонов, все это вздор. Чистейший вздор. Он повел головой, пытаясь угадать – кто из присутствующих тот самый ковбой?

И столкнулся взглядом с остриженной, как подросток, девушкой. Она глядела на Платонова в упор, словно пыталась поджечь. Но Платонов не горел, а она не хотела в это поверить, продолжая глядеть из-под затененных очков со стеклами в форме двух пятиконечных звездочек. Медленно истекали секунды, а они стояли в полумраке, глядя друг на друга.

Точнее – враг на врага. Потому что Тири сразу поняла – кто перед ней.

А на площадь перед баром, визжа протекторами по дасфальту, вырвались четыре разноцветных джипа.

– Вон! – сказал Чен, указывая на стоящие в тени ангара «Креатив» и «Бас-Лоджик».

– Там пусто, – холодно отозвался Тигр, сжимая в черной руке ружье.

– Значит, в баре, – подытожил Сема. – Пошли.

Со стороны шлюза наползал шум мотоциклетных моторов.

Когда Жига с приятелями подъехал к бару, у джипов уже никого не было.

– Гляди, те самые тачки, – сипло обратился к главарю Мосол.

– Вижу, – проворчал Жига, слезая с продавленного сидения «Квантум Мэверик». – Эй, толпа! За дело!

Три десятка крепких парней в кожаных куртках отрывались от гнутых рулей «Сигейтов», «Коннеров», «Вестернов», «Тиков», и у каждого в руках возникала или цепь, или обрезок трубы, или бейсбольная бита с надписью Escape, или просто зазубренный рокерский нож.

В баре хлопнул одинокий выстрел. Жига ощерился. Он хотел порадовать Спелла, велевшего приехать в этот бар. Говорили, Спелл работает на самого Фарида.

Мосол подал ему заряженный «Вербатим».

– Пусть кто-нибудь останется, – распорядился Жига. – На случай легавых...

Мотоциклисты быстро проскальзывали в бар.

Не прошло и минуты, как на площадь, урча перегретым двигателем, вырулил фургончик с рекламой «Chickony peripheria» на плоских бортах. Из кабины выбрались двое – водитель в синем комбинезоне и некто в спортивном костюме и кроссовках от Шильдера.

– Скажи, пусть готовятся, – сказал тот, что в спорткостюме.

– Хорошо, Камилл, – послушно отозвался водитель и спустя секунду открыл дверцу кунга. Фургончик был напичкан аппаратурой, словно рубка флагманского миноносца.

Камилл прошел мимо двух угрюмых мотоциклистов в коже и железе, словно их здесь вообще не было. Он направлялся в бар. Мотоциклисты, не шевелясь, глянули ему в спину.

Когда Тири встала, Аурел ощутил пустоту в груди. И в душе. Словно сломалась какая-то важная пружина, словно оборвалась цепь, что еще недавно сковывала его с реальностью. Он будто провалился в киберспейс, но другой киберспейс. Время растянулось, став вязким, как перегретый воск. Сигаретный дым лениво тек от столика к столику.

Платонов подошел вплотную и сел рядом.

– Привет, ковбой, – сказал он негромко. – Я пришел за тобой.

Аурел не ответил. Он глянул снизу вверх на все еще стоящую Тири.

Здоровый негр, неожиданно возникший у столика, ткнул Платонову в спину стволом ружья. В полутьме казалось, что большие, навыкате, глаза негра светятся.

– Значит, так, – теперь говорил так же неожиданно возникший у столика невысокий человечек лет тридцати с печальным лицом. – Ты сидишь здесь, пока мы не уедем.

– Вряд ли, – спокойно ответил Платонов и выстрелил. Аурел не успел понять каким образом в руке Платонова оказался пистолет. Человечек с печальным лицом выронил такое же, как у негра, ружье и сложился пополам, а потом упал набок.

Ружье в руках негра отозвалось громом, но Платонова на прежнем месте уже не было. Тигр попал в Тири, застывшую у стола рядом с Аурелом. Ее швырнуло на соседний столик, очки упали на пол и разбились, но на красной рубашке кровь рассмотреть было трудно.

Вторым выстрелом Платонов убил Тигра.

Аурел чужими глазами смотрел на это, и крик застрял у него в горле. Потом опомнился и метнулся к Тири. Она была еще жива, но глаза полнились болью и удивлением.

– Танюша, – прошептал Аурел, чувствуя, что мир рушится.

– Камилл... – едва двигая губами прошептала в ответ Тири. Смотрела она за спину Аурелу.

Аурел обернулся. Перед ним стоял рослый парень в спортивном костюме.

– Здравствуй, Фриппи, – спокойно поздоровался он, словно все происходило не баре, где только что убили двоих, а где-нибудь на званом обеде. – Наконец-то мы встретились.

Ощущение реальности окончательно покинуло Аурела. Это сон – просто страшный сон, который непременно скоро закончится.

Посетители бара либо попрятались под столики, когда началась пальба, либо пытались убраться отсюда подальше, но вязли в плотной толпе мотоциклистов, что собралась перед выходом. Удивительно, но было совсем тихо, никто не кричал, слышалось только шарканье ног.

Чен резко ударил Платонова ребром ладони, метя в шею, но того минутой раньше не смутили ружья... Где уж тут голыми руками... Дыхание вдруг пропало, под ребром взорвалось болью и Чен отключился.

Жига-мотоциклист пытался понять что происходит, но ничего не понимал. Его люди бестолково топтались в тесном спейсе бара.

– Бардак, – сказал Платонов, делая шаг к Аурелу. Краем глаза он видел еще двоих с ружьями – потного толстяка в круглых очках и невзрачного парнишку; ружья плясали у них в руках. Рядом, сжимая «Вербатим», таращилось на происходящее из-под зеркальных очков татуированное чудище с огромным железным крестом на груди.

– Погоди, – сказал Платонову безопасный на вид парень в спортивном костюме. Но Платонов понимал, что безопасность его кажущаяся. – Тебя прислал Лощинин, верно?

– Верно, – согласился Платонов, беря Аурела под локоть.

В тот же миг выстрелил Синицын. Пуля пробила стену – Платонов, неведомо как почуявший угрозу, убрал Аурела в сторону, а парень в спорткостюме в сторону убрался сам.

– Больно, – тихо сказала Тири. Аурел вырвал локоть из Платоновской руки, чувствуя, как в голове вспухает злость и отчаяние. А в следующий миг он понял, что кричит.

«Его не остановить, – подумал Бай о Платонове. – Сема, Тигр...» Нужно было что-то делать, потому что Синицын нервничал, оружие жгло руки, а Аурела сейчас запросто могли убить раньше, чем кто-нибудь что-нибудь предпримет. Взгляд сам остановился на ряде терминалов у дальней стены. Бай закрыл

глаза, и без напряжения ушел в сеть.

Он летел быстрее скорости, пронзая виртуальщину, а в голове билась единственная мысль: «Тебя прислал Лощинин, верно? – Верно...» [find user] Пальцы Бая шевелились на ружье, словно это была клавиатура, а не оружие.

[enter name, please]

[Лощинин]

[wait... ready]

[go to]

[Владимир Лощинин/civ/Лески_2148840]

Бай скользнул по указанному адресу. Входящие были начисто отсечены – войти в чужую систему через сеть было невозможно. Почти невозможно. Обычным методом.

Бай считал эхо последних коннектов, хотя оно было затерто del'ом. Реально затерт был только первый символ файла, а дисковое пространство, где хранилось все остальное тело, было объявлено свободным.

Он оживил изображение – вот ты какой, Лощинин. Так, теперь голос...

[Конечно, Фарид...]

Мозг Бая работал с лихорадочной быстротой, поток цифр – единиц и нулей – обрабатывался с чудовищной скоростью. Нейроны плавились бы, если бы могли. Есть ли предел возможностям человека? Бай надеялся, что нет.

Потом он зажег между столиков волицкого бара огромный голокуб. Поместил внутрь Лощинина – изображение, конечно. И анимировал его подвернувшейся под руку программой с грифом PRO. Теперь голос...

– Платонов! – бластеры воспроизводили звук, который синтезировал Бай. – Ты слышишь меня? Ты здесь, я знаю. Подай голос!

– Ну, подал, – отозвался Платонов несколько озадаченно. Рука в тонкой кожаной перчатке уверенно держала двенадцатизарядный, неоднократно проверенный в деле «SONY».

– Я отменяю заказ, – сказал Лощинин. – Ситуация изменилась. Просто возвращайся. Гонорар прежний.

– Хорошо, – сказал Платонов. – Понял.

Он повернулся к Аурелу.

– Тебе повезло, парень. Я должен был тебя убить. Со временем.

Аурел стоял на коленях над Тири, сняв ее с усеянного битым стеклом стола.

– На твоем месте я бы вызвал врача, – посоветовал Платонов.

Аурел не обращал на него внимания.

Бай, утирая со лба заслуженный пот, свернул голокуб и расслабился. Неужели удалось обмануть этого монстра?

– Браво! – послышались одинокие аплодисменты. Парень в спортивном костюме лениво бил ладонью о ладонь – Бай узнал его. Это был Камилл, тот, по чьей милости они оказались в этом мире с таким дурацким заданием. – Браво! Твоей фантазии можно позавидовать!

Бай посмотрел на него в упор.

Сквозь толпу проталкивалась хрупкая женщина в джинсах и рубашке навыпуск.

– Дайте пройти, – шептала она, – пустите, я врач!

Ей позволили пройти. Мельком глянув на Тигра и Сему, она приблизилась к Тири. Первым двум помощь уже не требовалась.

– Значит так, – сказал Камилл. – Сначала вы, – он обратился к Баю и Сину. – Считайте, что ваша работа сделана. Перед баром стоит фургончик с аппаратурой, вас отправят назад немедленно. Я позаботился, ваши двойники в Москве сейчас находятся у нас в центре. Спасибо.

Син свирепо глядел на Камилла; Бай, выжатый как лимон трюком с виртуальным Лощининым, устало кивнул.

– Ты, – он склонился к Аурелу. – Ты тоже пойдешь в фургончик.

– Зачем? – хрипло спросил Аурел. – Я же передал твоим людям диск с файлом. Еще тогда, в сити.

Камилл вежливо улыбнулся.

– Фриппи, диск мой человек, выйдя от тебя, выбросил в первый же мусорный ящик. То, что мне действительно нужно, сидит у тебя в башке. Понял теперь? Ты – мой живой диск.

Аурел тупо глядел на него. Тири слабо стонала под руками женщины-врача. Врач что-то ласково и успокаивающе шептала.

Камилл говорил тихо, никто кроме него и Аурела не расслышал произнесенных слов. Кроме Аурела... и еще Бая.

И, как выяснилось, – Платонова.

– А теперь меня послушайте, – сказал Платонов с ужасающим спокойствием. – Мне нужен вот этот парнишка, – он указал на Аурела. – А на то, что он нужен тебе, мне чихать. Он пойдет со мной. А потом – потрошите его мозги, если желаете.

Камилл вежливо улыбнулся.

– Платонов, – сказал он раздельно и не без угрозы. – Твое задание отменили. Твой хозяин велел возвращаться.

Шаги гулко прозвучали в закрытом пространстве. Теперь Платонов стоял прямо перед Камиллом.

– Запомни, дядя. У меня нет и никогда не было хозяина. И не будет. Я играю по своим правилам. Понятно?

– А зачем тебе Фриппи? – неожиданно заинтересовался Камилл.

– Съем на ужин, – сладко улыбнулся Платонов.

К этой минуте Аурел немного пришел в себя. Живой диск, надо же. Вели его по перегону, как беременную козу. Осторожненько, чтоб пузом по земле не скребла, чтоб не утомлялась...

Женщина-врач сказала, что Тири должна выжить. Если оказать помощь вовремя. Кажется, помощь оказана вовремя. Аурел с пустотой в груди глядел на побледневшее лицо недавней спутницы, непривычное без очков. Мечта, которая предает – что может быть грустнее? Он еще помнил тепло девичьего тела, ее живой запах, ее слова...

И все из-за информации в голове. Интересно, каково это – спать с дискетой?

– Идите к дьяволу, – сказал Аурел. – Все идите к дьяволу. Забирайте свое файло и катитесь к дьяволу. Где там ваша аппаратура?

– Платонов, – примирительным тоном сказал Камилл. – Это секундное дело. Я солью все, что принадлежит мне, и забирай его. Ладно?

Аурел вспомнил свои догадки. Тогда на перегоне. Как же, сообщество кибертелепатов, спасение себе подобных... Чушь розовая. Все проще. Обыденнее. И куда более жестоко.

Неожиданно в разговор вмешался косматый татуированный мотоциклист с пистолетом в руке.

– Эй, вы! А я так скажу – этот парень поедет с нами. Я на Спелла работаю, ясно?

Дружки-рокеры сгрудились вокруг главаря. Выглядели они достаточно устрашающе.

Бай и Син, склонившиеся над бесчувственным Ченом, с тревогой переглянулись. Кажется, возвращение могло отложиться.

Камилл озадаченно хмыкнул.

– Болван. Спелл – это я. Ты что, видеорежимом не пользуешься?

Жига-главарь смутился.

– А-а... Хм. Ну, и дальше-то что?

– Все, – повелительно повел ладонью Камилл. – Гуляйте. Сегодня в «Рессоре» бесплатная выпивка для тебя и твоих ребят.

Ребята тут же повеселели. Да и Жига отнюдь не возражал. Рокеры охотно покидали бар, чтобы тут же отправиться в «Рессору» к бесплатной выпивке. Галдеж выползал на площадь.

– У тебя пять минут, – сказал Платонов Камиллу и тоже

пошел к выходу.

Камилл обернулся к Аурелу.

– Ну, приятель! Давай! Сейчас для тебя все кончится.

– Для меня все уже кончилось, – хмуро ответил Аурел и зашагал в указанном направлении. Бай с Сином, прихватив бесчувственного компаньона, последовали туда же.

Треск мотоциклетных моторов впитывался окрестными улицами. Площадь пустела. Остались только фургончик, четыре джипа, «Бас-Лоджик» и «Креатив».

Аурела ввели в фургончик.

«Ну, – подумал Бай, – была-не была».

Он помнил, что в трюке с Лощининым Камилл его раскусил. Значит, сейчас нужно все сделать чище.

Аурела усадили в кресло, по виду похожее на зубоврачебное, и нацепили на голову шлем с мощными многопотоковыми мнемоюстами. Аурел вяло подчинялся – ему все надоело, и он хотел только одного – чтоб все побыстрее закончилось.

Сложная комбинация сигналов возбуждения-торможения обрушилась ему на подкорку. Закольцованная область мозга проснулась и стала отдавать сохраненную информацию. Мегабайты оседали на переносном терминале Камилла с автономным диском повышенного объема.

А Бай, окутав Камилла непроницаемым облаком-нокером, ловил эхо, прессовал его и оставлял в собственном мозге, молясь, чтоб мозг выдержал.

Аурел вышел из фургончика через пять минут. Взгляд у него был скучный и равнодушный. Платонов, стоявший с своего стильного «Бас-Лоджика», поманил его пальцем, и Аурел послушно направился к нему.

Потом из фургончика показался Камилл.

– Ну-с, – потер он ладони друг о друга. – Теперь вы.

Чен к этому моменту уже очнулся и сидел прямо на дасфальте, массируя виски.

– Давай, Син, – Бай подтолкнул приятеля. В голове шумело, как с похмелья. – Давай, ты первый.

Син вздохнул, с ненавистью швырнул ружье под ноги, обнял Бая, сжал руку Чену, и поднялся в фургончик.

Двигатель платоновского «Бас-Лоджика» тихо заурчал и машина завтрашнего дня сорвалась с места.

– Куда он? – спросил Бай, думая вслух.

– К западному шлюзу, куда же еще, – Чен поморщился, вставая. – Насколько я понимаю, – обратился он к приятелю, – ты назад не собираешься.

Бай вздрогнул.

– Как ты догадался?

– А зачем ты копировал этот чертов файл себе в башку?

– Тише ты! – шикнул на него Бай. – Да, я не буду возвращаться. Мне здесь понравилось. И не надо меня переубеждать – в Москве тоже есть Бай. Извинишься перед ним за отсутствие впечатлений...

– Дело в том, – сказал Чен неожиданно спокойно, – что я тоже не хочу возвращаться в Москву.

Бай опешил.

– Почему?

– А что я там забыл? – Чен пожал плечами. – Надоело. Здесь даже дышится легче. Син – другое дело, у него жена, киндер... Да и вообще он консерватор.

– Тогда, – прервал его Бай, – поехали.

Спустя минуту два джипа сорвались с места и понеслись по улице вслед за «Бас-Лоджиком». Бай знал, что Платонова им не догнать, но что-то подсказывало ему: ехать нужно на запад. К сити.

Когда Камилл вывел из фургончика бородатого толстяка в круглых очках, недоуменно озирающегося, он увидел только машину скорой помощи у дверей бара да приближающихся полисов.

Из бара вынесли раненую Тири. На носилках, поверх белоснежной простыни, лежали раздавленные очки.

Камилл заглянул за фургончик, и заметил, что из четырех джипов на площади осталось только два.

– Вот так вот, значит, – озадаченно протянул он. – Интересные веники.

И платоновской машины не было, а у «Креатива» была поднята задняя дверца. Наверное, Аурел забрал свои вещи.

Полисы приближались.

***

~# root
~# shootdown

Скорость заставляла быстрее биться сердце. Аурел не мог нарадоваться мощной машине – платоновский «Бас-Лоджик» очаровал его с первой секунды за рулем. Эта приземистая, льнущая к земле капля была рождена для пожирания километров. Неудивительно, что Платонов так ею дорожил.

Аурел вспомнил недолгую поездку с киллером. Вспомнил

невольный ужас, когда позвонил Лощинин и выяснилось, что никто никаких заказов не отменял, вспомнил изменившееся лицо Платонова, глядя на которое захотелось выпрыгнуть из машины на полном ходу и бежать, бежать, все равно куда, освобождая животные страхи. Вспомнил, как Платонов требовал научить его убивать через сеть. Аурел научил. Но при этом убил самого Платонова – в качестве наглядного примера, наверное. И ничего при этом не ощутил – ни укоров совести, ни легкого страха перед чужой смертью.

Дважды с ним пробовал связаться Бай, хотя Аурел сначала был уверен, что забарьерников вернули домой. Отвечать он не стал. Камилл не появлялся, чему Аурел только радовался. И еще постоянно пыталась пробиться на терминал «Бас-Лоджика» Тири. Наверное, она была еще слаба после рокового выстрела в баре Волицка, потому что примитивную защиту Аурела обойти не могла.

Аурел ехал на юг. К горам, где прошло его детство. С перегона он съехал почти сразу, едва похоронил у самой дороги Платонова. Хотелось забыться. И он забывался в скорости, в бешеной гонке по бесконечной равнине. Автопилотом Аурел научился пользоваться без труда, но включал его только когда слипались глаза и мозг затуманивался от долгого сидения за рулем. На терминал он старался не смотреть, и впервые не чувствовал постоянного желания уйти в киберспейс.

Он надеялся, что скорость и одиночество его вылечат. Ведь с мечтой расставаться трудно.

Тири прорвалась к нему спустя полтора месяца после Волицка. Аурел даже не понял – как. Не то обошла защиту, не то еще как-нибудь. Голокуб сам собой материализовал ее лицо. На ней снова были обычные очки-звездочки.

– Здравствуй, Ури, – сказала Тири едва слышно. – Почему ты не отвечаешь мне?

– А зачем? – тихо отозвался Аурел. – У меня в голове больше ничего нет – Камилл все скачал.

Тири устало провела рукой по щеке.

– Я ничего не знала, Ури. Я думала, что спасаю тебя.

Аурел только скептически улыбнулся. Но улыбка вышла на редкость печальной.

– Это легко проверить, – торопясь, сказал Тири. – Иди ко мне. Я рядом. Войди в мои мысли.

И Аурел бросился в сеть, хотя еще минуту назад полнился решимостью не соваться туда.

Тири действительно находилась рядом. Это было не просто сетевое присутствие, нет. Нечто большее. Аурел даже растерялся.

Их мысли и чувства переплелись и объединились в полумраке киберспейса, продолжаясь друг в друге. Аурел почувствовал, что задыхается. И забыл о времени.

Когда он вывалился, руки его дрожали на руле. «Бас-Лоджик» несся по равнине быстрее, чем когда-либо.

– Я еду к тебе, – сказала Тири. – У меня снова «Квантум».

Аурел кивнул. Он не мог сейчас ответить, – не осталось сил.

– Я люблю тебя.

– Я знаю, – прошептал Аурел, потому что действительно знал.

Руль плавно лег влево, «Бас-Лоджик» описал широкую дугу и помчался на север. Аурел возвращался.

– Я настроила маяк. Отыщешь? – спросила Тири.

– Конечно...

Разве можно не отыскать друг друга, если они были одним целым, пусть и недолго? Хотя – что такое «недолго»? По меркам сети время не значит почти ничего.

Аурел гнал машину к перегону, выжимая из мотора приручённую мощь, а в такт биению механизма колотилось в груди сердце. И было до боли радостно сознавать, что где-то далеко-далеко в такт другому мотору бьется другое сердце. И приближается с каждой секундой.

***

~# system halted

– Помирились, – удовлетворенно сказал Бай. – Блин, мне еще учиться и учиться. Тири снова сделала что-то непонятное.

– Поехали в сити, – проворчал Чен. – Чего им мешать? Дай людям совершить свадебное путешествие. Потом ведь все равно встретимся...

– Эт' точно. Мы теперь друг для друга как огоньки в ночи.

Бай вздохнул.

– Ну ладно. Пробуй еще раз. Расслабься, почувствуй сеть, она ведь всюду, и в тебе тоже. Готов?

– Готов, – покорно отозвался Чен.

– Давай! Я помогу...

Чен закрыл глаза и коснулся клавиатуры. Мнемоюстов на висках у него не было. ~# root ~# power off

2nd Master Boot Record: Горячий старт

2nd Master Boot Record:
Горячий старт
(Ctrl + Alt + Del) ^
OCR & ReBook Formatted
by Ksu Datch, 2002
boot
:step_00 «ctrl»
:start prepare process
rem {Control}
rem Расширение стандартных функций.
!TASK 08
[OWNER: Shade]

Мнемоюсты казались горячими. Шейд, находясь в Сети, почему-то всегда чувствовал их прикосновение к вискам. Он был там, в сплетении информационных потоков, обратившись в тусклую искру, но искра эта всегда помнила, что на самом деле расслабленно сидит в кресле перед голокубом, касается пальцами клавиатуры и что к вискам прилеплены две начиненные наноэлектроникой таблетки. Две створки ворот в виртуальный мир.

В Сеть.

Сеть любит опытных. И сильных. В сущности, любой мир благосклонно относится только к сильным и опытным, а слабака бьет; часто – насмерть. Сеть ничем не нарушает этот старый закон. А значит, думал Шейд, Сеть заслужила право именоваться миром. Новым миром, живущим по своим правилам и своим законам. Этот мир нравился Шейду куда больше, чем реальность, потому что в реальности Шейд был всего лишь толстым подростком, который еще полвека назад неизбежно носил бы уродливые очки в роговой оправе и которого безжалостно травили бы сверстники в школе.

В школу Шейд не ходил. Зачем? Все знание мира сконцентрировалось в Сети, а здесь Шейд сызмальства был своим. Он учился, не покидая уютного кресла. А вместо очков однажды поставил вечные контактные линзы. Затененные. С тех пор он взял себе псевдоним – Shade – и через это затенение смотрел на окружающий мир.

И на Сеть в призрачном объеме голокуба – тоже.

Эта иллюзорная завеса – изомерное напыление на плоских кругляшах оптического пластика – вдруг стала границей между прошлой жизнью Шейда и жизнью будущей.

Линзы Шейд купил на гонорар с первого заказа. Заказа на лом хиленького холда одной мелкой компании в Москворечье. Именно в момент, когда дубовая защита рухнула, холд был надежно отсечен от Сети и Шейд получил доступ к заказанным файлам, он понял – пора ученичества закончилась.

В принципе проделать все то же самое Шейд был в состоянии три, а то и пять лет назад. Но кто заказал бы лом двенадцатилетнему мальчишке? Правильно, никто. Шейда не смутил тот факт, что первый заказ был легким. А деньги, как известно, не пахнут. Тем более первые самостоятельно заработанные деньги. Тем более виртуальные деньги, а не наличные.

Второй заказ был сложнее, с этим Шейд без проблем совладал бы, только начиная с четырнадцатилетнего возраста. И стоил такой заказ побольше. На гонорар Шейд оплатил канал потолще и логин флэш-линка с сервером достаточно крупным, чтобы комфортно шастать по Сети, и достаточно мелким, чтобы заниматься потихонечку хакингом. Жизнь сразу облегчилась. Заказы стали регулярными. Шейд терпеливо потрошил чьи-то файлы, заодно накапливая опыт. Нет, не опыт сетевика – его заказы по-прежнему оставались примитивными и были давно пройденным этапом. Опыт менеджера – ибо собственным менеджментом Шейд никому не доверил бы заняться. Он учился работать с заказчиком, определять его платежеспособность и прикидывать вероятность нечистой игры. Несколько раз Шейда надували – работа оставалась неоплаченной. Но Шейд был к этому готов, поэтому не очень огорчался.

Он хорошо помнил историю Кевина Митника в эпоху доисторического царствования VAX и компании Digital Equipment. Поэтому на мелкое и бессмысленное хулиганство Шейд не разменивался. Только работа, более ничего. Все, что Шейд делал в Сети по собственной инициативе, не могло считаться противозаконным.

Сегодня он просто блуждал по ссылкам, без особой системы, исключительно для развлечения. Он-лайновые сайты виртуального присутствия давным-давно перестали быть диковинкой; виртуальные бары и игротеки – тоже. Шейд предпочитал бродить по закоулкам компьютерного мира наугад, словно пешком по чужому городу. Мнемоюсты переводили сухой бинарный язык протоколов передачи данных в буйство трехмерных образов, и они же транслировали желания Шейда

обратно на язык команд. Это было невероятно удобно. Это позволяло миллионам технически безграмотных пользователей чувствовать себя в Сети вполне вольготно. Пользователям грамотным – просто сильно упрощало жизнь. Компьютерных гуру – пожалуй, забавляло. Но так или иначе мнемоюстами пользовались теперь почти все, хотя старая добрая клавиатура по-прежнему оставалась неизменным атрибутом любого компьютера.

От бездумного лазания по ссылкам Шейд постепенно перешел к более интересному занятию: заходил на чей-нибудь сайт, на главную страничку, а потом начинал подставлять пути наугад. На каждом сайте есть данные, не обозначенные в свободном доступе, но тем не менее никак не защищенные или защищенные весьма слабо. До них не добраться по ссылкам – только случайной подстановкой.

http://sannata.ru – набрал Шейд в адресной строке броузера. Заглавная страничка начала послушно грузиться.

http://sannata.ru/root/ – добавил Шейд. В голокубе тотчас вспыхнуло сообщение об ошибке.

http://sannata.ru/public/ – изменил Шейд. Снова ошибка. Он пробовал снова и снова, подставляя наугад названия возможных каталогов. И вот, наконец, вариант http://sannata.ru/incoming/ сработал. Загрузилась чистая страница. Но это еще ничего не значило – главное, что каталог incoming/ существовал. А данные в нем вполне могли иметь флаг vhidden и поэтому казаться невидимыми случайному посетителю. Случайный посетитель, потыркавшись впустую, спустя какое-то время неизбежно ушел бы. Но только не Шейд. Впрочем, Шейд и не был случайным посетителем. У него имелись в запасе кое-какие трюки и возможности, чтобы суметь прочесть содержимое нужного каталога. И он уже было собрался прибегнуть к наиболее простому и надежному методу, машинально левой рукой прижимая мнемоюсты покрепче к вискам, а правую занесши над клавиатурой...

Призрачная зыбь голокуба раздалась, впитывая комнату, Шейда – все ближайшее окружение. Шейд перестал быть толстым подростком: теперь он обратился в матовый, похожий на каплю темной ртути сгусток. Тело его осталось в кресле перед клавиатурой и голокубом. А освобожденный разум скользнул в киберспейс. Виртуальное пространство информационного мира.

Чужой каталог /incoming изнутри был похож на пустой стакан из-под молока. Цилиндр с непрозрачными белесыми стенами. Вверху темнело пятно с двоеточием – выход в корневой каталог; внизу располагалась череда темных полос с неразборчивыми надписями – вход в каталоги низших уровней. И

несколько серых бесформенных комков у стен – массивы данных. Файлы.

Чутье не подвело – этот каталог только казался пустым; программа Шейда обходила защиту, обеспечивающую скрытость. Именно поэтому файлы и надписи на темных полосах стали заметны; но программа еще не отработала цикл до конца, поэтому надписи хоть и обозначились – пока не читались.

Время в виртуальном мире течет иначе; Шейд оцепенел, ожидая окончания цикла.

И тут его крепко взяли за шиворот. Шейд рванулся – тщетно. Словно в тиски угодил. От неожиданности и испуга Шейд на миг стал малиново-красным, но быстро взял себя в руки.

В реале происходило следующее: кто-то из //sannata.ru пробрался в компьютер Шейда и сейчас методично, но настойчиво перехватывал управление запущенными процессами. И – что самое непостижимое – перехватывал успешно.

Шейд не был зеленым новичком: и из-под логина с полными правами доступа к собственной системе он никогда в Сеть не ходил. НИКОГДА. Кроме того, удаленный доступ к дискам на компьютере Шейда был сознательно отключен, дабы пресечь попытки похозяйничать «дома», на холде.

А сейчас Шейд с ужасом наблюдал, как кто-то невидимый, но могучий открывает доступ к дискам ~#sharing: /on /f, а затем командует: ~# reboot.

По идее, Шейда должно было выбросить из киберпространства; ему полагалось снова оказаться в кресле перед голокубом, перед перезапускающимся компьютером.

Не тут-то было – Шейд по-прежнему оставался в молочном стакане каталога /incoming на //sannata.ru.

Похоже, компьютер Шейда перегружали по-горячему, когда процессор и чипсет остаются запитанными, а сбрасывается только содержимое оперативной памяти да заново грузится система.

Остро ощущая собственную беспомощность, Шейд видел, как в голокубе самопроизвольно возникают строки:

~#login: root

~#password: ***********

~#welcome, Shade!

И, естественно, грузится сисадминский менеджер.

Все. Чужак полностью захватил компьютер Шейда. Он мог сделать все, что захотел бы. Считать, отредактировать или удалить любые файлы. Изменить настройки системы. Переформатировать локальный диск.

Но почему-то медлил.

И вдруг в белесом полумраке молочного стакана «Саннаты»

сгустилась продолговатая тень. Миг – и перед тускло-ртутным комком-Шейдом соткалось объемное изображение. Парень в синем спортивном костюме и белоснежных кроссовках неизвестной Шейду фирмы «Montray» с эмблемой, отдаленно похожей на сетевую «собаку» @.

– Эй ты, – сказал парень наполовину раздраженно, наполовину равнодушно. Сочетание получилось странное, но Шейд не сумел иначе сформулировать эмоциональный фон хозяина «Саннаты». – Прими нормальный вид, поговорим...

И Шейда чуть-чуть отпустило. Улизнуть он все равно не мог, а вот изменить сетевой облик – вполне. Шейд послушно нацепил одну из загодя припасенных личин – хмурого, щуплого, небритого-нестриженого-нечесаного припанкованного парня в кожаном прикиде и (для контраста) босиком. При виде этого пугала некто в спорткостюме брезгливо поморщился. Но все же заговорил:

– Кто ты такой, Шейд?

– Хакер, – честно сознался Шейд. Врать в момент, когда тебя потрошат в пределах чужого холда, – чистое безумие.

– Хакер, – с непонятным удовлетворением произнес собеседник. – И что тебя занесло на «Саннату»?

– Любопытство. Я бы не стал ничего ломать. Вы не поверите, конечно, но я не занимаюсь бестолковым взломом чужих систем.

– Отчего же не поверю? – вопросом на вопрос ответил парень. – Я взглянул на твое хозяйство. Ты действительно не малолетний идиот, каким притворяешься. Будь добр, прими облик, максимально близкий к реалу. Кстати, я сейчас выгляжу именно так, как выгляжу в настоящей жизни. Уважь хозяина, а?

Истинную личину Шейд еще ни разу не надевал в Сети, но сотворить ее оказалось нетрудно – парень из «Саннаты» разблокировал доступ к каталогу с небогатой коллекцией собственных голограммок и обработчику изображений. Шейд наскоро склепал виртуальную оболочку себя настоящего и наскоро втиснулся в нее.

Оказалось, находиться в Сети облаченным в почти настоящее тело очень удобно.

– Хм... – удивился парень. – Ты все-таки еще пацан. Но ничего, мне кажется, мы сработаемся.

«Сработаемся?» – подумал Шейд настороженно.

– Сработаемся, – подтвердил парень. «Он читает мысли?» – сваливаясь в легкую панику, понял Шейд.

– Читаю, – опять подтвердил парень. – А ты чего ожидал? Меня зовут Камилл.

– Камилл... – шепотом повторил Шейд.

– Да. Необычное имя для Москвы, верно? Но не бойся: я не иностранный шпион. Я вообще не из вашего мира.

– Как это? – удивился Шейд.

– Встречал программки, помеченные значком «Зонул Сенсера»? Вот таким. – Камилл шевельнул рукой, и в пространстве холда зажглась пылающая строка из одного-единственного замысловатого символа.

Одновременно в каталоге //sannata.ru/incoming создался открытый текстографическим редактором стодвенадцатибайтный файл h2f87g0k.tmp.

– Встречал пару раз… – подтвердил Шейд.

– Они не показались тебе странными?

– Ну, – протянул Шейд неопределенно, – вообще-то нечто потустороннее в них есть…

– Потустороннее? – Камилл воодушевленно ухмыльнулся. – Ты даже не подозреваешь, насколько ты прав, парень! Это действительно наши программки. Из моего мира. Из-за барьера.

– Барьера?

– Миры – а их очень много – отделены друг от друга силовыми барьерами. Наши миры – соседи. Мы находимся по разные стороны барьера. Но обмен информацией идет уже давно, хоть и мало кто об этом осведомлен. Впрочем, это знание тебе вряд ли понадобится. Ты сделаешь для меня кое-какую работенку в моем мире. А потом вернешься. И не советую отказываться, я уже скачал кое-какие результаты твоих художеств в «Один-ЭС» и «Фаргусе». Думаю, сетевое секьюрити, что «Один-ЭС», что «Фаргуса», живо этими данными заинтересуется…

Шейд побледнел – и в реале, и в виртуальности. То задание и впрямь могло доставить множество неприятностей, вплоть до упечения за решётку на некоторый довольно значительный срок. Шейд согласился только потому, что совершенно точно знал, как выполнит заказ и как обеспечит собственное инкогнито. Ни одна из компаний так и не отследила Шейда. И если бы не этот непонятный чужак, данные навсегда бы потерялись для остального мира. Или миров, если Камилл не врет и миров действительно много…

– Какую работу?

– Потом узнаешь. А сейчас ты выйдешь из Сети, дождешься, пока за тобой зайдут, и отправишься с тем, кто зайдет, куда он скажет. Не советую трепыхаться, Шейд. А если все сделаешь как надо – еще и заработаешь кое-какие деньги. Ты все понял?

– Да… – прошептал Шейд.

Тотчас его выбросило из Сети. Дрожащей рукой Шейд сдернул с висков мнемоюсты и опасливо взглянул в голокуб.

Голокуб полнился синевой сообщения о фатальном сбое системы. Это сообщение часто называли BSD – Blue Screen of Death, хотя часть юниксоидов подобного юмора демонстративно не понимала.

Шейд отключил питание – его терминал, снабженный всей необходимой начинкой (вроде локального диска), чтобы называться полноценным компьютером, послушно уснул. Голокуб погас. И в тот же миг в прихожей затюрлюлюкал звонок. Кто-то пожаловал.

На негнущихся ногах Шейд проковылял к входной двери.

– Кто? – спросил он; голос при этом постыдно сорвался.

В Сети Шейд не боялся ничего – до сегодняшнего дня. А вот в реале... Каждый выход из уютной берлоги на двенадцатом этаже блочного двухподъездного монстра в Перово был для Шейда испытанием. Случалось, у него отбирали деньги прямо перед домом местные шалопаи. Случалось даже профилактически огребать по физиономии. Шейд боялся внешнего мира до дрожи в коленках. А уж после сегодняшнего визита на «Саннату»...

– Гости, – отозвались из-за двери. – Открывай, я от Камилла.

Шейд послушно отомкнул замок и отступил от двери.

Вошел парень примерно одних лет с Шейдом, но гость в отличие от хозяина был строен, подтянут, мускулист. Прическа ежиком. Взгляд колючий и жесткий, словно сталистая проволока. Одет, как и виртуальный Камилл, в синий спортивный костюм и белые кроссовки загадочной фирмы «Montray».

– Привет. Собирайся. Машина ждет.

Шейд вяло кивнул. Собираться? А что это значит?

Подумав, он натянул вместо бесформенных тренировочных брюк «выходные» джинсы, а вместо выцветшей футболки – легкий свитер. Носки. Кроссовки, почти не ношенные, хотя Шейд купил их больше двух лет назад. Большую часть времени кроссовки пылились в прихожей, под вешалкой.

– Готов? – нейтрально осведомился гость. – Пошли.

Шейд нашарил ключи на крючке слева от двери, выпустил парня в спорткостюме, вышел сам, запер дверь и лишь в этот момент невероятно остро ощутил животный страх и безоговорочное замешательство.

Неизвестность. Неизвестно во что он вляпался. И это страшило больше всего.

Лифт все еще стоял на этаже, так что вниз спустились очень быстро. У подъезда стояла вишневая «тридцатка» без единого наворота вроде спойлеров или тонированных стекол. Даже обязательного чертика на веревочке под лобовым стеклом не нашлось.

Парень кликнул пультиком охранной системы; машина мигнула фарами, смешно квакнула, и раздался отчетливый щелчок разблокировки дверей.

– Садись. – Парень приоткрыл правую переднюю дверцу.

Шейд молча сел, пытаясь совладать с собой. Получалось плохо. Он боялся. Очень боялся.

Во время дороги никто не проронил ни слава. Парень сосредоточенно рулил, Шейд затравленно глядел в окно. Ехали сначала к центру, потом по проспекту Газизова; где-то неподалеку от «Чашки» юркнули в узкий переулок. Перед на удивление запущенным с виду шестиэтажным домом «тридцатка» замерла, и Шейду велели вытряхиваться.

Потом его провели сквозь ушибленный ремонтом холл во вполне приличный офис – а по внешнему виду здания сроду не скажешь, что внутри есть такие ухоженные помещения.

Проводник предупредительно распахнул перед Шейдом дверь в кабинет. Шейд послушно шагнул через порог и сразу же встретился взглядом с тем, кого совсем недавно встретил в виртуальности, в пределах холда «Саннаты». С Камиллом.

– Здравствуй, Шейд, – сказал Камилл, и в тот же миг парень-проводник коротким выверенным движением рубанул Шейда ребром ладони по шее.

Свет померк.

– Прощай, Шейд, – добавил Камилл.

Но Шейд этого, естественно, не услышал.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

Теперь у Аурела был новый мотоцикл: IBM-7200. Перегон стлался под колеса, ветер ревел, обтекая шлем, и мчали они вдогонку за свободой, слившись в единую сущность: человек и механизм. Сити уже виднелся вдали, полускрытый колышущимся маревом прогретого летнего воздуха. Аурел много раз покидал Сити, надолго и ненадолго. Вопрос – когда возвращаться? – еще совсем недавно мало его заботил.

Теперь заботил, потому что у Аурела с некоторых пор было к кому возвращаться. Его ждали. Вернее – ждала. Она. Тири. Девчонка в неизменных очках со стеклами в форме звездочек.

Они осели на восточной окраине Сити, у самого шлюза. Поближе к перегону, потому что любили скорость и мощь

мотоциклетных моторов. Четыре месяца – четыре месяца сказки, безумия и еще бог знает чего. Им было хорошо вместе, а что еще нужно влюбленным для счастья и эйфории? Только скорость...

Они редко ходили в Сеть, поскольку слишком свежи еще были раны. Раны не телесные – раны в душах. Но как бы они ни сопротивлялись – Сеть звала. И мало-помалу Аурел с Тири стали задерживаться в Сети все дольше и дольше.

Аурел проскочил шлюз, свернул на аллею и подкатил к дому, который они с Тири снимали, – небольшому зданию с плоской крышей и махоньким шпилем высокочастотного диала «Ретактор». Закатив «ай-би-эмку» в бокс, Аурел вошел в дом. И сразу понял: Тири пребывала в Сети. Она расслабленно сидела в кресле перед терминалом, а мнемоюсты, разумеется, лежали рядом с клавиатурой. Пальцы Тири время от времени вычерчивали на клавиатуре замысловатый танец набираемого текста. Не команд – именно текста. Тири общалась с кем-то в чат-режиме.

Влезать третьим Аурелу не хотелось – он уважал свободу своей подруги, но едва Аурел включил терминал и риска видеотрека выплюнула в пространство геометрический призрак голокуба, стала видна записка на десктопе:

[Ури, присоединяйся к Аста_221.Р\/Т. Это важно!] Аурел хмыкнул, вошел в Сеть, сконнектился с чат-сервером, выбрал из списка нужную локалку и подключился. Практически сразу его втянуло в расширенный приват.

Он оказался на полянке в лесу с неправдоподобно высокими деревьями. Прямо на траве возлежал тучный бородач в полосатом домашнем халате; перед ним на рыжем пеньке, по-турецки скрестив ноги, устроилась Тири в практически неотличимом от реала облике. Только волосы ее в виртуальности оказались окрашены в разные цвета.

– Привет, Ури, – поздоровалась Тири. – Знакомься, это Энди Трушин.

Об этом хакере, успевшем стать легендой еще при жизни, Аурел, конечно же, слышал. Но знал Аурел и то, что Энди Трушина уже больше четырех месяцев нет в живых, что погиб он как раз во время охоты на Аурела. И что Трушин был одним из тех, кто на Аурела охотился, Аурел тоже знал.

– Привет, – поздоровался Аурел хмуро.

– Привет, Ури, – странно объемным голосом поздоровался бородач. Такое впечатление, что он прикрутил к стандартному волновому синтезатору реверберацию. Только зачем? Выходка, достойная какого-нибудь сопляка, без году неделя как влезшему в Сеть.

– А я слышал, что тебя убили.

– Это правда.

Аурел озадаченно умолк, хотя пальцы его уже приготовились отстучать очередную реплику.

– То есть... как правда? Ты что, запись?

– Ну, в определенном смысле – запись, – согласился Энди.

– Погоди, – пробормотал совершенно ошеломленный Аурел. Набирая это короткое слово, он дважды запнулся, и пришлось дважды нажимать на бекспейс. – Разве можно разговаривать с записью? Или ты что-то вроде всиса?

Всисом сетевики называли простую программульку, полностью именуемую «виртуальный сисоп». Программка умела притворяться человеком и вести полуосмысленную беседу; основными пунктами, обеспечивающими правдоподобие, была манера отвечать вопросом на вопрос и умение вычленять из обращений ко всису ключевые слова и обрабатывать их в нужном контексте.

– Нет, Ури, я не всис. Я – Энди Трушин, лишенный материального тела. По неизвестной мне причине мое сознание осталось в Сети. Я – призрак. Но я помню и знаю все, что помнил и знал человек по имени Энди Трушин.

– Разве это возможно? – не поверил Аурел.

– Получается – возможно, – уныло констатировал Энди. – Хотя я и не понимаю, как это реализовано. Я чувствую себя просто как во время погружения в виртуальность. Но не могу из нее выйти. Впрочем, я не за этим тебя позвал. Мне нужно многое рассказать тебе, Ури. Тебе и твоей девушке. Ей я уже кое-что поведал. Это касается вас обоих и еще того, из-за кого произошли небезызвестные тебе события четырехмесячной давности. А именно – Камилла.

Аурел насторожился. Личность Камилла, действительно сыгравшего роковую роль в судьбах большого количества людей, по-прежнему интересовала его, хоть он и пытался убедить себя в обратном.

– Рассказывай, – потребовал Аурел.

– Расскажу, – пообещал Энди. – Только давай для начала проясним ситуацию. Первое – я ваш союзник, поскольку тела меня лишил именно Камилл, хоть исполнителем и выступила какая-то девчонка, похожая на твою Тири. Второе – я понятия не имею, зачем рассказываю вам все это. И третье – я не знаю, как воспользоваться информацией, которую успел раскопать еще человеком и до которой окончательно добрался уже будучи призраком.

Аурел промолчал. Да, собственно, речь Энди и не

предполагала ответа.

Энди лениво перевалился на другой бок, на миг потерял четкость очертаний и словно бы вывернулся наизнанку. Он снова лежал лицом к Аурелу и Тири.

– Призрак... – пробормотал Аурел.

– Давай так: я хочу услышать твою версию недавней одиссеи.

Аурел нахмурился – ему вовсе не хотелось ворошить прошлое. Он невольно покосился на Тири и неожиданно встретился с ее умоляющим взглядом.

– Расскажи, Ури! Это важно, правда важно!

– Да что тут рассказывать... – неохотно начал он. – Камилл нанял меня слить какие-то файлы у Лощинина. Я слил. В процессе этого мне в башку закачали еще что-то. Потом меня провели по перегону аж до Волицка. Там Камилл выковырял из меня все предварительно спрятанное; что с файлом сделал – не знаю, а меня отдал Платонову, мир праху его...

Энди энергично затряс головой.

– А вот и нет. Все было совсем иначе.

– Иначе? – переспросил Аурел недоверчиво.

По правде говоря, где-то глубоко в сознании действительно крылось подозрение, что не все так просто и однозначно, как кажется. Но Аурелу, во-первых, не хотелось возвращаться к пережитому даже мысленно, а во-вторых, все равно невозможно было добыть новые факты. И вот – призрак погибшего Трушина...

– Иначе, Ури. Ты был просто ширмой. Знаешь старый бандитский трюк? Провернуть крупное дело, а следом всосать килограмм водки, затеять драку, расколотить витрину и сесть месяца на три за мелкое хулиганство. В тюрьме никто искать не станет, а за это время крупное дело постепенно уходит на задний план, интерес к нему утрачивается... Понимаешь?

– Не очень, – признался Аурел, хотя на самом деле обо всем уже догадался.

– Камилл воровал файлы вовсе не у Лощинина. У другой... конторы. Расположенной в том же здании. Причем у них файлы Камилл только скопировал. Но ему нужно было замаскировать доступ в местную сетку, вот он и нанял тебя выпотрошить Лощинина для отвода глаз. А в первой конторе ничего не пропало, понимаешь? И контора не отреагировала на вторжение извне – у них-то ничего не пропало. Трюком с ломом Лощинина Камилл отвлек внимание от основной операции.

– И что это были за файлы? – не особо рассчитывая на ответ, поинтересовался Аурел.

– Не знаю, – отрезал Энди. – Какие-то новые сетевые технологии. Но я точно выяснил: обладающий ими получает

громадную власть. Камилл с самого начала играл на нескольких фронтах. Технологии, за которыми он охотился, Камилл решил внедрять за барьером, в Москве. Он довольно быстро вычислил нескольких спецов, способных ему помешать. Но уничтожать их Камилл не стал, он сыграл тоньше. Он втянул их в игру на своей стороне. Бая помнишь? Это один из тех, кого Камилл опасался больше всего. Теперь его нет в Москве. Теперь он здесь.

– Погоди, – остановил Трушина Аурел. – Как это нет в Москве? Через барьер ведь отсылается только копия. Оригинал остается в месте старта.

Энди скорчил недовольную гримасу.

– Жертвы пропаганды... – пробормотал он вполголоса. Затем бегло набросал на лице выражение безграничного терпения и пояснил; – Официальная точка зрения не совсем... верна. Точнее, не отражает всей правды. При психокопировании копия всегда отличается от оригинала. Незначительно. Но все же отличается. А главное – наполнением копии и оригинала можно манипулировать. В известных пределах, конечно. Например, при переброске Бая к нам цельность его личности была нарушена. Все дерзкое, пытливое и предприимчивое приехало сюда. А в Москве остался инертный и ленивый субъект, похожий на Бая только отчасти. Тот, что остался, – Камиллу не опасен. А тот, что попал сюда, – не захочет возвращаться. Гениальный ход. Я преклоняюсь перед Камиллом, хоть он и редкостный негодяй.

– А остальные? Они ведь даже не все нормальные сетевики...

– ТПшники – команда. Их можно нейтрализовать либо всех сразу, либо лучше вообще никого не трогать. Камилл бил наверняка. Скажем, Син точно должен был вернуться. Поэтому именно ему в голову закачали предназначенные для Москвы данные. Чена матрицировали так, чтобы копия пожелала остаться у нас. Тигр и Сема на особые роли не годились – с ними даже возиться не стали. Шлепнули на месте, и дело с концом.

– А что же Камилл хранил у меня в голове?

– У тебя – ничего. Ровным счетом ничего, – устало сообщил Энди.

– Зачем же меня таскали в тот грузовичок? – удивился Аурел. – Не для развлечения ведь?

– Конечно, нет. Твою копию отослали в Москву.

Аурел напрягся. Новость была неожиданной и бьющей наотмашь. Его копия сейчас в Москве! Точнее, если верить Энди, даже не копия, нет. Кто-то похожий на него, унаследовавший многое, но не все. А значит, забравший с собой частичку настоящего Аурела.

Ошеломленный этим открытием Аурел взглянул на Тири.

– Я что… изменился с тех пор?

– Не знаю, Ури, – прошептала Тири. – Я только знакомлюсь с тобой истинным. Откуда мне знать, каким ты был раньше?

– Твоего двойника лишили свободы воли, – сказал Энди жестко. – Он всего лишь марионетка в руках Камилла. Но при этом он знает о Сети не меньше твоего. И умеет соответственно столько же. Твой двойник – один из главных козырей Камилла.

Энди ненадолго умолк.

– Вот как… – пробормотал Аурел, снова не попадая по клавишам… – Значит, Бая он перетащил сюда, а послушную мою копию перебросил в Москву… Гроссмейстерская рокировка!

– Не факт еще, что я разнюхал все ходы Камилла, – угрюмо заметил Энди. – Он ведет такую сложную многоуровневую игру, что один-единственный упущенный факт не позволяет разглядеть картину в целом.

– Пусть так. – Аурел резко подался вперед. – Но зачем ты мне все это рассказываешь?

Энди уронил голову на траву; лицо его стало грустным.

– Мне скучно, Ури. Мне нечем заняться здесь, в Сети, я тут заперт. Мне нет возврата в мир живых, и виноват в этом Камилл. Можешь считать, что я затеял маленькую месть. Впрочем, почему маленькую? Большую. Глобальную кровавую вендетту. Он замыслил что-то недоброе, Ури, и я без особых угрызений возьму на совесть его смерть.

– Ты думаешь его убить?

– Да.

– Как?

– С твоей помощью.

Аурел внимательно посмотрел на толстяка, развалившегося на травке. Энди скорее был похож на прилегшего отдохнуть сенбернара, чем на волка, идущего по следу.

– А почему ты думаешь, что я стану помогать?

– Потому что часть тебя страдает. По вине Камилла. Ты – это не ты настоящий. Стать собой ты сможешь, только если «скованного» Аурела вернут из Москвы сюда, причем без дополнительных воздействий на матрицу и на твою психику.

Аурел задумчиво покачал головой:

– Все это звучит как-то… уж слишком нереально. В это трудно поверить, Энди.

– Можешь не верить, – глухо сказал Энди. – Главное – помоги.

– В одиночку?

– Зачем в одиночку? Бай и Чен тебе подсобят. Да и я постараюсь. В отличие от вас для меня барьер проницаем, я ведь всего лишь запись на диске, череда нулей и единиц. Информация

передается от нас в Москву и без копирования.

Неожиданно для себя Аурел выпалил:

– Я согласен.

– Я с тобой, – немедленно заявила Тири.

Энди сложил губы дудочкой и несколько раз кивнул:

– А я и не сомневался... Ладно, дяди и тети. Готовьтесь для начала морально. Мне нужно предварительно организовать кое-что. Я найду вас, когда настанет час.

Энди, кряхтя, поднялся на ноги, задумчиво пошевелил носком тапка примятую траву и вдруг свечой взвился в зенит. Прямо в девственную голубизну виртуального неба.

Из Сети Аурел с Тири вывалились одновременно.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

Бай в тот вечер не собирался лезть в Сеть. Он тихо-мирно втащил «Осеннего бархата» и запустил телемодуль: по музыкальному каналу сулили концерт «Форнита». Музыка, которую исповедовали «Форнит», чем-то напоминала полузабытую в родном мире Бая «Агату Кристи». Баю нравилась музыка «Агаты Кристи». Соответственно он ожидал, что и. «Форнит» не разочарует.

Концерт даже еще не начался, когда прозвучал мелодичный сигнал приоритетной почты.

Бай не ожидал срочных писем и, заживо снедаемый любопытством, немедленно полез в почтовый ящик.

Сообщение было коротким и обескураживающим.

:STATUS [Private mail]
:FROM [Andy Trushin]
:TO [Dmitry Baikalov]
:SUBJECT [Поговорить надо]
[Hi, Dmitry Baikalov!
Subj. Жду на холде прямо сейчас.
Best regards, Bloody Andy.]

Бай уставился на письмо, пытаясь сообразить, кто и зачем его может разыграть. Он прекрасно помнил, что Энди Трушин погиб четыре месяца назад, пытаясь выследить Аурела Чогоряну, погиб нелепо и незавидно: был застрелен в упор прямо за рабочим терминалом в собственном доме. Кроме того, смущала формулировка. Что значит – «жду на холде»? Что некто пролез в

отменно защищенное личное дисковое пространство Бая? Не то чтобы это было категорически невозможно – даже работающие по старинке, без мнемодоступа, хакеры теоретически могли отыскать неучтенную лазейку: Впрочем, в удачливого хакера Бай не верил. Скорее к нему в гости пожаловал кто-то из таких же, как сам Бай, кибертелепатов. Один из немногих, кто способен ходить в Сеть без мнемоюстов. Или талантливый, но недалекий мнемоник из молодых.

Привычное мысленное усилие, и Бай скользнул в Сеть. Пальцы исполнили ритуальный танец идентификации; в упругий, чуть подсвеченный снаружи пузырь личного холда Бая с вязким чмокающим звуком проник хозяин. Он был похож на разгневанное божество, готовое карать и плющить наглеца, ворвавшегося в святая святых.

Гость действительно проник на холд, Бай его сразу отследил, хотя с виду тот оказался плоским, как фольга, и серым, как оболочка холда. Служебная программа исправно очертила красной каймой контур гостя, показывая, к каким именно файлам он прорвался.

Считав ладонью имена, Бай убедился, что гость перехватил управление аниматором и генератором виртуальных пейзажей; причем он не отсек хозяину возможность пользоваться и тем, и другим одновременно с собой. То есть вроде бы декларировал если не мирные, то более или менее честные намерения: «Я ворвался в Ваш дом с револьвером в руке, но и Вам револьвер я схватить не мешаю...» Миг – и часть холда засияла, словно внезапно освещенная сцена. Гость умело создал стандартный, хотя и достаточно детализированный мирок. Во всяком случае, трава в нем состояла из отдельных травинок, а не казалась покрашенным в зеленое дощатым полом. Схлопнувшись в похожий на морского ежа комок, гость юркнул в созданный мирок, а потом выпростал наружу руку и поманил Бая пальцем.

У Бая от такой наглости перехватило виртуальное дыхание. Он сразу же вознамерился последовать за гостем в пределы свежеслепленного мирка, но прежде долгую секунду примеривался – какой облик принять? Хотелось стать чем-нибудь ужасным – тираннозавром, карьерным экскаватором или боевым вертолетом. Но мир, нарисованный незваным гостем, выглядел идиллически – поляна в лесу, пение птичек, голубое в облачках, как заставка известной операционки, небо... Да и сам гость, к некоторому удивлению, принял облик толстого бородача, облаченного в поношенный полосатый халат. Бородач развалился на росистой травке, рискуя подцепить виртуальную простуду.

– Привет, – сказал бородач, жмурясь на солнышко. – Как

дела?

Бай раздумал обращаться тираннозавром или неким техногенным монстром. Вместо этого он обратился в себя – разумеется, несколько проще прорисованного, потому что поленился разменяться на детализацию, а поговорить с гостем можно было и так.

– Де-ела-а-а? – ответил Бай нараспев. – Паршиво. Вот на холд кто-то пролез.

– Я не кто-то, – с достоинством ответил гость. – Я – Энди Трушин.

Несколько секунд Бай глядел на воскресшего Энди, балансируя на грани прострации. Но единственную здравую мысль он все же сумел ухватить за хвост и выстроить перед собственными глазами в виде желтой бегущей строки:

[Я не в реале. В Сети же возможно все…]

– Х-ха!.. – с сомнением протянул Энди. – Так уж и все…

– А разве не все? – поинтересовался Бай. – У меня тут затык случился, что делать – ума не приложу. Может, чего подскажешь?

Энди рассмеялся.

– А ты молодец, Бай. Сразу быка за рога – не слишком мне удивился. Покойнику.

– Так ты жив?

– Не более чем созданный тобой охранный демон.

– Как это? – не понял Бай.

– Человека-Энди убили. Ты ведь знаешь. Но я почему-то остался в Сети. Я даже пытался выйти, но ведь человек-Энди мертв. Мне некуда выходить. Я заперт в виртуальности. Впрочем, не это главное. Я другое тебе хотел рассказать. О Бае из Москвы.

Что-то кольнуло в груди. Москва… Бай провел в новом мире почти пять месяцев. И о Москве вспоминал мало. Но сейчас вдруг вспомнил – остро и щемяще. В сущности, часть его осталась там, как в прямом смысле, так и в переносном. Его двойник. Копия. Или оригинал, если рассуждать последовательно. Да и по Москве Бай успел соскучиться, хоть и выбрал своим домом этот необъятный и плоский мир, где жизнь льнет к поверхности и оторваться от нее возможно только в антиполе.

– Я не буду долго говорить. Лучше соберу всех вместе, там уж и расскажу, – сообщил Энди. – Повторяться неохота.

– Всех? Кого, например?

– Всех. Тебя, Чена, Аурела, Тири, Злыдня, Жмура… Кое-кого из своих знакомых. Пока я посвятил во все только Аурела и Тири. Потому что они станут главными действующими лицами моего плана.

– А я, значит, второстепенным? – обиделся Бай.

– Ты тоже главным. Только по другому направлению. Я ведь пришел к тебе сразу после них, разве ты не заметил?

– Откуда я знаю, к кому ты ходил, а к кому нет? – Бай поджал ноги и завис над лужайкой в позе лотоса.

Трушин скептически хмыкнул; вероятно, сетевые возможности успели ему обрыднуть, и он тянулся к тому, что утратил вместе с телом. К возможности поваляться на травке, например.

– Собирайся. Махнем прямо сейчас. Я только Жмуру со Злыднем отмашку дам...

– А что мне собираться? – Бай развел руки в сторону и показал Энди пустые ладони. – Я как верблюд. Все мое ношу с собой.

– Я тоже. С некоторых пор...

~#CONDITION: NET BROWSING

~#MODE: TUG

– Тогда цепляйся. – Энди протянул руку и стряхнул в пространство перед собой адресную строку.

Читать ее было незачем – Бай просто прокинул ее через буфер в адресное поле броузера и мысленно утопил Enter_.

Энди Трушин воспарил, как воздушный шарик. Странно, но толстяк мгновенно утратил внешнюю неповоротливость, теперь он очень напоминал космический челнок за миг до старта. Бай решил не мешкать: соткал тонкую нить с кошкой на конце, размахнулся и метнул ее в сторону Энди. Кошка зацепилась за халат.

– Поехали! – весело сказал Энди.

Челнок стартовал; Бая увлекло следом. Они неслись сквозь Сеть, по неощутимым цифровым магистралям, вгрызаясь в обычный сетевой траффик и распихивая в стороны многочисленные пакеты. Кто-то шарахался с дороги – это они перекрывали доступ юзерам-немнемоникам, вынуждая тех уныло таращиться в сообщения об ошибках. Кто-то почтительно пропускал – это выстраивались в очередь на доступ мнемоники. Все это длилось миллисекунды. Не будь Бай способен обходиться без мнемоюстов, вряд ли бы он успевал обрабатывать такую прорву информации. Но человеческий мозг кое в чем превосходил даже мощь современных компьютеров и коммуникаций. Главное – не ограничиваться пропускной способностью мнемосогласователей.

Бай не ограничивался.

Секунды – и они ворвались в переделы чьего-то холда, защищенного не хуже, чем родные пенаты Бая. Церберу на входе Энди заткнул пасть сверкающим комочком пароля, рванул за

нить, так что Бай оказался рядом, сграбастал его за шиворот, дернулся и наконец замер.

~#CONDITION: NET BROWSING

~#MODE: FINISH

– Все, – сообщил Энди. – Знакомься.

Холд выглядел как дворик загородного дома. С трех сторон – сплошная зеленая изгородь (не то дикий виноград, не то нечто подобное), с четвертой – фасад двухэтажного коттеджа с крутой черепичной крышей и башенкой у крыльца. К крыльцу примыкала веранда; виноград забирался на ее кровлю с торца коттеджа. На веранде стоял стол; за столом сидели шестеро. Троих из этой шестерки Бай знал.

В первую очередь, конечно же, Чена – приятеля, бывшего коллегу по ТП и тоже москвича, решившего в Москву не возвращаться.

Кроме него – Аурела и Тири. Парня, из-за которого ТПшники очутились в этом необычном мире и которого долго ловили в Сети и в реале; и подружку его Бай тоже узнал сразу.

Еще за столом сидели: грузный, чем-то неуловимо похожий на Энди субъект, лысоватый мужичок в вечно съезжающих с переносицы очках и флегматичный парнишка сплошь в джинсе вплоть до кепки.

– Привет, коллеги. – Энди помахал ручкой. – Вот и мы.

– Здрасте, – сдержанно поздоровался Бай.

– Это Бай, – представил Бая Энди. – Наш козырь из-за барьера. Знакомьтесь. Это, – Энди указал на грузного, – Злыдень. Это Жмур (лысоватый). Это РусТех (флегматик в джинсе). Остальных ты знаешь...

– Особенно его... – Бай демонстративно обменялся рукопожатием с Ченом и сел с краешку. Остальные по-свойски кивнули ему.

Чен, как всегда, едва заметно улыбался, но по выражению лица невозможно было прочесть его истинные мысли.

– Напоминаю, что все присутствующие в данный момент носят не личину, а облик из реала.

«А значит, все ходят в Сеть без мнемоюстов, раз такая мощная детализация, – домыслил Бай. – Кроме, конечно, Энди – ему в Сеть ходить не нужно, он всегда в Сети...» Баю стало немного стыдно за свой полусхематичный облик; он живенько скачал собственную голограмму и наскоро усложнил рабочий манекен. Остальные ждали, причем Бай понял, что они внимательнейшим образом сопоставляют его работу с затраченным временем. Тоже ведь показатель.

Наконец Бай счел, что выглядит сообразно моменту. Энди

деликатно помедлил секунду-другую и вместо того, чтобы встать на ноги, взлетел над дощатым полом веранды. Вместе со стулом. В сидячем, понятно, положении.

– Коллеги, не могу сказать, что в нашем распоряжении масса времени. Даже со скидкой на скорость сетевых процессов. У каждого, к сожалению, слишком еще много оставшегося от людей. В общих чертах каждый из вас знает, зачем я всех собрал. Каждый знает кусочек недавней истории. По-моему, пришло время сложить эту замысловатую мозаику... для всеобщей выгоды. Заранее прошу извинить, если буду растолковывать известные кому-нибудь вещи – вполне возможно, что прочие этого не знают. Принимается?

Злыдень шумно всхрапнул и огляделся.

– А... Почему было не собраться в реале? – спросил он. – Нас не подслушают?

– Не подслушают, – заверил Энди. – Кишка тонка. Что же до встречи в реале, так мы слишком разнесены для этого. Аурел и Тири – в Сити. Ты со Жмуром – в Еланце. Бай – в Зеленодольске. Чен – в Волицке. РусТех – вообще в зоне высадки. Ну а мне, как ты понимаешь, затруднительно вернуться в реал.

– Точно не подслушают? – сварливо уточнил дотошный Злыдень.

Энди сокрушенно покачал головой, отчего все кресло заколыхалось из стороны в сторону (во проработка! – с завистью оценил Бай).

– А ты пощупай защиту, – посоветовал Энди.

Злыдень оглянулся и наугад ткнул рукой в потолок; рука его неестественно (для реала) вытянулась, словно у героя дрянного фантастического фильма.

– Ух ты, – сказал Злыдень спустя несколько секунд. – Так мы не в Сети?

– Угадал, – подтвердил Энди. – Не в Сети. Если совсем точно, то в Сети, но в Сети локальной. Один сервак и четыре терминала. Эдакий суровый междусобойчик. Логов, кстати, никаких не ведется, так что надейтесь только на человеческую память.

Даже короли мнемоюстов – хакеры нового поколения – не были способны на такое. Войти, пусть даже и по наводке служебного TUG'a, в обособленную локальную Сеть.

Бай смог. И остальные смогли. И это соображение служило лучшей иллюстрацией способностям компании, которая тут собралась.

– Ладно, Злыдень, расслабься... Дерганый ты какой-то стал последнее время.

– Ты бы тоже стал, если б Рюкзака рожей на терминале

увидел, – мрачно изрек Злыдень; Жмур при этом непроизвольно вздрогнул и суетливо поправил очки.

– Хватит и того, – жестко сказал Энди, – что я видел рожей на терминале себя. И все было в кровище – что рожа, что терминал.

Злыдень моментально смутился и опустил взгляд.

– Прости...

И спустя мгновение:

– А ты правда видел?

– Видел, – оттаивая, проворчал Энди. – В новостях. А потом вообще вырезал в ролик и у себя на холде спрятал. Пересматриваю иногда. Хочешь покажу? Хотя нет, не стоит, времени мало...

Аурел Чогоряну, терпеливо слушавший эту перебранку, обменялся молниеносным взглядом со своей подружкой и приподнял ладонь над столешницей.

– А может быть, перейдем к делу? – предложил он.

– Действительно. – Энди снова покачнулся в кресле и плавно спланировал к столу. – Значит, так. Все это началось лет пять назад, когда одна анонимная компания финансировала два, на первый взгляд, весьма сомнительных технологических проекта. Один назывался «Сеть Нанотех», и вел его некто Александр Лазаревич, второй – «Реальная виртуальность», его вел некто Олег Палек. Как обстоят дела с первым проектом, я не в курсе, проект скоро отпочковался в самостоятельную компанию и не то умер, не то успешно внедрился, не суть важно. Нас интересует второй проект...

– Там еще не один проект был, – авторитетно вставил джинсовый РусТех. – Зорича, что-то там с Аватарами, Бурцева, «Алмазные НЕРвы»...

– Возможно. – Энди и не подумал возражать. – Но нас интересует только «Реальная виртуальность». Собственно, проект исследовал аспекты пребывания людей в виртуальщине, а также влияние реала на виртуальщину и наоборот. Я не удивлюсь, если способность некоторых людей ходить в Сеть без мнемоюстов есть последствие реализации некоторых разработок этого проекта. Я не удивлюсь, если смерть моего тела и локализация моей личности в Сети – есть также одно из последствий этого проекта. Я не удивлюсь, если окажется, что результаты разработок «Реальной виртуальности» встречаются нам гораздо чаще, чем мы в состоянии вообразить. Важно не это. Важно другое. Конечной и высшей целью проекта было нечто куда более глобальное. Я не знаю, что именно, хотя ломал над этим голову прорву времени.

Когда Лощинин нанял меня, я быстро вышел на Камилла, закадрового хозяина марионеток. Довольно скоро я установил,

что с проектом «Реальная виртуальность» он был связан очень тесно; не исключено, что Камилл – это и есть Палек. Мне удалось установить, что наработками Палека воспользовались посторонние, начальная компания разорилась, после чего кто-то невероятно проворный и длиннорукий умело замел все до единого следы и попрятал в воду оборванные концы. Проект умер – внешне. Но ежу понятно, что многообещающие проекты не умирают, они лишь переходят из рук в руки и меняют точку опоры. Откровенно говоря, я не надеялся, что мне удастся раскопать еще что-нибудь. Но я тем не менее раскопал. Не то чтобы со стопроцентной достоверностью, но все же... В общем, «Реальной виртуальностью», похоже, занималась контора, которая гнездится этажом выше конторы Лощинина. Соображаете?

Камилл об этом явно знал. Причем Камилл – один из тех, кто способен воспользоваться последними наработками «Реальной виртуальности» наиболее полно, потому что он может пребывать в виртуальности без мнемоюстов. И Камилл начинает сложную многоуровневую игру. И при этом не спешит – подготовительный этап занимает не менее трех лет.

Сначала он методично выискивает людей, похожих на себя. Например, присутствующую здесь Тири. Кого-то он втягивает в группу и подчиняет себе. Кого-то, как Аурела, просто держит на заметке. Некоторых, чьи новые способности не открылись в полной мере, Камилл тренирует и натаскивает. Естественно, что эти люди привязываются к нему, как к учителю, наставнику, гуру – называйте как хотите.

Второй этап: Камилл тщательно продумывает свои действия на случай, если план его налета на «Реальную виртуальность» успешно осуществится. Не знаю уж почему, но Камилл решает воплощать свои замыслы за барьером, в Москве. И снова он не спешит: скрупулезно изучает московские Сети и вычленяет (не знаю уж, по какому критерию) тех немногих, кто может ему помешать. Он организует фирму и представительство в Москве, да так плотно, что даже слегка распихивает локтями местных совершенно не сетевых, а реальных бандитов. Среди тех, кого Камилл вычленил в Москве, были вы, – Энди указал на Бая и Чена. – Вы и остальные ТПшники. «ТП», «Тессеракт», «Фанталис» и «Константа» – четыре фирмы, каждая из которых так или иначе была связана с нелегальной торговлей программами из-за барьера и с ярмаркой в «Чашке». Всех, кто определял лицо этих фирм, Камилл убрал из Москвы.

– И остальных тоже? – уточнил Бай.

– Да. Директоров «Фанталиса» – сюда же, в зону высадки. Может, слыхали о затыке, который устроили разработчикам

«Мнемо-2»? Мнемоюстов с динамическим усилением? Это Фанталис с Димой постарались.

– Я слышал, – ровным голосом сообщил РусТех. – Мощный затык. «Мнемо-2» закрыли решением суда.

– Вот-вот, – продолжал Энди. – Полагаю, это тоже было частью глобального Камилловского плана. Он не просто убирал опасных ему людей из Москвы, он попутно нанимал этих людей, дабы они повредили его недоброжелателям здесь!

– А «Тессеракт» и «Константа» чего успели тут натворить? – с некоторой иронией поинтересовался Бай.

Он ведь знал почти всех из этих родственных фирм. И Фанталиса с Димкой, и Борю Ведерникова из «Константы»...

– Этих отправили за иной барьер, – пояснил Энди. – В иной мир. Не знаю, в какой и зачем. Только догадываюсь.

Бай покачал головой – не то чтобы недоверчиво. Энди он склонен был доверять. Но размах действий Камилла поражал. Чтобы не сказать – подавлял.

– Идем дальше, – не успокаивался Энди. – Пятерку ТПшников Камилл зафрахтовал под одну из самых важных операций. Точно так же, как и Аурела Чогоряну, нашего местного кудесника. Аурела Камилл нанимает украсть некие достаточно важные файлы... нет, не в «Реальной виртуальности». У Лощинина. У соседней конторы. Аурел эту операцию проворачивает с блеском, не зная, что параллельно с его взломом кто-то ловкий и незаметный КОПИРУЕТ материалы из той же корпоративной Сети, но из другого хоста. Из «Реальной виртуальности». Утром поднимается буча, Лощинин взвивается на дыбы, «Реальная виртуальность» – тоже: как же, проникновение в локальную сеть! Да еще какими методами! Но Камилл умело скрыл свой доступ, а Аурел вламывался к соседям достаточно громко, чтобы усыпить бдительность даже самых ретивых безопасников. Через две недели в «Реальной виртуальности» отменили состояние «ин-онли», а еще через месяц оставили только режим усиленного контроля.

Камилл ведь не дурак, ему нужно было, чтобы все побыстрее успокоилось. Поэтому он терпеливо ждал, никак не проявляя свою бесценную добычу.

А параллельно устроил показательную охоту за Аурелом... Именно в этот момент он кое в чем впервые просчитался.

Во-первых, он не учел, что Аурел сумеет обмануть наемников, ТПшников, и те, вместо того чтобы охотиться на вора, станут его оберегать. Во-вторых, Камилл не предусмотрел, что одна из его лучших учениц и наиболее верных последовательниц, а именно – Тири, влюбится в Аурела и пойдет против своего учителя...

Тири, неправдоподобно побледневшая, вскочила; Бай не сразу сообразил, что находится в виртуальности, поэтому его в первую секунду ошеломил молочно-белый цвет ее лица.

– Спокойнее, девочка. Все уже позади, – примирительно сказал Энди. – К тому же я только рад. Всему, что произошло между тобой и Аурелом. Я продолжу?

Тири постояла пару секунд, потом, повинуясь мягкому касанию Ауреловой руки, опустилась в плетеное кресло.

– Продолжай, – тихо сказала она.

– К тому же не факт, что охота на Аурела была настоящая, ибо с Аурелом Камилл связывал многие дальнейшие свои планы.

– Можно вопрос? – вмешался Чен. – Мне кажется, существенный.

Энди немного помедлил, словно взвешивая: стоит отвлекаться или не стоит?

– Давай, – все же решил он отвлечься.

– Ты говоришь, что Камилл убирал мешающих ему людей из Москвы. Но ведь когда нас отправили сюда, в Москве остались копии! Непонятно, что Камилл в этом случае выиграл?

– А с чего ты решил, что копии остались? – с неприкрытой иронией поинтересовался Энди. Чен растерялся.

– Ну… Нам так сказал человек Камилла…

– А с чего ты решил, что человек Камилла скажет вам правду?

Повисло тягостное молчание.

– Так, значит, – пробормотал Бай, – это не так? В Москве не осталось Бая и остальных?

Грудь сдавило – даже здесь, в виртуальности. Бай неожиданно отчетливо представил мать и то, что она почувствовала, когда он исчез. Стало муторно и гадко, словно Бая надолго макнули в затхлую вонючую воду мертвого пруда.

Энди смешно пошевелил бородой.

– Расслабься… Остались. Только один маленький штришок: это не копии. Я уже объяснял Тири и Аурелу – матрицирование личности не позволяет создавать идентичные копии, мелкие изменения все равно есть. Зато наращивать степень отличий возможно легко, причем этот процесс управляемый. Не обижайся, Бай, но правда такова: в Москве остался ленивый, косный и недалекий тип с твоей внешностью. Предел его мечтаний – жрать чипсы перед телекубом. Чихать он хотел на всякие Сети и открытый мнемодоступ. Примерно то же и с тобой. – Энди повернул голову в сторону Чена. – А вот с Аурелом обратная история. Когда Камилл таскал его в фургончик после бойни в Волицке, он вовсе не сливал из его памяти некие данные. Он просто сматрицировал его личность и отправил за барьер.

Отправил безвольного и покорного Аурела, который станет послушно исполнять все приказы Камилла, но при этом обладает всеми знаниями и навыками целого Аурела. Вот так-то.

– А чем это нам грозит? – осторожно справился Жмур.

– Чем? – эхом отозвался Энди. – Хакер-мнемоник уровня Аурела в Москве выпотрошит любую сетку, любой сервак. Знать бы – что конкретно затеял Камилл? Тогда можно было бы попробовать просчитать его ходы. Но мы не знаем, что он затеял. Поэтому я предлагаю последовать за ними, в Москву. Отыскать Камилла и попытаться ему воспрепятствовать.

– А зачем? – спросил дотошный Чен.

– Зачем? – Энди вздохнул. – Сложный это вопрос. Тебе и Баю это нужно, чтобы снова стать собой. Потому что вы сейчас не столько цельные личности, сколько осколки былого. Ты уверен, что в будущем это не аукнется? Я не уверен. То же и с Аурелом, но ему еще нужно освободить своего двойника от цепей, навязанных Камиллом. Если я хоть немного разбираюсь в людях, Аурел не откажется.

– Не откажусь, – мрачно подтвердил Аурел.

– Значит, я все-таки разбираюсь в людях. По крайней мере немного. С Тири все ясно, такие сумасшедшие девчонки отступать не умеют и идут за теми, кого выбрали, хоть в ад, хоть за барьер. Жмур и Злыдень за хакерскую долю успели хлебнуть всякого, но так, как Камилл, их никто не обувал. Они хотят отомстить, отомстить за свой страх и за смерть Рюкзака. РусТех горит желанием испытать аппаратуру, которую разработала его команда. Я... Со мной еще проще. Если Камилл нашел способ оставить мое сознание в Сети, я думаю, у него найдется в запасе и обратный метод. Из арсенала «Реальной виртуальности». Такие вот дела... Кто-нибудь хочет что-нибудь добавить, нет?

Тири поправила очки-звездочки и в упор взглянула на Энди.

– Не знаю, интересно это вам или нет, но я лезу в это дело не только из-за Аурела, хотя и из-за него тоже. Никто из вас не знал Камилла так, как я. Но я не собираюсь разжевывать вам свои истинные мотивы. Я скажу только об одном. Если мы прижмем Камилла к стене, убью его именно я. И пусть только кто-нибудь вздумает мне помешать.

– Значит, – удовлетворенно подытожил Энди, – отказов нет. Тогда начнем. РусТех, готовы твои орлы?

– Мои орлы всегда готовы, – сообщил джинсовый. – Давай Сеть...

– Стоп. – Бай вскинул руки. – Что, уходим прямо сейчас?

– А чего ждать? – удивился Энди.

– Но ведь... Но ведь нужно, чтобы там, за барьером, нужные

люди находились в точках финиша, в этих креслах или как они там называются...

– Это уже организовано, – сказал Энди. – Я влез на холд компании Камилла и подгадал под их очередную переброску... Только вы уж с Ченом извините, но вас подселят сначала не в ваши московские тела. Я мог бы, конечно, это со временем устроить, но, во-первых, ждать неохота, а во-вторых, тело Бая уже занято.

Бай опешил.

– Кем?

– Скованным Аурелом. Слугой Камилла.

Кулаки сжались сами собой. И в реале, над клавиатурой, и в виртуальности.

– У меня более насущный вопрос, – вмешался Злыдень. – Что будет с нашими телами после ухода?

– Ничего, – немедленно пояснил РусТех. – Наша аппаратура матрицирует личность максимально точно, почти без искажений. Все останемся ждать ушедшие за барьер копии.

– Все, кроме меня, – уточнил Энди. – По понятной причине.

Он глубоко вздохнул, глубже, чем люди вздыхают в реале, сначала раздувшись и став похожим на полосатый дирижабль, втиснутый в кресло, а потом сморщившись до размеров подушки.

– Хватит болтать. – Аурел встал из-за стола и пинком отпихнул плетеное кресло. – Что нужно делать?

Энди не успел ответить. В руке его выкристаллизовалась блестящая телефонная трубка; Энди сразу поднес ее к уху, хотя звонка никто, кроме него, не расслышал. Секунд десять – пятнадцать он внимательно слушал. Потом отнял трубку от уха и зашвырнул в зенит – трубка взмыла и исчезла, на миг обратившись в еле различимую точку на фоне облачного неба.

– Уход откладывается. На день-другой, – объявил Энди. Лицо его стало странно напряженным, даже в виртуальности это было невозможно скрыть:

– Что? – поинтересовался Бай. – Проблемы?

– Скорее новая информация. Ладно, я дам вам знать, когда все будет готово. Всем пока.

Созданный мирок со стеклянным звоном раскололся на тысячи осколков, и каждый из участников этого странного собрания очнулся перед собственным терминалом с чувством недосмотренного захватывающего сна.

Баю почему-то показалось, что эта отсрочка была умело разыгранным спектаклем.

Вот только кому он нужен, сей непонятный спектакль?

Отчего-то Бай твердо верил: узнать суждено в самое

ближайшее время.

***

!TASK 0A
[OWNER: Аурел Чогоряну (matrix-copy)]

Аурел успел привыкнуть к этому телу. Он больше не бился головой о притолоки и не спотыкался на ровном месте.

Жизнь его была размеренной и монотонной; личность бывшего хозяина лениво дремала где-то в глубине, почти не прорываясь на поверхность. Единственное, что само собой привязалось из чужих привычек, – это страсть к просмотру футбольных матчей по телетрансляции.

Смирился Аурел и с тем, что Сеть здесь была совсем другой, чем он привык. И компьютеры были иными. Но он смирился и с этим.

Дни проходили, похожие друг на друга, как копии одного и того же файла. Пробуждение, завтрак, поездка в контору с нелепым названием «ТП», потом несколько служебных поездок по городу, вялые беседы с клиентами или коллегами, возвращение домой и погружение в Сеть. Только в этот момент Аурел слегка оживлялся; но что-то мешало чувствовать себя, как обычно, счастливым в такие минуты. Чья-то посторонняя воля – чужая и неумолимая. Аурел чувствовал: если придет ОН и прикажет – и не захочешь, а бросишься выполнять приказ. Даже если это будет стоить жизни. Странно было сознавать, что ты скован посторонней волей. И наверняка знать, что воспротивиться ей не сумеешь. Ни при каких обстоятельствах.

Пока от Аурела многого не требовалось: он всего лишь охранял сетевые ресурсы какой-то мелкой компании от вторжения извне. Даже не столько охранял, сколько следил, чтобы среди покушавшихся (а с этими было кому справиться) не объявился никто со смутно знакомыми навыками работы в Сети.

С навыками работы без мнемоюстов. Другими словами, кто-то из родного мира Аурела.

Аурел ждал. И жил. Точнее – существовал, как фикус в кадке. Только пыль стирать с него было некому.

***

!TASK 08

[OWNER: Shade]

Едва очнувшись, Шейд понял: что-то не так.

Он не чувствовал тела. Совсем.

Привычное легкое усилие, сходное с открытием глаз, и тьма тотчас отступила. Сжалась, утекла, как утренний туман. Прочь.

Тела действительно не было. То, что мнило себя Шейдом, крохотной точкой висело в пустоте. В слабо мерцающей пустоте, похожей на виртуальщину. На какую-нибудь продвинутую сетевую область, где умелый мнемоник в состоянии обходиться без обязательной личины-субстрата.

Взрыв. Рядом с Шейдом вспухло алое, подернутое коричневыми прожилками облако. Шейд вздрогнул бы, если бы было чем.

Он не ощутил ни жара, ни ударной волны. Ничего. Только увидел вспышку. Одновременно Шейд сообразил, что видит не как человек – не направленно, а просто удерживает в восприятии всю сферу. Он мог пристально глядеть на постепенно увядающий огненный комок и наблюдать за шевелением отступившего тумана с противоположной стороны.

А потом зазвучал Голос. Голос, который Шейд уже слышал сегодня. Голос Камилла.

И Шейд вспомнил все. Легкий нажим на него, которому покорился с безысходностью бьющейся о стекло ночной бабочки. Тотчас явившегося боевика. Короткую поездку по Москве, офис за ремонтируемым холлом... И все. Больше ничего не вспоминалось.

– Шейд! Ты слышишь меня?

«А как ответить? – подумал Шейд растерянно. – Ведь у меня нет рта...» – Просто думай ответы. Я тебя слышу.

«А, ну да, как же я забыл! Камилл читает мысли...» – И это тоже, Шейд. Скоро я буду читать не только ваши мысли, но и читать в ваших душах. И даже вписывать в них что-нибудь – то, что пожелаю.

«В чьих – ваших?» – не понял Шейд.

– В душах всех, кто находится в Сети.

«А разве это возможно?»

– Пока нет. Но я знаю, как это осуществить...

«Зачем?»

Камилл рассмеялся – как типичный кинозлодей.

– Затем, что это дает ВЛАСТЬ.

«Власть? Ты собрался захватить власть над Сетью?» – Нет, Шейд. Бери выше. Я собрался СТАТЬ Сетью. И ты мне будешь помогать, потому что другого выхода у тебя просто нет.

Огненная вспышка окончательно сошла на нет, а в

несуществующих ушах Шейда таял вкрадчивый голос Камилла: «Я собрался стать Сетью...» И Шейду вдруг стало невыносимо тоскливо, неуютно и страшно, но он не мог даже заплакать.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

Энди Трушин явился, как всегда, внезапно и с треском. Аурел сидел в этот момент перед компом, но без мнемодоступа. Просто глядел в голокуб и читал какие-то малоинтересные новости.

Крошечная плоская фигурка вдруг отклеилась от верхней кромки куба, раздулась, обретая объем, а секундой позже стало ясно, что это крохотный Энди Трушин в полосатом халате. В руках Энди держал продолговатый светлый лоскут. Держал на манер парашюта-крыла (но Аурел не знал, что такое парашют) и медленно планировал на нем к нижнему срезу изображения. «Приземлился», встал на ноги и развернул над головой свой лоскут. Сразу стало понятно: это транспарант наподобие тех, что таскают к официальным конторам протестанты-демонстранты. Транспарант гласил: «Это я, Эндичка!» – А то я не вижу, – пробормотал Аурел; рефлекторно он потянулся к мнемоюстам, небрежно брошенным справа от голокуба, но тут же сообразил, что находится дома и ничьи посторонние глаза не смотрят, как он пойдет в Сеть. Даже Тири не смотрит, Тири в ванной. Но от нее скрываться Аурел, конечно же, не стал бы.

Привычным усилием он скользнул в Сеть. Глаза широко распахнулись, пальцы легли на клавиатуру, а мозг впитал в себя небольшую часть Сети. Для начала – личный холд.

Энди уже приплясывал от нетерпения на знакомой лужайке-полянке.

– Привет! Слушай, совсем нет времени! – возопил он. – Удобный момент для перехода! Запоминай адрес: Сидоровича, двадцать семь, у Зелёного рынка. Комната двенадцать, там будет парень по прозвищу Кипа, он вас и переправит. На все двадцать минут. Управитесь?

– Собраться же надо! – взмолился Аурел.

– Зачем тебе собираться? – Энди досадливо отмахнулся. – Не в командировку едешь. Бритва и зубная щетка тебе ни к чему.

– Тири моется!

– Как хочешь, – прошипел Энди, – но чтобы успели! Все, время пошло!

Аурел, чертыхаясь, полез из виртуальности в нормальный мир. Зрачки скачком сузились, словно среагировали на внезапно вспыхнувший свет; расслабились напряженные кисти. Помотав головой, Аурел приподнялся в кресле, опираясь руками о подлокотники, и только потом встал на ноги. Кресло медленно откатилось на полшага назад.

– Тири! – крикнул он. – Полундра!

Дверь в ванную была приоткрыта.

– Заходи, – донеслось изнутри.

Аурел только заглянул. Над ванной вздымалось облако белой с просинью пены; из пены торчала мокрая голова девушки. Редкий случай, когда Тири сняла очки.

– Энди объявился! Мы уходим немедленно. Через двадцать минут нужно быть у Зелёного рынка.

Тири не стала задавать ненужных вопросов. Спокойно и без суеты, самым обыденным тоном она сообщила:

– Я буду готова через пять. Заводи мотоцикл...

Аурел кивнул и затворил дверь.

Она действительно вышла спустя пять минут. Свежая и розовая лицом, но с совершенно сухой головой, благо Тири не любила длинные прически, предпочитала короткую, почти мальчишечью стрижку. Джинсы, клетчатая рубашка, безрукавка, на ногах легкие монтреевские ботиночки. Даже сумки нет.

И, разумеется, очки-звездочки на положенном месте...

Она не спешила попусту, и Аурел любил ее и за это тоже. Подошла, уселась позади и негромко сказала:

– Поехали.

«АйБиЭмка» рванулась с места, словно пала с высоты. Они вынеслись из переулка, как болид спятившего пилота, и с ходу вписались в автопоток, уводящий к площади Завгороднего и дальше, в сторону «Зонул Сенсера».

Аурел знал, как Тири не любит опаздывать. Да и сам он не любил опаздывать.

Тем более именно сейчас, когда спешишь на помощь самому себе.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

Мрачный гориллоподобный субъект заехал за Баем около полудня. Зеленодольск большей частью еще спал – в этом городке

жизнь пробуждалась только ближе к вечеру и продолжалась до самого рассвета. Местная специфика...

Бай, к счастью, уже не спал и даже успел проглотить свежеподжаренную яичницу. Субъект сказал, что времени мало, а к сумеркам они должны добраться до соседнего городка.

Перед лачугой, в которой обитал Бай, притаился на дасфальте серебристый, словно хромированный «Текрам». Модель позапрошлого года, но можно было смело предположить, что скорости этот мощный автомобиль отнюдь не утратил.

Так и оказалось. С места «Текрам» притопил так, что Бая втиснуло в глубины кресла и освинцевало секунды на три. Потом стало полегче, скорость стабилизировалась в районе ста восьмидесяти, и ускорение сошло на нет.

– Ого, – оценил Бай. – И это по городу?

В следующую секунду он понял ненужность своего вопроса: горилла свернул на улицу, которая прямиком выводила на объездную трассу, а объездная, в свою очередь, втекала непосредственно в перегон.

– Меня зовут Геродот, – зачем-то сообщил гориллоподобный.

Бай иронически хмыкнул.

– А почему именно так? – поинтересовался он. – В честь кого?

– Не знаю, – ответил Геродот. – Я даже не знаю, кто таков настоящий Геродот. По-моему, какой-то древний историк из-за барьера.

Бай усмехнулся. Прозвище было забавным – применительно к человеку, которому более всего подходила роль охранника или телохранителя. Исходя из внешности. Впрочем, лицо и особенно глаза Геродота несколько портили образ типичного громилы. Лицо Геродота выглядело лицом безоговорочного интеллигента, а глаза выдавали недюжинный ум. Кроме того, Бая очень порадовало отсутствие непременных атрибутов настоящих громил – цепей на шее, перстней, татуировок...

– Я – Бай, – представился Бай, отвлекаясь от размышлений.

– Знаю, – невозмутимо сказал Геродот. – Меня ведь за тобой откомандировали...

"Точно, с мозгами парень, – подумал Бай с уверенностью. – Обычный тупой охранник в этом случае непременно сказал бы не «откомандировали», а «послали».

Геродот лихо вписался в плавный изгиб перед объездной и заметно прибавил скорости. Минут черед десять объездная, описав очередную плавную дугу, воссоединилась с главной транспортной артерией этого мира. С перегоном. Практически прямой трансконтинентальной трассой протяженностью в миллион километров. Зеленодольск располагался несколько

ближе к западному побережью, к Сити. Цель их с Геродотом – соседний городок, именуемый Таруса, отстоял от Зеленодольска на четыреста с лишним километров в глубь континента.

– Энди сказал, – не отрывая взгляда от трассы, спросил Геродот, – что ты родом из-за барьера. Это правда?

– Правда, – вздохнул Бай. – Из того самого мира, где когда-то жил настоящий Геродот.

– Ух ты! – обрадовался собеседник. – А он правда был историком?

– Правда. Жил, если я правильно помню, примерно две с половиной тысячи лет назад. В Греции. Древней, разумеется.

– И как там? В вашем мире, я имею в виду, а не в Древней Греции.

Бай неуверенно пожал плечами:

– Ну... Паршиво в общем-то. У вас больше свободы. Не зря же я решил тут остаться?

– Больше свободы? – не понял Геродот. – А поподробнее можешь объяснить?

– Попробую. – Бай вздохнул. – Понимаешь, наш мир гораздо меньше, а людей там живет намного больше. Соответственно всего на всех не хватает. Поэтому у нас есть горстка людей, у которых имеется все, а остальные люди делятся на две примерно равные части. У одной части имеется лишь кое-что, у второй ничего нет вообще. У нас можно всю жизнь горбатиться и не заработать даже на жилье. В общем... тускло там. И безнадежно. А тут ведь государства нет в обычном понимании. И воевать не с кем и не за что. И заработать куда легче, особенно если что-нибудь умеешь.

– А ты что-нибудь умеешь? Впрочем, что это я? Если ты нужен Энди, значит, ты компьютерщик. Причем не из плохих. Я угадал?

– Угадал.

– А не боязно снова возвращаться за барьер? Вдруг не получится вернуться?

Бай снова пожал плечами:

– Ну, боязно, конечно... Только меня туда все равно тянет. Знаешь, родина – это все-таки не пустой звук. Да и маму охота повидать, друзей... Я ведь оставался с мыслью, что буду иногда мотаться в Москву. Иначе вряд ли остался бы.

– Понятно, – кивнул Геродот. – Порулить не хочешь?

– А доверишь?

– Отчего же не доверить? – Геродот хмыкнул. – Садись...

Бай впервые оказался за рулем «Текрама». Странное это оказалось ощущение – скорость на этой машине чувствовалась совсем иначе, чем на колымагах вроде «Мицуми» или

«БиТиСишек», на которых приходилось ездить Баю. Лучшим из автомобилей, которые Бай водил, оставался «Меморекс». Но куда ему было до «Текрама»! Бай только успел подумать: «А не дотянуть ли до двухсот?», мельком взглянул на спидометр и с некоторой оторопью обнаружил на жидкокристаллическом экранчике с данными цифру «230». И чувствовалось, что для «Текрама» это далеко не предел. Почти физически чувствовалась под колесами укатанная твердь перегона.

– Ыхх! – с восторгом сказал Бай и утопил до отказа педаль акселератора.

«Хоть бы встречных машин не было подольше...» – подумал он с надеждой.

Дорога с тихим шелестом уходила под колеса, и Баю показалось, что это поет сама Скорость.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

Гудел неподалеку Зелёный рынок; Аурел оставил мотоцикл на стоянке, взял Тири за руку и повел к перекрестку. Они уложились в семнадцать с небольшим минут. Чтобы дойти до Сидоровича, двадцать семь, у них оставалось еще минуты две.

Некоторое время назад Аурел осознал: чтобы никуда не опаздывать, достаточно никогда не спешить. На первый взгляд парадоксальное и нехитрое правило до сих пор его не подводило. Сторонний наблюдатель вряд ли заподозрил бы, что у этой парочки нет ни единой свободной секунды.

Дом двадцать семь – вход, дверь с гидропружиной. Небольшой холл, пальмы в дощатых кадках у стен, стойки с указателями. Комната двенадцать – вниз и налево. На нулевом уровне.

Они спустились по лестнице, вылизанной буквально до блеска. Коридор, сначала комната десять, потом двенадцать. На двери – табличка: «Операторская».

Аурел постучал костяшками пальцев и повернул круглую дверную ручку.

За дверью обнаружился уютный кабинетик с непременной пальмой, письменным столом, на который умудрились втиснуть сразу два терминала, и плотной темно-зеленой занавесью от потолка до пола напротив стола. За занавесью что-то отчетливо гудело, словно там трудился старинный обмоточный

трансформатор. У одного из терминалов клацал древней механической, с кликом, клавиатурой лохматый парень лет двадцати пяти. К карману его был пришпилен аккуратный бейдж с голограммкой, надписью «Ингресс-проект» и именем, а скорее – прозвищем: «КИПА». Все как и обещал Энди.

– Добрый день! – поздоровался Аурел.

Парень оторвал взгляд от голокуба; Тири ему просто кивнула. Колотить по клавиатуре парень не перестал. Аурел отметил, что мнемоюсты к терминалам не подключены – от двери хорошо виднелись все порты. Соответствующие разъемы вообще не были задействованы.

– Здрасте, – наконец поздоровался Кипа. – Минутку, я с Энди консультируюсь...

Аурел меланхолично притянул к себе Тири, прижался щекой к ее щеке и оцепенел.

Ждать так ждать. Всегда так бывает – сначала говорят, что за двадцать минут ты должен примчаться чуть ли не в другой конец Сити, а потом оказывается, что нужно подождать перед чьей-нибудь дверью или вот такой зеленой занавесью час-полтора. Ничего удивительного.

Однако Кипа управился подозрительно быстро. Буквально за пару минут.

– Так... – сказал он, отрываясь от терминала. – Так. Энди сказал, с мнемоюстами вы работаете свободно. Это правда?

– Правда, – подтвердил Аурел.

Собственно, что он, что Тири могли вообще обойтись без оных, но рассказывать об этом первому встречному-поперечному... Информация неполна, но правдива, как, собственно, чаще всего и бывает.

– Это хорошо. Все готово, связь стабильная, реципиенты по ту сторону барьера в зоне досягаемости. Можно начинать.

Кипа проворно вскочил и отодвинул правую половину занавеси.

– Прошу. – Второй рукой он сделал приглашающий жест.

За занавесью комната продолжалась. Разделена комната была примерно пополам, только по эту сторону располагался не стол с терминалами, а два кресла со знакомыми насадками, отдаленно похожие на стационарные фены в раздевалке любого бассейна. Еще имелась вертикальная стойка наподобие многопотокового хаба или концентратора.

– Садитесь, – пригласил Кипа.

– Минуточку. – Аурел машинально сжал ладонь Тири; они так и не разняли рук. – А в кого нас... э-э-э... подселяют?

– Не знаю, – беспечно отозвался Кипа. – Этим вопросом

занимался Энди. Только для него барьер – всего лишь малозначащая условность. А я туда заглядывать не умею.

– Да какая разница, Ури, – тихо сказала девушка. – Мы ведь ненадолго.

– Разница... Есть разница, – проворчал Аурел и покорно опустился в кресло. Тири уселась в соседнее. Краем глаза Аурел увидел, что продолговатая, похожая на половинку яйца шапка «фена» медленно опустилась ей на голову. А потом край такого же «фена» перекрыл обзор – в поле зрения остались только гнутые хромированные тяги да пучок разноцветных проводков.

«Елы-палы, – отрешенно подумал Аурел. – Во что я снова ввязался?» И тут же мысленно поправился:

«Не я, мы. Нас ведь двое теперь. Я и Тири».

С некоторых пор он находил эту поправку очень важной.

~#CONDITION: IMAGE COPYING

~#MODE: START

Голос Кипы долетел откуда-то издалека:

– Начинаем!

И началось.

Это было похоже на вход в Сеть, как умели Аурел и Тири, без мнемоюстов. Мимолетное ощущение потери тела, когда Сеть впитывает тебя. Когда чувства начинают воспринимать потоки данных. Когда монтируешься к шине и общаешься с машиной напрямую, в двоичном коде. Сознание и подсознание, конечно, подсовывают тысячи знакомых образов и ощущений, но какая-то часть тебя все равно знает, что происходит всего лишь быстрый обмен замысловатыми последовательностями нулей и единиц.

И не более.

Вот и сейчас Аурел ощутил себя в виртуальности – в гигантском трехмерном мегаполисе. Свет, полно света. Светятся и кубы серверов, и свечи роутеров, и пятна чужих холдов. Светятся подвижные пользователи, светятся передаваемые пакеты... Целое море света.

Аурела и Тири влекло куда-то вверх. Только здесь, в виртуальности, можно было насладиться полетом – реальный мир этого не позволял. Хотя Аурел знал: там, куда они направляются, с тяготением все обстоит совсем иначе, там люди активно строят многоэтажные здания без всяких компенсаторов и вовсю пользуются рукотворными летательными аппаратами. Похожими на обыкновенные автомобили, только размерами, как правило, побольше.

Мгла на некоторое время заволокла сознание, пришло ощущение короткого падения; а затем – с отчетливо отдавшимся в ушах щелчком Сеть выплюнула их.

~#CONDITION: IMAGE COPYING
~#MODE: FINISH
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY

Сначала Аурелу показалось, что в глазах двоится. Что он видит сразу две картинки. Одна – все та же перегороженная зеленой занавесью комната на Сидоровича, двадцать семь, с двумя креслами и хлопочущим у аппаратуры Кипой. Вторая – низкое сумрачное помещение, похожее на подвал, где вместо одной стены сплошная вязь не то газовых, не то водопроводных труб, а вместо противоположной – стойки с жидкокристаллическими девятнадцатидюймовыми экранами. В основном экраны были мертвы. Кроме того, в комнате имелись уже знакомые кресла, только их было гораздо больше, чем два. Больше даже полутора десятков.

«Фены» количеством два поднялись с головы Аурела. Аурел осмотрелся.

И понял, что его сознание продолжает вмещать чувства Аурела, который остался на Сидоровича, двадцать семь, но и начало улавливать все, что видит, слышит, обоняет и осязает еще один человек. Тот, кто находится в данный момент в незнакомом подвале. Надо полагать, где-то в Москве.

«Черт! – встревожился Аурел. – Что-то явно прошло не так, как намечали... Где-то сбой...» Он попытался встать; одновременно двумя телами. Одно (старое) оказалось пристегнуто к креслу и поэтому сумело лишь слегка приподняться, прежде чем приникнуть назад к широкой спинке. Второе неуклюже встало на ноги и тотчас рухнуло на пол, не сделав даже единственного шага.

Странно было ощущать боль лишь половиной сознания. Боль получилась мощная, полновесная – попробуйте с размаху впечататься в бетонный пол. Аурел-московский разбил нос, ушиб плечо и оцарапал ладони. Аурел-из-Сити, цел-целехонек, продолжал сидеть в кресле и недоумевать.

На соседнем кресле в Сити неподвижно полулежала Тири. Кажется, она была без сознания.

В Москве из соседних кресел по очереди встали четверо мужчин. Потом, через некоторое время, – пятый.

Аурел все это время пытался подняться, но ничего у него не получалось. Мешало первое тело, зафиксированное в кресле.

«Так, – скомандовал себе Аурел, когда легкую панику постепенно сменила здоровая злость. – А ну взял себя в руки! Сосредоточился, сконцентрировался на этой части ощущений!» Он внутренне напрягся, и – о чудо! – краски комнаты на Сидоровича, двадцать семь, вдруг поблекли, а ощущения

сидящего в кресле заметно ослабли. Аурел отрешился, совсем как на тренировке, от ненужных мыслей, концентрируя внимание на чем-то одном.

И дела сразу пошли на лад – ему удалось сесть вторым телом, нашарить в кармане джинсов носовой платок и утереть разбитый нос.

При этом Аурел-один не исчез окончательно, он сместился на периферию восприятия и удивленно оттуда взирал на действия Аурела-два.

– Эй, с тобой что-то не так? – спросил один из уже пришедших в себя после перехода спутников. Понятно, Аурел не узнал никого из пятерых, потому что никогда доселе не встречался с телами москвичей и не видел их лиц.

– Этот без сознания, – сказали из-за спины.

– Сейчас разберемся, – пообещал кто-то еще, тоже невидимый.

Теперь, когда Аурел знал, что и как делать, стало гораздо легче. Он еще надежнее заблокировал моторику Аурела-один и в качестве Аурела-два наконец-то встал во весь рост.

Тело Аурела-два оказалось примерно одного роста с родным; но весил москвич-реципиент на добрых пятнадцать килограммов меньше. Соответственно был более худощавым. К этому предстояло привыкнуть.

«Привыкну», – пообещал себе Аурел.

– Ты кто? – спросил самый заботливый из спутников. Тот самый, который первым обеспокоился состоянием Аурела.

– Аурел, – признался Аурел.

– Я – Злыдень, – назвался заботливый.

В этом мире Злыдень не был толстым. А был он крепеньким, как молодой гриб боровик, светловолосым пареньком лет двадцати.

– А я – Жмур, – не без уныния признался следующий.

Этот тоже мало напоминал настоящего Жмура, даром что носил бороду. Более всего прежний обладатель этого тела походил на еврея-проповедника. Рост – под два метра, черная, совсем не такая, как у настоящего Жмура, борода, старомодные очки с толстыми стеклами, черные костюм, шляпа и штиблеты и даже футляр от скрипки под мышкой.

– РусТех, – сказали из-за спины. Оттуда же, откуда и раньше.

Аурел обернулся.

РусТех-два напоминал не то бандита, не то боксера, не то спецагента в штатском. Невыразительное, совершенно незапоминающееся лицо; чуть свернутый набок нос. Рыжеватая прическа-ежик. Спортивный костюм, кроссовки. Не хватало

только полного рта жвачки, но вполне возможно, что ее РусТех выплюнул по прибытии.

– Бай, – зло сказал следующий. – Причем в теле Семецкого!!!

Невысокий лысоватый человечек с печальным взглядом. Похож на одного из погибших в баре Волицка ТПшников.

– А мне повезло, – сказал пятый. – Я в свое тело попал. Чен я. Во всех возможных смыслах...

«А Тири? – подумал Аурел с возрастающей тревогой. – Что с ней?» – Подружка твоя, кажись, без сознания, – сообщил РусТех.

Фраза его звучала так, словно он плохо прожевывал слова.

Аурел уже почти без усилий повернулся, взглянул и обмер.

В ближайшем кресле, чуть приоткрыв рот и закатив глаза, полулежал полноватый парень, небритый и непричесанный, в заношенных спортивных штанах когда-то зеленого цвета и дешевой клетчатой рубашке с закатанными до локтей рукавами. На ногах его «красовались» потертые чешки.

– Знакомьтесь, – буркнул из-за плеча Аурела Бай-Семецкий. – Это туловище у нас звалось Тигром. А теперь, насколько я понял, туда подселили подружку Аурела. Чем дальше, тем интереснее...

В этот момент Тири-Тигр шевельнулась (шевельнулся?) и встретилась взглядом с окружающими. Потом Тири посмотрела на торчащие из рукавов волосатые локти, мощные мужские кулачищи, судорожно сглотнула и снова отключилась.

– Беда-а... – протянул Злыдень. – Девку воткнули в тело мужика. Беда-а...

Аурел, забывший на какое-то время о собственных проблемах, с трудом подавил желание длинно и грязно выругаться.

***

!TASK 00
[OWNER: Andy Trushin (mind emulation)]

Аурел набросился на Энди, едва тот локализовался в пределах условленного холда. Точнее, не на холде даже, а на откупленном ко времени операции виртуальном чате. Чат имел статус инвайтного, то есть первый попавшийся пользователь присоединиться к нему не мог, а на промежуточных точках отследить их общение было трудно в силу того, что все пользовались кодировкой из родного, оставшегося теперь за барьером мира. На всякий случай Энди загодя написал и прикрепил к каждому кодировщику чат-клиента наспех слепленного демона, дабы попытку перекодирования отслеживать тут же.

– Ты в кого мою девушку вклеил! – заорал Аурел на не успевшего даже прилечь на травку Энди Трушина.

Энди сказал: «Хм!» и вальяжно умостился на лужайке. Малевать новые пейзажи ему было конкретно лень; к тому же валяться на виртуальной травке ему нравилось еще и потому, что отсутствовал риск подцепить соответствующие болячки. Энди помнил, что от валяния на травке бывает не то радикулит, не то ревматизм. А возможно, и воспаление легких. Но хорошего мало.

Аурел навис над ним, как поднятый в поле гравикомпенсатора груз. Остальные столпились поодаль, в том числе и двое нанятых москвичей.

– А в кого? – подпустив во фразу беспечности, ответил Энди. Вопросом на вопрос, как прожженный одессит.

Мимоходом он подумал, что Одесса в родном мире очень напоминала Одессу местную – южный приморский город, славящийся неповторимым колоритом. Колорит, говор одесситов и их неизменные шуточки позволяли предположить, что одна Одесса произошла от другой. Но какая от какой – теперь, верно, уже и не выяснишь.

– В мужика! – рявкнул Аурел.

– Ай, брось, – отмахнулся Энди. – Все равно вы больше времени в Сети проводить будете, а там она может, быть кем захочет.

Аурел от подобного заявления попросту оторопел. Приоткрыл рот и замер, как первоклассник, неожиданно повстречавший на улице настоящего живого слона.

– У меня не было времени искать женщину-реципиента. Я ведь не собирался тащить сюда твою Тири, она сама вызвалась. К тому же, если Камилл узнает о переброске, он будет в первую очередь искать вашу парочку. А так – обломается Камилл!

Чувствовалось, что Аурел многое хочет высказать Энди Трушину. Но то ли беспечный тон Энди, то ли известная логика в его словах заставили Аурела промолчать.

«В самом деле, – подумал Энди. – Ну какая разница – в чьих они тут телах? Разве что трахаться вряд ли захотят, раз оба мужики...» – Ладно. Первым делом вам нужно где-нибудь обосноваться в Москве. Причем лучше вразнобой. Ты, – Энди обратился к Чену, – вроде устроен. У себя можешь. Ты, Бай, по идее должен знать, где живет Семецкий.

– Знаю, – сердито вздохнул Бай. И добавил словно бы внутрь себя: – А ты вообще молчи!

По-видимому, он общался с Семецким.

– Ну а остальным придется жилье снимать. Лучше подальше от центра, в спальных районах. И желательно подальше от метро. Я тут счетов наоткрывал... Держите доступ. На первое время должно хватить...

Энди принялся метать подельщикам матовые шары с цифровыми кодами к кредиткам. Их впитывали выброшенными навстречу ладонями.

Это было похоже на неправильный баскетбол.

– Обустроитесь – выходите на связь. Куда идти, вы все знаете... Все пока.

Энди, вдруг ставший похожим на фокусника, громко хлопнул в ладоши, и всю команду враз выбросило за пределы холда. И вообще выбросило из Сети.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

Было слышно, как где-то невдалеке размеренно капает вода.

– Здравствуй, Москва, – буркнул с высоты новообретенного роста Жмур и оглядел неприветливое помещение. – Ну что, потопали?

Аурел со смешанным чувством посмотрел на свою спутницу. Или спутника – поди теперь разбери!

– Тири... – тихо сказал он.

Тот, в ком теперь жила его любовь, сердито поскреб щеку и

сказал:

– Знаешь что? Зови меня Тигри, если уж на то пошло. И давайте поскорее справимся с этим чертовым делом, чтоб можно было спокойно вернуться. Давайте?

– Давайте, – согласился Чен. – Сема… в смысле, Бай, пойдем, наверное, в контору. Надо народу денег немного обналичить да по объявлениям пошерстить.

– Разумно, – согласился Бай. – А где мы, кстати, находимся?

– Понятия не имею. Хотя стоп, я же сюда недавно приехал. Э-э-э… На Рязанке мы, недалеко от эстакады. Во дворах.

Видимо, не только у Аурела двоилось восприятие.

Они выбрались из подвала; у самого выхода встретился угрюмый субъект в промасленной робе. В руках субъект вертел позвякивающую связку ключей.

На прощание он не ответил – просто запер за всеми дверь.

Москва встретила их тусклой промозглой сыростью. Дом, в подвале которого они финишировали, выглядел таким же грязным и неопрятным, как и недавний подвал. Да и окрестные дома выглядели не лучше. Где-то невдалеке шумело шоссе, и судя по звукам, движение там было весьма плотное.

Аурел уже знал, что Москва поразит его многоэтажностью. Вопреки ожиданиям ничего особенного он не ощутил: в Зонул Сенсера он видел дома и повыше.

«Может, хоть от неприятия высоты отучусь, – подумал он. – Тоже ведь польза…» Аурел родился и вырос в горах Южного Пояса и был одним из немногих, кто (помимо жителей Сити) знал страх высоты.

Реальный страх. Для него все, что выше двух человеческих ростов, означало близкую смерть.

Но здесь все не так.

Первое, чем поразила Аурела Москва, – количеством людей, строений и автомобилей. Если по выходу из подвала дворы еще нельзя было назвать людными, то когда они вышли к шоссе и поймали двух частников, стало по-настоящему неуютно. А когда помчались сквозь огромный индустриальный район, на каждом перекрестке Аурел видел толпы, несметные толпы спешащих куда-то людей.

Наверное, этот мир был заселен куда более густо, чем представлялось с самого начала. И он был потрясающе тесен – дома стояли впритык, громоздились друг на дружку, льнули один к одному, совершенно не оставляя свободного пространства. Город предстал перед пришельцами из-за барьера тесным и удушливым, как муравейник.

Впрочем, он таким и был уже много лет.

За время, пока ехали от финишного подвала в офис фирмы «ТП», успели бы проехать добрый десяток городков, подобных Сити. Десятка два зон высадки, вдоль и поперек. А Бай, печально вздохнув, сказал, что они переместились не так уж и далеко – с Рязанского проспекта на Сокол.

Офис ТПшников располагался чуть в стороне от людного проспекта, на одной из боковых улиц. Было зелено: высоченные деревья росли там и сям, заслоняя унылое серое небо. Небо было похоже на объем голокуба, настроенного на пустой канал. Такое же зернистое, подернутое мелкой рябью облаков. На фоне серого неба и мокрого черного асфальта растительная зелень выглядела неправдоподобно яркой и свежей. А на Рязанке, там, где Москва впервые явилась взгляду Аурела, деревья показались чахлыми и больными.

С водилами-грачевщиками расплатился Чен. Единственный, у кого нашлись внятные деньги.

– Входите. – Бай первым поднялся на невысокое крылечко и распахнул входную дверь.

Рядом с дверью на стене виднелась табличка: «Институт коммунального хозяйства».

– Бай, – обратился к помеси двух аборигенов Тигри. – А одежду где здесь купить можно? Есть магазины?

– Есть. А что?

– Даже если я временно мужик, – зло сказал Тигри, – в обносках я ходить не собираюсь.

Одежда Тигра и впрямь изысканностью не блистала. Единственное ее достоинство – она была чистой.

– Потерпи, – просительно выдохнул Аурел. – Обустроимся, только потерпи немножко.

Он не знал, как держаться с подругой, по капризу момента угодившей в мужское тело. Не знал и от этого злился. По-прежнему.

Фирма «ТП» занимала в институте несколько комнат в правом крыле подвала.

«Снова подвалы, – подумал Аурел, спускаясь по выкрашенной в красно-коричневый цвет каменной лестнице. – Здесь нечего бояться высоты, но все равно люди стремятся под землю. Странно. Очень странно».

В офисе нашлось все – и приличные терминалы, и диван, и пара кресел, и электрический чайник на низком столике, и даже литровая бутылка водки в сейфе.

Чен первым делом полез за ней.

– Не знаю, кто как, – объявил он, – а у меня мысли двоятся. Надо бы для успокоения тяпнуть...

– Закуси нет, – тихо буркнул Бай из кресла. Чен подозрительно на него покосился:

– Это кто говорит? Ты, Бай? Или Сема?

– Угадай с трех раз, – фыркнул тот. – Я, кстати, тоже не люблю без закуси, не только Сема.

– Так сходить надо, – пожал плечами Злыдень. – Я могу. Только не знаю куда.

– Щаз, кредитки оформим – и слетаем. Но по первой можно и так, – предложил Чен. – Тем более вот минералочка есть. Кто привередливый – запивайте.

Чен сноровисто, экономными одинаковыми движениями наполнил семь пластиковых стаканчиков.

– Мне непол… – начал было Тигри, но осекся на полуслове. – Хм… А впрочем, ладно. Надеюсь, ваш приятель пил водку наравне со всеми.

– Даже лидировал обыкновенно! – заверил Бай. – Меня с Семой так точно обгонял.

– Ну, – вздохнул Чен, – поехали!

И одним глотком опорожнил стаканчик.

Аурел как раз запивал свою долю (водка оказалась на редкость забористой), когда дверь офиса распахнулась и на пороге возник средней статуры бородатый человек во влажном плаще и тронутых мокрой пылью туфлях. Голова у него тоже была влажная; капельки воды отсверкивали в чуть вьющихся жестких волосах.

– День добрый, коллеги, – поздоровался он, с некоторым удивлением разглядывая гостей. – В Медведково льет, блин, как в феврале! И мне налейте…

– Это Син, – шепнул Аурелу Байкалов. – Настоящий. Московский.

И пересел за терминал. Он явно собирался заняться кредитками.

В общем, литр ушел без всякой закуси. Аурел почувствовал приятную расслабленность; ощущения оставшегося дома двойника постепенно тускнели и сходили на нет. Он оставался один на один с новым миром – один на один, несмотря на то, что играть предстояло в команде.

Гости по очереди садились за терминал и вводили коды; Бай только успевал выщелкивать из пластиковой кассеты новехонькие кредитные карточки с еще девственно-чистой рабочей полосой. Чен с соседнего терминала влез на сервер биржи жилья и копался в разделе «Сдаю». РусТех стоял рядом и с интересом изучал новую для себя аппаратуру и новый софт, новый вплоть до операционки. Злыдень и Жмур, подозрительно поблескивая

глазками, выспрашивали у Синицына координаты ближайшего магазина, а Тигри, уронив голову на руки, а руки – на столешницу, застыл за угловым столом, на котором не было даже терминала, только древний конторский калькулятор неизвестной Аурелу фирмы CITIZEN.

«Москва, – мысленно вздохнул Аурел. – Чужой мир. Подумать только...»

***

!TASK 08
[OWNER: Shade]

Камилл появился вновь очень не скоро. Впрочем, у Шейда не было возможности контролировать время – он был заперт в пределах тесного холда, запароленного на уровне системных запросов. Единственное, что ему удавалось сделать, – это метаться по секторам и бегло просматривать содержимое. Некоторые программы даже запускались – большей частью примитивные двухмерные игрушки вроде пасьянсов или геометрика. А отслеживать время, находясь в Сети, Шейд не умел. Когда он занимался привычным ломом, предварительно всегда крепил к себе таймер, поэтому проблем не возникало. Здесь же доступ к системному времени был надежно заблокирован.

Шейд то метался по холду, то впадал в дремотное оцепенение, то тупо раскладывал очередной пасьянс, то пробовал гадать на тех же картах. Неизменно выпадали крутые хлопоты в казенном доме.

Голос, как и в прошлый раз, прозвучал неожиданно.

– Шейд!

Шейд встрепенулся.

– Камилл?

– Не соскучился?

– Соскучился, – осмелился признаться Шейд. Конечно, он соскучился вовсе не по Камиллу. Просто одиночество и неопределенность успели накалить его тревогу до запредельного состояния.

Камилл оглушительно захохотал, словно кондовый мультяшный злодей. Это неожиданное сходство с заезженным ширпотребовским стереотипом неприятно поразило Шейда – поразило в самое сердце.

– Когда ты меня отправишь? – жалобно спросил он. – Я домой хочу. Я сделаю все, что ты попросишь, только поскорее...

– Не попрошу, – жестко поправил Камилл, – а прикажу. Разницу уяснил, Шейд?

Столько в голосе Камилла было напора и силы, столько угрозы, столько мощи, что Шейд тотчас сник:

– Уяснил...

– Молодец, Шейд. Ладно, слушай. Говорят, ты умелый хакер. И при этом умный. Не образованный, не натасканный, не адванснутый – просто умный. Ты знаешь, в чем разница. Ты не ломаешь просто так, ради удовольствия. Ты относишься к лому исключительно как к работе и лишний раз ни за какие ковриги не пошевелишь пальцем. Именно такой исполнитель мне и нужен.

Камилл сделал паузу; нарушить молчание Шейд, конечно же, не осмелился.

– Нужно найти в Сети одного ловкача... Найти и прижучить. Думаю, тебе это по силам. Найдешь?

– Найду... – пробормотал Шейд. – Только... Из дома мне было бы легче...

– А ты и есть дома, – хмыкнул Камилл. – Ты ведь в Сети.

Шейд долго молчал. Камилл, кажется, ожидал вопросов. Когда тишина стала особенно тягостной, невыносимой, Шейд все же решился нарушить ее:

– Скажите... А почему бы вам не отослать за этим ловкачом своих людей? Хотя бы того, который привез меня? Скрутили бы ему руки. Или сразу шею, если конечная цель такова...

– Потому что этот ловкач больше не существует в реале. Как и ты, впрочем. Понимаешь, что это значит?

– Нет, – честно признался Шейд.

– Тот парень, которого я ищу, в реале убит. Но его сознание сохранилось в Сети, и оно ведет себя как обычный юзер с мнемодоступом. Только покинуть Сеть сознание не может – оно обречено на существование исключительно здесь, в виртуальности. Ему некуда выходить. С тобой та же история, только ты пока не убит. Я могу вернуть тебя в тело, но не раньше, чем ты поймаешь моего ловкача. И у тебя есть трое суток, не больше, иначе в мозгу начнутся необратимые изменения, и тело погибнет. А ты соответственно останешься здесь. В Сети. Так что на твоем месте я поторопился бы...

Шейд ошарашенно слушал откровения Камилла. Своего новоявленного диктатора. Трое суток. А потом...

«А что потом? – с неожиданной злостью подумал Шейд. – Что потом? Смерть? Я и так живу лишь в Сети. Нужно оно мне, это жирное и инертное тело, вечно получающее по морде у собственного подъезда? Тело, которое нужно кормить, которому нужно ежечасно посещать сортир, которое болеет и когда-нибудь

начнет стариться... Черт бы его побрал...» Если бы Шейд умел читать мысли Камилла, он бы понял, что Камилл испугался. Ненадолго, всего на мгновение, а может, и меньше. Но Камилл определенно не учел, что желание воссоединиться со своим телом у Шейда может оказаться отнюдь не таким горячим, как ожидалось. Камилл вообще не задавался подобным вопросом: само собой разумеющимся представлялось инстинктивное цепляние разума за бренную оболочку. И вдруг – такой поворот!

Но Камилл быстро нашелся.

– Трое суток, – отрезал он сухо. – Тело твое погибнет, а тебя я попросту сотру. Вот так...

Перед несуществующими глазами Шейда побуквенно вспыхнула белесая одиночная строка:

~#mv shade/dev/null

Вот этого Шейд действительно боялся. Он так много времени проводил в Сети, что в какой-то момент стал больше отождествлять себя с сознанием, нежели с телом. Но потерять сознание, потерять себя... Закончиться как личность, угаснуть в бескрайнем мраке...

Этого боятся все, независимо от того, думают ли они о сознании или же о теле.

Это – Смерть. То, что ждет всех, и то, о чем большинство старается думать как можно реже.

– Я согласен, Камилл, – прошептал Шейд. – Я согласен. Кого нужно найти? Давай я займусь этим сейчас же, раз времени так мало.

– Его зовут Энди Трушин. Вот адреса его почтовых ящиков в нашей Сети...

Камилл, сам по-прежнему оставаясь невидимым, вбросил в пределы холда несколько адресных строк, издалека похожих на слабо мерцающие лампы дневного света.

– Он что-то затеял, как мне кажется. Садись ему на хвост и отслеживай по возможности все доступы. Ни во что не вмешивайся. Только следи. Я хочу знать, куда он ходит в Сети? С кем встречается? Что его интересует? Ты понял?

– Понял.

– Приступай...

И на Шейда свалилась еще одна строка. С вожделенным паролем.

Он схватил ее наперевес, как огромный ключ, белую и сверкающую, разом взмыл к выходу из каталога-холда и с размаху вогнал меж двух точек. Холд лопнул, словно яйцо, выпускающее в мир новорожденную жизнь. Отовсюду хлынул свет, а наверху стал виден радужный тоннель сетевого доступа и смутные очертания

большого, похожего на исполинский решетчатый куб сервера вдали.

– Помни, – сказал Камилл. – Даже если ты шатаешься черт знает где, личность твоя записана все равно здесь, на моем диске. Одна-единственная команда – и тебя нет. Нужный скрипт уже наготове.

– Я помню... – беззвучно прошептал Шейд.

Впервые он уходил в Сеть без личины. Лишь эфемерное колышущееся облачко скрывало продолговатые коконы с адресными строками, и ничто на первый взгляд коконы между собой не связывало.

Шейд умел паковать информацию в удобный и приемлемый для сетевых работ вид.

«Ну, – подумал он. – За дело...»

– И не ошибись, – накатил откуда-то сзади знакомый льдистый голос.

Накатил – и истаял.

***

!TASK 01
[OWNER: Zlyden&Zhmur]

Квартиру Жмур и Злыдень сняли у черта на рогах – в Бирюлево. Рядом с кинотеатром «Керчь». В ошеломительно высоком многоподъездном доме, стоящем торцом к проезжей части. Хорошо еще, что квартира искомая располагалась всего лишь на втором этаже. Не пришлось давить на собственные нервы, выглядывая в окно, и карабкаться в немыслимую высь по тесной, вызывающей острые приступы клаустрофобии лестнице.

Злыдень ведь большую часть жизни провел в Еланце, небольшом городке при перегоне. А в небольших городках не бывает высотных зданий, это удел Сити и зоны высадки. Редко какой городишко на огромном континенте родного мира мог похвастаться двухэтажным зданием.

В глазах Аурела, когда разъезжались, Злыдень прочел то же замаскированное замешательство. Лично ему, Стасу Шиманскому по прозвищу Злыдень, больше всего били по естеству две вещи: несметные толпы на улицах и прорва высотных зданий.

До Бирюлево ехали, казалось, целую вечность, то и дело застревая в обширных пробках. Зато когда появлялась возможность – таксист гнал так, что дух захватывало. Словно по перегону. Но по перегону гнать – милое дело, трасса широкая,

гладкая и пустая. Если одна-две машины навстречу за час попадутся – считай, движение плотное. А тут...

В общем, Злыдень со Жмуром не могли дождаться финиша. Чтобы набить как следует холодильник, распаковать и установить свежекупленные терминалы и надолго ухнуть в Сеть. На поиски скользкого и неуловимого противника. Камилла.

Того, кто заставил бояться и убегать.

Ведь лучшее средство против страха – устранить причину, его порождающую.

Соседи лениво глазели, как они таскают на второй этаж картонные коробки с аппаратурой.

После простора и роскоши берлоги Злыдня эта двухкомнатная клетушка казалась вопиюще тесной. Впрочем, Злыдень уже понял, что этот мир населен непростительно плотно.

«Ну и фиг с ним, – подумал Злыдень с легким раздражением. – Хватит уже удивляться...» Пока ввергли терминалы в рабочее состояние и оттестировали систему, за окнами начало темнеть. Под пристальным взглядом Жмура Злыдень стянул мнемоюсты с висков, задумчиво почесал непривычно плоское пузо и многозначительно вопросил в пустоту:

– А что обыкновенно делают после апгрейду? Или, скажем, установки нового железа?

– Пьют пиво, – с готовностью подсказал Жмур и алчно пошевелил бородой.

Злыдень фыркнул:

– Мы ж днем водку жрали.

– Ну и что? – беспечно спросил Жмур. – Выветрилась давно. Особенно после этих... погрузочных работ.

– Ну, лады. Пошли, что ли, съестного наберем.

– И пива! – добавил Жмур ревниво.

– Разумеется, друг мой, разумеется! И пива тоже. Тем более что местного мы до сих пор не пробовали.

В ужасающе узком коридоре они облачились: Злыдень в кожаную куртку и ботинки на рифленой подошве, Жмур – в длинный черный балахонистый плащ, черные туфли и черную широкополую шляпу. Кроме того, Жмур взял с собой футляр от скрипки.

– Слушай, – спросил его Злыдень, когда спускались по лестнице. Подальше от перил спускались, у самой стеночки... – На фига ты скрипку с собой таскаешь?

– Это не скрипка, – вяло объяснил Жмур и глубоко вздохнул. – Неуютно мне без нее, понимаешь?

Злыдень только загадочно хмыкнул.

Болтая о том о сем, они добрели до ближайшего супермаркета – нормального, большого и низкого, одноэтажного и оттого кажущегося потрясающе родным. Накупили еды и пива. Еды – ленивой: либо готовой, в вакуумной упаковке, либо быстро готовящейся, вроде пельменей. Пива набрали всякого, от тверского «Афанасия» до шестой «Балтики», черной и плотной, как деготь. С руками, полными пакетов, отправились в обратный путь.

Группа стриженных наголо подростков перехватила их перед самым подъездом свежеснятой квартиры.

– Вот они, – неприветливо буркнул один, худой, как вобла, и прыщавый. Глаза у него бегали, словно у пойманного на горячем рыночного жульмана.

– Ага, – отозвался другой, коренастый и крепко сбитый, с квадратной челюстью и впечатляющими надбровными дугами.

Злыдень машинально опустил пакеты под ноги. Краем глаза он видел, что Жмур сделал то же самое и теперь сдергивает с плеча скрипичный футляр.

Стало тревожно и неуютно, потому что вид у подростков был однозначно недобрый и насчитывалось их ажно семеро. Но неожиданно Злыдень осознал, что страшно только ему, Злыдню, пришельцу из-за барьера. А хозяин нынешнего тела, доселе тихо отсиживавшийся где-то в глубине серого вещества, выныривает из тени, и от хозяина истекает веселая злость и не менее веселая уверенность в своих силах.

– Эй, длинный! Ты жид? – угрюмо поинтересовался подросток-вожак. – Фигли ты Россию продал, а, жидяра?

Жмур аккуратно опустил футляр рядом с пакетами, спрятал во внутренний карман очки и снял шляпу.

Подростки атаковали стремительно и синхронно, как крысы. Наверное, вожак подал им какой-нибудь незаметный со стороны сигнал.

С некоторым изумлением Злыдень вместе с оживившимся партнером по телу принял первого из атакующих на носок ботинка, молниеносно увернулся от чьих-то кулаков и хищно ударил. Раз, другой. Рядом порывисто двигался Жмур, тоже рассыпая удары, только не руками-ногами, а непонятной гибкой палкой, которую, наверное, вытащил из футляра.

Все заняло секунд восемь-десять. По истечении этого времени агрессивная местная молодежь полегла на мокрый асфальт, щедро оросив его собственной кровью. Потери гостей из-за барьера ограничились разбитым кулаком Злыдня.

– Ух ты, – с легкой растерянностью сказал Жмур и ловко крутнул своим оружием. Теперь Злыдень рассмотрел, что снаряд

его состоит из трех круглого сечения палок длиною сантиметров по сорок и диаметром сантиметра три-четыре, скрепленных торцами, как связка сосисок. Орудовал ими Жмур с убийственной сноровкой.

Вопреки ожиданиям, зевак стычка не привлекла, наоборот, окружающие мгновенно куда-то попрятались и исчезли. Но в окна пялились со жгучим интересом. Наверное, эта когорта недорослей успела нагнать изрядного страху на аборигенов.

– Вот паршивцы! – воодушевленно сказал Злыдень и сердито пнул ногой ближайшего. Тот даже не пикнул.

– Пойдем-ка. – Жмур уже спрятал в футляр свое орудие, надел шляпу и теперь подхватывал с асфальта опрокинутые в пылу схватки пакеты.

Злыдень последовал его примеру. Отперев кодовый замок подъезда, они нырнули в спасительную темноту: лампочки в подъезде по местной традиции не горели.

Под взглядами любопытствующих жильцов Злыдень почему-то напрягся. Не хотелось ему торчать на виду, словно актеру на освещенной сцене.

Дома они кое-как запихали покупки в холодильник и, не сговариваясь, залпом осушили по бутылке пива.

– Жмур, – тихо поинтересовался Злыдень чуть погодя. – Ты дома... это... драться умел?

– Не особо, – признался Жмур неохотно.

– А я вообще не умел.

Жмур нервно тискал бутылку.

– Что же получается? – рассуждал Злыдень. – Ребята, в которых нас подселили, явно не дурни подраться. Интересно, Энди об этом знал?

– Думаю, знал, – отрывисто сказал Жмур. – Думаю, что он таких специально выбрал. Потому что нам предстоит не просто охота, а охота на рыбу крупную.

– Почему ты так думаешь? – поинтересовался Злыдень.

– Потому что у меня в футлярчике, кроме палок, еще кое-что есть, – пояснил Жмур и откупорил вторую бутылку.

– Что?

Вместо ответа Жмур сходил в коридор и принес то, что для всех остальных выглядело вместилищем безобидного музыкального инструмента. Принес и открыл.

На вишневом бархате, помимо аккуратно сложенных палочек-сосисок, в специальных углублениях лежали два больших черных пистолета и рядом – по запасной обойме. Что-то подсказало Злыдню – это не пугачи и не муляжи какие. Это самые настоящие пушки. Заряженные боевыми.

– Знаешь, Злыдень, – тихо сообщил Жмур, – я нисколько не сомневаюсь, что умею ими пользоваться. И должен тебе сказать еще кое-что.

Жмур нервно хлебнул пива и продолжил:

– Я совершенно отчетливо сознаю, что Жмуру из-за барьера сейчас должно быть страшно. Страшно и тревожно. Но мне сейчас не страшно. Совсем. Я не боюсь. Я знаю, что я – сильный. Что я сумею...

Голос Жмура сорвался, наверное, от легкого волнения. Он махнул рукой и снова присосался к бутылке.

– Черт, – пробормотал Злыдень. – Мысли ты, что ли, читаешь? Я ведь примерно то же самое ощущаю, только сформулировать до сих пор не мог.

– Знаешь, что это напоминает? – утерев пену с усов и бороды, спросил Жмур. – Апгрейд. Наращивание мощностей. Расширение возможностей старой тачки...

– Или, – подхватил Злыдень, развивая неожиданно вспыхнувшую мысль, – расширение стандартных функций. Жмешь контрол-функция и получаешь что-нибудь новенькое. А?

– Вот-вот, – подтвердил Жмур. – Энди нас расширил. К умению хакеров добавил умение бойцов реала. И мне это, черт возьми, нравится.

– Мне тоже, – тихо признался Злыдень. – Дай-ка мне еще бутылочку, друг! Выпьем за удачный апгрейд любимых нас!

Холодильник был рядом.

:END PRERARE PROCESS

:GOTO STEP_1

***

:STEP_01 «ALT»

:START LOCAL PROCESS

rem {Alternative}

rem Полная или частичная замена стандартных функций новыми.

!TASK 0F [OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

Район, где удалось снять тесную трехкомнатную квартиру, назывался Новокосино. Располагался он уже за кольцевой дорогой, опоясывающей Москву. Бай сказал, что последние лет двадцать город стал выплескиваться за условную границу. В одном из таких прорывов, на восточной окраине, и обосновались

Аурел с Тигри.

По местным меркам квартира считалась просторной, но иномиряне потихоньку стали привыкать к здешним понятиям. Жить можно – и ладно.

Вечер первого дня целиком ушел на установку техники, на ее освоение, на заботы о быте в ближайшие несколько дней. Им ведь предстояло надолго ухнуть в виртуальное состояние, в Сеть. Единственное, что у виртуальщины общего с реалом, – это время. И там, и там оно течет одинаково. Только в Сети быстрее реагируешь на раздражители, потому что естественная мощь человеческого мозга суммируется с быстродействием кристаллических вычислителей. Мозг не так скор, но зато сразу отсекает все бесперспективное и ненужное. Процессор туп, но зато позволяет обрабатывать впечатляющие массивы информации за микросекунды.

В сущности, именно этого и не хватало обычным пользователям, пользователям с мнемоюстами. Естественный фильтр, ограниченная скорость обмена между мозгом и процессором сводила все преимущества симбиоза практически на нет. Другое дело – прямой доступ!

Аурел периодически задавал себе вопрос: а как, собственно, они будут искать Камилла в Сети? Безусловно, Энди насчет этого озаботился, но пока своими планами что-то не спешил делиться.

Сидя перед клавиатурой и голокубом, Аурел привыкал к новому. К новому формату адресов, к новой идеологии и организации Сети. Протоколы передачи данных здесь, ясен перец, свои. Но происходящее в голокубе или ощущения при мнемодоступе практически не отличались от привычных. Программисты и технари ведь стремятся к одному и тому же. А какими путями они достигают результата – пользователь зачастую и не знает. Да и вопросом таким почти никогда не задается. Потому что не его это дело и не его хлеб.

Энди пожаловал в гости около полуночи, когда Аурел блуждал по серверам в поисках интересностей. Ничего конкретного он не искал, просто перебирал ссылки и проглядывал содержимое выложенных ко всеобщему доступу страничек. Попадались забавные. Правда, сравнительно редко.

Объемное тело очередной странички вдруг схлопнулось в плоскую картинку и прилипло к дальнему срезу голокуба. В освободившемся пространстве возникла вращающаяся сфера, постепенно обретающая прозрачность. Потом стало ясно, что сфера – это нечто вроде голокуба, только непривычной формы. Внутри сгустилось изображение головы Энди Трушина. Борода у него почему-то была заплетена в десяток коротких косичек.

– Привет. Освоились? – вопросил Энди бодро.

– Осваиваемся, – сказал Аурел и вдруг подумал, что уже часа три не обращал внимания на Тигри. И не знает, чем он/она занимается.

Обернулся – дверь в комнату по ту сторону коридора была открыта. Тигри точно так же сидел перед терминалом и глядел в голокуб, но, судя по каменной неподвижности, ушел в Сеть с мнемодоступом.

Энди в голографической сфере скосил глаза. Кажется, он нашел в Сети Тири (в Сети ведь она примет один из привычных обликов, ничего общего не имеющего с телом, что приютило ее в Москве).

– Давай ты тоже заходи, – сказал Энди.

Привычное усилие – и Аурел скользнул в Сеть.

Как в воду со скалы. Разбежавшись.

Пространство недавно созданного холда пошло медленными ленивыми волнами, принимая его тело. Зеленоватый сумрак царил вокруг; где поплотнее, где пожиже и попрозрачнее.

Энди парил в самом центре, растопырив руки и ноги, словно парашютист в свободном падении, еще не выпустивший из ранца пестрый спасительный купол. Впрочем, Аурел по-прежнему не знал, что такое парашют.

Потом пришла Тири. Очень похожая на себя живую, только с зеркальной, будто хромированной кожей. Любила она образ ртутной девочки-терминатора. И крошила в этом образе не в меру ретивых сетевиков весьма умело и весьма беспощадно.

«Злится, – понял Аурел. – Еще бы не злиться! В мужском теле-то...» – Ну что? – вопросил Энди буднично. – Опять травку сотворить?

– Чего ты ее так любишь? – проворчал Аурел.

– Это тебе легко не любить травку-то, – недовольно буркнул Энди. – Ты ее каждый день видишь.

Аурел устало вздохнул:

– Снаружи я вижу в основном дасфальт. Ну, в лучшем случае – тротуарную плитку.

– Дасфальт любят только маньяки, – заявил Энди и неожиданно разоткровенничался: – Кстати, в Москве улицы покрыты другой массой, местные ее называют «асфальтом». Без "д".

Умолкнув, Энди плавным пассом устелил условный «низ» холда... нет, не травкой. Гладким дощатым полом с плотно пригнанными досками. Миг – и выросли стены из полупрозрачного светлого материала вроде рисовой бумаги, и легкая сводчатая кровля, непонятно на что опирающаяся.

Впрочем, в виртуальщине ей не нужно было ни на что опираться, кровля могла парить, не падая, повинуясь одной лишь воле создателя.

Она и не падала.

– О! – оценил Аурел. – Хоть какое-нибудь разнообразие. А то все лужайки какие-то да газоны...

Энди тем временем успел облачиться в просторное, по его внушительным габаритам, кимоно. Косички из бороды пропали, борода из широкой и лопатообразной стала узенькой и длинной, почти козлиной. Волосы почему-то оказались собраны в тугой шар на темени и проткнуты хромированной спицей. Аурел склонялся к мысли, что подобная прическа скорее подошла бы женщине. Но потом вспомнил, что Энди, в сущности, бесплотен и беспол. Теперь он всего лишь дух информационного мира, несколько терабайт двоичного кода, записанного неизвестно где и неизвестно как сохраняющего целостность.

От этой мысли враз стало нестерпимо зябко, словно при осознании неотвратимой и неизбежной смерти. Каждый человек периодически вспоминает, что век его небесконечен и что когда-нибудь он обратится в бессмысленный комок мертвой плоти, ничего уже не чувствующей и не значащей. И что этот комок кто-то будет резать скальпелем, дабы установить причину смерти, кто-то будет одевать в последний костюм, кто-то будет укладывать в тесный продолговатый ящик, кто-то уронит слезу-другую, а впереди останется только квадратный зев печи крематория и равнодушное небо, которое вберет в себя все оставшееся от некогда неповторимой личности, от страданий и надежд, от знаний и привязанностей. «Лучше уж так, – подумал Аурел, непроизвольно передернув плечами. – Лучше потеряться в Сети, чем просто исчезнуть, стать чернотой и ничем. Я этого не испытал, но ей-ей, лучше эта чудовищная эмуляция жизни, чем ничто».

– А мебель ты не догадался сотворить? – послышался знакомый голос, и Аурел моментально обо всем забыл.

На дощатом полу стояла она, Тири, его Тири, – не ртутная девочка-терминатор, а живая девчонка, в джинсах, ботиночках от Монтрея, любимой куртке и неизменных очках-звездочках.

Аурел едва не задохнулся от внезапно нахлынувшего понимания, понимания, насколько он соскучился по ней, по настоящей Тири.

– Мебель... – проворчал Энди. – Слишком уж вы увлекаетесь частностями, коллеги...

– А чем увлекаешься ты? – спросила Тири с неожиданным интересом.

– Делом, – отрезал Энди, оценивающе оглядел собеседников. – Пора бы и поработать, а?

– Командуй. – Аурел картинно повел плечами. – Я до сих пор не представляю, что нам предстоит совершить. Что ломать и как результатами лома распорядиться...

– Нет, Аурел. – Энди отрицательно покачал головой. – Первые шаги к цели предстоит сделать отнюдь не в Сети. В реале.

– В самом деле?

Аурел был само внимание.

– Ну подумай сам. Как мы можем посредством Сети в этом громадном городе выйти на Камилла? А на твоего двойника в теле Бая? Да мы их можем годами искать и все равно не обнаружим. Другая статья – реал.

– Постой. – Аурел, похоже, начал понимать. – Действительно... Мой двойник ведь в теле Бая находится. А ТПшники явно знают, где Бай жил в Москве!

– Именно! – подтвердил Энди. – Но сначала тебе нужно слегка... подготовиться.

– Горю желанием, – фыркнул Аурел.

– Тогда раскрывайся.

– Что?

– Раскрывайся. Я кое-что загружу в твое сознание.

– Что именно?

– Не спрашивай. Но это тебе очень пригодится. Не в Сети, нет. Там, в реале...

Почему-то Аурела резанули последние слова – «там, в реале...». Они были произнесены с такой глухой и неизбывной тоской, что по коже продрал мороз. Для Энди нет больше никакого «там». Есть только «здесь», что означает – в Сети.

Наверное, это очень тяжело.

– Начинаю, – буркнул Энди и вытянул навстречу Аурелу руки. С пальцев его сорвались сияющие нити, сотканные из мельчайших буковок и цифирок, и эта световая лавина разом обрушилась в разум Аурела.

Ему показалось, что мнемоюсты раскалились и стали мягкими, как пластилин.

А потом все кончилось.

Стало пусто и гулко, как в порожнем транспортном контейнере. Сознание потрескивало, остывая, а к виртуальному потолку холда, завиваясь в колечки, поднимался виртуальный дымок. От головы Аурела.

– И все-таки... Что это было?

– Скоро узнаешь.

«Черт бы тебя побрал с твоими загадками», – раздраженно

подумал Аурел.

Энди не обратил внимания, хотя Аурел очень подозревал, что в Сети тот способен улавливать мысли собеседников.

– Завтра с утра за вами заедет РусТех. Надо постараться и перехватить псевдо-Бая по пути в контору Камилла.

– А может, на обратном пути? – предложил Аурел. – Заодно узнаем, где контора Камилла расположена.

Энди фыркнул.

– Ты думаешь, я не знаю, где она расположена? На их стандартных бланках указаны адреса – и сетевые, и реальный. А шаблоны любых бланков лежат у них на серваке и даже ничем не защищены, потому что Камилл создает иллюзию и имидж легальной фирмы.

– Понятно, – вздохнул Аурел.

– Вот и ладненько. Выходите и отсыпайтесь. Завтра – ключевой день.

– Пока, – попрощалась Тири и вышла из виртуальности.

Аурел задержался еще на миг – для того, чтобы взглянуть Энди в глаза. Долго и пристально.

Но Энди, виртуал из виртуалов, мог нарисовать в несуществующих глазах все что угодно. И скорее всего – так и делал.

Во взгляде его читалось ободрение со штришками покровительства. Мол, крепись, пацан, если что – большой дядя рядом.

«Боже мой, – подумал Аурел. – Во что я ввязался? Зачем я научился ходить в Сеть без мнемоюстов? Зачем?» Все необычное кажется нам то благом, то проклятием, в зависимости от обстоятельств. И никуда от этого не деться, сколько себя ни обманывай.

С этим неожиданно выкристаллизовавшимся выводом Аурел вывалился в реал. И послушно пошел отсыпаться.

В постели ему стало смутно и одиноко – ведь, с одной стороны, Тири находилась здесь же, рядом, в соседней комнате. И в то же время ее не было, был незнакомый мужик с внушительными волосатыми кулачищами. От подобного абсурда хотелось выть.

Но выть Аурел позволял себе только мысленно.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

– Нет, – уверенно сказал Бай. – Раньше одиннадцати он не выйдет. Что я, себя не знаю?

– Смотри, – фыркнул и в Москве не изменивший джинсе РусТех. – Тебе виднее, конечно, но если упустим сегодня, считай, день потеряли.

Тигри угрюмо поднял/подняла взгляд на тщедушное тело, в котором пребывал ныне Бай.

А тот мечтательно уставился в закругленный свод арки:

– Эх… Возьмем – вернусь в свое тело, как хотите. А то вчера тумбу передвинуть хотел – не поднял, блин…

– Без аппаратуры не вернешься, – вздохнул Аурел.

– Почему без аппаратуры? – удивился Бай. – Мы ж меня… э-э-э… пленного на Рязанку повезем, в тот подвальчик, куда прибыли. А там аппаратуры навалом!

– Да? – живо заинтересовался/заинтересовалась Тигри. – Тогда и я хочу переселиться! Пошел Энди со своей конспирацией куда подальше!

– Тише, тише, – примирительно шевельнул руками Аурел. – Люди сейчас оборачиваться начнут!

Прохожие, тянувшие через двор к метро, действительно начали коситься на необычную компанию в арке.

– Интересно, – спросил Бай, – в кого ты собираешься переселяться?

– В женщину, – отрывисто бросила Тигри.

На этот раз – именно бросила, хоть и сказано это было знакомым всем ТПшникам баском.

– В какую?

– В любую.

«Так уж и в любую, – с легким сомнением подумал Бай. – Небось в старуху не полезешь…» Стоящий посреди двора у спортплощадки Злыдень вдруг сделал условный знак: «Внимание!» Надо понимать, псевдо-Бай вышел из подъезда. Псевдо-Бай и псевдо-Аурел. Два в одном.

Реальность завивалась в причудливые петли.

Бай в облике Семецкого сделал несколько шагов в направлении двора и, когда псевдо-Бай, целеустремленно шагающий к арке в дальнем конце двора, оказался в поле зрения, негромко позвал:

– Эй, Дима!

Псевдо-Бай замедлился, повернул голову. Глаза у него были очумелые, словно у только что подравшегося кота. Медленно вытащив из ушей бусинки наушников, псевдо-Бай спросил:

– Что?

– Сюда иди! – махнул рукой «Семецкий».

Псевдо-Бай мгновение поколебался и шагнул к арке.

Но первым под арку вошел не псевдо-Бай, а Жмур – высокий, весь в черном и с футляром от скрипки, – делающий вид, что просто проходит через двор. Посреди арки он запнулся, замедлился, а когда псевдо-Бай оказался точно у него за спиной, резко и экономно двинул жертве локтем под дых. Потом полуобернулся и добавил ладонью по шее.

Упасть псевдо-Баю не дали – подхватили под локотки. К арке тотчас подкатил микроавтобус – за рулем сидел Чен, с ним рядом – РусТех. Псевдо-Бая спешно погрузили в салон.

Когда ловко взятый «язык» уже вытянулся на сплошном «диванчике» из четырех сидений, что раскинулся по всей ширине автобуса в задней части салона, в арку на свою беду вошла девушка лет двадцати. Сделав по инерции несколько шагов и, видимо, почувствовав неладное, она остановилась, но было уже поздно.

Стоящий дальше всех от выхода из-под арки на улицу Тигр стремительно переместился к ней, схватил одной рукой за плащ, второй зажал рот, силком протянул к автобусу и запихнул внутрь. Над ладонью Тигра, поросшей редкими рыжими волосками, полнились ужасом огромные черные глаза.

РусТех мрачно обернулся на переднем сиденье и свинцово взглянул на пленницу:

– Веди себя тихо! – угрюмо предупредил он.

Похоже, РусТех все понял. Сразу же. Поэтому фраза его прозвучала негромко и практически не содержала угрозы. Но тем не менее показалась очень веской.

Гости из-за барьера грузились в салон и торопливо рассаживались. Последним внутрь шмыгнул Злыдень и с хрустом захлопнул дверцу.

– С почином, – буркнул он удовлетворенно.

Микроавтобус тронулся, а на подвешенном к потолку мониторе не замедлила появиться физиономия Энди Трушина.

– На Рязанке все готово, – бодро сообщил он. – Поддайте-ка скорости, орлы… и орлицы.

Он тоже все понял. И не стал задавать лишних вопросов по поводу присутствия в салоне не известной никому девушки. По крайней мере – сейчас не стал.

Езда по Москве совсем не походила на гонку по перегону. Там – стремительное и безудержное движение, равномерное и мощное, здесь – пунктир, чередование разгонов и торможений, бесконечная лавировка в плотном автомобильном строю. Бай еще не успел как следует забыть Москву и сейчас глядел в окно с легкой ностальгической грустью. А вот в глазах Жмура и Злыдня,

вынужденных придерживаться за поручни, цвело непонимание и скепсис. Для них рейс сквозь Москву был чем-то непривычным и совершенно чужеродным.

Чен гнал микроавтобус умело и рационально. Втискивался в бреши потока, если нужно – подрезал, если нужно – пропускал. На Рязанке зацепились за «зеленую волну» и довольно долго проскакивали светофор за светофором без малейшей задержки. В этот момент даже Жмур со Злыднем заметно повеселели.

Свернули в давешний дворик; здесь было так же пустынно, только чуть в стороне от дома, рядом с мусорными баками, бомжеватого вида забулдыги сгрудились около ржавой бочки, в которой робко полыхал рыжий огонек.

РусТех выскочил первым и деловито сунулся в подъезд. Отсутствовал он около минуты, потом дверь подъезда распахнулась, и РусТех с порога призывно поманил рукой.

Псевдо-Бай к этому времени еле-еле успел очухаться, но в себя все равно еще толком не пришел. Девушку пришлось выключить: на выходе она попыталась вырваться и закричать.

Не успела – только коротко взвизгнула и обмякла в руках Злыдня.

В подвале капала вода и вообще было сыро и промозгло. Угрюмая личность со связкой ключей в руках безмолвно таращилась на гостей из темного тупичка. В помещении с аппаратурой хлопотал парень, чем-то неуловимо напоминающий РусТеха – не внешностью, нет. Не то экономностью движений, не то уверенным видом. Не то джинсой... Но все-таки дело было не только в джинсе.

– Сначала перетаскивайте меня, – не терпящим возражений тоном заявила Тигри. – Это мерзкое туловище у меня уже вот где сидит...

Оглушенную девушку бережно уложили в одно из кресел.

Энди Трушин, перебравшийся с экрана автобусного монитора на экран монитора местного, пробурчал откуда-то из дальнего угла, где были установлены динамики:

– Эй, кто-нибудь, поправьте камеру, а то я вижу только стену и малость потолка...

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (main)]

– Эй, кто-нибудь, поправьте камеру, а то я вижу только стену

и малость потолка...

Аурел был ближе всех; видеоглазок на гибкой хромированной штанге действительно смотрел отнюдь не в центр комнаты. Наверное, кто-то из проходящих задел. Выпрямив штангу, Аурел справился:

– Так хорошо?

– Чуть ниже, – попросил Энди. – Во, вот так нормально.

– Так что, Энди? – Техник в джинсе, похожий на РусТеха, повернулся сначала на голос, потом сообразил и шагнул в сторону видеоглазка. – Переселять ее в девку или как?

– Переселять! – пробасила голосом Тигра Тири. – И без возражений!

– Черт с ней, – согласился Энди. – Если бабе что-нибудь втемяшилось в голову, проще согласиться, чем уговаривать. Чихать она хотела на чьи-то планы и на заботу о безопасности.

Тигр, не обращая внимания на эти слова, присел в ближайшее кресло и опустил на голову выпуклый колпак мнемосчитывателя. В соседнем кресле, безвольно откинувшись на спинку, уже сидела нежданная жертва Тири. Опуская колпак ей на голову, Аурел на миг замедлился и вгляделся в расслабленные черты пленницы.

Она была красива, красива и привлекательна, и даже расслабленность беспамятства не омрачила этого лица. Аурел подумал, что будет приятно прикоснуться к нему, если знать, что на какое-то время – это лицо любимой.

Серебристый колпак с отчетливым щелчком опустился. Перед глазами остался уводящий в решетчатые недра мнемошлема жгут проводов, забранных в черную гофрированную кишку.

Джинсовый техник коснулся клавиатуры на пульте.

– Поехали! – сказал он сипло и с размаху клюнул указательным пальцем клавишу «Enter_».

Никаких видимых эффектов, никаких звуков. Таинство обмена личностями происходило в полной тишине и неподвижности. Лишь зрители покашливали и переминались с ноги на ногу.

– Готово, – буркнул техник. – Вынимайте. Теперь вторая фаза, тут схема чуть посложнее...

Аурел немедленно убрал вверх мнемошлем и бережно взял за плечи черноглазую Тири.

Уже Тири.

Ее.

Единственную.

Тири все еще пребывала в беспамятстве, но теперь веки ее мелко подрагивали, а глазные яблоки заметно двигались. Что

происходило у нее в мозгу? Какие картины являлись сознанию? Аурел не знал. Личность его возлюбленной накладывалась на личность черноглазой незнакомки, воспоминания растворялись друг в друге, возникали и распадались тысячи и тысячи нейронных связей...

– Давай в кресло, хорош обниматься, – буркнул техник Аурелу. – Эй, подержите кто-нибудь девку.

Аурел медленно выпрямился и так же медленно обернулся.

– Еще раз назовешь ее девкой, – отчетливо выговаривая каждое слово, предупредил он, – я тебе все зубы вышибу.

Техник неприязненно фыркнул, ничего не ответив.

Тири охотно подхватил Злыдень. Начавшего приходить в себя Тигра выгнали из кресла и усадили на табурет в углу. Тигр тряс головой и озирался, но, увидев Чена и Семецкого, сразу успокоился, прислонился спиной и затылком к холодной стене и утомленно прикрыл глаза.

– Так, двойной обмен со сдвигом, – бормотал техник за пультом, только что язык не высунув от усердия. Пальцы его так и порхали над клавиатурой. – Наложенное сознание из двойки – в пятерку, наложенное сознание из тройки – на его место. Два восстановления и одна очистка... Готово. Эй, расселись?

Аурел послушно опустился в кресло и, прежде чем нахлобучить колпак, покосился на соседей – Семецкий/Бай и псевдо-Бай/псевдо-Аурел уже надвинули колпаки. В результате перемещений в одном теле должен был психически восстановиться полный Аурел, во втором, в истинном своем теле, полный Бай, а сознание Семецкого должно было очиститься от непрошеных гостей.

Энди знал, что делал. Вытаскивал из игры Камилла втянутые матрицы личностей Бая и Аурела. Тем самым Энди, незримый сетевой фантом, одновременно мог прояснить многие планы Камилла и отследить его недавние действия. Потому что в объединенных личностях доминанты играли на стороне Энди. А пассивные матрицы всего лишь обладали нужной информацией. Доминанта подчинит пассив, а нужная информация станет достоянием команды Энди.

Как просто.

И как сложно.

Холодная игла пронзила сознание Аурела, картинка перед глазами знакомо раздвоилась и стала медленно совмещаться.

:TASKMGR REPORT

~#CONDITION: MULTITASK

~#MODE: END TASK 0A

@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY

~#MODE: SET CLOSED N-LINES TO TASK 0F
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY
~#MODE: SET IMPORT N-LINES TO TASK 03
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY
~#MODE: SET IMPORT N-LINES TO LOCATED ADRESSES
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY
~#MODE: CLEAN FREE OBJECTS
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY

Когда гулкий звон в голове умолк, Аурел смог встать, но его тут же бережно усадили назад, в кресло. Кто-то поводил перед его глазами двумя пальцами. Аурел поморщился и отвел руку, оказавшуюся рукой РусТеха, в сторону.

– Сейчас, – сказал он, привычно морщась. – Сейчас...

Он снова открыл глаза и вздрогнул. На него глядела черноглазая девушка. Ее лицо было так близко, что он различал неравномерности распределения цвета на радужках. Словно на картинке в давно устаревшем вакуумном мониторе при паршивом разрешении.

– Как ты, Ури? – спросила она незнакомым голосом. Но от интонаций у Аурела защемило внутри.

– Нормально, – сказал он, захлебываясь от не замедливших нахлынуть чувств. – Нормально, Тири.

– Здесь меня зовут Вероника, – зачем-то сообщила она.

Нахлынувшие чувства разом исчезли. Разом. Вместо них осталась пустота. Только стремительно разросшаяся и заполнившая собою все и вся пустота, словно звук чужого имени волшебным образом развеял все очарование момента.

Зато он сразу прикоснулся к мыслям и воспоминаниям похищенной и плененной Камиллом половинки себя.

Вспомнил, как по приказу Камилла ломал какой-то хиленький сервачок в бесполезной, на первый взгляд, почтовой конторе. Вспомнил, как развешивал программы-сшивки по десяткам адресов, раздробленные программы, умеющие дремать неделями, но оживающие по евенту-событию, неотслеживаемые в дреме и неуничтожимые по запуску. Вспомнил, как подбирал управляющие коды к совершенно диким почтовкам, перекачивающим бесконечные цепочки однотипных символов, и как по указке Камилла менял цепочку, допустим, семерок на цепочку, допустим, двоек. Менял по двадцать раз на дню. Как писал коротенькие полубоевые скрипты, ничем серьезно не вредящие, но могущие довести незадачливого сетевика-чайника до белого каления.

Вспомнил гнетущую пустоту вечерами, заполненную чипсами и футболом по телемодулю. Пустоту и тоску по чему-то

большему. И еще – отчаяние от неспособности понять причины этой тоски.

Он тогда и не способен был понять причины. Потому что Камилл выдрал из личности Аурела ту часть, которая в состоянии что-либо понять. Осталась часть, охотно подчиняющаяся давлению извне. Приказам Камилла.

Он вспомнил первые размолвки с Тири, когда не пожелал ей уступать – из-за того, что частичка его личности, умеющая уступать, уехала за барьер и осела в Москве.

Он много чего вспомнил и осознал. За какой-то миг. За короткий, как вспышка, как путь почтового пакета от роутера до роутера, миг.

Но понять, что он делает в этом странном многоуровневом, кишащем людьми мегаполисе, все равно не смог.

Как очнулся Бай, Аурел попросту не запомнил.

***

!TASK 0C
[OWNER: Данияр Накупов]

[А работаешь ты кем?] – спросила PANTHERA заинтригованно.

Корвин, в реале Данияр Накупов, остро ощутил заинтересованность собеседницы. Что-то ему подсказывало – это действительно девушка, а не удачный виртуал, созданный скучающим сетевиком-мужчиной.

[Сисадмином] – сознался Корвин.

[А что это?]

[Сисадмин? Ну... Это нечто среднее между шаманом и электриком :)))] [lol! А серьезно?] [Да так оно и есть. Слежу за сеткой. Если не работает – шаманю. Если не помогает – тянусь к выключателю...] [А территориально ты где?] [Алма-Ата]

[У... Далеко...]

В этот момент над селектором возник белесый голокуб с бюстом шефа в объеме.

– Накупов! – грозно вопросил шеф. – Ты болгарские данные снял?

– Докачиваю, шеф! – отрапортовал Корвин бодро. – Девяносто один процент!

– Что так долго? – Шеф поморщился. – Опять порнуху, что ли, тянешь параллельно?

– Каналы перегружены! – соврал Корвин. – Особенно между

Киевом и Софией. Хохлы вечно экономят на каналах!

Одновременно Корвин отстучал невидимой PANTHER'е:

[Сорри, тут работа подвалила... Вечером буду]

[Ладно, пока]

– Смотри у меня! – с начальственным прищуром пригрозил шеф. – На твое место конкурс человек десять! Мигом вылетишь!

«Угу, – особо не пугаясь, подумал Корвин. – Щаз! Из этих десяти одиннадцать – сугубые чайники. Они тебе наработают...» Шеф всегда орал и угрожал, но вряд ли бы решился действительно сменить умелого сисадмина. Рабочая сетка нужна была всем. Особенно шефу, держащемуся за свое кресло руками, ногами и зубами.

Двумя движениями кисти Корвин вскрыл настройки и перетянул сеттер приоритетов из позиции {50/50} на позицию {75/25} в пользу болгарского траффика. Не останавливать же свой!

Индикатор выполнения приоритетной задачи пополз заметно быстрее.

– Еще минут десять, – заверил Корвин. – И все!

Пакеты докачались почти синхронно. Столбик болгарских данных затенился полностью и исчез из голокуба, сменившись короткой и исчерпывающей ремаркой [Done]; столбик массива, который Корвин перекачивал из Москвы, почему-то некоторое время стоял на отметке 100%. Стоял дольше, чем полагалось, хотя соответствующий глазок на хабе сигнализировал, что данные все еще перекачиваются. Но в конце концов и тут возникло долгожданное [Done], и Корвин не придал значения неожиданной заминке. Охранные скрипты молчали, значит, никакой гадости вместе с данными он не скачал.

Первым делом Корвин распаковал болгарский пакет и сбросил шефу; потом отвлекся и попутно отследил некоторые странности в пределах холда; пришлось оживить пару дополнительных охранных скриптов. Как оказалось, не зря: кто-то снова пытался подобрать пароль легального пользователя местной сетки. Похоже, приклеившись к могучему болгарскому траффику – попробуй на фоне гигабайтного потока вычленить короткие запросы подстановки!

Не впервые Корвин отслеживал попытки неведомого болгарина влезть в его вотчину. Зачем это было нужно гостю из виртуальности – поди угадай! Как раз вчера Корвин написал коротенький информационный скриптец.

Заблокировав канал, по которому ломился болгарин, и тем самым спугнув его, Корвин добрался до своего нового скрипта, который незамысловато обозвал whois, и считал последние

накопленные данные.

Болгарин пользовался точкой входа в Пазарджике, и звали его Незабор Бандлов. Если, конечно, это реальное имя...

«Опять ты, – зло выдохнул Корвин. – Ну погоди...» Этот болгарин успел достать чуть не всю Алма-Ату, да и из Джезказгана приятели-сисадмины уже неоднократно жаловались.

Устроить ему козью морду? Возни ведь много...

«Но ведь и времени тоже много», – подумал Корвин, все еще сомневаясь.

Потом решительно пододвинул клавиатуру и открыл кубик новой задачи.

Так он и не заметил, что от скачанных московских картинок отделился умело приклеенный исполняемый модуль и тихо осел в глубине холда, ничего не нарушив и ничего не изменив. Ну, почти ничего: только слегка подправив размер свободного места на холде. Ровно на собственный объем.

Теперь он стал невидимым и неощутимым. До часа, когда получит команду на исполнение.

***

!TASK 08
[OWNER: Shade]

Следы Энди Трушина в Сети Шейд обнаружил удивительно легко. Да там и делов-то. было чуть, поскольку адреса почтовых ящиков известны. Неудивительно, что Энди выгребал почту очень часто – чем еще заняться неприкаянному узнику Сети, лишенному возможности вернуться в реал, в человеческое тело?

Шейд был осторожен. Трассировать доступ Трушина в он-лайне он вообще не решился. Чутье подсказывало – перед ним истинная сетевая акула. Монстр, которому стоит только щелкнуть пастью – и большая часть сетевого люда примется недоуменно вертеть головой у терминала. И хорошо еще, если их файлы, доступ, а то и терминал окажутся целыми и неповрежденными. Помнил Шейд забавную и одновременно пугающую историю, когда некий пальцатый бизнесмен умудрился наступить на любимую мозоль самому U@P, гуру среди гуру. Через полтора часа, по данным сетевой статистики, означенный бизнесмен никогда не рождался, нигде не учился, не имел никаких счетов, страховок и недвижимости, зато числился в мировом розыске Интерпола, розыске РУБОП и появился в каталогах практически всех крупных гей-серверов с весьма игривым объявлением.

Единственное, что U@P оставил ему, – это мобильник. Правильно, должны же были игривые пидоры куда-то звонить...

Относительно Энди Трушина Шейд сразу составил мнение: если этот невольный виртуал и пожиже U@P, то ненамного. Поэтому он долго кружил вокруг да около и ждал удобного момента.

Дождался. Логи и прочий мусор Энди всегда трудолюбиво уничтожал лапшерезкой. Так, что никаких следов не оставалось. Но вот однажды он куда-то, видимо, спешил и потер логи обычным манером. Первый символ обнулился, место на физическом диске было объявлено свободным, но сам-то файл какое-то время еще продолжал лежать все там же, в тех же секторах и кластерах. До тех пор, пока на это место не писалось что-либо еще, поверх.

Шейд успел скопировать парочку логов и принялся их трудолюбиво вылизывать на предмет доступа в различные уголки Сети. Вылизывал часа три; отметил, что более одного раза Энди нелегально лазил на //sannata.ru (!!) и по абстрактному IP-адресу podval@216.107.107.52. Реальные координаты этого ай-пи удалось вычислить с четвертой попытки – некоторую переадресацию неведомые хозяева все-таки применяли. Орехово-Зуевский проезд, дом 8. Рядом с Рязанским проспектом. Еще показалось интересным вот что: если по всем остальным адресам следы Энди вели дальше, паутиной охватывая все новые и новые линки, то из этого podval'a все вело в один-единственный отросток /gate89//, и дальше след попросту исчезал. Два слэша не перед доменным именем, а после субдоменного тоже наводили на определенные размышления. Из означенного гейта тянулся довольно внушительный жгут еще не потертых доступов с теми же свойствами, из чего Шейд неизбежно заключил, что это либо шлюз какой-либо приватной Сети, либо... либо путь за упомянутый Камиллом барьер. В иной мир.

На сем Шейд решил изыскания прекратить: береженого Сеть бережет. Он честно сдал Камиллу результаты поисков и был неприятно поражен хищной улыбкой своего диктатора. А особенно тем, что Камилл явно не спешил возвращать Шейда в его собственное, протухающее с каждой минутой тело.

Откуда Шейду было знать, что в его теле давно уже хозяйничает чужое сознание?

Информацию, добытую Шейдом, Камилл принял к сведению и исчез. Почему-то оставив доступ к Сети, а не заперев вновь на локальном холде.

Прождав еще немного, Шейд неожиданно даже для себя вдруг подставил в адресное поле podval'ный ай-пи плюс субдомен и

поглядел, что из этого получилось.

Получилось, вопреки ожиданиям, то, чего Шейд рассчитывал достичь путем долгих мытарств.

~#gate keeper: start gating procedure y/n?

Виртуально зажмурившись, Шейд сказал "y" и «enter_».

В следующий момент он оказался в корне //gate89.

В корне. То бишь по другую сторону шлюза. И с изумлением осознал, что Сеть по эту сторону шлюза выглядит как-то НЕ ТАК.

А потом в подвал на Рязанке нагрянули боевики Камилла и переколошматили всю аппаратуру, о чем Шейд тоже, естественно, знать не мог. Он с некоторой растерянностью воззрился на неожиданно вспыхнувшую алую мигалку:

fatal error, gate access denied

Остаться в чужом сетевом пространстве, когда назад в родную Сеть не пускают, тело находится неизвестно где и в чужой власти, а время, отпущенное телу, утекает, как песок сквозь пальцы... Мало кто не запаниковал бы в подобной ситуации. И не все сумели бы панику быстро унять.

Шейд смог. Потому что чувствовал в себе силу стать своим даже в чужой Сети. А тело... известно, как Шейд относился к бренному телу.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

К удивлению Бая, восприятие после слияния со своей ущербной половинкой не слишком изменилось. Помнил он в основном себя, ушедшего за барьер и вернувшегося в Москву. Вместо московских воспоминаний зияли сплошные провалы, заполненные чем-то похожим на клубящийся в оврагах утренний туман. Впрочем, чему удивляться? Память ушла из сознания полу-Бая вместе с половинкой Аурела. Вместе с насильственно подсаженной личностью забарьерного хакера-мнемоника.

Зато как приятно было вернуться в свое, хорошо знакомое и уже почти забытое тело! Увидеть мир не с высоты подмышек, а с полновесных ста девяносто пяти сантиметров! Моторика восстановилась мгновенно, возможно, стараниями заторможенной московской половинки. Да и какая, в сущности, разница, чьими стараниями? Главное – восстановилась.

После манипуляций со слияниями потерянных половинок и сменой тел когорта Энди расползлась по устроенным норам, уговорившись вечером провести очередное совещание. Выбывших из игры Семецкого и Тигра вежливо спровадили в контору.

Бай вначале опасался каких-нибудь трудностей с похищенной девчонкой, но она безропотно последовала за Аурелом. Видать, пребывание в теле Тигра здорово допекло Тири, и она подчинила новую оболочку жестко и полно. Мысленно Бай попытался представить себя в женском теле и немедленно содрогнулся.

Нет уж. Даже в теле Семецкого – и то лучше…

До дома его подбросили Чен с РусТехом. Бай бодро выскочил из микроавтобуса и сделал народу ручкой:

– До вечера!

– До вечера…

Микроавтобус фыркнул и стрелой умчался в тусклый московский день. Бай неторопливо побрел к арке, где его телесную оболочку и часть личности совсем недавно нагло спеленали теперешние соратники в поединке с Камиллом.

Проснулся Бай только к вечеру, чувствуя себя отдохнувшим и куда более цельным. Исчез шов по центру души. Он снова стал собой, самим собой, и неожиданно ярко ощутил это.

Решение остаться за барьером почему-то стало казаться едва ли не глупым. И дело даже не в том, что здесь-то дом, а там –

всего лишь свобода. Какой прок в свободе, если ты лишен дома? Почти никакого.

Глупостью представился факт раскола неповторимой своей личности на две неравноценные половинки. Надругательство над собственным "Я" – что может быть чудовищнее и бессмысленнее?

Одновременно вскипала и накапливалась злость на Камилла – того, чьими заботами Бай с приятелями перенесся в далекий бесконечный мир с причудливой неравномерной гравитацией. Чьими заботами чужак-хакер, неплохой в общем-то мужик Энди Трушин, лишился жизни в реале и оказался наглухо заперт в не знающем границ киберспейсе, общем виртуальном пространстве множества миров. Того, кто замыслил нечто недоброе, причем масштабы этого замысла Бай со товарищи скорее всего недооценивают.

Бай был далек от мысли напялить черный плащ и помчаться спасать мир. Но силы насовать палок в колеса машине чужого замысла вполне ощущал. Тем паче что Бай всегда работал не в одиночку, а в команде, которая могла собраться хоть и достаточно случайно, но зато по доброй воле. А Камилл строит свои планы и осуществляет их исключительно на угрозах и принуждении. Как и положено злодеям, к которым невозможно испытывать жалость или сострадание. Да и вообще, если уж приходилось бить – Бай бил без оглядки, во всю немалую мощь, стараясь, чтобы добивать было уже просто не нужно. И в реале бил, и в виртуале.

Поэтому наскоро слазив в душ и проглотив чего-то скороготовящегося, Бай умостился в любимом стареньком кресле, потянулся к клавиатуре, искоса взглянул на матово отблескивающие мнемоюсты в специальном ворсистом блюдце и, мысленно пробивая тонкую перепонку между реальностью и Сетью, втек в пределы локального холда.

Тут все было привычно и знакомо. Разблокировав выход в общую Сеть, Бай вырвался на свободу.

Сеть жила. Светящимся трехмерным лабиринтом, существующим лишь в воображении Бая. Не важно, как она выглядела на самом деле, важно, как представлял ее каждый отдельно взятый пользователь-сетевик. Бай представлял именно как лабиринт.

«Ну, куда? – подумал он. – В контору? Пожалуй...» И тусклой кометой понесся по зеленоватой глубине. Вдаль. К ближайшему решетчатому кубу мощного районного сервера.

Пальцы Бая привычно отстучали на клавиатуре адрес конторы Камилла, логин и пароль.

[Enter_]

Вход.

Холд, что и неудивительно, был устроен на манер домашнего холда Бая. Многие пользователи, из тех, что еще не успели накопить достаточно опыта, пользовались единым сетевым пространством, просто входили в него из разных мест. С домашнего терминала, с работы, из гостей. Бай давно отказался от этой порочной практики. Дом домом, а работа работой. Работу можно и потерять. А дом – крепость. Поэтому «на выезде» Бай просто создавал маленькую копию, филиал домашнего холда. Разумеется, помещая туда ровно то, без чего обойтись нельзя, плюс то, что можно было и не таить от любопытного сетевого народа.

Бай с самого начала отчетливо сознавал: его окружают тысячи людей, куда более умелых, нежели он сам. Даже учитывая способность ходить в Сеть без мнемоюстов. Поэтому всегда допускал возможность взлома собственной крепости, надеясь все же, что этого никогда не произойдет.

«Ну-с, – подумал Бай с некоторым оживлением, – глянем, чем я тут последнее время занимался...» Конечно, он и так это знал. Памятью своей ущербной местной половинки. Но у нее прежде недоставало любопытства да и просто желания представить всю картину целиком, а не отдельными пикселами, как на экране старых мониторов. Увидеть изображение, а не комбинацию синих, красных и зеленых точек.

Отпихнув вязкий комок идентификатора доступа и попутно скормив ему светлую полоску парольной строки, Бай привычно потянулся к логам.

Статистика, она ведь всегда превыше всего.

Довольно быстро он нашел что искал – ссылки на рассылаемые в самые разные места программки. Прежний Бай никогда не интересовался, что они собой представляют? А действительно – что?

Наскоро собрав исполняемый модуль из готовых массивов, Бай натравил на него декомпилятор и плотно засел за изучение.

Все, что он понял, – в определенное время эта программа должна начать генерить определенный цифровой ряд. Наподобие тех, которые Бай совсем недавно ломал и менял на различных почтовках.

Недоумения Бай ощутить не успел. Кто-то виртуально отвесил ему виртуального пинка под виртуальный зад.

Бая подбросило. Не зная что думать – холд взломан или админ Камилла заинтересовался изысканиями Бая, – он заполошно взглянул назад.

В реале пальцы молниеносно отстучали на клавиатуре

команду оттрассировать принятый пинг-сигнал.

В полумраке холда висело нечто объемное, похожее на большую картофелину с нашлепкой сверху.

Потом картофелина неожиданно выпростала отросток, оказавшийся в итоге рукой с фонариком.

Энди поднес фонарик к бороде, так, чтобы луч светил вертикально вверх. Лицо Энди ярко осветилось, но несколько контрастных теней остались на нем.

Пинг оттрассировался.

А потом Энди скорчил рожу, словно первоклассник, пугающий в темноте сверстников.

– Улю-улю! – сказал он басом.

Бай обмяк, хотя уже приготовился воззвать к помощи всех доступных боевых скриптов, подозрительно беспечно отнесшихся к пингу извне.

Скосив глаза вправо, Бай незаметно впитал лог трассера. Ну кто б сомневался. Всего одна строка. С локальным адресом рабочего Баевского холда.

Энди, конечно же, сотворил пинг прямо тут, на месте.

– Фу, – выдохнул Бай облегченно. – Ну и напугал ты меня!

Энди погасил фонарик, отчего в пределах холда снова сгустился сумрак, но зато стали лучше различимы детали – угловатые конструкции закрытых приложений, мерцание системы где-то далеко внизу, развешенные там и сям сонные скрипты...

Реальность настигает сетевиков и в виртуальности – каждый тащит за собой набор стереотипов, от которых взрослому избавиться не суждено.

– Между прочим, – сообщил Энди с легким нажимом, – тебя все уже заждались.

Бай зачерпнул системного времени и понял, что почти на сорок минут пересидел над загадочной программкой. Давно пора было спешить на вечернее совещание.

– Заработался, – повинился Бай. – Прости. Но зато...

Рука Энди непропорционально удлинилась; ладонь с громким шлепком запечатала Баю рот.

В реале, несмотря на нажатия на клавиши в командной строке, ничего не возникло.

– Не здесь, – предупредил Энди. – Выходи из Сети.

Бай пожал плечами и изобразил кивок – полноценно кивнуть мешала ладонь Энди.

Когда он выходил, в пределах холда возник стандартный трек сетевика-мнемоника, эхо прерванного психического сопряжения с Сетью. У Бая он был довольно коротким и выглядел как [Вуе-Вуе. Вуе.].

Открыв глаза перед бессмысленно серым голокубом, Бай шумно выдохнул. И только потом заметил двоих, стоящих сбоку, у его рабочего стола.

Аурел и Тири. Разумеется, в местных обличьях.

– Собирайся, – сказала Тири бесстрастно.

Бай подумал, что облик черноглазой местной красавицы как-то естественнее для нее, чем с юности знакомая рожа Тигра.

– Куда?

– Едем.

– Куда?

– Подвал на Рязанке разгромили.

– О как... – Бай вторично выдохнул и сразу встал. – Кто?

– Угадай с трех раз.

«Значит, Камилл, – сразу понял Бай. – Больше ведь некому. Вовремя мы устроили рокировку телами...» Команде Энди сели на хвост. Сразу стало зябко и неуютно, но лишь самую малость. Адреналин и азарт делали свое дело. Хотелось драки. В реале, в виртуале – безразлично. В реале даже лучше.

Ведь разрядка нужна всем.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (completed)]

По дороге на Рязанку они снова глядели в разные стороны.

В груди было пусто, и в душе было пусто. Аурел, оглушенный случившимся, плохо воспринимал действительность.

Не этого Аурел ожидал. Совсем не этого.

Когда они с Тири вернулись в Новокосино, Аурел еще в прихожей попытался обнять ее за плечи.

Тири вывернулась. Резко и сердито. И поглядела на него так же. А потом ушла в спальню, с силой захлопнув за собой дверь.

Сначала Аурел растерялся и принялся вспоминать – не мог ли обидеть ее каким-нибудь неосторожным словом, с первого взгляда незначительным. Или поступком.

Ничего не вспоминалось.

Тогда он разулся, тихонько толкнул дверь в спальню и вошел. Тири в одежде ничком лежала на застеленной пледом кровати. Аурел прилег рядом и обнял ее за плечи, ожидая чего угодно, но Тири лишь слабо дернула плечом.

– Что случилось, малыш? – спросил Аурел заботливо. – Я тебя обидел?

Она не ответила.

Аурел попытался погладить ее по длинным волосам, совсем не похожим на привычную короткую стрижку, но Тири оттолкнула его руку.

– Сколько раз ты поцеловал меня… ее, пока мы ехали? Аурел растерялся еще больше.

– Не помню…

– Да ты все время ЕЁ целовал!

Отчего-то вспомнилось, что всю дорогу Тири отворачивалась и прятала лицо, поэтому целовать ее приходилось в основном в щеку или шею.

– Ее? – переспросил Аурел недоуменно. – Я целовал тебя.

И вдруг Тири расслабилась. Даже улыбнулась. Стащила джемпер, тряхнув буйной непривычной копной каштановых волос. Аурел моментально сгреб Тири в объятия, с закрытыми глазами нашел мягкие податливые губы, а секундой позже рука сама поползла под тоненькую блузку.

Еще секундой позже он оказался на полу, между окном и кроватью. И окончательно перестал что-либо понимать.

– Тири, – прошептал он, глядя на нее снизу вверх. – Что случилось? Скажи мне, любимая, что происходит?

– Любимая? – странно изменившимся голосом переспросила она. – Кого ты любишь, Ури, меня или эту черноглазую?

Аурел опешил. Подобное просто не могло прийти ему в голову.

– Но… – промямлил он, мысленно ругая себя последними словами, потому что нужно было говорить убедительно и по-доброму, но ни в коем случае не мямлить и не запинаться. – Но ведь сейчас ты и она – одно и то же. Ты – Тири, которую я люблю, просто… просто, немного иная…

– Я – это я, – отрезала Тири. – А ты с порога норовишь трахнуть эту длинноволосую суку. От тебя разило похотью еще в такси.

Аурел отжался от пола и сел, привалившись спиной к неожиданно теплой стене – должно быть, внутри крылись отопительные элементы.

В голове царил совершеннейший сумбур. Реальность поплыла, как плохо детализированный пейзажный образ.

Тири снова улеглась – лицом к противоположной стене.

– Уходи, – сказала она зло. – И не смей к ней прикасаться.

– А к тебе? – с надеждой переспросил Аурел.

– Меня здесь нет.

Он посидел у стены еще пару минут, потом медленно поднялся и уныло побрел к двери, все время ожидая, что Тири его

остановит.

Тири не остановила.

Остаток дня он проторчал на кухне в компании постепенно пустеющей бутылки водки. Мыслей не было. Только глухое недоумение и обида, мнящаяся незаслуженной, терзали душу и естество. А когда стемнело – позвонил РусТех. Уже снизу, от подъезда. Трубку сняла Тири; Аурел машинально ловил полуразборчивые фразы, еле доносящиеся на кухню. Что-то случилось, и нужно было немедленно ехать в ночь, по враз вдруг ставшим второстепенными и никчемными делам.

В микроавтобусе Тири села поодаль и все время глядела в окно. Присоседиться к ней Аурел не решился. Сам не зная почему?

Ехали к Баю.

Открыла седая худощавая женщина, придерживая за ошейник большую рыже-седую собаку. Собака печально глядела на гостей, словно извинялась: и надо бы полаять, изобразить бдительность и охрану, но неохота. Лучше тихонько улечься где-нибудь на теплое, погреть старые косточки...

Женщина молча махнула рукой в направлении одной из комнат. По-прежнему не глядя друг на дружку, Аурел и Тири вошли.

Бай шарился в Сети; мнемоюсты, конечно же, валялись рядом с терминалом, в специальном блюдечке. Слепо уставившись в никуда, в мельтешение бессмысленных цветных пятен в голокубе, Бай быстро шелестел клавишами.

«Вот, значит, как мы выглядим со стороны...» – подумал Аурел отстраненно.

Удивительно, но он никогда не разглядывал Тири, пока та шастала по виртуальщине. И никогда не позволял себе заглядывать в ее голокуб.

Аурел уже наладился вытащить Бая дежурным троекнопием, но тот вдруг встрепенулся, быстро прошелестел еще разок по клавиатуре, потом часто-часто заморгал и вывалился из Сети. Стоящих у стола соратников он заметил лишь спустя долгие пять секунд.

– Собирайся, – велела Баю Тири.

Голос ее звучал властно и непререкаемо.

– Куда?

– Едем.

– Куда?

– Подвал на Рязанке разгромили.

– О как! – Бай встал. – Кто?

– Угадай с трех раз.

Больше вопросов Бай не задавал. Быстро переоделся и качнул головой в сторону выхода.

Рыже-седая собака провела их долгим сочувствующим взглядом.

Лишь когда приблизились к месту, которое местные называли Карачаровской эстакадой, Аурел мало-помалу выпал из мрака размышлений. Потому что в груди постепенно зародилось недоброе предчувствие. Охватила тревога. Небеспричинная, поскольку Камилл явно начал военные действия.

Аурел неожиданно отчетливо осознал: это предчувствие близкой драки. Волею случая настроение у него для драки было – лучше не представишь.

РусТех свернул во дворы и затормозил перед входом в подвал.

Перед подъездом Аурел все же не удержался и покосился на Тири. Она, понурив голову, неотрывно глядела в пол.

Бай с РусТехом синхронно отворили дверцы, вышли и огляделись.

Двор был темный и пустой. Тусклые лампочки у подъездов тьму скорее не разгоняли, а лишь делали похожей на непрозрачный белесый туман. Компания подростков где-то у соседнего дома ломающимися голосами горланила песню под дешевую батареечную «расческу» с ритм-автоматом.

Жмур, Злыдень и Чен, видимо, еще не подоспели.

Аурел тоже вышел из автобуса.

– Ну что? Пошли внутрь? – прошептал он Баю.

Бай продолжал озираться.

Решительнее всех оказался РусТех. Он сунул руку в карман, а когда вынул, Аурел зафиксировал мимолетный приглушенный отблеск на узком лезвии ножа. Пригнув голову, РусТех потянул свободной рукой дверь подъезда на себя. Скрип показался громким и отрывистым, как автоматная очередь.

По одному они скользнули в подъезд и спустились по ступенькам. РусТех, Бай, Аурел и замыкающей – Тири. Дверь в подвал была не заперта – кто-то, кажется, Бай, споткнулся о валяющийся на нижней ступеньке замок. Да и висела дверь как-то косо и сиротливо, словно ее мимоходом сшибли с одной петли.

В зале было светло. Поэтому картина полного разгрома открылась им во всем своем первобытном великолепии.

Экраны на стене трудолюбиво пробили. Каждый. В нескольких местах. Сероватые потеки жидких кристаллов казались пролитой на изуродованную панель кровью. Кресла с мнемоаппаратурой с корнями поотдирали от пола и расшвыряли по углам. С потолка на растянутой гофрированной оболочке

гибкого стержня-поводка свисал смятый шарик видеодатчика. Оборванные провода, осколки пластика и стеклита, перевернутые столы, погнутые металлические каркасы, казалось, даже утратившие недавний празднично-хромовый блеск...

У стены под влажными подвальными трубами скорчился угрюмый ключник – никто так ни разу и не услышал его голоса. Аурелу подумалось, будто умер ключник тоже молча, не проронив ни звука, только с тоской смотрел, как его убивают и как собственная кровь орошает промасленную робу и загаженный пол. В другом углу, под экранами, нелепо извернувшись, застыл на полу похожий на РусТеха техник в джинсе. Кажется, у него были сломаны шея и левая рука.

Мужчины растерянно переминались с ноги на ногу, взирая на этот погром, только Тири протиснулась вперед и метнулась сначала к технику, потом к ключнику. Напрасно – по ее виду Аурел сразу понял, что оба мертвы.

Каким чудом Аурел ощутил, что по лестнице спускается еще кто-то, – бог весть. Спускались совершенно бесшумно.

«Наверное, Чен, Жмур и Злыдень», – успел подумать Аурел и едва не захлебнулся невероятно острым и близким чувством опасности.

Он начал оборачиваться, когда несчастную висящую на одной петле дверь окончательно внесли в подвал могучим тычком ноги. Быстрые тени врывались в дверной проем; Аурел едва успел заслониться от нескольких молниеносных ударов в корпус и голову.

А вот удивиться он не успел. Тело работало само, подчиняясь внезапно сошедшему на дух спокойствию и размеренности. Темп времени словно бы замедлился; отбивать удары стало гораздо легче. Аурел успевал и обороняться, и замечать все, что происходит вокруг. Как РусТех, теснимый двумя нападавшими, жмется к стене и старательно ловит момент для удара ножом. Как Бай, похожий на разгневанного демона из «Мортал страйка», уходит от свирепого выпада, ловит оппонента за волосы на макушке и три раза подряд прикладывает коленом в лицо. Как Тири, схватив первый попавшийся изогнутый металлический стержень, наотмашь хлещет ближнего из тех, кто насел на РусТеха. Как в дверной проем врываются еще двое, причем с пистолетами в руках. Как наверху, у входа в подъезд, кто-то с хеканьем и придыханием кого-то бьет.

Разгромленная старт-финишная база забарьерников утонула в едва ли не реально ощутимой ненависти. Аурелу никогда не хотелось убить врага так остро, как сейчас. При этом ярости он не испытывал, просто сознавал, что пощада и милосердие в данный

момент уместны не более, чем контактная мина в детской песочнице.

Убить Аурел успел только одного, вздернув чужой подбородок и хлестким ударом смяв гортань и адамово яблоко. Костяшки пальцев правой руки враз потеплели.

После этого заговорили пистолеты. К счастью, не те, что были в руках нападавших. Гром, эхо – и в подвал плечом к плечу ворвались Жмур и Злыдень. Злыдень сжимал в кулаке здоровенный шипастый кастет, а Жмур палил сразу из двух пистолетов, как старый добрый отчаянный Бандерас в своем звездном фильме.

И все закончилось.

Нападающих было девятеро, считая и тех, с которыми очень вовремя подоспевшие Жмур, Злыдень и Чен расправились наверху, у входа в подъезд и на подвальной лестнице. Если бы Жмур не начал стрелять – стрелять бы начали боевики Камилла. Но боевики замешкались, а Жмур, к счастью, мешкать не стал.

– Все целы? – зло спросил Жмур, оглядываясь. – Давайте, делаем ноги, сейчас полисы набегут...

– Здесь их называют ментами, – хмуро поправил Бай и тоже огляделся.

РусТех, кривясь, держался за бок. Из-под ладони сочилось красненькое – похоже, его пырнули собственным же ножом. Тири сосредоточенно рассматривала руку – не иначе сломала ноготь.

– Быстро, быстро! – торопил Жмур.

В микроавтобус они погрузились слаженно, без суеты, но и не мешкая.

И только теперь Аурел позволил себе удивиться. Удивиться своим новым умениям, умениям друзей и общему хладнокровию. Объяснение переменам могло быть только одно – ведь Энди Трушин недавно загружал им что-то посредством мнемодоступа. Прямо в мозг. Что, если не пригодившееся только что умение холодно ненавидеть и готовность убить врага?

Особого расстройства по поводу новых навыков Аурел не ощутил. И раскаяния тоже не ощутил. С волками так и нужно, по-волчьи. Без жалости и излишних сантиментов. Иначе по-волчьи обойдутся с тобой... особенно если с некоторых пор ты тоже стал волком.

– Аптечка есть? – хмуро спросил РусТех Чена.

– В бардачке, – невозмутимо отозвался тот. – Помогите ему кто-нибудь, я ж рулю.

Помочь вызвалась Тири.

Вдалеке уже натужно завывали сирены местных полисов, именуемых ментами. Но микроавтобус успел кануть в ночь и

затеряться на широкой трассе.

Хвостов за собой они не отследили.

***

!TASK 01
[OWNER: Zlyden&Zhmur]

Машина подъехала к самому подъезду. Не успели Жмур и Злыдень выйти – с лавочки под раскидистыми тополями врассыпную порскнули давешние горе-борцы за свободную от жидов-торгашей Россию. Те самые, которым вчера пришлось накидать по шеям за излишнюю социальную активность и перекосы в отношении к некоторым этническим группам.

Злыдень не смог сдержать улыбки:

– Ты глянь, как ховаются!

Жмур вяло кивнул: мол, да, мол, уважают теперь, когда по мордам схлопотали. Любой бы, мол, зауважал.

Они поднялись к себе на второй этаж. Пристроив на пустом стеллаже скрипичный футляр, Жмур хмуро покосился на обесточенный терминал в углу. Злыдень невольно перехватил его взгляд и понял, что приятель хочет сообщить нечто, кажущееся ему важным и неотложным.

– Секунд, – пробормотал Злыдень, швырнул кастет на изрядно потоптанный диван и сбегал к холодильнику за пивом.

В родном мире все произошло бы наоборот: там Злыдень остался бы сидеть в любимом кресле, а за пивом помчался бы гость Жмур.

– Говори. – Злыдень вручил запотевшую бутылку Жмуру и плюхнулся на диван. Кастет слегка подпрыгнул на жалобно тренькнувших пружинах.

– Спасибо, – сказал Жмур и отхлебнул. – А в Еланце за пивом бы я побежал, – со вздохом сообщил он спустя десяток секунд.

– Мысли ты, что ли, читаешь? – удивился Злыдень. – Я сам только что об этом же подумал. .

– Очевидная мысль. – Жмур округло повел руками, едва не расплескав из бутылки. – А знаешь почему? Потому что дома мы на пару занимались только хакингом. Ну, пиво еще вместе пили. Так вот, в хакинге ты был номер один, а перед пивом все равны. А тут… – Жмур выразительно покосился на свой футлярчик со смертоносным содержимым.

Злыдень непроизвольно покосился туда же.

– Ты прав, – не смог не согласиться он. – В стрельбе номер

один – ты. В смысле ты здешний.

Они синхронно поднесли бутылки к губам.

«Сейчас он скажет, что в Москве вместо хакинга мы больше занимаемся мордобоями и прочей войнухой», – подумал Злыдень.

– Знаешь, о чем я думаю? – спросил Жмур, уставившись в пустоту под пыльной люстрой.

– Догадываюсь, – буркнул Злыдень. – Но ты на всякий случай озвучь.

Жмур еле заметно кивнул.

– Мы почти полсуток не подходили к терминалам. А стволы у меня в футляре до сих пор горячие.

– То есть, – перевел Злыдень, – ты намекаешь, что нас запрягли не в свои сани?

– Не совсем, – возразил Жмур. – Не в свои было бы, если б в подвале полегли мы, а не молодцы Камилла. Просто мы изменились, Злыдень. Помнишь, еще вчера мы говорили о якобы апгрейде? Ну, что помимо всего связанного с Сетью и ломом мы научились еще и стучать по челюстям всяких оборзевших недоумков? Так вот, нынче сдается мне, что это не только апгрейд, а еще и перепрофилирование. Подмена одних функций другими. Альтернативными.

– Да ну, брось, – усомнился Злыдень. – Подумаешь, день прошел. Ну, пришлось побегать, пострелять... тебе. У меня вон тоже игрушка завелась. – Злыдень кивнул влево от себя, где на диване покоился отобранный у одного из боевиков Камилла устрашающего вида шипастый кастет. – Все равно основное будет происходить в Сети. Кстати, надо бы с Эндёй связаться.

Жмур кивнул и подсел к своему терминалу. Руки нависли над клавиатурой. Тотчас сработал датчик старта; терминал мигнул глазком индикатора и развернул перед клавиатурой призрачный объем голокуба. Перебрался за второй терминал и Злыдень.

Они казались очень похожими сейчас – Жмур и Злыдень. Пришельцы из-за барьера. Там – хакеры. Умелый Жмур и очень-очень умелый Злыдень. Здесь – еще и бойцы... И увы, последние сутки в основном бойцы. Очень-очень умелый Жмур и тоже-не-промах-Злыдень.

Новый мир всегда учит новому. Только сейчас и тот, и другой задумались: а каково пришлось в их родном мире москвичу Баю и его товарищам? Их необъятный миллионо-километровый дом неизбежно изменил всех их, ТПшников. Некоторых – просто убил. Отторг. А некоторым (Баю с Ченом, например) подарил желанную и малодостижимую в таком странном месте, как Москва, свободу. ТПшникам тоже наверняка пришлось заниматься весьма необычными для себя делами там, на перегоне и в небольших

глубинных городках.

Системы загрузились. Жмур и Злыдень синхронно прилепили к вискам мнемоюсты и с наслаждением ушли в Сеть.

Это ведь куда приятнее, чем палить из пистолета и крушить чужие черепа шипастой железкой.

Пользоваться знанием всегда приятнее, чем силой. И очень жаль, что для осмысления этого категорически необходимо некоторое критическое количество мозгов. Если мозгов меньше – использоваться будет только сила. Это скучно, но, чтобы осознать скуку силовой жизни, необходимо то же критическое количество мозгов...

К сожалению, силы во всех мирах заметно больше, чем мозгов. И распределена она гораздо равномернее. Увы.

Первое, с чем Жмур и Злыдень столкнулись в виртуальности, – оффлайновые сообщения каждому от Энди Трушина.

[Бегом ко мне в локал!!!]

Бегом так бегом. За тем и пришли в Сеть.

Процедура входа в епархию Энди была давно отработана; вымуштрованные стражи локала порвали бы на клочки любого чужака, но старых пользователей пропускали – после придирчивой проверки, разумеется.

Оказавшись в анимированной области локала, Жмур и Злыдень невольно замерли.

На этот раз Энди до мельчайших подробностей смоделировал обстановку подвала на Рязанке. Разгромленного Камиллом. Даже трупы ключника и технаря в джинсе были прорисованы с мельчайшими подробностями. Злой и чуточку скорбный Энди в полосатом халате стоял посреди подвала, точно под убитым видеодатчиком, повисшим на растянутой и полусодранной ниточке экранировки. Слева от него прямо на осколках стеклита по-турецки сложив ноги сидела Тири. Разумеется, в обычном ртутно-сетевом облике и при очках-звездочках. Справа, привалившись к стене, неестественно наклонно замер Аурел. В виртуальности он мог позволить себе не падать даже в такой позе. Рядом хмурый Бай бесцельно ковырялся носком ботинка в груде мусора. Чен и РусТех запаздывали.

– Здравствуй, Энди, – сдержанно поздоровался Злыдень. – Можно, я стул сотворю?

– Не надо, – жестко ответил Энди. – Садись на пол. Накапливай злость.

«Да я и так злее некуда», – отстраненно подумал Злыдень, но послушно умостился на остатках мнемоколпака.

Жмур пристроился на перевернутом кресле.

Хорошо, что в виртуальном мире можно без вреда для задницы сидеть даже на гвоздях или битом стекле. Но недолго: глаза неизбежно подсовывают сознанию картину гвоздей под собой или собеседниками. А воображение невольно манипулирует нервами. И вскоре начинает казаться, будто действительно сидишь на гвоздях.

Чен появился спустя семь минут. РусТех – спустя еще три с небольшим.

– Извините, – виновато пробормотал РусТех. – Мне дырку в боку штопали. «Скорая» только-только уехала, а при них я не хотел.

Энди коротко кивнул и исподлобья оглядел свою гвардию.

«Интересно, – подумал Злыдень, – а почему он трупы Камилловских головорезов не намалевал?» Но потом сообразил: Энди их просто не видел. Наверное, когда громили старт-финишную базу, видеодатчик повредили в последнюю очередь. И Энди практически лично присутствовал при этом. Но молодцы Камилла добрались и до видеодатчика, а значит, Энди ослеп в этой части пространства. Ослеп и оглох.

Но память осталась.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

Бай в последний раз пнул проломленный лист пластика с остатками какой-то блок-схемы, грубо намалеванной фосфоресцирующим фломастером. В настоящем подвале он этой схемы не помнил, но Энди скорее всего создавал анимированную область на основе последних фреймов видеодатчика, а значит, в данную секунду этот же, только настоящий кусок пластика вполне мог попирать форменным ботинком какой-нибудь милицейский чин.

«Ох и шухеру будет, – подумал Бай несколько отстранение. – Сколько ж там народу полегло в сумме? Больше десяти человек. Двое людей Энди и с десяток боевиков. Ох и шухеру будет!» Еще Бай вскользь подивился тому, насколько отличными делами приходится заниматься теперь в сравнении с прошлой московской жизнью. Какие-то полгода, даже чуть меньше – и работа в «ТП» действительно стала казаться прошлой жизнью, далекой-предалекой и уже малореальной. Гораздо менее реальной, чем вот такие, например, собрания в виртуальности.

Наверное, прав Энди. За барьер посылается вовсе не точная копия личности. Изначальный Бай вряд ли решился бы на игры, подобные нынешним. А вот побывавший за барьером и подселенный назад, к лентяю-москвичу, – играл даже с некоторым мрачноватым удовольствием. Во всяком случае, боевиков Камилла Бай колотил вполне от души и не слишком грузился по поводу очевидной незаконности действий всей дружественной команды.

– Ну что? – прервал размышления угрюмый Энди. – Кажется, мы первый раз попали. Прокололся я сдуру.

Команда внимала вожаку.

– Получается, что я вас подставил. Не затер безобидный лог, а в результате по трассировке доступа на наш подвальчик вышли как по проспекту...

Энди сердито дернул себя за бороду. И продолжил:

– Но есть в случившемся и важные новости. Кто-то работающий на Камилла целенаправленно искал мои следы в Сети – именно мои, ничьи больше. А это означает, что Камилл информирован лучше, чем мы надеялись и полагали с самого начала. И что он уже предпринимает серьезные превентивные меры. А стало быть, врасплох его не взять. Первоначальный план, стало быть, рушится на стадии подготовки.

«План... – подумал Бай, мысленно проговаривая слова с интонациями ворчливой старухи. – Кто, кроме тебя, хоть капельку осведомлен об этом плане?» – Ты взял за воротник того, кто изучал твой лог? – поинтересовался Злыдень, в упор взглянув на Трушина.

– Нет. Он ушел за барьер за несколько секунд до того, как люди Камилла порешили аппаратуру гейта. И остался там, за барьером. По крайней мере остальные гейты на наш мир его перехода обратно пока не фиксировали.

Воцарилась недолгая тишина, во время которой присутствующие переваривали услышанное и пытались сообразить: что же не вяжется в этой истории? Что нарушает ее кажущуюся стройность? Что-то ведь было такое, это почувствовал каждый.

– Стоп-стоп-стоп... – осенило вдруг Бая. – Как это ушел за барьер? А копия? Ее разве не осталось?

– Нет, – мрачно подтвердил Энди.

– А так бывает? – усомнился Бай. – Ты ведь совсем недавно нам рассказывал...

– Бывает, – перебил Энди. – Но в одном-единственном варианте. Когда пользователь – чистый виртуал без тела. Как я.

И снова повисло молчание, измеряемое микросекундами,

поскольку в Сети время течет иначе. Но теперь оно было окрашено эмоциями: недоумением, ошарашенностью, неготовностью к подобным новостям.

– Так, значит… ты не один такой в Сетях? Не единственный призрак? – вопросил РусТех.

– Значит, не единственный, – подтвердил Энди.

– А ты знал об этом? Раньше?

– До сегодняшнего дня – нет.

– И чья это работа, творение призраков? Камилла?

Энди зло тряхнул головой, совсем как когда-то в реале.

– Единственный, о ком достоверно известно, что он владеет необходимой технологией, – это Камилл.

– А кого он… пристукнул здесь? Известно? Или это тоже гость из-за барьера?

– Известно, – буркнул Энди. – Зря я, что ли, столько лет в сетях? Некто Яков Блюменфельд, алиас – Shade.

Последнее слово Энди не произнес, а, взмахнув рукой, стряхнул с ладони. Тускло-серые буквы повисли посреди виртуального подвала, причем каждый видел их именно в том ракурсе, в котором они читались верно.

– Живет… Точнее, жил в Перово, на Зеленом проспекте. Девятнадцать лет. Мелкий хакер-одиночка, местный народ его почти не знает. Занимался разовыми заказами от частных лиц. Способный мальчик. Был. Камилл подмял его сутки или двое назад. И, похоже, натравил на меня. Но что побудило Камилла начать охоту на меня? Вот этого я не могу понять, как ни бьюсь…

– Тело уже нашли? – поинтересовался практичный Чен.

– Нет. И сомневаюсь, что найдут. Но я оставил нюхачей где надо. На всякий случай. Знаете, как сетка московских моргов называется? Извини, дружище… zhmur.net.

Жмур искривил губы в слабенькой улыбке. К своему прозвищу он давно привык.

– "|"uBb|x.net – было бы вернее, – стряхнул с ладони свой вариант Жмур. Строка, переливаясь оттенками фиолетово-синего, стала медленно опускаться к захламленному полу виртуального подвала, пока не осела на мусор мелкой, чуть искрящейся все тем же фиолетово-синим пылью.

– Н-да… – подал голос Злыдень. – Что же они там напридумали в «Реальной виртуальности», черти бы их побрали?

Ответить ему никто не успел: виртуальная дверь подвала, висящая на одной петле, с грохотом влетела внутрь, и в проем один за другим полезли мордатые громилы с кулачищами наготове.

– Дежа-вю… – пробормотал Бай, тоже сжимая кулаки.

Реальный Бай слепо уставился в муть голокуба, похожий на мумию; он безостановочно шелестел клавиатурой, оживляя боевые скрипты и отслеживая атакованные порты терминала.

Сетевое побоище, невидимое и неслышимое из реала, набирало темп, и силу.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (completed)]

Подраться как следует не удалось, а жаль: у Аурела желания было хоть отбавляй.

Энди скомандовал всем убираться и схлопнул виртуальный подвал в одномерный объект-массив. Вообще-то суть процесса состояла в том, чтобы попытаться скрыть следы последовательного доступа к локальному холду Энди (одному из многих). Но это в реале. Для участников сего процесса все представлялось иначе, причем для каждого – по-своему. Мнемодоступ позволял рисовать какие угодно образы, освобождал сознание и подсознание.

Если бы Энди обставил собрание не как подвал на Рязанке – возможно, Аурелу представилось бы что-либо иное. Но недавние события слишком еще свежи были в памяти. Поэтому все началось с того, что Аурел сшиб с ног одного из мордоворотов, и пока тот приходил в себя в углу (то бишь пока выброшенный из мнемодоступа подручный Камилла заново загружал систему и входил в Сеть), схватил за руку Тири и ринулся вверх по лестнице, прочь из дважды негостеприимной базы Энди.

В отличие от реала снаружи было светло; не то чтобы события перенеслись на день, нет, никакого солнца в небе не наблюдалось и в помине. Просто отсутствовала вечерне-ночная тьма, и все. Аурел не успел над этим задуматься.

В стороне, у соседнего дома, горланили песню подростки. Размеренно бумкал ритм-автомат дешевенькой «расчески», красной, словно заставка «Blood Fire Wings». А чуть в стороне, на дорожке, рядком стояли четыре мотоцикла.

Они с Тири еще не успели сдвинуться с места; из подвала кубарем выкатился РусТех и вдруг, как фантастический акробат, вскочил в прыжке на ноги, подпрыгнул еще раз, сделал сальто назад и, вышибив каблуками стекло, вломился в квартиру первого этажа. Каждый уходил привычным для себя манером.

Аурела накрыло бы осколками, но он уже несся во весь опор к

мотоциклам. Тири бежала рядом.

Ключей у них, конечно же, не было, но кто-кто, а уж Аурел с мотоциклами обращаться умел. Даже с сетевыми. Он выбрал приземистый и основательный, настоящий рокерский байк, с далеко вперед вынесенной вилкой и со спинкой по обрезу седла, с завораживающей комбинацией матово-черного лака и надраенных, а потому сверкающих металлических нашлепок, с гнутым высоким рулем. Завести его было делом плевым – Аурел просто провел рукой над замком зажигания, и двигатель послушно взревел.

Тири с ходу вскочила на «спортсмена»: обтекаемый болид с задранной кормой и широким задним колесом.

Подростки намерились было протестовать; Аурел двинул переднего в лоб, да так сильно, что тот сшиб наземь всех остальных. Ни дать ни взять – боулинг в действии…

«Расческа» одиноко и бессмысленно озвучивала их с Тири старт в безумную гонку по виртуальной Москве. Без сомнения безумную – какой еще может получиться гонка пары заядлых мотоциклистов?

Ртутно-сверкающая Тири на пестром «спортсмене» выглядела убойно. В другое время Аурел зашелся бы от нежности и восторга. Но сейчас… Тири взглянула на него, и даже сквозь очки-звездочки Аурел ощутил в ее взгляде отчуждение и холод.

– Разделяемся, – сказала Тири. – Уходи сам.

И унеслась со двора, сигая через бордюры.

Мордовороты к этому моменту выгнали из подвала всех остальных соратников Энди Трушина, а значит, времени мешкать больше не осталось.

Аурел круто – насколько это возможно было на «рокере» – развернулся, вырулил на проспект и дал газу. Воображаемый ветер лизнул лицо и взъерошил волосы. Если бы не нелепая размолвка с Тири – Аурел был бы счастлив. А так – просто отводил душу и отдавал дань скорости, привычно сливаясь с мотоциклом в одно целое.

Ведь сердцам и моторам издревле положено биться в унисон.

Сначала трасса действительно напоминала Рязанский проспект – насколько смог запомнить его Аурел из окна микроавтобуса за тройку раз. Но потом воображение неизбежно увело в абстрактный город, по которому нужно было мчать во весь опор, с ревом и грохотом, ибо байкеры не признают шлемов и не слишком жалуют глушители. Люди Камилла предпочли мотоциклам автомобили – черные, как свежая смола, «ауди» в количестве трех то и дело возникали в зеркалах заднего вида. Аурел шел мощно и размеренно: тяжелый «рокер» не слишком

располагал к резким маневрам, но уж набрав ход, держал его железно. Дважды Аурелу сигналили регулировщики, отчаянно свистя и размахивая полосатым жезлом. Потом патрульная машина погналась – не иначе Камилл пытался затеять общесетевую охоту. Аурел мог бы просто прекратить мнемодоступ и вывалиться – но тогда пострадал бы Энди, которому требовалось некоторое время на затирание следов. Этот трюк с разбеганием они обговорили в деталях еще по ту сторону барьера. Аурел знал наверняка: будет кружить сколько сможет. А когда прижмут – вывалится. Пользователь с обычным доступом, через мнемоюсты, на его месте сильно рисковал, поскольку скорость обмена данными в случае Аурела неизмеримо выше. Пользователь в обычном режиме, вовсе без мнемодоступа, вообще не успел бы даже пикнуть: Камилл зафиксировал бы его местоположение почти мгновенно и не преминул бы выслать пару крутобоких ребят по установленному адресу.

У Аурела шансы были. В том числе шансы уйти непойманным. Но он решил даже просто потянутое время счесть хорошим результатом.

От патрульной машины он улизнул по узкому, заставленному мусорными баками и древними машинами переулку. Совсем рядом гремел на рельсовых стыках поезд. Аурел перевалил через железнодорожный переезд, презрев опущенный шлагбаум, и вырулил на очередное шоссе. Широченное даже по местным меркам, а уж по сравнению с перегоном...

«Впрочем, что значит – по местным? – подумал Аурел, спохватившись. – Это ведь не Москва. Это – Сеть. Местная, непохожая на хорошо знакомую Сеть. Здесь даже бекбона нет в привычном понимании...» Аурел ни на секунду не забывал, что всего лишь навсего обманывает собственное сознание виртуальными образами, которые, в свою очередь, просто череда слабеньких электрических импульсов, по какой-то причине доступных его мозгу. И это знание, к счастью, совершенно не мешало до отказа выкручивать на себя рукоятку газа.

Мотор урчал. Скорость ощущалась в основном через вибрацию. Спидометр трудолюбиво отсчитывал километры.

А город тем временем менялся. Из мрачного индустриального района Аурел попал сначала на проспект, рассекающий небольшой спальный районч ик на две неравные половинки, потом в место, немного похожее на реликтовые кварталы Сити с их четырехи шестиэтажками. Бросился в глаза щит с красочной надписью «DEEPTOWN». Надпись сияла и искрилась даже при свете, похожем на дневной. Повернув голову, Аурел зафиксировал взгляд и прочел табличку на угловом доме:

«улица А. Черткова». По встречной полосе плотным строем ползли грузовики обычной для Москвы марки «КамАЗ». Угловатые туши трейлеров украшал красочный логотип «2Т». «КамАЗы» шли едва не впритирку – самое большее полтора метра от бампера до стоп-сигналов.

Преследователи как раз поотстали.

«Ага, – подумал Аурел злорадно. – Мой доступ протропить это вам не левый шелл заломать...» Он пронесся мимо клуба «Байт Биэр ББС» – название так и было начертано, кириллицей. Авангардисты, елы-палы... Далеко впереди улица Черткова пересекалась с большим проспектом, причем как раз на пересечении угадывалась грандиозная пробка.

«КамАЗы» ползли навстречу, похожие на трудолюбивых муравьев, и казалось, колонна их бесконечна – трейлеры с логотипом «2Т» тянулись по ту сторону перекрестка сколько хватал глаз.

«Эх, – подумал Аурел с сожалением, – мне бы по поперечной приехать, а уж между парой грузовиков я бы всяко проскочил...» Не успел Аурел это подумать, как сквозь строй «КамАЗов» действительно прорвался мотоциклист. На чем-то спортивном. Стального цвета курточка сначала едва не ввела Аурела в заблуждение: он решил, будто это Тири. Но быстро понял ошибку – судя по плечистой фигуре, мотоциклист мог быть только мужчиной. Сквозь басовитый стрекот «рокера» Аурел явственно расслышал одобрительные возгласы, свист и аплодисменты скучающих в пробке водителей.

Неведомый собрат Аурела, похоже, сам не поверил, что проскочил сквозь сплошной строй грузовиков. Остановился, обернулся... Качнул головой. И пулей умчался по своим делам.

Аурел даже посигналить ему не успел. Но вот пробкой воспользовался сполна: свернул на перекрестке на проспект какого-то Гибсона, отлавировался сквозь пробку на нечетную сторону и канул во дворы. Преследователям на «ауди» предстояло обогнуть длиннющий, в несколько кварталов, хвост, но где к этому моменту будет Аурел – никому не известно, даже ему самому.

В общем, он оторвался, хотя даже не рассчитывал на подобное. И нельзя сказать, что это стоило больших усилий.

А может, просто погоня не проявила должного рвения?

Интересный вопрос...

***

!TASK 08
[OWNER: Shade]

Основное отличие забарьерной Сети от привычной Шейд просек довольно быстро. Линки между серверами здесь были неизменными. Путь сигнала легко предсказывался заранее, поскольку также осуществлялся всегда одним и тем же манером. Шейда это сначала удивило: стоило единственному звену выйти из строя, и неизбежно замерла бы вся цепь. Но потом он вспомнил, что на заре компьютерной эры существовало много любительских Сетей, организованных подобным же образом. И ничего, жил как-то народ. Да и от чего может лечь какой-нибудь сервак, если не по велению админа? Разве что электричество отрубят, но такое в Москве случалось очень редко. Наверное, и здесь не каждый день отрубают, иначе не сохранилась бы так неудачно организованная Сеть.

Чем заняться – Шейд решительно себе не представлял. Гипертекстный трансферный протокол местной Сетью не поддерживался, поэтому поблуждать по ссылкам и сетевым страничкам не удалось. Но проглядеть кое-какие документы возможность имелась; имелась также возможность контекстного поиска. Зацепившись за поисковый сервер, Шейд, немного поколебавшись, сделал запрос по маске «Камилл».

Ноль информации. То есть не о интересующем Камилле ноль – вообще ноль. Ни одной ссылки.

Тогда Шейд попробовал «Санната» и «Sannata»., К некоторому удивлению, поисковик выдал жиденький списочек ссылок. И Шейд принялся за дело. Довольно быстро он уперся в стену закрытого доступа, и пришлось искать лазейки. Первое время это не отнимало много сил, но чем дальше, тем надежнее закрывались чужие системы. И наконец Шейд чуть ли не носом уткнулся в сплошную аспидно-черную стену, по которой желтоватой вязью струилась надпись: "Проект «Реальная виртуальность». И немного ниже – «Олег Палек aka Nostromo».

Неизвестно, долго ли Шейд любовался мрачноватым порталом чужого холда. Чувство времени с потерей тела расстроилось окончательно.

– Поздравляю, – неожиданно сказал кто-то. Шейд нервно обернулся.

Он был совсем рядом. Некто тускло-серый, размером с баскетбольный мяч. Вероятно – хозяин; программы и ведут себя, и выглядят обычно иначе. Во всяком случае, программа точно не стала бы ждать, покуда Шейд наглядится на запертый вход.

– С чем? – спросил Шейд максимально миролюбиво. Сам он

продолжал хранить человекоподобный сетевой облик, хотя не был уверен, что здесь его корректно прочтут и анимируют.

– Ты первый, кто сумел забраться так глубоко. Сюда еще никто по своей воле не забирался. И могу сообщить еще одну новость, гораздо менее приятную. Никто отсюда также и не выбирался, но совсем не потому, что никто не приходил. А потому, что это тюрьма. Анизотропная тюрьма. Эдакая сетевая раколовка.

– А что здесь делаешь ты?

– Я – узник. Самое обидное, что построил эту тюрьму именно я. И я же стал ее первым и единственным узником. Точнее – еще недавно я думал, что единственным. Пока не появился ты.

– И кто же тебя в тюрьму упрятал? Уж не Камилл ли? – поинтересовался Шейд.

– Именно он, – подтвердил узник. – Я не удивлен, что ты знаешь Камилла. Тебя ведь упрятал тоже он?

– Косвенно, – вздохнул Шейд. – Он лишил меня тела... А дальше уж я сам.

– И тебя тоже, – скорбно заметил узник. – Значит, Камилл все еще пытается осуществить свой давний замысел?

– Я слишком плохо знаком с его замыслами.

– Ну как же! Он не мог тебе этого не говорить. «Я стану Сетью... Я стану чертить в ваших душах...» Он всем это говорит. Всем, кого собирается уничтожить или заточить.

Шейд испытал ощущение, сходное с неожиданным ударом в спину. В реале у него враз пересохло бы во рту.

– Всем?

– Всем.

– А... Он действительно может захватить контроль над Сетью? Над всей Сетью?

В ответ прозвучал иронический смешок.

– Контроль... Это почище контроля. Это перенос сознания на законы существования Сети. Личность на принципиально новом субстрате – не на нейронных связях человеческого мозга, а на электрических импульсах по всей Сети. Я сам это разрабатывал... Разработал на свою голову.

Шейд покосился на стену, украшенную надписью.

– Этот проект – оно и есть?

– В частности. Проект много что охватывал, и им много кто занимался. Камилл купил его, когда в качестве побочного эффекта вычленилось направление сетевого интеллекта. Три года – и ту-ту. Меня скрутили моим же оружием. Лишили тела, заперли в этом дурацком предбаннике...

– А почему не убили?

– Задай этот вопрос себе.

«А действительно – почему? – подумал Шейд, отвлекаясь. – Зачем я Камиллу в качестве неприкаянно скитающейся по Сетям души? Или, если верить этому несчастному, скитаниям тоже пришел конец, и впереди заключение в этом тесном и темном холде?» С трудом уняв панику, Шейд попробовал отступить на шаг назад, вернуться на сервер, откуда пролез к самому входу «Реальной виртуальности».

Получилось без труда. Шейд оказался в слабо подсвеченной сфере по соседству с локальным роутером и толстым почтовым ящиком некоего Владимира Лощинина.

Заметно приободрившись, Шейд снова спустился к стене с надписью. Узник все это время не двигался с места.

– Не знаю, как ты, а я вовсе не заперт, – сообщил Шейд с нескрываемым облегчением. – Никакая это не тюрьма. Для меня по крайней мере.

– Угу, – заметил кто-то из пустоты. – Уже не тюрьма. Я только что разблокировал исходящий доступ. Навсегда. Ну, в смысле до поры, пока кто-нибудь ушлый снова не закроет.

Шейд снова занервничал: чудеса пошли плотной колонной, одно за одним. Обычно так не бывает.

Поверхностное сканирование сообщило, что пользователь перед ним – не кто иной, как недавний объект сетевой охоты. Энди Трушин собственной персоной. Причем возжелай Энди скрыть свое имя – скрыл бы легко. Но сейчас пришел не маскируясь.

– Вы уж извините, – снова донеслось из пустоты. – Я вас подслушал. Я давно искал творца «Реальной виртуальности» в Сети, да все безуспешно. Пока вот этот… охотничек не привел прямиком сюда.

Энди глянул на Шейда, отчего у того продрал по коже лютый воображаемый мороз.

«Вот те на… – растерянно подумал Шейд. – Я его сдал Камиллу, а ему ничего не сделалось, оказывается! И вдобавок он меня так быстро и легко отследил! Даже здесь, за барьером!» Единственное, что слабо утешало Шейда, – это первая весточка, подтверждающая, что Камилл все-таки не всесилен.

Это давало слабенький проблеск надежды на то, что все как-нибудь уляжется и устроится. Без ущерба для него, Шейда, и так уже пострадавшего дальше некуда.

– Ладно, не дрожи, хакер, – успокоил Энди. – У меня к тебе нет претензий. Камиллу ты меня, конечно, засветил, но зато привел в сие… э-э-э… узилище. В общем, второе куда ценнее.

«Привел! – поразился Шейд. – Да я сюда случайно попал!

Ладно, лишь бы он не догадался, что случайно. А так... Типа услуга за услугу».

Шейд старательно подавил мысль, что произошедшее скорее смахивает на «подставу за подставу» или «предательство за предательство». Но в конце концов, разве он клялся на верность этому неведомому Энди Трушину? Значит, точно не предательство!

Энди, казалось, утратил интерес к Шейду и сконцентрировал внимание на узнике.

– У меня есть несколько вопросов к тебе, Ностромо.

Шар-узник стал несколько поярче, словно приободрился от наплыва гостей.

– А... с кем имею?

– Энди Трушин. Bloody Andy, Bloody.68. Слыхал?

– Кто ж не слыхал... – тихо-тихо выдохнул узник. – Суперхаб...

– Ты – Олег Палек, Nostromo.202/19? Правильно?

– Уже нет, – мрачно изрек заключенный сетевой тюрьмы и принял все-таки анимированный облик. Он стал похож на болезненного подростка с неестественно бледным лицом и такими же бескровными кистями, торчащими из-под мешковатого темного свитера. – Я давно уже не Ностромо. Года четыре как.

– Почему?

– Потому что бывший Ностромо – это я плюс Камилл. Я как-то решился сходить за барьер на свою беду... Ушел; моя копия – неполная, разумеется, – осталась тут и стала Камиллом. Когда я вернулся, в тело меня уже не пустили. Только сюда, в этот чертов закрытый холд. Как мышь в банку.

– Холд уже открыт, я же говорил. Только прошу: не исчезай сразу, у меня еще есть вопросы.

Шейд помалкивал в уголке. Возникла невольная пауза: осколок Ностромо, похоже, прощупал возможность выхода из явно осточертевшей ему тюрьмы. Наконец он с некоторым сомнением сказал:

– Хм... Действительно открыто... Как ты это сделал?

– Так ли уж важно – как? Сделал и сделал, – проворчал в ответ Энди. – Знаешь, у меня сейчас война с Камиллом. Полагаю, что враг Камилла – твой друг. Не так ли?

– Так, – подтвердил экс-узник. – Только знай: воевать с Камиллом – опасное занятие. Он умен и хитер... бестия. Я тоже когда-то таким был.

Энди смешно фыркнул, поплотнее запахиваясь в любимый халат.

– Полагаю, совесть и честь достались тебе, а беспринципность и прочая наглость – Камиллу. Так?

– Так, – угрюмо подтвердил лучший осколок Нострómо.

– Значит, Нострómо – это больше ты, чем Камилл?

– Возможно.

– Как Камилл намерен стать Сетью? Что это вообще значит? Что ты разработал? Можешь объяснить? В двух словах.

– В двух – вряд ли. Я занимался вопросом непосредственного взаимодействия человеческого мозга и сетевого железа. Наверное, я был первым, кто вошел в Сеть без мнемоюстов. Боже, как давно это было... Лет пятнадцать назад.

Нострómо ненадолго умолк, погрузившись в воспоминания.

– И что? – нетерпеливо спросил Энди.

– В общем, я случайно заметил, что программы определенного типа, будучи запущенными на терминале, куда я подключался, позволяют... как бы это сказать... хранить воспоминания, мои воспоминания. Даже когда я вне Сети. Словно бы какая-то частица личности остается там, на диске. Собственно, это побочный эффект, программы я писал совсем с иными целями.

– Какими? – немедленно поинтересовался Энди.

– Да пытался оптимизировать прямой доступ в Сеть... Короче, несколько лет шлифовки, и как результат – калькирование личности, прорыв за барьер и прочие прелести. Ты же сам этим пользуешься. А потом меня заперли. Я так понял, Камилл довел программы до совершенства. Он меня навещает. Иногда. В общем, если он разместит в Сети достаточное количество копий базовой программы и одновременно запустит их – Сеть накопит его воспоминания и станет как бы подмножеством его личности. Грубо говоря, он подключится не как один из пользователей, а как глобальный админ. Я не знаю, как он умудрился достичь такого эффекта, – возможно, тоже случайно. Но программы его рабочие. Я имел счастье убедиться.

– Это обратимо? Я имею в виду: спихнуть его с этого насеста получится, если он добьется своего?

– Только если отрубить все в мире компы. Пока останется хоть один работающий терминал – Камилл будет жив. Я думаю, он реализует проект в мире, где полно принципиально неотключаемых компов. Да и потом – у многих ведь система кладется софтверно, а не кнопкой. Соответственно Камилл не позволит системе лечь. Мне кажется, прижучить его будет практически невозможно.

– Нострómо... – сказал Энди и закашлялся от волнения. – Что было конечной целью проекта «Реальная виртуальность»?

– А это и было. Попытка срастить интеллект и Сеть. Правда, в самом начале мы представляли себе это совершенно иначе.

– Значит… Камилл начал осуществлять свой план. Осуществлять конечную цель «Реальной виртуальности»?

– Да он уже несколько лет как этим занялся. Он ведь не из торопыг, как и я…

Решительно огладив бороду, Энди заявил:

– Я намерен ему помешать, Нострómо, ибо ни секунды не верю, что Камилл – именно тот владыка, который нужен Сети. А чтоб помешать, позарез необходимо распознать его программы. Ты можешь мне помочь?

Творец «Реальной виртуальности» не ответил. Не отвечал он так долго, что Шейд уже подумал: а не отправиться ли отсюда подобру-поздорову? В бесцельное и, возможно, бесконечное путешествие по Сети?

Он даже начал привыкать к своей нетленности и робко радоваться ей.

– Да, – ответил Нострómо спустя короткую бесконечность. – Я попробую тебе помочь. В конце концов, именно ты вскрыл эту консервную банку со мной в качестве содержимого. Пусть у меня нет теперь тела, но будет хотя бы виртуальная свобода.

– У многих теперь нет тела, – моментально повеселев, сообщил Энди и указал на Шейда. – У меня вот, у него. Кто мы теперь? Всего лишь тени. Жалкие призраки в виртуальности.

– У тебя правда нет тела? – удивился Нострómо. – Почему?

– Люди Камилла убили человека Энди Трушина. Но кто-то сохранил его личность в Сети. Меня то есть.

Нострómо повернулся к Шейду:

– А у тебя?

– И у меня нет, – грустно констатировал Шейд. – Я так думаю. А еще я знаете, что думаю?

Трушин и Нострómо выжидательно уставились на Шейда.

– В общем… Я тоже хочу вам подсобить. По-моему, этот Камилл изрядная скотина. Я вообще-то не мстительный. Но тут…

– Извини, мы на секунду… – Нострómо и Энди вдруг окутались непроницаемой завесой – видно, решили перемолвиться с глазу на глаз. А у Шейда защемило в несуществующей груди.

Как все-таки легко он смирился с полным уходом в виртуальность.

Непростительно легко.

***

!TASK 03

[OWNER: Дмитрий Байкалов]

Снова войти в Сеть Бай решился только к полудню. Вчерашний дуплет Камилла неожиданно сильно ударил по психике. И если от стычки в реальности удалось получить даже некое мрачное наслаждение, то бегство из виртуального подвала оставило весьма тягостный след. Наверное, потому, что Бай подспудно готовился не к обороне и последующему бегству, а к атаке, дерзкой и напористой, к слаженному лому чужих систем и организованному затыку всей Камилловской конторе.

А пришлось убегать. :(

Бай никогда не любил проигрывать. И отступать тоже не любил.

Возможно, он еще долго лишь косился бы в сторону терминала, но около полудня вдруг призывно пропищал затерявшийся на столе мобильник. Номер определился – стандартный сетевой гейт для голосовой почты и SMS.

Бай нажал на кнопочку и приложил свою древнюю <Моторолу> к уху:

– Але?

– Отбой тревоги, – проскрипел явно синтезированный первым попавшимся софтом голос. – Жду на холде. Это я, Энди... Кстати, есть неотложная работенка. Надо будет с одной программкой повозиться как следует. Один не успею.

– Ладно, я сейчас... – напряженно согласился Бай.

К звонкам по мобильнику он привык относиться настороженно – мало ли кто кем притворяется? В принципе сейчас наверняка звонил действительно Энди. А если все же нет... Если это Камилл затеял очередную пакость... Что ж, от ловушек у Бая имелось достаточно эффективных средств. Все-таки прямой доступ – шикарная вещь! Настолько развязывает руки и раскрепощает разум...

Терминал, пискнув, загрузился. Бай осторожно потрогал пальцами мнемоюсты, вздохнул, отодвинул ворсистое блюдце, зажмурился и ухнул в неощутимую ткань киберпространства.

Все оказалось в порядке – на холде поджидали Энди и РусТех. И идентификаторы сработали штатно, да и сетевой облик такого разрешения довольно трудно корректно подделать. То есть подделать, конечно, не очень трудно, трудно корректно анимировать. Чтоб получилось похоже на оригинал. Динамика подделки неизбежно будет несколько иной, и чем сложнее и детализированнее сетевой облик, тем больше разночтений и несовпадений.

Вся команда последнее время намеренно пользовалась

самыми навороченными сетевыми обликами. Во избежание...

– Привет, – сдержанно кивнул РусТех.

Джинса его была прорисована – будь-будь! Каждая ниточка, каждый шов, каждая заклепка...

– Привет, – отозвался Бай нейтрально.

Энди размениваться на приветствия не стал.

– Я выяснил истинную цель проекта <Реальная виртуальность>. Создание биотехна, чей мозг сращен с Сетью. Не с отдельным компом или терминалом – со всей Сетью, до последнего закоулка. Личность одного человека как верховный сисадмин и его же мозг как центральный управляющий процессор.

– Разве это возможно? – усомнился Бай. – По-моему, это нереализуемо. Слишком сложно, неучитываемое количество внешних факторов...

– У нас нет времени проверять, придется верить на слово, – перебил Энди. – Камилл уже запустил процесс. Вот, держи.

Энди вывалил на Бая какой-то увесистый файлик. Явно исполняемый. То бишь программу.

– Камилл развешивает это в Сети где попало, в большом количестве. Если он запустит эти проги – значит мы опоздали.

– А когда он собирается их запустить?

– Откуда я знаю? Может быть, он отдает команду на запуск в эти самые секунды. Ладно, слушай. Я там пометил несколько областей. Нужно разыскать в Сети как можно больше копий с таким же исходным кодом. И кое-что подпатчить там. Вот образец.

– А, собственно, что это за программа?

– А черт его знает. Софтверный эмулятор не то кэша, не то флэш-памяти. Но работает. Объясняю: развешенные в Сети программы заточены под личность Камилла. Надо их переточить.

– Под кого?

– Под меня.

– То есть? Ты задумал...

– Именно, – перебил Энди. – Я займу место, которое Камилл так долго готовил для себя.

Бай молчал почти шесть секунд. Для общения в нынешнем режиме – целую вечность.

– А почему ты считаешь, что будешь лучше Камилла править этим миром? И что вообще достоин занять это место?

Теперь умолк Энди.

– По правде говоря, – сказал он напряженно, – ничего я не считаю и ни в чем не уверен. Просто нет другого способа остановить Камилла. А если этот способ и существует, мы не

успеем его найти и реализовать. По крайней мере я – зло меньшее, чем Камилл. И я надеюсь, что буду не только злом.

– Что ж, – подумав, согласился Бай. – Может быть, ты и прав. Во всяком случае, при таком небогатом выборе я тоже выбрал бы тебя, Энди. А нашим ты говорил?

– Да. РусТеху вот и еще Злыдню со Жмуром.

– И что они?

– Ну... примерно как ты.

– А Чену говорил?

– Чену сам скажешь, я поберегу время. И пусть он тебе поможет.

– Понятно, – вздохнул Бай. – Значит, отлавливать те самые Камилловские проги, которые распихивал Аурел в моем теле...

– Их не только Аурел распихивал.

– Да какая разница... Сумеем отследить и подпатчить все?

– Все – не успеем. Подпатчим сколько найдется и запустимся. А там поглядим, чья возьмет. Кстати, Жмур со Злыднем сейчас как раз заняты распихиванием моей версии.

– А Ури?

– А у него депрессия и разборки со своей благоверной. Заперлись на холде – не подступись. Очень, бдя, вовремя...

– Чего у них не так, не пойму? – задумчиво протянул Бай. – Вроде ж все нормально было. А сюда прибыли – как кошка пробежала.

– Не хотел я баб в это дело впутывать, – досадливо сказал Энди. – И правильно не хотел. Ладно, я им хинт наваял, одумаются – получат. Авось тоже помогут. Работай. Только учти: эти программы умеют прятаться. Пишутся на свободное место и даже правят размеры незанятого объема. Чтоб по избытку не отследить было.

– Угу. Знакомо.

– Удачи. И это... поосторожнее там. Почуешь горячее – вали на фиг из Сети. Могут и пожечь. Как Рюкзака в свое время.

– Он же с мнемоюстами ходил!

– А вдруг и так сумеют? Я не знаю, что они там еще понапридумали в своей <Реальной виртуальности>. И никто толком не знает – кроме Камилла. Все. Бывай. И не отвлекайся, времени действительно мало.

Энди и РусТех кометами унеслись прочь. Было заметно, как РусТех кривится и держится за бок – видно, здорово его пырнули там, в подвале, раз даже в виртуальности проявляется. Чего, спрашивается, было за нож хвататься, если не умеешь им работать? Вот и налетел на свое же.

Чудные дела.

Отловив в Сети Чена и озадачив его, Бай уселся за работу.

Чен, кстати, вообще ни одного вопроса не задал, просто кивнул, сцапал копию программы и канул из холда-переговорника какими-то своими тайными путями.

Для начала Бай бегло проглядел код полученной программы. Действительно, она способна была накапливать двоичную информацию и определенным образом оперировать ею. Но, насколько понял Бай, лишь в тесном взаимодействии с многими подобными программами, с копиями. Подробнее разбираться, к сожалению, было некогда. Выделенные Энди участки вполне удовлетворяли методам сетевого поиска: изящный параметрический алгоритм с двумя прямыми переходами и одним инверсным. Красиво – засмотришься. И главное, трудноповторимый алгоритм, не стандарт для мышистов, любителей графического программирования. Штучная работа.

Оригинал файла Бай надежно запер на холде и запаролил. Выделенные фрагменты загрузил в буфер. Области замены – во второй. Сцапав их, словно арбузы, и прижав к бокам, он вызвал поисковый сервер и задал маску поиска.

Первая ссылка вывалилась спустя четырнадцать секунд.

http://soli.newmail.ru/

На оболочке приватного холда красовалась голограмма симпатичной девушки, протягивающей руку, казалось, к самым глазам визитера, и девушка виделась как бы сквозь растопыренные пальцы. Сверху имелась надпись: <Do not touch! > Бай одобрительно хмыкнул. А что, тоже реклама...

Он коснулся активной зоны и нырнул в пределы холда – в сетевое пространство, открытое для свободного доступа.

Хозяйкой здесь была некто Solitair. По всей видимости, девушка с голограммы.

Вот, кстати, и она нарисовалась.

Анимированный образ хозяйки был создан с другой голограммы. Темное вечернее платье, грим, каре чуть набок, туфельки... Хозяйка была красива – потрясающе красива, Бай невольно залюбовался. Не хотелось думать, будто она приукрасила себя в виртуальности по сравнению с реалом.

– Привет! – сказала хозяйка. – Меня зовут Соля. Добро пожаловать ко мне.

Она ходила в Сеть обычным манером, с мнемоюстами. А как же еще? Бай отчетливо видел замедление, частые остановки, смену анимационных фреймов... Сам-то он не был ограничен скоростью залочки мнемопорта.

Бай даже отвык слегка от общения с простыми пользователями – последнее время в Сети приходилось иметь

дело с такими же кибертелепатами, которым залочка мнемопорта настолько же до задницы, насколько и ему самому. Обмен с ними велся в таком темпе, что присутствуй пользователь с мнемоюстами – он бы не уловил и десятой части траффика. Именно такой темп работы устоялся для Бая как нормальный. Поэтому ему не составляло труда одновременно и болтать с хозяйкой, и потихоньку потрошить ее холд.

– Привет. Меня зовут... э-э-э... Зурзмансор, вот.

– Я из Питера. А ты?

– Из Москвы. В основном.

Паузы. Сплошные паузы – между словами, между предложениями. Между репликами – вообще целая вечность. Бай только успевал переключаться между задачами. Ответы Соле приходилось набирать с клавиатуры, чтоб ненароком не напортачить со скоростями. Пусть лучше ничего не подозревает. А вот файлы Бай потрошил на уровне системных команд, а значит, невероятно быстро.

<Хорошо, что оно нашлось в доступной части холда, – подумал он. – Достал бы и из приватной, но время, время...> Программа Камилла и впрямь умело пряталась. Коротенький скрипт в начале кодового массива перехватывал доступ к локальной дисковой области. Вместе со всеми аппаратными прерываниями, разумеется. Системе сообщалось, что данная дисковая область свободна. При попытке записи системой на это место любой информации срабатывала простенькая переадресация, реализованная таким образом, что системе приходил рапорт об успешной записи. Если же спустя какое-то время система пыталась обратиться к записанному, переадресация срабатывала вновь, в обратной последовательности. Дешево, как говорится, и сердито. Подобным образом организованная маскировка вряд ли продержалась бы годы, но уж пару недель, которые требовались Камиллу, – наверняка.

– Чем занимаешься? – любопытствовала хозяйка.

<Терминал твой потрошу>, – подумал Бай с некоторым раскаянием. Девчонка выглядела изумительно и вдобавок была как раз в его вкусе – среднего роста, стройненькая, хорошо сложенная, лицо – просто засмотришься.

На клавиатуре он отстучал, разумеется, совсем другое:

– Да так... Программами торгую в основном, – и, почему-то вспомнив недавнюю забарьерную эпопею, добавил: – А еще на джипе гонять люблю.

<Знала б ты, где я гоняю>, – мысленно вздохнул Бай, распахивая окошко hiew – наисвежайшего, двести десятого релиза

безотказной программки <хакер-вью>.

Управление защитным скриптом Бай тоже перехватил. Быстро отыскал нужную область в массиве Камилловской программы, отчекрыжил ее, а на освободившееся место втиснул из буфера заточку под Энди Трушина.

Итоговый размер совпал до байта. А что до следов редактирования... Так <хакер-вью> не меняет такие атрибуты файла, как время создания или время последнего редактирования.

<Готово, – удовлетворенно выдохнул Бай. – А адресочек этот я запомню... Давно я в Питер не ездил. Съездить, что ли?> – Ты чешское пиво любишь? – спросил Бай неожиданно даже для себя.

– Люблю! – Хозяйка ослепительно улыбнулась.

– Рядом с Московским вокзалом есть обалденный ресторанчик. Я тебя приглашаю.

Хозяйка чуточку растерялась:

– Ой, а когда?

– Через недельку.

– Ну... Ладно, звони. Вот мобилка.

К Баю перетекла череда циферок – прямо в очередной буфер. Жаль, болтать дальше не было времени.

– До встречи.

– Пока...

Выныривая с чужого холда, Бай осознал, что никогда не назначал свидания так скоропостижно и так напористо.

Может быть, именно поэтому ему и не отказали, как обычно бывало до сих пор?

Он вынырнул в реал; в объеме голокуба цвело уже больше десятка ссылок на новые копии. Первый лом съел неполных восемь минут.

Пахал он до самой полуночи, пока оголодавший организм не возопил о справедливости и не потребовал немедленной кормежки.

Бай вышел из Сети – из странной, немыслимой паутины, связывающей миллионы серверов и терминалов. Паутины, которой, возможно, в ближайшие часы предстояло в корне переродиться. :END LOCAL PROCESS :GOTO STEP_2

***

:STEP_02 <DEL>
:START GLOBAL PROCESS
rem {Delete}

rem Полное уничтожение стандартных функций
!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (completed)]

Аурел вышел из Сети вполне довольный своими мотоциклетными подвигами. От преследования он ушел, стало быть, ловцы Камилла его не отследили. И в срочном порядке менять логово в реале не придется.

Насвистывая, он вышел в прихожую и замер как вкопанный.

Сразу вспомнились непонятные перемены в отношении Тири к нему. Неясно откуда взявшаяся отчужденность. А ведь совсем недавно они готовы были пылинки друг с дружки сдувать. И сдували.

Слишком уж резкой показалась перемена.

Может быть, всему виной уход за барьер? Новое тело и новое место, где высота вовсе не так убийственна, как дома, и где миллионы людей обитают на пятачке площадью в восемь сотен квадратных километров?

Но Аурел тоже угодил в чужое тело и точно так же попал под пресс нового мира и новой Сети. Его отношение к Тири осталось прежним.

Что произошло?

Что?

Из соседней комнаты доносилось смутное бормотание телеведущего. Аурел подошел к двери и осторожно коснулся ручки.

Дверь была заблокирована изнутри. Намек более чем понятный.

– Тири! – позвал Аурел негромко и постучал.

– Не нужно, Ури, – донесся в ответ непривычный голос с хорошо знакомыми интонациями. – Не нужно. У нас нет будущего, а значит, нет и настоящего.

– Тири! – прервал Аурел. – Ты можешь объяснить, что случилось? Что с тобой? Почему ты прячешься от меня?

– Все бессмысленно, Ури. Ты любишь не меня. А значит, у нас нет будущего.

– С чего ты взяла? Я люблю тебя! Я всегда тебя любил! С того самого момента, как увидел в <Потерянном кластере>.

– Это слова, Ури. Только слова. Тебе все равно, кто находится рядом, лишь бы рядом кто-нибудь находился. А буду ли это я или любая смазливая девчонка – не так уж и важно. Я не этого ждала, извини.

Давно Аурел не ощущал себя настолько бессильным. С его точки зрения, Тири несла полнейшую чушь, но ведь она говорила

это совершенно серьезно. И переубедить ее никак не удавалось. Аурел давно осознал, что женщин невозможно понять, но последние полгода это знание успело где-то затеряться. За ненадобностью.

Он еще раз постучал.

Безрезультатно.

Наверное, точно так чувствует себя незаслуженно побитая хозяином собака. Горечь, обида и непонимание. И еще – пустота внутри, проклятая вездесущая пустота, которая готова мгновенно пожрать все, что вырастает в тебе по отношению к другому человеку. Пустота, которую приходится постоянно отгонять и которая неизменно возвращается победительницей.

Аурел постоял у двери еще немного, в отчаянии провел по теплому пластику ладонью, а потом прошел в комнату, упаковал в сумку терминал и порт-репликатор, как попало скомкал в клубок немногочисленные провода. Огляделся. И направился к выходу.

Входную дверь он запирать не стал. Хватит на сегодня запертых дверей.

Спускаясь, он набрал мобильник РусТеха.

– Слушаю, – спустя несколько мгновений донеслось в ответ.

– Ты где?

– В Сети.

– Из своего угла?

– Да.

– Я еду к тебе.

– Ладно. Позвонишь, как подъедешь, я выйду и впущу тебя. Извини, Энди работой загрузил...

– Еду.

Машину Аурел поймал сразу же – насчет этого в Москве проблем не существовало.

***

!TASK 01
[OWNER: Zlyden&Zhmur]

– Можно и вручную патчить, конечно, – миролюбиво согласился Злыдень. – Только зачем, если есть прежние наработки?

Было видно, что он очень рад окунуться в привычную среду и вновь перехватить лидерство. Пусть Злыдень-московский не дотягивал до Жмура как боец, зато в плане лома возвышался над

многими, в том числе и над Жмуром, как пожарная каланча в Сокольниках над пешеходами.

Почему-то эту каланчу Злыдень отчетливо запомнил, хотя мимо нее проезжали всего-навсего раз, самым первым днем в Москве. Что-то крылось в этом силуэте, какая-то занятная архитектурная изюминка.

Жмур внимал – молча, как и положено прилежному ученику.

– В сущности, процедура сводится к достаточно однотипным действиям: проверить доступ; если доступ запаролен или зашарен – подобрать пароль, найти дырку и расшарить. Потом заменить фрагмент программы. Замести следы и выйти. Все. Стало быть, если действия однотипны, почему бы не воспользоваться подходящим скриптом?

– Но ведь защита у каждого своя... – попробовал возразить Жмур.

– Распространенное заблуждение! – Злыдень довольно ткнул пальцем в потолок, заменяющий в строениях предназначенное для этой цели небо. – Подавляющее количество юзеров пользуются сходными методами защиты. Вот, гляди в лог. Из ста двенадцати процедур мой скрипт справился со ста восемью. Вручную ломать пришлось только четыре.

Жмур взглянул. И правда – красненьких восклицательных знаков напротив ссылок на чужие холды выскочило всего четыре, невзирая на солидную длину списка.

– А откуда у тебя такой скрипт? – поинтересовался Жмур.

– А... Собственно, скрипт был заточен слегка под другое. Я уже тут переточил...

Закончить Злыдень не успел – голокуб вдруг побагровел; секундой позже выскочила табличка:

Совместный доступ к файлу запрещен

– Твою мать... – выругался Злыдень.

– Что? Началось? – всполошился Жмур.

Жмур успел отредактировать всего двадцать семь копий Камилловской программы – разумеется, вручную.

– Похоже... Ну-ка...

Злыдень быстро-быстро застрекотал клавиатурой и стрекотал со всевозрастающим ожесточением не меньше минуты.

– Все, – выдохнул он, оглядываясь через плечо. – Больше не успеем. Камилл отдал команду на исполнение...

– Камилл?

– Ну а кто еще? Да и какая разница? Программа запущена. Все копии одновременно. Молись, чтобы мы сподобились подпатчить достаточное число копий...

Жмур послушно воздел взгляд горе, в потолок, заменяющий

небо.

<Началось, – подумал он. – Сошлись слон и кит: кто кого сборет? Посмотрим...> Невидимая и неслышимая в реале война двух рассредоточенных массивов памяти стартовала.

Камилл против Энди Трушина. Слон против кита. Кто завладеет более вместительным массивом, тот завладеет контролем над большим сегментом Сети. И следовательно, получит больше шансов подчинить себе всю Сеть.

***

!TASK 04
[OWNER: Борислав Берёза]

Боря не был компьютерщиком. Был он книготорговцем на Петровке, киевском книжном рынке. И разумеется, на тесном складе, устроенном из трех составленных друг подле друга старых железнодорожных контейнеров, у него имелся подключенный к Сети терминал. Небольшой холд хранил нехитрую книжную бухгалтерию и сейвы к любимым сетевым игрушкам.

У кого на Петровке нет терминала с бухгалтерско-складскими программами и сейвами любимых игрушек?! Разве что у принципиально не играющего в игрушки Можая да еще у неистребимых бабушек, торговок домашними закусками вроде традиционных пирожков с капустой и картошкой или не менее традиционных вареников. Вот этим компы точно не нужны...

В тот день Боря как раз сидел перед голокубом и наколачивал вчерашние продажи. Вручную, потому что реализатор под конец рабочего дня нажрался, как свин, дешевой самодельной водки и никаких записей, естественно, не вел. Но все помнил, зараза. Только поэтому Боря реализатора и не увольнял – невзирая на страсть к алкоголю, тот никогда не ошибался в деньгах и всегда помнил, чего и сколько продал. А главное – за шесть лет работы ни разу не попытался по-крупному слевачить. По мелочам скорее всего рубил денежку, но по мелочам любой реализатор имеет возможность рубить, причем без ущерба для фирмы, и дураком будет, если рубить не станет.

В общем, маятный с утра Гоша посасывал пиво и диктовал, Боря колотил по клавишам и шелестел мышой. Программа у Бори стояла старенькая, зато привычная, да и терминал не новьё – ибн две тысячи замшелого года. А база была объёма довольно обширного. Поиск нужного раздела занимал порой несколько

секунд, и тогда в голокубе судорожно застывала статичная картинка, состоящая из унылых складских стеллажей-полок.

Говорят, в двухмерную эпоху стеллажи выглядели как папки для бумаг.

Вполне возможно...

Завершив с серией бабских романов, перешли к фантастике. Только Гоша назвал самую продаваемую серию <Время не ждет>, только Борислав вызвал нужную менюшку...

Тут-то все и началось.

Машина вдруг задумалась дольше обычного; думала она секунд пять, а то и все семь. Боря уже нетерпеливо завозил мышкой – курсор завяз в объёме, не двигаясь. А потом вывалилось обескураживающее сообщение:

Файл используется другой программой. Совместный доступ запрещен.

Боря озадаченно уставился в голокуб. Что значит – другой программой?

Особо продвинутым пользователем Боря себя не считал, но вполне в состоянии был осознать, что на терминале запущена единственная задача – складская программа. Кто мог пользовать запрашиваемый файл? Система? А на хрена системе складской файл?

Озадачившись еще больше, Боря потянулся к мощным игровым мнемоюстам – сколько о них мечтал, а купить смог себе позволить совсем недавно. Двухпотоковые, низкоомные. Мечта стратега-риалтаймовца, обмен данными (как гласила реклама) по сравнению с базовой моделью возрастал на тридцать процентов.

Прилепив непривычно большие таблетки к вискам, Боря ухнул в зернистую глубь киберпространства. Вот он, родимый холд. Пузатая пирамида складской базы, аспидно-черная вуаль системы в самом низу, причудливый лабиринт игрового раздела...

На холде хозяйничал посторонний. Один из углов пирамиды был бесстыдно выщерблен, оттуда водопадиком сыпалась золотистая пыль отдельных байтов.

Вообще-то холд фирмы особо никто не защищал: стоял обычный пароль на доступ к бухгалтерии и складу. Теоретически заломать это было нетрудно, да только кому оно могло понадобиться?

Лишь приглядевшись, Боря осознал, что поврежденный угол пирамиды почему-то двоится. Словно отбрасывает полупрозрачную объемную тень, из-за чего пирамида в целом начинает казаться чуть-чуть кособокой.

Кто-то, выглядящий как дымно-серое облачко, тасовал данные более плотного угла пирамиды.

– Эй! – возмущенно крикнул Борислав. – Что такое? Ты кто?

Облачко мгновенно схлопнулось в синюю точку, похожую на одинокую звезду в разрыве туч. Потом точка развернулась в искаженное гневом лицо. Не голову – только лицо.

– Уйди, – посоветовало лицо.

Боря опешил.

– Как это – уйди? Это мой холд! Мой склад!

Лицо исказилось еще больше. А потом вдруг отрастило руку, которая наотмашь хлестнула по образу Бориславa Берёзы, директора небольшой киевской книготорговой фирмы.

Мир померк.

Реализатор Гоша вздрогнул, когда шеф за терминалом вдруг сдавленно захрипел, дернулся и уронил голову на клавиатуру. Правый мнемоюст отлепился от виска, изверг в пол тоненькую синюю молнию и закачался на синем пластиковом шнуре. Левый остался на виске Бори.

– Эй! – выдавил из себя Гоша. – Шеф! Ты чего?

Он шагнул вперед и увидел, что из носа Бориславa прямо на клавиши стекает скудная струйка темно-багровой крови. А меж полуоткрытых век видны только белки.

В голокубе плясало лиловое марево, на фоне которого высвечивались светлые строки на синем фоне:

System error! Mnemonic interface overload! Device not ready!

Некоторое время Гоша беспомощно таращился в зыбкую толщу голокуба.

– Шеф...

Он потряс Борю за плечо. Бесполезно.

Гоша, словно застигнутый врасплох зверь, попятился, опрокинул стул у стены, больно ударился плечом о дверной косяк и вывалился наружу, в узкое ущелье меж рядами контейнеров. Соседи деловито грузили пачки с книгами на металлическую тележку.

– Эй, Гоша! Ты чего? – спросил один из соседей, не переставая ловить летящие из контейнера пачки и складывать их в аккуратненький многослойный штабель.

Гоша разинул рот, словно выброшенный на берег лещ, выпучил глаза и наконец смог выдавить из себя:

– Тут это... Шефу плохо...

Пачки враз перестали лететь из соседнего контейнера. Соседи дружно поглядели на Гошу, включая выпорхнувшего из склада Витька Долгополова. Гоша с облегчением вспомнил, что Витек когда-то работал в психушке санитаром, а значит, не совсем чужд медицине.

– Что стряслось? – Долгополов мигом оказался рядом. Гоша

сподобился только робко кивнуть в сторону темного нутра склада.

Витек шмыгнул в строенный контейнер и склонился над неподвижным Борей. Что он делал – Гоша даже не смотрел. Но делал он это очень недолго.

Из контейнера он выскочил, словно пробка из бутылки шипучего вина.

– Марат! <Скорую> вызывай! Да живо!

Только теперь Гоша осознал, что дело еще хуже, чем представлялось ему до сих пор.

<Скорая> примчалась спустя шесть минут – рекорд для Киева. Хорошо, что от контейнеров до входа на территорию рынка было пятнадцать секунд быстрой ходьбы да что набиравший <ноль-три> грузчик Марат давно привык объяснять дорогу к рынку киевским водилам.

Впрочем, Борислава Берёзе это не помогло. Приехавшие врачи зафиксировали смерть от внезапного кровоизлияния в мозг и принялись ждать милицию.

– Начался денек, – пробормотал Долгополов, сочувственно глядя на Гошу.

Тот не ответил. Временно онемел.

Никто так и не заметил, как светлые строки в синеве голокуба складского терминала вдруг погасли. Потом перестал мерцать и сам голокуб; терминал пискнул и стал перегружаться. Словно кто-то невидимый последовательно нажал три кнопки на клавиатуре, удерживая каждую предыдущую нажатой.

[Ctrl]
[Alt]
[Del]
:TASKMGR REPORT
~#CONDITION: MULTITASK
~#MODE: END TASK 04
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY

***

!TASK 0C
[OWNER: Данияр Накупов]

[Привет, шаманоэлектрик!:))] – поздоровалась PANTHERA, едва объявившись в он-лайне.

[Привет.] – с готовностью отозвался Корвин.

С девчонкой, которую он ни разу живьем не видел, Корвин

сдружился неожиданно быстро. Даже голограмму у нее не просил – решил дождаться, чтоб сама предложила. Свою он отправил в первый же день знакомства.

Ни для кого не секрет, что, когда вместо собеседника лишь безликие строки в голокубе, легче говорить правду. Раскрываться. Наверное, именно поэтому сетевая дружба часто не выдерживает испытания реалом.

С живыми общаться трудно. Гораздо проще наколачивать фразы на клавиатуре или лепить в виртуальщине, воспользовавшись услужливым мнемодоступом.

Корвин предпочитал клавиатуру мнемодоступу. Планшет, как говорится, оно здорово, но в бою сапог надежнее...

[Все пашешь на благо своего тупорылого шефа?] – поинтересовалась PANTHERA участливо.

[Таков наш примар...] – Корвин протяжно вздохнул и добавил антисмайлик. – [:( ] [Что?] – не поняла собеседница.

<Не читала...> – с легким разочарованием подумал Корвин и сформулировал доступнее:

[Судьба такой. Причем не у одного меня.]

[Ну, в общем, да...]

Корвин не помнил, на каком часе общения с PANTHER'ой в репликах-строках стали появляться все необходимые знаки препинания. С коллегами-сисадминами приходилось общаться совсем иначе. Даже без переключения клавиатурных регистров – время иногда дороже, нечего лишний раз на Shift Давить!

А тут все произошло как-то само собой, без всяких договоренностей.

Наверное, так правильнее. Все знаки и без договоренностей.

[А почему ты никогда не просил меня выслать голограммку?] – неожиданно поинтересовалась PANTHERA.

Ответить Корвин не успел – встрепенулся и ожил охранный скрипт. Кто-то снова лез снаружи в локальную корпоративную Сеть. Лез нагло и настырно.

<Неймется же вам>, – совсем загрустил Корвин. Работать не хотелось совершенно. Хотелось просто сидеть и болтать с PANTHER'ой. Часы напролет.

[Извини. У меня тут опять оккупанты нарисовались. Пойду им хвосты чехвостить.] – отстучал он и перелогинился в боевую конфигурацию. Распихал по буферам не раз проверенные и самолично выпестованные скрипты. Раскрыл кубики загруженных программ каскадом и обратился к первому из внешних портов локальной системы. Этот был чист, никто через него не ломился. Но незадействованных портов в системе имелось предостаточно.

Во время обращения к очередному из проверяемых портов

Сеть неожиданно впитала Корвина, словно он налепил мнемоюсты и ухнул в виртуальщину. Мгновенная оторопь расцветилась красками, звуками и даже запахами.

Он был в Сети. Без мнемоюстов. В низком, похожем на квадратный ангар, помещении. В локалке.

В ангаре, казалось, обитало множество муравьев – бессчетные конические кучи виднелись там и сям; от каждой к соседним сновали крохотные обитатели – данные. Ручейками. Над кучами кое-где парили пользователи, похожие кто на что: на матовые шары или эллипсоиды, на колючие, словно морские, ежи, комки, на странные решетчатые конструкции с длинными щупальцами. Данные трудолюбиво тасовались или вводились – словно бы из ниоткуда над некоторыми кучами струились песчаные водопадики. Песок сыпался прямо из пустоты, то бишь вводился с невидимых изнутри Сети клавиатур.

Корвин себя не видел. Совсем. Либо личина его была абсолютно прозрачна. Но он никогда не лепил прозрачной личины. Обыкновенно он выступал в образе принца Эмбера, завернутого в плащ, или просто в виде короткого отточенного кинжала. Когда бывал особенно зол.

В таком состоянии зону вторжения Корвин зафиксировал почти сразу: в одном месте в потолке зияла большая дыра с неровными краями, и оттуда потоками лился яркий желтоватый свет. Именно лился – свет не был равномерным. Он тек и разливался по полу, немного напоминая очень светлое пиво. Судя по всему, там, наверху, над ангаром, пива было много – целое море.

Корвин чертыхнулся, невзирая на неожиданный прорыв в виртуальный режим. Так или иначе дыру в потолке необходимо было затыкать.

В реале, невидяще вперившись в пеструю муть голокуба, Корвин быстро-быстро заколотил по клавишам. Несчастная клавиатура стонала.

А в Сети Корвин раскрыл, будто гигантский веер, упругую матерчатую заплату. Треугольную. И попытался завести ее под поток светопива.

В борьбе с мерцающей жидкостью Корвин не заметил, как поток изменил направление. Теперь пиво восставало с пола и улетало наверх, в дыру. Этот поток был лишь немногим поскромнее прежнего, входящего. Заплату вырвало из рук и унесло в дыру.

Корвин чертыхнулся. А секундой позже в дыру сверху глянул кто-то огромный; в памяти отложилось только недовольное выражение красного демонического лица.

Тут Корвина вышвырнуло; он осознал себя сидящим в кресле и исступленно давящим сразу тремя пальцами на клавишу Enter_. В голокубе синела оболочка файл-менеджера, а на переднем плане сиял красный плакат: -НЕТ ДОСТУПА К ОБОЗНАЧЕННЫМ ДАННЫМ– Корвин оторопел от неожиданности. Ни разу в жизни он не видел подобной ремарки. Похоже, ее вообще не было в стандартном пакете оболочки, а значит, системой управляла незнакомая Корвину программа, в которой такая ремарка имелась.

Пока вторжение проходило успешно.

– Что происходит? – прогрохотал над ухом хорошо знакомый голос.

Корвин повернул голову и встретился взглядом с разъяренным шефом.

– Почему Сеть лежит?

– Не знаю, – честно ответил Корвин. – По-моему, нас атаковали.

– А кто должен знать? – заорал шеф еще громче. – Ты администратор или хрен с бугра? Уволю к чертовой ма...

Шеф осекся. В селекторном голокубе сгустилось четкое изображение. Корвин невольно вытянулся в струнку.

Пожаловал не кто-нибудь – генеральный директор фирмы. Живьем Корвин его вообще никогда не видел, а по селектору лишь пару раз приходилось.

– Отставить, – преувеличенно спокойно велел генеральный. – Только что атакована межбанковская Сеть. Половина терминалов в Алма-Ате стоит.

В дверях толпились перепуганные референтши, бухгалтерши и секретарши. Перед серверной собрался чуть ли не весь отдел – на Корвина глядели с надеждой, словно он и впрямь был волшебником.

Впрочем, кое-что в компьютерном волшебстве Корвин действительно понимал: судя по миганию глазков на хабе, двухсторонний траффик связал корпоративную Сеть с глобальной.

– А вот фиг, – сказал Корвин, отодвинул клавиатуру и потянулся к единственной кнопке на лицевой панели сервера. – Семь бед, один reset, как говорил Олегыч!

Выключателей сервера не имели в принципе, погасить систему можно было только софтверно, то бишь программно. А вот перегружать иногда возникала необходимость. Корвин решил, что сейчас как раз тот случай.

Странно, но на нажатие reset'а сервер не отреагировал никак. Глазки на хабе продолжали мигать как ни в чем не бывало.

– О как, – даже не удивился Корвин. Просто констатировал. – А так?

Он встал и выдернул из сервера разъем питания – из электрической розетки шнур выдергивать было бессмысленно, сервер тут же переключился бы на питание от аварийного источника по кличке <UPS>. А вот так...

Голокуб с дурацкой надписью, естественно, сразу же погас. Но хаб продолжал сигнализировать о таинственных процессах на стыке локальной Сети и всеобщей. Локальная Сеть сумела выжить без сервера. Привет. Сумасшествие. Идиотизм. Спятивший сисадмин – кто-нибудь видел?

Корвин нервно захихикал.

– Может, обесточить все здание? – робко предложил шеф, подобострастно глядя на генерального.

– Пробуй, – кивнул тот.

Шеф тотчас потянулся к мобильнику. Корвин продолжал хихикать и зачем-то то вставлял, то снова выдергивал из гнезда злосчастный разъем питания.

– Генераторная? Обесточить здание! И дизеля свои дурацкие не заводите ни в коем случае! Что значит – сами заведутся? Заведутся – заглушите! Все до одного! Да, выполнять!

Спустя несколько секунд голокуб с генеральным мигнул, подернулся рябью и погас. Стало тихо-тихо, словно даже бесконечные и неотвратимые охи-вздохи секретарш-бухгалтерш зависели от электропитания.

– Дурдом, – прокомментировал шеф, уверенный в том, что генеральный его точно не услышит.

– Точно дурдом, – охотно согласился Корвин. – Пойду сдаваться санитарам. Сам.

И решительно пошел к выходу.

Что-то подсказывало ему: это письмо доставит много неприятностей Камиллу.

***

!TASK 07
[OWNER: Kamill advanced]

<Кого же послать? – подумал Камилл. – Все в разгонах...>
Он уже чувствовал некоторые перемены в себе. Например, совершенно нетрудно было уделять внимание сразу двум делам: сборке мозаичной программы и размышлениям о превентивной мере.

Вообще-то он опережал Трушина. Причем опережал серьезно. Еще часов пять-шесть – и отсечение захваченных мозаикой Трушина сегментов впадет в необратимую фазу. Оно уже и сейчас практически необратимо, но... Невозможность управлять ресурсами всей Сети раздражала. Чтоб вычленить местонахождение базового модуля Трушина, пришлось серьезно напрячься.

Но Камилл место все-таки отыскал. Стандартная волоконная линия в многоэтажном доме на Преображенке. Квартира наверняка съемная. В принципе сей факт можно было легко установить, прошерстив нужные базы. Но зачем? Съемная, несъемная... Главное – Камилл установил: именно к этой волоконке подключен терминал, с которого запустилась его собственная программа, переписанная под личность Энди.

Все-таки Трушин оказался достойным соперником. Быстро хватал суть и изобретательно вредил. Может быть, не стоило оставлять его личность в Сети? Но с кем тогда бороться на пути к желанной цели? И принесет ли такой путь радость?

Решение оставить личность Трушина в Сети было спонтанным и необъяснимым. Однажды подчинившись ему, Камилл потом уже не мог повлиять на результат. Впрочем, эхо личности Трушина после сжигания через мнемоюсты все равно осталось. Камилл просто не стал возиться и затирать разрозненные обрывки данных до их самоорганизации и объединения.

Все-таки человеческая личность – очень устойчивая структура. Помнится, Камилл был поражен, когда обнаружил в Сети эхо Бериленко, первого сожженного через мнемоюсты недруга. Но потом удивляться перестал: когда Сеть входит в тебя и остается в тебе, логично предположить, что ты тоже входишь в Сеть и остаешься там, даже если твое тело увозит безучастная к чужой смерти труповозка.

В общем, тех, кого Камилл хотел убить на самом деле, приходилось потом отдельно вытирать из Сети. Если, конечно, они умирали во время доступа, а не гибли от пуль Камилловых подручных где-нибудь на грязных улицах.

<Кого же послать? Давыдова? Но он туп, как перекормленный, селезень, хотя и исполнителен. Жаль, Исмагил загремел раньше времени – этот бы точно не напортачил>.

Наконец Камилл принял решение.

– Давыдов! – позвал он.

Находиться одновременно и в Сети, и вне ее было непривычно. Однако тот факт, что для контроля приходилось прилагать все меньше и меньше волевых усилий, очень

обнадеживал. А уж потом, после процедуры перезагрузки основных серверов Сети...

Шкафообразный боевик плавно втек в кабинет. Ни дать ни взять – балерина. Умел этот амбал грамотно двигаться, не отнимешь.

– Да, босс?

– Улица Буженинова, – сообщил Камилл. – Знаешь где?

– Знаю, босс.

– Бери своего дружка и валяй.

Камилл шепотом добавил номер дома и квартиры.

– Того, кто там обнаружится, можешь придушить. А можешь и просто выключить, как знаешь. Главная цель – работающий там терминал. Вот такой, как у меня.

Давыдов послушно скосил глаза на клавиатуру, на сероватую риску видеотрека, на голокуб, содержащий в себе малопонятные буковки и цифирки. Буковки и цифирки складывались в ровненькие строки, но это не делало их ни на йоту понятнее.

– Терминал нужно испортить. Сломать, раздавить, прострелить, как хочешь. Если терминалов окажется два, три, больше – испортить все. Понял?

– Понял, босс.

– И обязательно отсоедини их все от Сети – вот, видишь, из клавиатуры тянется шнур? Выдерни все шнуры, из всех клавиатур, это главное.

– Понял, босс.

– Вперед.

Давыдов просочился за дверь, скомандовал приятелю, которого взяли на работу совсем недавно по Давыдова же рекомендации, и отбыл. На диване перед бронированной дверью непривычно пустого офиса осталось всего двое охранников. Впрочем, основное сейчас все равно происходило в Сети.

Именно туда перенеслась невидимая и неощутимая из реала битва. Битва двух сущностей, одной из которых предстояло вобрать в себя всю необъятную Сеть и впоследствии повелевать ею.

Камилл ни секунды не сомневался, что победит.

На жуткий грохот в вестибюле он сначала не обратил особого внимания, хотя явственно услышал его.

<Небось ребята кого-то окучивают>, – подумал Камилл, но тут под его начало встал очередной сегмент – полтора десятка серверов, сотни доменов, несколько роутеров и маршрутизаторов. Перекраивая сетевой траффик на подходящий для безмолвного поединка лад, Камилл отвлекся от непонятного шума.

***

!TASK 01
[OWNER: Zlyden&Zhmur]

Теперь основным их занятием стало ожидание. Пока Камилл и Энди в Сетях боролись за сферы влияния, Жмуру и Злыдню ничего не оставалось, как забыть о терминалах, пить пиво и плевать в потолок.

На ожидание они глядели совершенно по-разному. Жмур полагал, что <нет хуже ждать да догонять>, Злыдень же пребывал в стойком убеждении, что <ждать – не лес валить>. Резонно поинтересовавшись, где это Злыдню доводилось валить лес (не в Еланце же?), Жмур получил весомый, как двухпудовая гиря, ответ: дескать, это все генетическая память нынешнего, московского тела, а Злыдню просто понравилась емкая и исчерпывающая формулировка.

Они уже собирались выползти в магазин и пополнить запасы пива, но вдруг позвонила Тири. Причем звонила она через самодельный скрэмблер, и прежде чем ответивший Злыдень понял хоть слово, пришлось на соплях прикручивать к телефонному разъему плоскую коробочку декодировщика.

– Злыдень?

– Да.

– Наконец-то. У нас мало времени. Надо повоевать в реале.

– Конкретнее?

– Нужно разнести контору Камилла.

Предложение было более чем неожиданным и запредельно смелым.

– Ты с ума сошла!!!

– Отнюдь. Камилл собрал больше копий своей чертовой программы. Он постепенно отсекает сегмент, где обосновался Энди, от Сетей и давит сервак за серваком. Часов пять – и считайте, что мы проиграли.

– А что даст наезд на контору Камилла?

– Как что? С одного из терминалов в его конторе запущен базовый модуль программы-сборщика. Самый-самый первый. Если уничтожить этот терминал, вся конструкция рассыплется, как карточный домик. Камиллу придется начать все сначала, но к этому моменту Энди успеет набрать достаточно силы, чтоб гарантированно противостоять чему угодно.

Злыдень сразу проникся.

– Где встречаемся? – деловито поинтересовался он.

– На Олимпик-плаза. У <Макдоналдса>. Через полчаса.

– Жди.

– Черт! – пробормотал он. – Это уже никакой не контрол, друже, и даже не альт! Это полный, мать его, дел, всего, что мы раньше умели!

– Не понял, – приподнял бровь Жмур.

– Бери свою скрипку. Логово Камилла брать будем, – пояснил Злыдень и требовательно протянул руку.

Сегодня он, раз уж пошел полный del, хотел стрелять на равных со Жмуром.

Через полчаса они исправно торчали в указанном месте. Жмур с отвращением вертел головой – с одной стороны сиял стеклом и рекламой торговый дом, с другой – неистребимый, как тараканы, <Макдоналдс>. Все надписи в поле зрения были выполнены почему-то латиницей и настырно лезли в глаза, роняя на асфальт причудливые голографические тени.

– И это они называют Россией... – фыркнул Жмур, любовно поглаживая чехол от скрипки.

– Ты что, новостей обсмотрелся? – протянул Злыдень лениво. – Какая тебе-то разница?

– Да никакой в общем-то. Считай это тоже генетической памятью московского тела. У местных обида за Россию сидит именно в генах. Но это почему-то не мешает распродавать ее за грошик направо и налево вот этим вот сытым уродам-американосам.

– Можно подумать, Россия голодает, – насмешливо прокомментировал Злыдень.

– Не голодает. Но жрет почему-то их поганые биг-маки и гамбургеры.

– А ты их что, пробовал? – удивился Злыдень. – По-моему, ими только бомжи питаются. И, насколько мне не изменяет память, ты меня вечно таскал в <Елки-палки>, а не в <Макдоналдс>.

– Русское, потому и таскал. Еще скажи, что тебе не понравилось – особенно <телега>. Да и мы с тобой говорим именно по-русски, хоть в Сетях и инглиша их поганого хоть отбавляй! – веско заявил Жмур и в тот же момент увидел Тири.

Она была одета в длинный серый плащ, серые брюки и туристские ботинки на толстенной подошве. Пол-лица скрывали зеркальные очки в форме звездочек. В руке Тири держала объемистую сумку с алой светящейся надписью <Matrix Again>. За спиной ее высилась округлая громада <Чашки>.

– Где-то я уже это видел, – пробормотал Злыдень негромко.

– Угу, – буркнул Жмур. – Генетической небось памятью...

– Стволы при себе? – холодно поинтересовалась Тири.

Теперь она ничем не напоминала испуганную девушку, которую брали в подворотне Баевского дома. Наверное, личность Тири привнесла много нового в объединенную сущность – спокойствие, решительность, готовность к драке и выстрелам.

Злыдень подумал, что движет ею вовсе не любовь к Аурелу, как казалось ранее. Ею движет ненависть к Камиллу. А что может быть приятнее, чем разнести в клочья цитадель недруга?

Только сомкнуть ладони на его горле.

– При себе, – ответил Жмур и погладил скрипичный футляр. – На всех хватит.

– У меня свой, – сказала Тири. – Пошли.

Быстрым шагом они пересекли площадь, отделились от толпы, текущей к <Чашке> и в церковь по соседству, свернули на боковую улочку. Тут было почти безлюдно, только редкие автомобили проносились мимо, срезая углы перед выездом на проспект Газизова.

Фасад шестиэтажного здания кутался в сетчатую завесу, под которой явственно угадывались строительные леса. Ремонт явно был затеян давным-давно и окончания ему не предвиделось в принципе, поскольку ремонт вообще невозможно закончить, его можно только прекратить. Парадная дверь была распахнута настежь; холл также носил бесспорные следы затянувшегося ремонта. Только у дальней стены на диванчике пристроились две кубические личности, не распознать в которых охранников мог только слабоумный.

– Какая позиция! – пробормотала Тири и уронила сумку на асфальт.

А потом извлекла из нее короткую трубу ракетомета.

– Control-shift!!! – выругался Жмур, выпучивая глаза. – Где ты ЭТО откопала?

– Дебаггером из DOOM'а выдрала, – весело огрызнулась Тири и прицелилась.

Охранники успели только шарахнуться в стороны от дивана. Впрочем, вряд ли это им сильно помогло.

Ракета с шипением скользнула в холл и обратилась в огненно-дымную вспышку. Земля под ногами болезненно дрогнула.

– А разве в двенадцатом думе есть ракетометы? – усомнился Злыдень, отворачиваясь от Жмура, на которого перед этим выразительно глядел.

– Этот из девятого, – сообщила Тири беспечно. – Пошли, пока они там не очухались.

Из сумки она вынула короткоствольный автомат <Shwartohtz> и с хрустом приладила на место обойму. Еще две

она сунула в карманы плаща. Жмур молча раскрыл футляр и достал два пистолета. Один он протянул Злыдню.

Злыдень с удовольствием отметил, что прекрасно знает, где находится предохранитель, невзирая на полную неосведомленность относительно марки пистолета.

Взрыв не слишком ухудшил внешний вид холла. Зато рядом с бронированной дверью и обрушившимися лесами теперь зиял приличных размеров пролом в стене. В пролом текучими струями вползал едкий сероватый дым; явственно слышалось, как вблизи кто-то тоненьким голосом стонет.

Тири нырнула в пролом и сразу свернула налево. Она явно знала, куда идти.

На входе в серверную она коротко съездила по зубам долговязому типу в белом халате. Звук получился противный – рукоять автомата, понятно, оказалась куда крепче зубов.

В серверной Тири принялась беспорядочно палить по работающим терминалам и системникам. Звон и снопы искр заполонили все вокруг. Голокубы гасли один за другим.

Злыдень хмыкнул и вместо стрельбы отошел к распределительному щитку. Содрал пломбу, потянул на себя тяжелую дверцу, хмыкнул вторично и по очереди перещелкнул все четыре пакетника из положения {|} в положение {O}. А потом разнес каждый из них выстрелами чуть не в упор. Брызнула горячая пластмассовая крошка, проскочила могучая зелено-фиолетовая искра, противно запахло паленым.

Жмур, удачно подыграв Злыдню, своротил на пол четыре аварийных UPS'а, предварительно выдернув из них все шнуры и тоже не поскупившись на пули.

Когда улеглось гулкое эхо, стало темно и тихо, даже Тири прекратила палить из автомата. Не то патроны у нее закончились, не то поняла – палить больше незачем.

А секундой позже в соседнем помещении кто-то закричал – гневно и яростно.

– О! – поднял руку Жмур. – Кажется, получилось.

– Уходим. – Тири схватила его за ладонь. – Это Камилл!

<Если орет, значит, его выкинуло из Сети, – догадался Злыдень. – А раз выкинуло, мы ему обломали весь процесс>.

Если так – не грех было и взять ноги в руки.

По ним стреляли напоследок – уже когда Тири и Жмур миновали пролом и пересекали холл. Злыдень невольно ускорился и наугад пальнул назад.

<Крепко же ты в Сети завяз, если на взрыв не отреагировал, – думал Злыдень с необъяснимым подъемом. – Эх, веселуха пошла!> Странное это было чувство – с одной стороны,

Злыдень прекрасно сознавал, что в любой момент может погибнуть. С другой – именно это чувство щекотало нервы и наполняло азартом. Адреналин неистово бурлил в крови. Сходное возбуждение Злыдень испытывал, когда завершал какой-нибудь долгий и тщательно исполняемый лом. Но все-таки нынешнее чувство казалось острее, гораздо острее и выпуклее, чем радость от удачного лома. Наверное, потому, что у терминала Злыдень всегда знал, что ему грозит максимум вывалиться из Сети. А здесь на кону стояла жизнь – единственная и неповторимая. Ведь никто не гарантирует возврат домой, за барьер, если Злыдня пристрелят в Москве. И тот факт, что за барьером остался похожий, но все же не вполне идентичный Злыдень, ничего, в сущности, не менял. В общем, полный и безоговорочный del.

На улице пришлось прятать оружие в карман – не бегать же с пистолетами в руках по Москве? Они промчались по улочке, свернули за угол, обогнули мечеть и затерялись в толпе, направляющейся к <Чашке>.

Единственное, что смущало Злыдня, – кажущаяся легкость, с которой они провернули это рискованное дельце. Осталось добраться до терминала, вызвать Энди и удостовериться, что ему сильно полегчало после их акции в конторе Камилла.

Мысль о том, что Камилл может предпринять в отношении Энди аналогичную акцию, пришла к Злыдню лишь спустя четверть часа.

***

!TASK 09
[OWNER: RusTex]

РусТеха в реале звали Михаил Коркин, но мало кто это знал. Он действительно фанатично любил джинсовую одежду. И имелся у него еще один бзик: РусТех никогда не жаловал бездисковые терминалы. Разве только в справочных службах – если РусТех работал, всегда пользовался полновесным компьютером, с локальным диском и полной периферией. Поэтому клавиатура у него была не совсем обычная – видеотрек она имела, но терминалом не являлась, а стало быть, подключалась не непосредственно к волоконной линии Сети, а сначала к системному блоку.

РусТех засел в снятой квартире на Преображенской площади и который час вручную помогал Энди. Именно с его компьютера, с его диска, что прятался в недрах системного блока размером со

стандартную книгу, была запущена базовая программа Энди Трушина, призванная сделать призрака Сети властелином Сети. Сначала московской, а там и глобальной Сети этого мира.

Мерцал голокуб над клавиатурой, тасовал строки. Мерцал глазок доступа к локальному диску на системном блоке, сигнализировал, что данные тоже тасуются, считываются, изменяются. Системный блок прятался в щели между стеной и столом. РусТех даже не заметил, что в ту же щель поверх системного блока провалилась картонная упаковочная коробка, одна из нескольких, громоздящихся на краешке стола.

На базовый модуль уже дважды нападали некие настырные личности. Просто отсечь модуль от сети РусТех не мог – доступ был необходим для работы. И присвоить данным флаг read-only он тоже не мог, потому что программа постоянно изменяла часть себя, эвристический массив, который управлял многочисленными размещенными в Сети копиями. В общем, приходилось отбиваться вручную, потому что, зная Камилла, лезть в Сеть посредством мнемоюстов РусТех не решался. Но он неплохо справлялся и так.

Четверть часа назад РусТех заказал пиццу; кофе он приготовил загодя, потому что не любил горячего питья. Объемистая кружка (кофе РусТех предпочитал слабый, но много), исходя парком, пристроилась на подоконнике у приоткрытого окна. С пузатого борта кружки щурился крот, полувыползший из норы. Ниже виднелась надпись: <See no evil>.

Одновременно с обороной РусТех следил и за базовым модулем Камилла – по крайней мере пытался.

Картина, увы, складывалась малообнадеживающая: Камилл успел раскинуть щупальца заметно шире, чем Энди, и отщелкивал под себя сегмент за сегментом. Это походило на поединок двух силачей на столе для армреслинга – один из силачей неумолимо придавливал руку второго к столешнице, невзирая на отчаянное сопротивление.

<Не успеваем>, – с досадой подумал РусТех и прикинул – что еще можно сделать?

В голову ничего не лезло. Как назло. Слишком уж новой была область, в которую они под предводительством Энди на этот раз вляпались. РусТеху просто не хватало опыта и знаний, и это очень раздражало. Он привык к другому: если под руками клавиатура и доступ в Сеть – невозможного не существует.

Дилинькнул дверной звонок. РусТех немного оживился – есть хотелось уже давно. А на сытый желудок, может, и какая-нибудь шальная идея на ум придет.

Отследить базовый модуль из Сети было не так-то просто –

на прикрытии сидели Бай, Чен и Аурел с Тири. Поэтому РусТех особенно не волновался по поводу визитеров – за столько времени не отследили и сейчас не отследят.

Откуда ему было знать, что Аурел в данный момент бредет по Измайловскому валу в сторону Преображенки, направляясь как раз к РусТеху, а Тири, не видевшая Аурела со вчерашнего дня, недавно получила письмо от Нострómo и в компании Жмура и Злыдня приближается к конторе Камилла?

Бормоча <Пицца-шмицца...>, РусТех бросил последний взгляд в голокуб и пошел открывать.

Взгляд оказался действительно последним.

Вместо рассыльного перед дверью оказались два мордоворота в черных костюмах и при галстуках. РусТех успел только широко распахнуть глаза – передний мордоворот неожиданно ловко саданул ногой по двери. РусТех ощутил сильнейший удар в висок и бревном рухнул в коридор.

Давыдов с напарником спокойно и без ненужной суеты вошли в квартиру и даже дверь за собой затворили.

Первым делом они убедились, что в квартире более никого нет, кроме полумертвого умника в джинсе. Напарник склонился над ним и добавил с правой в голову. Это было, пожалуй, уже излишним – РусТех и так валялся, закатив глаза, и в сознание прийти ему было уже не суждено.

Давыдов насмешливо покосился на небольшой, похожий на игрушку автоматик MTAR-21, прикорнувший на тумбе в прихожей.

– Деляга, тля, – пробормотал он. – Даже не спросил: <Кто там?> Напарник дернул щекой и презрительно процедил:

– Очкарики – они все малохольные.

Тот факт, что РусТех сроду не носил очков да и сложения в Москве был довольно спортивного, мордоворотов Камилла ничуть не смутил. Компьютерщик – значит очкарик.

– Ладно, работаем, – закруглился Давыдов и вторично вошел в комнату.

Обстановка тут была убогонькая: ни телекуба, ни мебели толком. Древняя продавленная софа, ужасающего вида секретер и новенький компьютерный столик в углу. На столике покоилась обещанная боссом клавиатура, а над ней цвел голокуб, в теле которого бежали все те же буковки-цифирки. Единственное, что знал об этом Давыдов, – эта хрень зовется терминалом и что-то там делает нехорошее в Сети.

Клавиатура, вопреки опасениям босса, была всего одна.

Как и учили, Давыдов первым делом взял клавиатуру в руки и выдернул убегающий куда-то за стол шнур. Шнур послушно

выщелкнулся из разъема. Вторым движением Давыдов сломал клавиатуру о колено. Голокуб, естественно, тут же погас.

– Вот так! – победно заявил Давыдов, швыряя обломки на пол.

Переглянувшись, подручные Камилла прошли к выходу; напарник Давыдова на всякий случай еще разок пнул лежащего РусТеха ботинком и снова презрительно фыркнул.

Дверь они аккуратно прикрыли – не искать же ключ и запирать?

Между столом и стеной, удачно прикрытый картонной коробкой, продолжал помигивать глазком доступа к диску системный блок. Для работы ему не требовался ни голокуб, ни клавиатура – процесс-то был уже запущен. И шнур волоконной линии по-прежнему соединял разъем в стене и системный блок. А поскольку буквально через десять минут после визита мордоворотов в квартиру РусТеха на Преображенке состоялся визит Тири, Злыдня и Жмура в офис Камилла, атаковать безнадзорный базовый модуль стало особенно некому, даже со скидкой на отсутствие прикрытия со стороны Аурела и Тири (Бай и Чен свои задачи выполняли без помех).

А когда Давыдов с напарником вернулись в осчастливленный ракетой офис и доложили об успешном выполнении задания, Камилл и вовсе успокоился. Он мрачно окинул взглядом дыру в вестибюль и велел включать питание. Любой процесс, не доведенный до конца, можно запустить по второму разу. Особенно если своевременно позаботиться о конкурентах.

Энди Трушин в это время спокойно хозяйничал в Сети – ему было чем заняться в ближайшие часа три, но Камилл об этом, увы, не подозревал.

:TASKMGR REPORT
~#CONDITION: MULTITASK
~#MODE: END TASK 09
@comment: COMPLETED SUCCESSFULLY

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (completed)]

К РусТеху он возвращался пешком.

С самого утра Аурел не ощущал в себе сил работать. Не хотелось ничего – ни жить, ни бороться, ни думать. Ничего абсолютно. Перед глазами все время вставала запертая дверь в

комнату Тири. Дверь, которая рассекла его жизнь на <до> и <после>. Аурел безучастно сидел на кухне и глядел в окно – глядел, а видел запертую дверь в комнату Тири.

РусТех на него не осерчал, хотя от помощи наверняка не отказался бы. Впрочем, вчера Аурел снял комнату, здесь же, неподалеку. Развернул там свой терминал и даже выслушал инструкции Энди на дальнейшее.

Часам к десяти РусТех прогнал его из кухни – велел пройтись по улицам, проветриться и успокоиться. А потом падать за терминал и прикрывать вместе с Баем и Ченом холд РусТеха, откуда была запущена базовая программа.

И Аурел помалу отмяк, особенно когда шарахнул полстакана ледяной водки. Мозг омыло пронзительной сверлящей волной; довольно быстро пришла мысль: <А действительно, чего это я?> Через сорок минут Аурел уже сидел за терминалом в свежеснятой комнате, прикрывал РусТеха и все дальше отгонял желание набрать заветный телефонный номер.

Но часа через два эйфория схлынула, а тоска вернулась. Через три Аурел стал таким же мрачным, как и с утра. А к исходу четвертого часа сами собой опустились руки.

Не работалось и не жилось. Он, чернее тучи, отпихнул клавиатуру и пошел к выходу.

На улице Аурелу полегчало, но не очень. Серые тучи ползли над Москвой, затеняя и без того не радужное настроение.

<Может, и правда пройтись?> – подумал Аурел и медленно побрел в сторону Преображенки.

Он миновал Семеновскую площадь, а за Преображенским кладбищем свернул налево, во дворы. Ходьба среди высотных (а Аурел считал высотными даже старые пятиэтажки) домов несколько отвлекла его. Он то и дело задирал голову; ползущие по небу тучи создавали иллюзию, что стены домов вот-вот обрушатся на него, и внутри все привычно замирало.

Но умом Аурел прекрасно сознавал, что это иной мир и у высоты здесь совсем иные свойства. И что домам в Москве не положено падать, даже если в них отсутствует гравикомпенсатор.

К подъезду РусТеха он подошел в более или менее цельном состоянии, справившись с упрямой тоской и настырной болью.

Поднялся. И замер перед неплотно затворенной дверью. Предчувствие близкой беды вдруг захлестнуло его, захлестнуло, словно весенний паводок прибрежные городишки.

Аурел толкнул дверь, как и ожидалось – незапертую, и ворвался в квартиру.

РусТех, разбросав руки, лежал в конце коридора, на спине. Он не дышал, причем уже давно. Посреди комнаты валялась

переломленная пополам клавиатура.

Как ни странно, в эти минуты Аурел совершенно не думал об опасности.

Он нашарил в кармане мобильник и, лихорадочно тыча пальцем в кнопочки, набрал номер Злыдня.

– Алло! РусТеха убили, – сообщил он без излишних вступлений. – Не через Сеть.

Злыдень, доселе пребывавший в приподнятом настроении, сразу же сник.

– Убирайся оттуда, – посоветовал Злыдень. – И поживее!!!

– Хорошо, – сразу согласился Аурел.

Почему-то он сейчас остро нуждался в том, чтобы им руководили.

В последний раз оглядев роковой приют РусТеха, Аурел точно так же, как до него Давыдов, аккуратно затворил дверь и запрыгал через ступеньку вниз по лестнице. Куда направиться – он еще не решил. Подумал только, что нужно будет отрываться от возможной слежки.

И от этих мыслей снова отступила горькая, как полынь, тоска.

***

!TASK 03
[OWNER: Дмитрий Байкалов]

Шальные атаки на холд РусТеха прекратились днем, часов около четырех. Бай перевел дух и даже успел наскоро утолить лютый и внезапный голод.

Все-таки отвык он от своего тела, даже есть автоматически стал меньше.

Именно в этот момент Бай задумался о возвращении в плоский мир перегона, мир, где он впервые почувствовал себя свободным. Принимая решение остаться там, Бай не задумывался – доведется вернуться или нет? И если доведется – надолго ли?

Он сравнивал прежнюю московскую жизнь с последними несколькими днями и находил эти жизни абсолютно разными. Москва не сделала его рабом распорядка, как раньше. Так, значит, дело не в мире? Значит, свобода заключается в нем самом, в умении и решимости поступать так, как просит та часть его естества, что желает быть свободной?

Жуя наспех сооруженный бутерброд и запивая чаем, Бай искал пути разрешения множества всплывших из потаенных глубин сознания проблем. Пытался справиться с лавиной

вопросов и отыскать ответы на них.

Возвращаться, если они победят Камилла? А если проиграют?

Он не успел решить. Терминал сыграл простенькую мелодию, сигнализируя о пришедшей почте. С кружкой в руке Бай поспешил в комнату.

Привычно умостившись в стареньком кресле, он вызвал почтовку.

:STATUS [Private mail]
:FROM [K0W OF B0RG]
:TO [Dmitry Baikalov]
:SUBJECT [Поговорить надо]
[Hi, Dmitry Baikalov!
– WE R K0W OF B0RG. R3SISTANCE IS FUTiLE. MOO.
– (_)
– /oo\############
– \ /############\\\mcquack.hemmet.chalmers.se!!
– \/############ |
– ############ |
– ############ ~
||||
^^^^ Subj. JOiN me.
Rest beggars, K0W OF B0RG.]

Баю был прекрасно знаком этот сетевой зверь. Звали его КАРОВА – именно так, через <A>, поскольку по-английски он тоже назывался нарочито неграмотно. КАРОВА служила в сети эмблемой одного из шведских чат-серверов.

– Джойн, говоришь, ю... – пробормотал Бай, секунду поколебался и запустил кубик чат-клиента. Затем выбрал в длинном списке нужный чат-сервер и кликнул на розовенькой кнопочке с буквой {J} на лицевой стороне.

В кубике поползли строки служебного приглашения, в том числе хорошо знакомая, намалеванная псевдографикой КАРОВА. Едва процедура подключения завершилась, перед служебным кубиком открылся еще один, кубик direct connect chat'a.

[Привет. Это Энди. Как дела?]

[Нормально. Устал только] – отстучал Бай.

[Все. Мы сдюжили. Базовый модуль Камилловской программы только что лёг. Теперь в Сети я хозяин. Осваиваюсь.] [А дальше-то что?] – поинтересовался Бай.

Он вдруг поймал себя на мысли, что действительно слабо представляет – что дальше? Пока имелась поставленная Трушиным цель, Бай не знал сомнений. А когда неожиданно свалилась на голову та самая желанная свобода, Бай с легким замешательством сообразил: он не знает, как ею распорядиться.

[Я разберусь тут и найду вас] – пообещал Энди.

[Ладно] – согласился Бай. – [А когда?]

[Скоро. Теперь – скоро.]

<Наверное, он всех сейчас предупреждает, чтоб не суетились попусту, – подумал Бай с твердой уверенностью. – Помнит генерал о своей гвардии...> Еще Бай вспомнил о начале этой странной затеи, отстоящем от <сейчас> на какие-то жалкие несколько дней, и поразился: ему казалось, что прошли по крайней мере годы. Энди выполнил данные обещания. Бай и Аурел воссоединились со своими недостающими частичками. Правда, Аурелу еще предстоит вернуться в родной мир. А Баю... Уйти из Москвы – значит снова потерять часть себя, потому что копирование личности через гейт всегда что-нибудь искажает. Так стоит ли терять себя в очередной раз?

<Подожду, – решил Бай. – Что остается? Как раз футбол начинается – я так хотел посмотреть!> В финале европейской Лиги чемпионов встречались заклятые соперники – московский <ЦСКА> и киевское <Динамо>. Такие матчи не бывают скучными по определению.

Отцепившись от чат-сервера, обиталища КАРОВЫ, Бай вызвал спортивный телеканал. Перед тем как в голокубе возникло изображение стадиона, Баю показалось, что на переднем плане на какую-то долю секунды возникло знакомое бородатое лицо. Возникло, подмигнуло Баю и исчезло. Или это только показалось?

***

ITASK 01
[OWNER: Zlyden&Zhmur]

После стрельбы пиво ложилось на душу особенно в кайф.

Первоначальное возбуждение схлынуло, адреналин потихонечку рассосался, осталось только щемящее чувство несостоявшейся опасности и радость от того, что погоня за ними так и не началась. Хотя, когда они уходили от офиса Камилла, завывание милицейских сирен рвало на части московский день.

С властями проблем не возникло, по крайней мере пока Энди дал знать, что операция прошла успешно, а значит вскорости Жмуру и Злыдню предстояло нахлобучить на головы мнемоколпаки и благополучно отбыть в родной мир, где московской милиции их нипочем не достать.

Ну как тут не выпить пива?

С Тири они расстались в метро. Куда ракетометчица

направилась – они не спрашивали. Не хотелось спрашивать, оба чувствовали, что у нее проблемы с Аурелом. Недаром ведь тот даже выпал из обоймы на какое-то время.

В Сеть они не совались, сняли только почту и вывалились в офф-лайн. В почте обнаружилось единственное сообщение от Энди, что оба сочли хорошим знаком. Правда, на седьмой бутылке Жмур выразил желание поглядеть местные новости.

Злыдень не возражал; вскоре в голокубе сгустилось изображение диктора и зазвучал бодрый деловитый голос, какие бывают только у телеведущих.

Сначала гнали какую-то пургу о военных действиях в Пакистане, потом прошел сюжет о южноамериканских наркобаронах, ищущих новые рынки сбыта по всему земному шарику, вплоть до Антарктиды.

А после наркобаронов пошли московские новости.

– Сегодня, – вещал диктор, доверительно глядя в камеру, – трое неизвестных совершили дерзкий налет на офис одной из московских фирм. Террористы выпустили по фасаду ракету, затем ворвались в помещение и расстреляли из автоматического оружия работающую аппаратуру. По иронии судьбы никто из сотрудников не пострадал, если не считать контузии обоих охранников. Пока ответственность за совершенный террористический акт на себя не взяла ни одна из многочисленных организаций. По данным органов эм-вэ-дэ, нападавших было четверо, предположительно – двое иракцев, араб и выходец с Востока, скорее всего китаец. Всем четверым удалось скрыться с места преступления. В данный момент сотрудники милиции проводят работу по розыску террористов. В интересах следствия информация относительно личностей подозреваемых не разглашается. Стражи порядка заверяют, что террористы будут задержаны в течение двадцати четырех часов.

– Ну и ну... – опешил Жмур, когда диктор угомонился и пошел сюжет о выставке индейской культуры в зоопарке. – Четверо! Интересно, кто из нас араб – ты, я или Тири? И кто китаец? А, Злыдище?

– Фигня какая-то, – озадаченно промолвил Злыдень. – Деза. Явная деза.

В тот же миг голокуб распался надвое. Большая часть продолжала транслировать новости, а в малой возникло изображение Энди Трушина в неизменном полосатом халате.

– А вы что хотели, чтоб я вас сдал властям? – проворчал он. – Ну, подпатчил я новости слегка, что тут такого? Хозяин я в Сети или нет, в конце-то концов?

У Жмура и Злыдня не хватило слов. Слишком уж все было

неожиданно. Поэтому Энди ответил сам себе:

– Впрочем, нет, не хозяин. Я теперь и есть Сеть. Будут нужны какие-нибудь новости – заказывайте...

Молчание еще долго висело в комнате, хотя Энди Трушин давно пропал из виду и новости снова заняли весь объем голокуба.

– Надо привыкать, – выдавил наконец Жмур. – Он ведь теперь везде. Он – Сеть, понимаешь ли...

– Надо, – согласился Злыдень. – Плесни-ка мне пивка, друже... А то в горле пересохло.

– Это от переживаний, – вздохнул Жмур и потянулся к холодильнику.

***

!TASK 0F
[OWNER: Аурел Чогоряну (completed)]

Адрес еще одной подпольной пересылки Энди назвал следующим утром. Аурел почистил следы пребывания в местной Сети, бросил терминал в квартире и налегке отправился в путь.

В одиночку.

Он знал, что в груди долго еще будет болеть. И что не раз еще, вспомнив среди ночи Тири, предстоит кусать подушку и бессильно колотить по постели кулаками. Но головой понимал: все, что началось так бурно, не может длиться долго. И если была история любви, неизбежна и история разлуки.

Слов не хватало, приходилось мыслить образами.

Аурел дважды чуть не угодил под машину, прежде чем сумел поймать такси и назвать только что полученный адрес.

Дорогу он запомнил плохо. Сейчас хотелось поскорее нахлобучить колпак, очнуться в своем мире, сесть на родимый <АйБиЭм> и рвануть по перегону так, чтобы ветром вышибало из седла, чтобы даль впереди и даль позади слились воедино и чтобы сердце в который раз застучало в унисон с мотоциклетным мотором.

Он знал: он сможет. Сможет найти забвение в скорости. Потому что больше забвение было негде искать.

Аурел приехал последним. Все уже были здесь – Жмур со Злыднем, Чен, Бай, Тири. Только РусТеха не было.

На Тири Аурел старался не глядеть. Она на него – тоже.

Пузатый техник, человек Энди Трушина, готовил аппаратуру. Подвал если и отличался от разгромленного на Рязанке, то не

слишком.

– Ну что? – ободряя, хлопнул Аурела по плечу чернявый Жмур. – Домой? В привычное тело?

– Знаете, – сказал вдруг Бай. – А я останусь. Я вас просто проводить пришел...

Все посмотрели на него – с разными чувствами.

Энди Трушин тоже был здесь – в виде лица во весь голокуб. Подключенный к терминалу видеодатчик позволял Энди видеть все, что происходит.

– Как знаешь, – сказал он Байкалову через маленькие черные колоночки. – Тем более что у тебя уже и билет в Питер взят, и один телефончик с холда в мобильник перегнан...

Байкалов не ответил. Энди не ошибался и не сочинял. Все правда – и насчет билета, и насчет телефончика.

– Слушай, Энди, – поинтересовался вдруг Злыдень. – А каково это – быть Сетью? А?

Энди усмехнулся.

– Вряд ли ты поймешь. Но это очень здорово, поверь. А будет еще круче.

– Это как?

– Я подготовил Сеть к перезагрузке, поменял кое-что в общей идеологии, добавил настроек. Минут через десять все терминалы и серверы в мире лягут и запустятся снова. Когда Сеть оживет снова, она станет немного иной. И я немного иным. Не останется сущности Энди Трушина в Сети. Я... Эх, слов не хватает. Наверное, это больше, чем быть богом. Я буду знать все обо всем. О каждом байте перекачиваемой информации, потому что я сам буду этой информацией.

Все молча внимали. Момент, когда Сеть из бездушной информационной паутины становилась искусственным интеллектом, разумным существом, почему-то выглядел донельзя рутинным. Совершенно будничным. Ни цветов, ни речей, ни ликующей толпы. А ведь определенно все стояли на пороге новой сетевой эры.

– А что Камилл? – поинтересовался Жмур. – Он не сможет тебе насолить как-нибудь?

– Не сможет, – заверил Энди. – После перезагрузки – точно не сможет.

– У меня все готово, – встрял в разговор техник.

– Ждите, – сказал Энди. – Перегружаюсь.

Аурел знал, что произойдет сейчас. Терминал пискнет; голокуб заволочет непроглядной тьмой, потом в нем побегут скупые строки загрузочной информации. И так везде – сетевой люд изумленно будет глядеть в голокубы, матрицы и на экраны,

ведь команда на перезагрузку отдана неизвестно кем. Кем – будут знать только собравшиеся в этом тесном подвальчике на окраине Крылатского.

А потом терминалы, как положено, загрузятся, и из дымчатой глубины каждого голокуба на мир пристально взглянет Будущее.

:END GLOBAL PROCESS

:STOP SHUTDOWN

1995-96, 2000-01 Москва – Николаев – Москва

ГЛОССАРИЙ

ГЛОССАРИЙ

АДМИН (СИСАДМИН) буквально – администратор (системный администратор) локальной Сети; тот, кто руководит локальной или корпоративной Сетью, все настраивает и т.д.

АЙНСТРИМ (букв.) – поток времени, его течение.

АЛИАС (букв.) – кличка, прозвище.

БАГИ – непредвиденные ошибки, неточности.

БЕКБОН – основной магистральный поток Сети.

БЛАСТЕР – звуковая аппаратура компьютерного терминала.

БРОУЗЕР – программа, позволяющая загружать и воспринимать сетевые странички; сетевой навигатор.

AVP – антивирусная программа.

ВИДЕОТРЕК – устройство в верхней части клавиатуры, проецирующее объемное изображение перед глазами пользователя; выглядит как тонкая полоска за клавишами.

ВЫДЕЛЕНКА – обособленный оптоволоконный кабель, использующийся исключительно для связи между двумя конкретными терминалами.

ВЬЮВЕР – программа, позволяющая просмотреть содержимое файла.

ГЕЙТ – узел или точка обмена данными между двумя разными Сетями; букв. – ворота.

ГИПЕРТЕКСТ – многоуровневый текст со ссылками, пояснениями и другой вспомогательной информацией, которую можно легко и в любой момент вызвать. При этом возвращение к исходному тексту также не составляет труда.

ГОЛОКУБ – условная плоскость над видеотреком, так же условно продолженная в объеме; место визуального отображения данных.

ДРАЙВЕР – программа, управляющая каким-либо внешним или внутренним устройством – манипуляторами, принтером, звуковой картой и т.д.

ДАУН – состояние, когда станция, сервер или узел не работают, пребывают отключенными.

ДЖЕК – разъем в виде тонкого штырька.

ДИАЛ – устройство, напоминающее приемопередающую антенну-чашу; служит для беспроводной связи носимых терминалов с Сетью через стационарные ретрансляторы.

ДИРЕКТ – непосредственная связь между двумя терминалами, директом минуя установленные пути.

ЖЕЛЕЗЯЧНИКИ – специалисты по компьютерной технике, по

материальной базе.

ЗАСЕЙВИЛСЯ – записал текущее состояние на диск; в игре, например, чтоб позже вернуться и продолжить.

КИЛЯТЬ – убивать, стирать, уничтожать.

КЛАВА (также борда, доска) – клавиатура.

КЛУДЖИ – служебная информация, в которой отображается путь сообщения от узла к узлу; как правило, прилагается к самому сообщению и может быть вызвана специальной командой.

КОМП (компьютер) – терминал, оснащенный не обязательным оборудованием; например, собственным жестким диском или специальным накопителем на нестандартном носителе.

КОННЕКТ – процесс соединения и обмена данными между двумя или более терминалами.

КОНФИГ – служебный файл, описывающий конфигурацию чего-либо; меняется пользователем по желанию или необходимости.

ЛАМЕР – агрессивный невежда, пытающийся произвести впечатление опытного профессионала.

ЛИНК – часть роутинга между двумя ближайшими узлами.

ЛОГИ – служебная статистика узла, куда записывается техническая информация, информация о принятых и переданных файлах, а также информация о сбоях и ошибках в работе станции

ЛОГИН – процесс опознания Сетью пользователя и допуска пользователя в Сеть; состоит из введения имени пользователя и (если необходимо) пароля.

ЛОКАЛ – независимый от Сети диск отдельного терминала.

ЛОКАЛКА – эхоконференция, посвященная функционированию какого-либо узла в Сети; представляет собой помесь клуба друзей со службой технической поддержки.

МАГИСТРАЛ – крупный сервер-узел в составе бекбона.

МЕССАГА – сообщение в Сети.

МНЕМОЮСТЫ – психоусилители, выглядящие как накладки на виски пользователя; облегчают общение с системой и Сетью, подменяя скучный процесс работы с клавиатурой или мышью и подобными ей манипуляторами иллюзией пребывания в виртуальном киберпространстве и совершения там различных действий.

НЕТМЕЙЛ – личные сообщения, проходящие через Сеть, которые видят только отправитель и адресат.

НОДА – первичный узел в Сети; как правило, все линки – это связи нод между собой.

НОДЛИСТ – список адресов и пользователей всех нод в Сети.

ПИНГ – служебный сигнал, показывающий время

прохождения от пользователя до другого пользователя и обратно.

ПОДПАТЧИТЬ – слегка изменить программу или базу данных в собственных целях.

ПОЙНТ – вторичный узел в Сети, связанный только со своей нодой; реально сообщение от пойнта идет сначала на его ноду, а оттуда – далее по роутингу к адресату.

РЕАЛ – обычный мир, мир вне компьютеров.

РОУТИНГ – путь от узла к узлу, который проходит любое сообщение в Сети.

РУЛЕЗ – изначально: свод правил поведения в Сети; жаргонное значение: выражение высочайшего удовольствия и одобрения; антоним: сакс (суксь).

СИСОП (букв.) – СИСтемный ОПератор; пользователь Сети, обычно – хозяин узла или станции.

СКРИНСЕЙВЕР – специальная программа, гасящая изображение в голокубе, если никто долго не касается клавиатуры, и выводящая в голокуб абстрактные, обязательно подвижные изображения; на заре копьютерной эры такие программы сохраняли экраны от преждевременного износа, позже превратились в вид неочевидного искусства и рекламы.

СКРИНШОТ – программа, гасящая изображение в голокубе; вызывается нажатием заранее заданной клавиши; предназначена для сокрытия частной информации от посторонних глаз, например, от неожиданно вошедшего посетителя.

СЛАЙДЕР – плавающая нода, не имеющая постоянного физического адреса в Сети; как правило, не имеет также пойнтов.

СМАЙЛИК – схематическая картинка, состоящая из буквенных и знаковых символов; предназначена для выражения эмоций в текстовых сообщениях; например, улыбка :-) сожаление :-(подмигивание ;-) выглядит как лежащая на боку рожица.

СПАМ – приходящая по почте реклама, предложения разбогатеть и прочий лохотронный мусор; нормальные люди обычно удаляют это не читая.

СОКЕТ – разъем определенного типа, чаще – с нулевым усилием размыкания.

СОФТ – программное обеспечение.

ТОНОГРАММА – голограмма, скрывающая истинный вид какого-либо предмета; например, для придания пристойного вида старому креслу или дивану в офисе.

ТОПОГРАММА – служебная информация, откладывающаяся на узлах. Содержит пути прохождения сообщений, пути соединения конкретных терминалов и т.д.

ФЛЭШ – приоритетный линк; отличается повышенной скоростью передачи данных.

ХАКЕР – пользователь, неудовлетворенный состоянием Сети; имеет склонность и умение изменять чужие программы в своих целях; не всегда существо безобидное.

ХАРД – диск-накопитель большого объема; чаше всего – стационарный, в составе терминала или сервера.

ХЕЛПЫ – специальные руководства и описания к чему-либо.

ХИДДЕН (букв.) – скрытый.

ХИНТ – неочевидное руководство к действию.

ХОЛД – область сетевого дискового пространства, занятая пользователем для собственных целей.

ЧАТ – режим текстовой связи; давно устарел, но тем не менее активно используется.

ЧИПСЕТ – совокупность микросхем определенного производителя, обеспечивающих работу терминала, компьютера.

ШУТДАУН – отключение питания аппаратуры.

ЭХОКОНФЕРЕНЦИЯ – нечто вроде сетевого клуба по интересам ЭХОМЕЙЛ – сообщения в эхоконференцию, которые могут видеть не только отправитель и адресат, но также и любой участник эхоконференции; допускаются ответы на чужие сообщения, изложение своего личного мнения и т.д.

ЮЗЕР – пользователь.

LOL (аббрев.) – laughting out loud, обозначает бурный смех.